

ФАНО РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Кудинова Мария Андреевна

**СОБАКА В КУЛЬТУРАХ ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА
НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ**

Том 1

Специальность 07.00.06 – археология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научные руководители:

доктор исторических наук, профессор,
академик Молодин Вячеслав Иванович;
кандидат исторических наук, доцент,
Комиссаров Сергей Александрович

Новосибирск – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ 1

Введение.....	4
Глава 1. Собака в археологических культурах эпохи неолита на территории Китая.....	18
1.1. Доместикация собаки и ее хозяйственное использование в период неолита.....	18
1.2. Основные находки собак, связанные с ритуальной практикой.....	24
1.3. Собаки в погребальном ритуале эпохи неолита на территории Китая.....	50
1.4. Образ собаки в неолитическом искусстве Китая.....	60
Глава 2. Собака в раннем и развитом бронзовом веке Китая (эпоха Шан).....	65
2.1. Захоронения собак в могилах периода ранней и средней Шан.....	65
2.2. Захоронения собак в могилах позднешанской эпохи.....	73
2.3. Реконструкция функций собаки в погребальном обряде Шан.....	102
2.4. Захоронения собак на жертвенниках эпохи ранней и средней Шан.....	105
2.5. Захоронения собак на жертвенниках позднешанской эпохи.....	111
2.6. Эпиграфические и изобразительные источники об использовании собак в эпоху Шан.....	118
Глава 3. Значение собаки в ритуальной практике, мифологии и фольклоре древнего Китая.....	127
3.1. Значение этнографических и фольклорных материалов для интерпретации археологических данных о статусе собаки в духовной культуре.....	127
3.2. Собака в космогонических, антропогенетических и этногенетических мифах.....	129
3.3. Собака как культурный герой.....	164
3.4. Собака как защитник и чудесный помощник.....	167
3.5. Мифы о Небесной Собаке.....	172
3.6. Собака как персонаж мифов о царстве мертвых.....	184
3.7. Собака в магии, экзорцизме и традиционной медицине.....	188
Заключение.....	207
Список сокращений.....	213

Библиографический список.....	214
-------------------------------	-----

ТОМ 2

Приложение 1. Погребения эпохи Шан с захоронениями собак.....	3
1.1. Ранняя и средняя Шан.....	3
1.2. Поздняя Шан.....	9
Приложение 2. Иллюстрации.....	45
Список литературы к приложениям.....	108

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемое исследование посвящено изучению роли собаки в культурах, существовавших на территории Китая в эпохи неолита, ранней и развитой бронзы.

Собака – первое одомашненное человеком животное. Согласно данным палеогенетики, центр первичной доместикация канисовых, возможно, находился на территории современного Китая (см.: [У Чжуан, 2014]). В традиционной китайской культуре образ собаки служил одним из универсальных классификаторов явлений природы и социума. Собака соотносится с энергией *ян* и элементом металл (*цзинь*), западным направлением [Няньлундэ, 2006, с. 104]. Ей соответствует созвездие Лоу (娄) – «Небесный Барсук» (три звезды в созвездии Овен) [Кравцова, 2003, с. 415]. Она входит в число шести традиционных китайских домашних животных (лошадь, корова, овца, курица, собака, свинья). Собака – одиннадцатая из 12 животных зодиакального цикла. Ей соответствуют циклический знак *сюй* (戌) из двенадцатеричного цикла «земных ветвей» и время с 7 до 9 часов вечера, называемое «часом собаки», а также триграмма *гэнь* (艮) в «И цзин». В традиционном Китае считалось, что собака обладает «восемью добродетелями»: преданность, справедливость, храбрость, стремительность, усердие, доброта, красота, трудолюбие. Олицетворением этих добродетелей соответственно служили домашние собаки, служебные собаки, охотничьи собаки, собаки-ищейки, пастушьи собаки, собаки-поводыри, декоративные собаки, ездовые собаки [Няньлундэ, 2006, с. 123–124].

Актуальность данной работы состоит в том, что несмотря на очевидную важность образа собаки для китайской культуры до настоящего времени не проводились исследования генезиса этого образа, его функционирования на ранних этапах – в культурах неолита и бронзового века, развивавшихся на территории современного Китая, что позволило бы расширить имеющиеся на данный момент знания о мировоззрении носителей этих культур и предоставить данные для

сравнительных археолого-этнографических и культурологических исследований. Кроме того, китайской археологией к настоящему моменту накоплен огромный объем фактических материалов, требующих обобщения и осмысления. Для решения этих проблем необходимо осуществить изучение археологических материалов в сопоставлении с данными этнографии, фольклора, письменных источников. Хотя различным вопросам, связанным с хозяйственным или ритуальным использованием собак, формированием представлений об этом животном в картине мира древнего населения территории Китая, посвящено немало научных работ в России и за рубежом, подобное комплексное исследование пока не предпринималось.

Степень изученности проблемы. Изучение различных аспектов взаимоотношений человека и собаки – процесса одомашнивания (его время, место, причины и т. д.), вопросов хозяйственного использования и роли в духовной культуре осуществляется силами разных дисциплин: генетики, палеозоологии, зооархеологии, археологии, этнографии, фольклористики, лингвистики и т. д., научная литература по данной тематике обширна. Положению собаки в системах мировоззрения народов мира посвящено огромное количество работ. К примеру, подробно изучена роль собаки в традиционных культурах народов Сибири (см., напр.: [Лукина, 1983; Новиков, 1995, 1996а, 1996б, 1997, 1998, 1999, 2001; Новиков, Гаркуша, 2016; Кузнецов, 1998; Троицкая, Шишкин, 2004; Бурнаков, 2012]), Монголии и Тувы [Lugli, 2016], в древней Японии [Утияма, 2014], Британии раннего железного века и эпохи римского владычества [Smith, 2006] и т. д., дается сравнительный анализ положения собаки в разных этнокультурных традициях [Жельвис, 1984].

В 1994 г. был издан специальный выпуск (№ 5–6) журнала «Кунсткамера. Этнографические тетради» (издается совместно Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамеры), Российской академией наук и Центром «Петербургское востоковедение») – «Этнографический статус существ, вещей и явлений в культурах Востока. Выпуск 1. Собака», в который вошли статьи,

посвященные положению собаки в культурах народов Китая, Кореи, Индии, Средней Азии, Казахстана, Северной Америки и других стран и регионов мира в разные исторические эпохи.

Доместикации собаки, истории развития собаководства, хозяйственному и ритуальному использованию собак был посвящен Первый Симпозиум по истории домашней собаки Международного совета по археозоологии (The 1st ICAZ Symposium on the History of the Domestic Dog), прошедший в августе 1998 г. в г. Виктория (Канада). По итогам Симпозиума опубликован сборник трудов [Dogs, 2000]. В 2009 г. издано практическое руководство по идентификации остеологических материалов домашних собак для археологов, включающее обзорный раздел о доместикация и практические рекомендации, касающиеся исследования и описания находок в полевых условиях [Crockford, 2009].

Однако работ, специально посвященных вопросам появления домашней собаки на территории современного Китая, ее хозяйственного и ритуального использования в культурах населения данного региона до сих пор ничтожно мало – особенно в сравнении с тем гигантским объемом материала, полученного в ходе научных раскопок.

Проблемам датирования и локализации первичного одомашнивания собаки посвящены многочисленные работы генетиков, палеозоологов, археологов П. Саволайнена, Пан Цзюньфэна, Я. В. Кузьмина, Н. Д. Оводова, и др. Некоторые исследователи (П. Саволайнен, Чжан Япин, Пан Цзюньфэн) связывают первичную доместикацию собаки с регионом Юго-Восточной Азии, куда включаются и районы Южного Китая. Однако в настоящее время единство мнений по вопросам, связанным с происхождением домашней собаки, не достигнуто.

Исследованиями в области появления домашней собаки и ее хозяйственного использования на территории Китая в каменном веке и в эпоху палеометалла систематически занимается Отдел научно-технической археологии Института археологии Академии общественных наук КНР под руководством Юань Цзина (см., напр., статьи в обобщающем издании по зооархеологии Китая: [Чжунго

дуньукаогусюэ, 2015], а также в сборнике трудов Юань Цзина [2009]). Кроме того, данной проблематики касались Ван Лихуа [1993], Ли Сяншэн [2006], Тао Лифань [б. г.], Чжан Чжэнь [2006]. В основном их работы основаны на материалах отдельных археологических памятников, систематизация данных не проводилась. В отечественном китаеведении вопросы, связанные с domestикацией животных в Китае, исследовал С. В. Дмитриев [2015а, 2015б].

Ритуальное значение собаки в неолитических культурах территории современного Китая стало предметом научного исследования сравнительно недавно. В основном исследуются захоронения собак в могилах людей на памятниках различных культур эпохи неолита, чему посвящены работы Гао Гуанжэня и Шао Ванпин [Гао Гуанжэнь, 2000а, 2000б; Гао Гуанжэнь, Шао Ванпин, 2013], Го Чживэя [2012, 2014], Сюй Цзяньчуня [2002]. Образ собаки в искусстве мелкой пластики неолитического периода изучался Ван Цзинем на материалах культуры шицзяхэ [Ван Цзинь, 2011]. Данные по захоронениям собак на жертвенниках, по различным видам изображений собак до сих пор не обобщались.

Гораздо лучше разработана тема ритуального использования собак в шанской культуре. В российской научной литературе некоторые наиболее представительные памятники (например, могила № 1 из Суфутунь, жертвенник в Цювань, могила Фу-хао, погребения с собаками в Паньлунчэне) были представлены в работах С. Кучеры [1977], М. Е. Кравцовой [2007], А. В. Варенова и С. А. Комиссарова [2013]. Что касается китайских ученых, то они занимались изучением захоронений собак в могилах (см.: [Лин Чуньшэн, 1957; Ли Чжипэн, 2010, 2011], в жертвенных ямах ([Лин Чуньшэн, 1957; Окамура, 2004; Лю Итин, 2014]), упоминаний собак в гадательных надписях ([Лин Чуньшэн, 1957; Вэй Сы, 1998]). Использованию собак в иньских ритуалах посвящены также работы К. Морган [1974] и отчасти Р. Кэмпбелла [2015].

К настоящему времени археологической науке Китая не только накоплен большой объем фактического материала, но и издано немало теоретических работ, его осмысляющих. Все это требует систематизации, поэтому в последние годы

вышло несколько историографических обзоров, посвященных истории и перспективам археологического, зооархеологического и палеоэтнографического исследований статуса собаки в культурах, распространенных на территории Китая период от неолита до раннего железного века [У Чжуан, 2014], а также изучению традиции жертвоприношения животных в Китае в эпоху палеометалла [Лю Итин, 2014]. Чрезвычайно полезным представляется также индекс археологических работ (отчетов и исследований), в которых упоминаются находки костных остатков собак или изображений этих животных на памятниках, датируемых от неолита до эпохи Юань (1271–1368 гг.) [Чэнь Вэньхуа, 1992]. Однако со времени составления индекса прошло уже 25 лет, поэтому многочисленные материалы, появившиеся за это время не были систематизированы.

Что касается репрезентации образа собаки в фольклоре, то на сегодняшний день в отечественном востоковедении лучше всего изучены мифы народов мяо-яо о происхождении от пса Паньху, остальным мифологическим сюжетам, связанным с собакой уделяется меньше внимания. На русский язык была переведена статья Ху Цивана [1994], посвященная культу Паньху у народов юга Китая, в приложении к которой И. А. Алимов сделал подборку переводов отрывков, посвященных собакам, из некоторых древнекитайских памятников [Алимов, 1994], однако она охватывает далеко не все источники по данной теме. Мифам народов Восточной, Юго-Восточной Азии и Северной Америки о происхождении от собаки посвящены отдельная глава в работе В. Я. Чеснова «Историческая этнография стран Индокитая» [1976], глава «Собачьи дети» в книге Ю. Е. Березкина [2009] и его же статья [2012], но мифы народов Китая рассматриваются в них не достаточно подробно. Этот же этногенетический сюжет исследовал с применением текстологических и палеолингвистических подходов В. Мэйр [Mair, 1998]. Некоторые мифологические сюжеты с участием собаки анализируются в работе В. Эберхарда [Eberhard, 1968], а также в статье Тао Лифаня [б. г.]. Кроме того, С. А. Комиссаров [2001, 2003] на основе изучения археологических материалов и мифологических текстов выделил мифологему «Нефритового Пса» как один из

древнейших образов азиатской мифологии. В качестве библиографического справочника по научным работам в области изучения мифологии народов Китая большую ценность представляет работа Б. Л. Рифтина [Ли Фуцин (Рифтин), 2007].

Таким образом, несмотря на обилие фактического материала, полученного в ходе археологических раскопок, полевых этнографических исследований, изучения письменных источников, комплексных исследований, посвященных значению собаки в культурах неолита и палеометалла на территории Китая, подобных монографии Ло Юньбина [2012] о доместикации, разведении и ритуальном статусе свиньи, или работе Чжао Чао об образе лошади [2013], пока не существует. Единственной работой, в которой обобщаются данные археологии, этнографии, письменных и эпиграфических источников о положении собаки в духовной культуре населения древнего Китая, до настоящего времени остается статья Лин Чуньшэна [1957], которая демонстрирует возможности мультидисциплинарного подхода. Однако в силу большого объема новых данных, накопленных за 60 лет, прошедшие с момента выхода работы, многие выводы, к которым приходит Лин Чуньшэн, нуждаются в уточнении и дополнении.

Исходя из потребности заполнить существующие на данный момент лакуны в научном знании о мировоззрении древнего населения той территории, которую занимает современный Китай, **объектом нашего исследования** выбраны памятники материальной и духовной культуры населения, проживавшего на территории Китая в период неолита, раннего и развитого бронзового века. Под памятниками материальной культуры в контексте нашей работы понимаются поселенческие, погребальные, культовые комплексы, под памятниками духовной культуры – мифы, легенды, обряды и т. д. **Предметом исследования** является значение собаки в культурах неолита и бронзового века на территории Китая.

Целью нашего исследования является реконструкция значения собаки в хозяйственной жизни, ритуальной практике и мировоззрении населения территории Китая эпохи неолита, раннего и развитого бронзового века.

Для достижения указанной цели выполняются следующие **задачи**:

1. Систематизация археологических материалов, связанных с собакой (остеологических материалов, а также различных изображений), на территории Китая эпохи неолита, раннего и развитого бронзового века.
2. Анализ эпиграфических, письменных, этнографических и фольклорных источников по теме исследования.
3. Сопоставление данных различных источников.
4. Выявление роли собаки в хозяйстве древнего населения территории Китая в период неолита и палеометалла.
5. Реконструкция основных мифологических сюжетов и ритуалов, связанных с собакой.

Методология и методы исследования обусловлены его целями и задачами. Исследование основывается на принципе историзма, предполагающем изучение явлений в их возникновении и развитии, в их связи с конкретными условиями, и на принципе системности, требующем рассмотрения элементов культуры в их взаимосвязи, составляющих единое образование, имеющее структуру, иерархичность и относительную самостоятельность. Нами был использован метод восхождения от абстрактного к конкретному, от общего к частному, от частного к индивидуальному, предполагающий построение на основе достоверных фактов общей концепции, с точки зрения которой интерпретируется все многообразие понятий и явлений. Это означает, что, приступая к интерпретации, мы должны иметь представление о значении интерпретируемого объекта (см.: [Швырев, 2000, с. 447–448]).

В работе применяются общеисторические методы систематизации, классификации, аналогии, ретроспекции, реконструкции, а также сравнительно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволяющие раскрывать сущность изучаемых явлений и по сходству, и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнение в синхронном и диахронном аспектах. Провести анализ разнообразных и разнородных источников и осуществить всестороннее

изучение объекта исследования позволяет комплексный подход, в рамках которого используются разработки археологии, этнографии, фольклористики, лингвистики уровня конкретной методологии.

При обработке археологических данных использовались специальные методы стратиграфического, планиграфического, структурного анализа. Для исследования изобразительных источников применялись методы иконографического и семиотического анализа. Изучение фольклорных текстов и данных письменных источников осуществлялось путем их контекстного, мотивного и интертекстуального анализа, что позволило выделить устойчивые сюжетные схемы, а затем осуществить их классификацию. Для изучения эпиграфических материалов (гадательных надписей) применялся семиотический метод.

Ключевыми для изучения архаических систем мировоззрения являются понятия «мифа» и «ритуала», а также проблема их соотношения. Как сформулировал С. А. Токарев, «обряд составляет как бы инсценировку мифа, а миф выступает как объяснение или обоснование совершаемого обряда, его истокование», что особенно наглядно прослеживается на материалах культовых мифов [Токарев, 1982, с. 235]. В настоящее время в науке существуют различные точки зрения на характер этой связи, проблема первичности мифа или ритуала до сих пор не решена (см., напр.: [Леви-Строс, 2001, с. 242–243]). Как бы то ни было, взаимосвязь мифа и ритуала позволяет нам осуществить попытки реконструкции мифологических сюжетов на основе имеющихся данных о ритуале и, наоборот, реконструировать ритуал на основании мифологических текстов, и таким образом получить целостную картину мифо-ритуального комплекса. В соответствии с идеями структурализма культура в целом и все ее проявления, в том числе мифы и ритуалы, рассматриваются как текст в широком смысле слова (как некий объем информации). Этот подход позволяет осуществлять интерпретацию одного текста на основании данных другого: сохранившиеся в виде материальных остатков следы ритуала (археологические источники) могут быть интерпретированы с помощью

мифологических и фольклорных текстов, этнографических данных. При осуществлении интерпретаций и реконструкций мы опирались на методологию, разработанную В. В. Евсюковым для интерпретации мифологических сюжетов, содержащихся в орнаментации неолитической керамики [Евсюков, 1988]. Соотнесение интерпретируемых археологических данных о ритуале с интерпретирующим мифологическим и этнографическим материалом, проверяемое в ходе параллельного анализа, как археологических источников, так и мифов, позволяет выявить смысл ритуала и лежащую в его основе мифологему [Евсюков, 1988, с. 25–26].

Источниковая база исследования включает источники различных типов и видов, которые можно разделить на несколько основных групп.

Первую группу составляют археологические источники – прежде всего, полевые отчеты, изданные монографически или опубликованные в специализированных археологических журналах («Каогу», «Вэнь», «Каогу юй вэнь», «Каогу сюэбао», «Нунье каогу», «Наньфан вэнь» и др.), а также материалы, собранные автором в ходе научных командировок в Китай в 2013–2016 гг. В работе учтены следующие данные: для периода неолита (7000–2000 л. до н. э.) – 62 погребения людей с захоронениями собак на 17 памятниках, захоронения собак в жертвенных ям и зольниках на 27 памятниках; для периода ранней и средней Шан (XVI–XIII вв. до н. э.) – 95 погребений с захоронениями собак на 15 памятниках, захоронения собак в жертвенных ямах на пяти памятниках; для периода Поздней Шан (ок. 1300–1046 гг. до н. э.) – 725 погребений людей с захоронениями собак на 52 памятниках, захоронения собак в жертвенных ямах на девяти памятниках.

Вторая группа источников включает эпиграфические источники: гадательные надписи на костях животных и панцирях черепах (*цзягувэнь*), надписи на бронзовых сосудах (*цзиньвэнь*).

К третьей группе относятся этнографические и фольклорные материалы, представленные в сборниках мифов, легенд и сказок, описаниях

путешественников, а также в работах китайских, российских и западных исследователей.

Четвертая группа – письменные источники: исторические сочинения, философские памятники конфуцианской и даосской традиции, литературные произведения, псевдогеографический (мифографический) текст «Шань хай цзин» («Каталог гор и морей»), лексикографические источники.

К пятой группе принадлежат изобразительные источники – предметы искусства, представленные в музейных коллекциях и их каталогах.

В качестве **территориальных рамок** исследования принимается территория в границах современной КНР, которую в период неолита и бронзового века населяли различные этнокультурные группы, находившиеся в тесном взаимодействии и оказавшие влияние на складывание китайской культуры в позднейшие эпохи. Археологические памятники, расположенные на территории КНР, изучаются в основном в рамках оформившейся в историографии субдисциплины «археология Китая», результаты исследований публикуются на китайском языке (*путунхуа*). Эти факторы позволяют принять вышеназванные территориальные границы исследования. При этом вторая глава работы в основном посвящена роли собаки в культуре Шан, поэтому в данном случае географические рамки ограничены ареалом распространения данной культуры (прежде всего, это территория современных провинций Хэнань, Хэбэй, Шаньдун, частично – Шэньси, Шаньси, Хубэй). В то же время при анализе этнографических и фольклорных материалов для выявления типологических закономерностей привлекались данные по культуре народов, проживающих на территориях Сибири, Восточной и Юго-Восточной Азии, Северной Америки.

Хронологические рамки работы охватывают период от среднего неолита до развитого бронзового века (до конца эпохи Шан по традиционной династийной хронологии). Неолитическая эпоха – это время формирования этнических и культурных общностей, когда закладывались основы последующего развития китайской культуры. Самые ранние находки, свидетельствующие о ритуальном

использовании собак на территории Китая, относятся к периоду среднего неолита и датируются временем 7000–6600 л. до н. э. [Уян Цзяху, 1999, с 169–171; Го Чживэй, 2012, с. 54]. Эти даты и можно считать нижней хронологической границей исследования. При изложении взглядов современных исследователей на проблему доместики собаки привлекаются данные о более ранних периодах.

Период ранней и развитой бронзы, в особенности период правления династии Шан, – это время наибольшего распространения ритуальных практик, связанных с использованием собак, в истории Китая. Проблема абсолютного датирования падения династии Шан-Инь в настоящее время не решена. Мы опираемся на результаты, полученные в рамках «Хронологического проекта Ся-Шан-Чжоу» (1996–2000 гг.). Несмотря на то, что ряд выводов, к которым приходят участники проекта, представляются спорными, датировка конца правления династии Шан и начала эпохи Чжоу 1046 г. до н. э., является, на наш взгляд, наиболее обоснованной. Соответственно, эта дата и выбрана в качестве верхней хронологической граница данного диссертационного исследования. Но поскольку интерпретация археологических данных предполагает обращение к этнографическим и фольклорным материалам, к информации письменных источников, временные рамки в ряде конкретных случаев могут быть расширены вплоть до этнографической современности.

Так как в настоящее время в археологической науке отсутствует единая концепция развития культур Восточной и Юго-Восточной Азии в эпоху неолита и палеометалла, а проблема выделения критериев определения археологической культуры выходит за рамки целей и задач данной работы, при обозначении территориальных и хронологических рамок распространения культур периода неолита и бронзового века на территории Китая мы опирались на фундаментальные труды «Археология Китая: Неолит» [2010] и «Археология Китая: Ся и Шан» [2003], подготовленные сотрудниками Института археологии Академии общественных наук КНР, а также на материалы первого тома академического десятитомного издания «История Китая с древнейших времен до XXI века» – «Древнейшая и

древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н. э.» под редакцией акад. А. П. Деревянко [История, 2016] и работу Л. Р. Концевича «Хронология стран Восточной и Центральной Азии» [2010].

Научную новизну нашего исследования определяют следующие факторы:

Во-первых, в научный оборот отечественной науки впервые вводятся новые материалы, связанные с положением собаки в культурах населения территории Китая периода неолита, раннего и развитого бронзового века.

Во-вторых, впервые систематизируется большой объём информации о значении собаки в культурах неолита и бронзового века Китая по данным археологии с привлечением данных этнографии, фольклора, письменных источников. На основе комплексного изучения корпуса источников представлена интерпретация этих материалов, предпринята попытка реконструкции представлений о собаке, распространенных на территории Китая в эпоху неолита и бронзового века.

Положения, выносимые на защиту:

1. По данным археологии, domestikация собаки на территории Китая датируется, как минимум, периодом ок. 10 тыс. л. н. Собака являлась важным в хозяйственном отношении животным и служила источником белковой пищи.

2. Археологические находки (захоронения собак в могилах людей, жертвенных ямах и вблизи жертвенников, на территории жилищ, изображения собак) свидетельствуют о важной роли образа собаки в мировоззрении древнего населения. В период среднего неолита (примерно 7000–4000 л. до н. э.) складываются основные варианты использования собак в ритуальных практиках: 1) сопроводительное захоронение собаки; 2) жертвоприношения собак, связанные с погребальными или поминальными обрядами; 3) собака как строительная жертва.

3. В эпоху бронзы собака продолжала оставаться важным в хозяйственном отношении животным. В период ранней Шан захоронение собак в *яокэне* (специальной яме в центральной части дна могилы) становится устойчивой чертой погребального обряда.

4. Археологические и эпиграфические материалы указывают на использование собак в Шан в качестве строительной жертвы, жертвы духам предков, божествам земли, силам природы, сторонам света, и т.д.

5. Анализ фольклорных текстов показал, что собака выступала в качестве персонажа мифов и легенд, которые можно объединить в следующие тематические группы: 1) космогонические, антропо- и этногенетические мифы; 2) мифы о собаке как культурном герое; 3) мифы о собаке как о чудесном помощнике; 4) мифы о Небесной Собаке; 5) мифы о мире мертвых. Собаки использовались с обрядах магии и экзорцизма, выступая, как правило, в роли защитника от злых сил.

Теоретическое значение диссертационного исследования состоит в том, что полученные данные могут привлекаться для реконструкции этнокультурных процессов в Азии с эпохи неолита вплоть до этнографической современности, использоваться как сопоставительный материал при проведении археологических и этнографических исследований.

Практическая значимость работы заключается во внедрении ее результатов в образовательный процесс. Данные, полученные в ходе исследования, могут быть использованы для подготовки учебных курсов по археологии, этнологии, источниковедению, истории литературы и искусства Китая для студентов-востоковедов.

Апробация результатов исследования проводилась в форме докладов на следующих межрегиональных, всероссийских и международных конференциях в 2009–2016 гг.: Межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная памяти М. И. Рижского «Сибирь на перекрестье мировых религий» (Новосибирск, 2009 г.); Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций» (Санкт-Петербург, 2009, 2015 гг.); III Всероссийская конференция (с международным участием), посвященной 80-летию со дня рождения профессора В. И. Неверова «Неверовские чтения» (Барнаул, 2010 г.); 11-я Международная конференция по археозоологии Международного совета по археозоологии (Париж,

2010 г.); научная конференция «Актуальные вопросы сибирского востоковедения» в рамках научной сессии «Выпускники ГФ НГУ – науке и образованию России», посвященной 50-летию гуманитарного факультета НГУ (Новосибирск, 2012 г.); 21-я Конференция Европейской ассоциации синологии (Санкт-Петербург, 2016 г.); а также на студенческих конференциях – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция (Новосибирск 2007 г., Барнаул 2008 г., Кемерово 2009 г., Иркутск 2010 г.) и Международная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск 2007, 2008, 2009 гг.). По теме исследования издана 22 работа, шесть из них – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертационных исследований [Кудинова, 2007а, 2007б, 2008а, 2008б, 2009а, 2009б, 2009в, 2009г, 2009д, 2010а, 2010б, 2010в, 2014, 2015а, 2015б, 2016; Новиков, Кудинова, 2009; Комиссаров, Кудинова, 2012; Комиссаров, Кудинова, Соловьев, 2012; Соловьев, Кудинова, 2017; Kudinova, 2010; Komissarov, Kudinova, 2016].

Цели и задачи, которые мы ставим перед собой в данном исследовании, обусловили **структуру диссертации**. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и двух приложений – текстового, в котором содержатся описания археологических объектов, не вошедшие в основной текст, и иллюстративного.

ГЛАВА 1. ЗНАЧЕНИЕ СОБАКИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ ЭПОХИ НЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ

1.1. Доместикация собаки и ее хозяйственное использование в период неолита

Изучение доместикации собак ставит перед исследователями ряд проблем, требующих решения: не ясно, имеют ли они монофилитическое или полифилитическое происхождение, существовал ли единый центр доместикации; время доместикации собаки также не определено.

К началу XXI в. применение технологий молекулярной биологии и генетики позволило достичь определенного прогресса в исследованиях истоков доместикации собаки. Основные результаты, достигнутые в этом направлении, обобщены в работе У Чжуана [2014], мы приведем те из них, что непосредственно касаются процесса одомашнивания собаки на территории Восточной Азии. Так, Чжан Япин, проведя системное исследование генетических изменений 654 особей из Европы, Азии, Африки и Северной Америки, а также 38 волков из Евразии, пришел к выводу, что собаки происходят из Восточной Азии, откуда постепенно распространились по всему миру. Впоследствии Ло Лиян, проанализировав 463 образца ископаемых останков собак из 15 регионов Китая, пришел к выводу, что домашние собаки происходят из Юго-Восточной Азии, из региона, куда входит и юго-западная часть Китая – территория провинций Юньнань, Гуйчжоу, Хайнань, Гуанси-Чжуанского и Тибетского АР. В формировании популяции участвовали семь материнских линий, доместикацию можно датировать временем около 40 тыс. л. н. Пан Цзюньфэн, проведя анализ последовательностей полного митохондриального генома домашней собаки, считает, что процесс одомашнивания происходит в Восточной Азии (возможно, в Китае) примерно в конце плейстоцена. Впоследствии, проведя анализ генеалогического древа, построенного по последовательностям ДНК полных митохондриальных геномов домашних собак, он приходит к выводу, что в формирование популяции домашних

собак были вовлечены как минимум девять материнских линий, а основными районами доместикации были Китай к югу от Янцзы и Юго-Восточная Азия. В 2011 г. Чжан Япин провел системный анализ 14 437 последовательностей оснований в ДНК Y-хромосом и решил, что часть Китая к югу от Янцзы была важнейшим и, возможно, единственным центром доместикации собаки. Он выделил этот центр, основываясь на исследовании наследования Y-хромосомы по отцовской линии, что подтверждает результаты изучения митохондриальной ДНК, наследуемой по материнской линии [У Чжуан, 2014, с. 66]. В целом, перечисленные выше исследователи предварительно обосновали, что домашние собаки всего мира ведут свое происхождение от общих предков, обитавших в Восточной Азии не позднее 15 000 л. н. [Salovainen et al., 2002]; в качестве уточнения предлагался вариант с датой 16 300 л. н. и территорией к югу от р. Янцзы [Pang Jun-Feng et al., 2009]. Результаты нового комплексного палеогнетического исследования позволили его авторам предположить, что доместикация собак приходила как минимум дважды: независимо в Европе и в Восточной Азии от разных популяций диких канисовых. Впоследствии европейские палеолитические собаки частично были вытеснены азиатскими, пришедшими со своими хозяевами, мигрировавшими на запад, однако следы их генов сохраняются в геноме современных европейских пород [Frantz et al., 2016].

До последнего времени считалось, что наиболее древние костные останки домашних собак обнаружены не в Юго-Восточной Азии, а в Европе и на Алтае, их даты достигают 13 900 (село Елисеевичи, Брянская обл.), 33 000 (пещера Разбойничья, Горный Алтай) и даже 36 500 л. н. (пещера Гойе, Бельгия) [Ovodov et al., 2011; Кузьмин, 2011]. Однако результаты анализа трехмерных моделей черепов из Гойе и Елисеевичей, осуществленного международным коллективом, ставят под сомнение их принадлежность домашним собакам. По мнению авторов, костные останки с данных памятников принадлежали волкам [Drake et al., 2015]. Древнейшая в Северо-Восточной Азии домашняя собака была найдена на Камчатке на стоянке Ушки-1, относящейся к раннему этапу верхнепалеолитической

ушковской культуры (ок. 11–10 тыс. л. н.). Здесь было обнаружено захоронение домашней собаки в жилище возле очага, носившее явно ритуальный характер [Диков, 1977, с. 56; Диков, 1979, с. 54–55]. Таким образом, вопрос о прародине домашней собаки на данный момент остается открытым.

Не решен вопрос и о причинах доместикации. Часть исследователей склоняется к тому, что причиной одомашнивания стало использование в пищу собачьего мяса, другие считают, что «доместикация собаки стала объективным следствием сосуществования человека и ее предков» [Новиков, 1999, с. 20–21] (см. также: [У Чжуан, 2014, с. 66]).

В настоящее время известно лишь об одной находке собаки на территории Китая, относимой к эпохе палеолита: кости были найдены на памятнике Саньсяньшуй (уезд Чэнгун г. Куньмин, пров. Юньнань), который датируется неоплейстоценом [Кучера, 1996, с. 118–119]. Подтвердить эти данные пока не удалось. Имеются археологические данные, подтверждающие существование собаководства на территории Китая в период «мезолита» и раннего неолита, представленного на севере Китая микролитическими культурами. Так, на стоянке Анъанси в пров. Хэйлунцзян, датируемой 11–10 тыс. л. н., найдены кости собак [Кучера, 1977, с. 19]. По другим данным, самыми ранними можно считать костные останки, найденные на памятнике Наньчжуантоу (уезд Сюйшуй, пров. Хэбэй) и датированные приблизительно 10 тыс. л. н. В настоящее время именно эта точка зрения является доминирующей и нашла отражение в обобщающих работах по зооархеологии [У Чжуан, 2014, с. 66–67; Чжунго дуньбукаогусюэ, 2015, с. 89–90].

Кости одомашненных собак обнаружены на памятниках неолитических культур пэйлиган (7000–5500 лет до н. э., пров. Хэнань), цышань (6000/5500–5000/4500 лет до н. э., южная часть пров. Хэбэй), цюйцзялин (3400–2600 лет до н. э., пров. Хубэй, Хунань, южная часть пров. Шэньси, северная часть пров. Цзянси, юго-западная часть пров. Хэнань), цинляньган (5400–4400 лет до н. э., провинции Шаньдун и Цзянсу), давэнькоу (4300–2200 лет до н. э., провинции Шаньдун и Цзянсу), хэмуду (5000/4500–3400 лет до н. э., северо-восточная часть пров.

Чжэцзян), лянчжу (3200–2200 лет до н. э., провинции Цзянсу и Чжэцзян), даси (4400–3300 лет до н. э., провинции Сычуань, Хубэй и Хунань), мацзяо (4000–2800 лет до н. э., провинции Ганьсу, Цинхай, Нинся-Хуэйский АР), синькайлю (4000–3000 лет до н. э., пров. Хэйлунцзян), фухэ (3500–3100 лет до н. э., АР Внутренняя Монголия), сяохэянь (3500–2800 лет до н. э., пров. Ляонин), мацзябинь (5000–4000 лет до н. э., провинции Чжэцзян, Цзянсу), сунцзэ (4400–3300 лет до н. э., г. Шанхай, провинции Цзянсу, Чжэцзян), шицзяхэ (2500–2000 лет до н. э., провинции Хэнань, Хубэй, Хунань), таньшишань (2500–2000 лет до н. э., пров. Фуцзянь), дапэнькэн (4000/3000–2500 лет до н. э., Тайвань), яншаоской (6000–2000 лет до н. э., район верхнего и среднего течения Хуанхэ) и луншаньской культурных общностей (2900/2400–2000/1900 лет до н. э., район среднего течения Хуанхэ) и др. [Археология, 1986, с. 286, 301–302; Кучера, 1977, с. 59–60; Ли Сяншэн, 2006, с. 243–244; Ли Чжипэн, 2010, с. 67; Ли Чжипэн, 2011, с. 100; Тао Лифань, б. г.; Чжан Чжэнь, 2006, с. 7; Чжунго каогусюэ, 2010, с. 127–134, 141–147, 278–331, 359–362, 381–383, 414–443, 451–476, 711–713; Чэнь Вэньхуа, 1992, с. 342–343; Юань Цзин, 2009, с. 109–113]. Кости собак также найдены в жилищах и межжилищном пространстве среднего слоя поселений Сяочжушань и Уцзя (расположены в центральной части о. Гуанлу в северной части Желтого моря, пров. Ляонин), относящихся ко 2-му этапу островного варианта неолитической культуры хоува (4000–3000 лет до н. э.) [Алкин, 2007, с. 60].

По всей видимости, домашняя собака была одним из основных источников белковой пищи (наряду со свиньей) для носителей неолитических культур на территории Китая. Это подтверждается находками костей собак (в том числе, с характерными следами срезания мяса) на территории памятников, в мусорных кучах и т.д.

Повседневное и ритуальное употребление в пищу собачьего мяса у народов Азии широко известно и по этнографическим материалам. На северо-востоке Индии мясо собак едят качари, мизо и гаро. В Бангладеш кхуми («собачьи люди») получили это название либо из-за употребления собачьего мяса, либо из-за

набедренных повязок, свисающих сзади. В Мьянме мясо собак едят некоторые группы нага и качинов. В Лаосе употребление собачьего мяса в пищу распространено у кхму. Во Вьетнаме собачье мясо едят северные вьеты и седанги. В Индонезии мясо собак употребляют в пищу батаки (кроме тех родов, которые считают собаку своим тотемом), а также лоинанги и другие народы Суматры. Причем у лоинангов собачье мясо едят только мужчины, так как считается, что у женщин от этого могут выпасть волосы [Чеснов, 1976, с. 160]. Блюда из собачьего мяса готовили во время праздников и семейных торжеств в корейских деревнях. До настоящего времени в Корее сохраняется традиция ритуального вкушения блюд из собачьего мяса во время похоронного и других обрядов, связанных с семейным циклом. Собаку в таком случае умерщвляют посредством удушения [Ионова, 1960, с. 139; Ионова, 1970, с. 158–159; Ионова, 1994, с. 189]. Одно из любимых блюд корейцев – *кэчанькук* – суп из собачьего мяса [Этнография, 1981, с. 173]. Собачье мясо как обыденная и ритуальная пища употреблялось речными рыбаками на Амуре [Чеснов, 1976, с. 161].

На территории Китая мясо собак в пищу употребляют буи, мулао, кава [Народы, 1965, с. 592]. Среди традиционных праздников чжуанов есть праздник собачьего мяса, он распространен в Гуанси-Чжуанском АР в уездах Цзинси, Лунлинь и Дэбао, отмечают его каждый год в 5-й день 5-го месяца по лунному календарю или 22-го числа 2-го месяца по лунному календарю. По поверьям, собака обладает чудесными способностями защищать от злых сил, и эти способности проявляются именно в этот день. Что касается поедания собачьего мяса, то считается, что оно полезно для здоровья и может продлить жизнь. Поэтому в день праздника в каждой семье убивают собаку, если семья бедная и не имеет своей собаки, мясо покупается на рынке [Няньлундэ, 2006, с. 126].

У яо и шэ, напротив, существует запрет на употребление в пищу собачьего мяса. Однако в периоды катастрофического голода народы группы мяо-яо практиковали обрядовое поедание мяса собаки как своего тотемного предка [Стратанович, 1978, с. 43]. Запрет на употребление в пищу собачьего мяса

существует и у зао (вьетнамских яо). Человеку, поевшему собачьего мяса, запрещено появляться там, где живут зао. Более того, зао отказывались есть рис, около которого умерла собака, и даже рис, собранный с того поля, возле которого умерла собака. Сами они объясняли существование этого табу почитанием предка – священного пса Паньху [Там же, с. 23–24]. Мяо, у которых также распространено почитание собаки как первопредка, тем не менее, употребляли собачье мясо как средство от ревматизма [Итс, 1960, с. 94]. Собачье мясо было табуировано у маньчжуров, которые почитали собаку как прародителя, защитника и помощника.

Что касается ханьцев, то употребление мяса собак в пищу у них имеет давнюю историю. Сведения об употреблении мяса собак в пищу содержатся в «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.) Лю Аня, «Чжоу ли» (II в. до н. э.), «Шовэнь цзецзы» (I в. н. э.) Сюй Шэня и других древних и средневековых китайских памятниках. Собачье мясо было одним из основных мясных продуктов в циньский и раннеханьский период [Морохаси Тэцудзи, Т. 7, 1967, с. 668; Пэн Вэй, 2007, с. 331].

О сохранении традиции употребления в пищу собачатины свидетельствует и замечание побывавшего в XVII в. в Китае Ф. И. Байкова: «Ядь в Китайском царстве... ядят всякую: и собак ядят, и в рядах собачье мясо вареное продают» (цит. по: [Демидова, Мясников, 1966, с. 139]). Николай Спафарий писал: «...собаки, которых у бояр, как пиршество бывает, первое поставляют, и собачье мясо продается дороже иных мяс» [Спафарий, 1960, с. 183]. Некоторые исследователи утверждают, что в настоящее время употребление собачьего мяса в пищу уже прекратилось или сохранилось только в отдельных районах [Народы, 1965, с. 277; Рахманин, 1982, с. 108; Стариков, 1967, с. 120; Этнография, 1981, с. 148]. Однако китайские источники свидетельствуют об обратном [Жоу гоу сыян, 2000; Жоу гоу янчжи, 2000; Жоу гоу янчжи, 2003; Жоуюн цюань, 2001; Цзяньмин, 2002]. Собачье мясо и в настоящее время остается в рационе китайцев (см. также: [Новиков, Кудинова, 2009]).

Вероятно, собака могла использоваться также для охраны жилищ и на охоте. Указания на это содержатся в письменных источниках более позднего времени,

таких, как «Люйши чуньцю» (III в. до н. э.), «Ли цзи» (I в. до н. э.) и др. Однако археологические данные о существовании таких вариантов хозяйственного использования собак в период неолита на данный момент нам не известны.

Таким образом, можно зафиксировать развитие собаководства, начиная как минимум с периода 10 тыс. л. н., повсеместно на территории Китая, вне зависимости от особенностей локальных культур. Собака занимала важное место в хозяйственной жизни неолитического населения данного региона, распространено было употребление в пищу собачьего мяса. Как показывают этнографические данные, употребление в пищу мяса собак нередко связано с определенными представлениями о его целебных и даже магических свойствах, оно используется и в качестве лекарственного средства. Это позволяет предполагать формирование особого культового отношения к собаке уже в каменном веке.

1.2. Основные находки собак, связанные с ритуальной практикой

За многие тысячи лет собака прочно вошла не только в материальную, но и духовную культуру человечества, связанные с ней ритуальные комплексы зафиксированы уже в каменном веке (см., напр.: [Комиссаров, 2001]). В неолитическую эпоху складывается особое отношение к собаке как объекту культа. В среднем неолите возникает обычай захоронения собак в могилах, расцвет которого придется уже на период развитой бронзы – эпоху Шан-Инь. Погребения с собаками были обнаружены на нескольких памятниках, принадлежащих к разным культурам эпохи неолита. К настоящему моменту известно как минимум 62 погребения на 17 памятниках, в которых были захоронены собаки (от одной до шести особей) или отдельные части их тел (черепа, нижние челюсти). На 27 памятниках найдены отдельные захоронения собак в жертвенных ямах и зольниках, в основном – на территории могильников или рядом с ними. На трех памятниках (Цзяху, Лунцючжуан, Ваньинь) имелись захоронения собак внутри жилищ.

Далее мы подробнее рассмотрим различные археологические контексты находок собак на памятниках культур неолитической эпохи на территории Китая.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ И ЗАПАДНЫЙ РЕГИОН

Культура пэйлиган

Памятник Цзяху, уезд Уян, пров. Хэнань. Открыт в 1961 г., раскопки проходили в 1983–2001 гг. На памятнике раскопано 445 погребений. В могиле М341 у левой ноги покойного найден небольшой фрагмент кости собаки. Погребение принадлежало мужчине средних лет, покойный лежал в вытянутом положении, головой на запад, лицом в левую сторону. Помимо собачьей кости сопроводительный инвентарь включал еще шесть предметов (две костяные флейты, фрагмент панциря черепахи и др.) (прил. 2, рис. 1). Данное погребение принадлежит к культуре пэйлиган и может быть датировано 7000–6600 л. до н. э. [Уян Цзяху, 1999, с 169–171; Го Чживэй, 2012, с. 54].

Кроме того, на памятнике обнаружены один зольник и 10 жертвенных ям с захоронениями собак. Зольник Н139 – яма неправильной формы глубиной 0,65 м. На дне у южной стенки найден целый скелет собаки. Кроме костяка животного в яме обнаружены различные керамические сосуды (треножкики *дин*, кувшины *ху*, чаша *бо* и миски *пэнь*) и точильный камень (прил. 2, рис. 2). Шесть ям с собаками (SK4, SK5, SK6, SK7, SK8, SK10) размещались на территории могильника или в непосредственной близости от него (прил. 2, рис. 3). Например, SK8 представляют собой прямоугольную яму длиной 0,68 м, шириной 0,60 м, глубиной 0,27 м. На дне лежал целый скелет собаки, голова животного обращена на запад (прил. 2, рис. 3, 2, 5). Еще четыре ямы с захоронениями собак (SK1, SK2, SK3, SK9) найдены внутри жилищ или рядом с ними. Какие-либо артефакты в ямах отсутствуют (прил. 2, рис. 3, 1, 3, 4, 6, 7) [Уян Цзяху, 1999, с. 106, 130].

Несмотря на наличие нескольких захоронений собак, вероятно, имевших ритуальный характер, их отдельных костей на памятнике практически нет, что может косвенно свидетельствовать не только о формировании особого отношения

к животному, но и о существовании табу на употребление в пищу собачьего мяса [Уян Цзяху, 1999, с. 902].

Культура дадивань

На памятнике **Байцзяцунь** на территории района Линьтун г. Сиань, пров. Шэньси, в яме H25 (82SLBIIIH25:S1) найден полный скелет предположительно собаки. Животное лежало на боку, голова направлена на запад, конечности - на север. Позвоночник согнут, лапы, видимо, были связаны. В той же яме были четыре чаши *бо* разных видов. Памятник датируется временем 6000–5000 л. до н. э. [Ван Жэньсян, У Яоли, У Цзянь, 1984, с. 962–963, 969; Окамура, 2004, с. 228; Юань Цзин, 2009, с. 110].

Яншаоская культурная общность

Памятник Сяванган, уезд Сичуань, пров. Хэнань. Раскопки велись в 1971–1974 гг. Среди наиболее ранних на памятнике 124 погребений, относящихся к первому периоду яншаоской культурной общности (культура сяванган), захоронения собак имеются в пяти могилах (прил. 2, рис. 4).

M112 – грунтовая могила прямоугольной формы, длина – 2,21 м, ширина – 0,67 м, глубина – 0,76 м. Вместе с человеком (мужчина среднего возраста) были зарыты собака, черепаха, треножник *дин* и фрагменты горшка *гуань* (прил. 2, рис. 4, 1).

M285 – грунтовая могила подпрямоугольной формы, длина – 2,30 м, ширина – 0,80 м, глубина – 0,45 м. В могиле похоронен мужчина среднего возраста. Сопроводительный инвентарь включал керамические треножник *дин* и горшок *гуань*, два каменных наконечника стрел. Кроме того, в могиле захоронены две собаки: одна лежит сбоку от туловища человека головой на юго-восток, под шеей собаки лежал некий предмет из камня; вторая собака лежала в ногах у человека головой на северо-восток (прил. 2, рис. 4, 2).

M645 – грунтовая могила неправильной формы, длина – 2,06 м, ширина – 0,42–0,80 м, глубина – 0,40 м. В могиле захоронены пожилой мужчина и собака.

Животное лежало сбоку от человека, головой в ту же сторону, что и человек. Здесь же найдена костяная трубочка (прил. 2, рис. 4, 3).

М224 – грунтовая могила прямоугольной формы, длина – 2,04 м, ширина – 0,80 м, глубина – 1 м. В могиле похоронены мужчина среднего возраста и собака, лежавшая сбоку от человека, головой в ту же сторону, что и он. В могиле также найдены два керамических сосуда, в один из них были помещены кости животных (прил. 2, рис. 4, 4).

М257 – прямоугольная грунтовая могила, длина – 2,34 м, ширина – 0,60 м, глубина – 0,60 м. В могиле похоронены мужчина среднего возраста и собака. Животное находилось около головы человека, лапы собаки, вероятно, были связаны. Погребальный инвентарь отсутствует (прил. 2, рис. 4, 5) [Хэнань Сяванган, 1972, с. 6–7; Кучера, 1977, с. 60; Сичуань Сяванган, 1989, с. 26–32].

Памятник Дадивань, уезд Циньань, пров. Ганьсу. Раскопки проводились в 1978–1984 гг. Среди 21 погребения, относящегося к культуре 2-го периода памятника Дадивань, в одной могиле была захоронена собака.

Могила М224 – грунтовая могила с вертикальными стенками, длина - 1,40 м, ширина – 1,10 м, глубина – 0,16 м, направление – 15°. В могиле был похоронен один человек (мужчина приблизительно 50 лет), на спине с прямыми ногами. Собака лежала слева от тела человека, головой в ту же сторону, что и он. Погребальный инвентарь отсутствовал (прил. 2, рис. 5) [Циньань Дадивань, 2006, с. 271].

Радиоуглеродное датирование относит время существования культуры 2-го периода Дадивань к промежутку 4500–3900 л. до н. э. Могила с собакой относится к концу 1-го этапа 2-го периода, что примерно соответствует концу раннего периода существования яншаоской культурной общности [Го Чживэй, 2012, с. 54; Чжао Цзяньлун, 2003, с. 28–29].

Памятник Цзянчжай, район Линьтун, пров. Шэньси. В ходе раскопок, проходивших в 1972–1979 гг., обнаружено 380 погребений. Среди них 174 могилы представляют собой грунтовые ямы, 206 – захоронения в глиняном сосуде. В одном

из захоронений в сосудах (W74), относящемся к культуре баньпо яншаоской культурной общности, был найден небольшой фрагмент нижней челюсти собаки [Цзянчжай, 1988, с. 66; Го Чживэй, 2012, с. 54].

Чжаньматунь – многослойный археологический памятник в районе г. Чжэнчжоу, пров. Хэнань. На территории могильника найдены полные скелеты собаки и свиньи. Собака ориентирована головой на восток, лапы согнуты. Площадка, на которой были найдены скелеты животных, по-видимому, представляла собой жертвенник (имеются следы огня, найдены многочисленные керамические сосуды) (прил. 2, рис. 6). Остатки жилищ, могильник и прочие объекты, найденные на памятнике принадлежат культуре циньванчжай [У Чжицзян, Линь Ян, Чжан Яньлин, 2011, с. 61–62, 72–73].

На памятнике **Шихушань** в уезде Лянчэн городского округа Уланчаб (Уланьчабу), АР Внутренняя Монголия, обнаружено захоронение четырех собак в жертвенной яме, которая располагалась с внешней стороны рва, окружавшего поселение, на расстоянии примерно 10 м от северных ворот. Яма неправильной формы, длина составляет приблизительно 5 м, ширина – 2–2,50 м, глубина – 0,80 м. На дне найдены четыре полных скелета собак, а также обожженные кости оленей и косуль, камни (прил. 2, рис. 7). Памятник относится к культуре 1-го периода Хоуган [Ян Цзэмэн, 1998, с. 4–5].

Помимо захоронений собак в могилах людей и отдельных захоронений собак на территории могильников или поблизости от них известно также небольшое количество захоронений собак в зольниках. Например, на памятнике **Мяодигоу** в уезде Шэньсянь, пров. Хэнань, обнаружено несколько зольников с захоронениями собак: в зольнике H22 захоронены три собаки и одна свинья, в зольниках H12 и H41 – по одной собаке, в зольнике H44 – четыре собаки [Окамура, 2004, с. 228]. Зольник H56, принадлежащий к позднему этапу яншао (культура циньванчжай), на памятнике **Чжуншаньчжай** в г. Жучжоу, пров. Хэнань – круглый в плане, со скошенными стенками, расширяющимися кверху вниз, ровным дном. В нем в три слоя были захоронены: в нижнем слое – свинья и собака, в среднем слое – свинья

и собака, в верхнем слое – человек (прил. 2, рис. 8) [Чжэн Найу, Лян Чжунхэ, Тянь Фуцян, 1991, с. 79–80]. На памятнике **Цзянькоу** в уезде Линбао, пров. Хэнань, найден зольник Н7, относящийся ко второму этапу культуры *мяодигоу*, в нем захоронены свинья и собака [Ли Чжипэн, 2011, с. 100].

В **Цзянцзяпин**, уезд Юндэн, пров. Ганьсу, обнаружена сравнительно крупная грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками, на дне имеются три небольшие прямоугольные ямы с сопроводительным инвентарем. Яма в центре могилы (*яокэн* – «срединная яма») немного больше, чем ямы, расположенные по краям. В *яокэне* в несколько слоев были захоронены четыре свиньи, одна собака, пожилая женщина и череп, принадлежавший ребенку чуть старше 10 лет, помещенный в расписной керамический сосуд *доу*. Погребение относится к среднему периоду культуры *мачан* [Го Чживэй, 2012, с. 55; Го Чживэй, 2014, с. 58].

Кроме того, захоронение собаки, относящееся к позднему неолиту, найдено на памятнике **Цицзяпин** в уезде Хуанхэ, пров. Ганьсу. Материалы раскопок пока не опубликованы, нам известно лишь краткое упоминание данной находки и указание на то, что это «наиболее западное» из всех неолитических погребений собак на территории Китая [Чжунго дуньбукаогусюэ, 2015, с. 218].

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН

Культура сяохэянь

На памятнике **Байсыланьинцзы**, находящемся в хошуне ¹ Аохань городского округа Чифэн, АР Внутренняя Монголия, в слое культуры *сяохэянь* обнаружено захоронение собаки в зольнике Н16, который находился рядом с одним из жилищ и, видимо, функционально связан с ним. Зольник представлял собой яму круглую в плане со скошенными стенками, сужающимися книзу. Диаметр

¹ Хошун – административно-территориальная единица в Монголии (до 1931 г.) и Автономном районе Внутренняя Монголия в современном Китае.

отверстия ямы – 1,90 м, диаметр дна – 1,20 м, глубина – 1,90 м. В заполнении ямы присутствуют фрагменты обожженной земли и фрагменты керамики. На дне найдены горшок *гуань* из красной керамики с двумя ушками и жбан *вэн*, перевернутые доньями кверху. На глубине 1,30 м захоронена собака. Вероятно, зольник представлял собой жертвенную яму. Также на этом памятнике найден фрагмент глиняной фигурки собаки [Ли Гунду, 1977, с. 7, 9].

ВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН

Культура давэнькоу

Люлинь – памятник на территории городского уезда Пичжоу, пров. Цзянсу. Раскопки проводились дважды: в марте-июне 1960 г. и в апреле-июне 1964 г. Всего обнаружено 197 неолитических погребений, которые можно разделить на два периода – ранний и поздний. Могильник имел определенную организацию, можно выделить несколько отдельных групп погребений, могилы располагаются рядами. Возможно, такой порядок организации кладбища отражал семейно-родственные связи похороненных там людей [Инь Хуаньчжан, Юань Ин, Цзи Чжунцин, 1965, с. 12].

В восьми могилах (семь мужских, одна женская) были захоронены собаки, все они датируются ранним периодом культуры давэнькоу. Все покойные лежали на спине с прямыми ногами, головой на север (прил. 2, рис. 9). Кроме того, на территории могильника было также обнаружено отдельное захоронение собаки [Гао Гуанжэнь, Шао Ванпин, 2013, с. 386].

Вероятно, использование собак не ограничивалось ритуальной сферой. На памятнике найдена древняя мусорная яма, где среди костных остатков домашних и диких животных обнаружены и кости собак, что может свидетельствовать о хозяйственном использовании этих животных [Инь Хуаньчжан, Юань Ин, Цзи Чжунцин, 1965, с. 11].

Приведем в качестве примера описания нескольких погребений.

М18. Погребенный лежал головой на север, на спине с прямыми ногами. В обе руки покойного были вложены «жезлы» из кости, по бокам которой вставлены олени зубы, в области поясицы находился каменный топор *фу*, на груди с правой стороны лежал панцирь черепахи (в панцире имелись отверстия), у правого бедра находилось каменное тесло. К северу от головы покойного находился поврежденный череп человека. Возможно, череп относился к более раннему погребению, которое было нарушено могилой М18. Слева от могилы, в районе ног покойного, была захоронена собака. Животное лежало на боку, головой в ту же сторону, что и человек.

М25. Погребение находилось на расстоянии 1,10 м от могилы М18. Покойный лежал головой на север, на спине с прямыми ногами. В каждой из рук у него были костяные крюкообразные скипетры, в области поясицы находился каменный топор *фу* с отверстием и костяной наконечник копья, в районе крестца – черепаший панцирь, в котором просверлены отверстия, у левого плеча – костяной кинжал, у левого бедра – керамический сосуд *гуань*, керамический треножник *дин* и костяной черпак, между бедрами – керамический кубок. Справа от покойного, вдоль ног, на боку лежала собака, лапы собаки лежали на ногах человека, направление головы животного совпадает с направлением головы человека (прил. 2, рис. 9, 1) [Инь Хуаньчжан, Чжан Чжэнсян, 1962, с. 87].

Погребения М18 и М25 относятся к числу наиболее богатых сопроводительным инвентарем могил. К числу их отличительных черт относятся сопроводительное захоронение собаки и наличие каменных топоров *фу*. На этом основании китайские исследователи делают вывод о возможной принадлежности этих могил родовым старейшинам или вождям [Там же, с. 97].

М179 – неглубокая грунтовая могила прямоугольной формы. Размер 2,20 × 0,68 м. В могиле похоронен мужчина 30-35 лет, лежащий на спине с прямыми ногами головой на север (10°), голова повернута вправо. На ногах человека лежит собака, на боку, головой на север. Сопроводительный инвентарь включает шесть предметов: слева от головы находятся керамический кубок и костяной черпак, на

правом плече – каменный топор с отверстием, на груди с правой стороны – крышка керамического сосуда, под кистями рук лежало по паре оленьих зубов (прил. 2, рис. 9, 2) [Инь Хуаньчжан, Юань Ин, Цзи Чжунцин, 1965, с. 15].

Дадуньцзы – памятник на территории городского уезда Пичжоу, пров. Цзянсу. Исследовано 342 погребения эпохи неолита, в девяти из них вместе с людьми были захоронены собаки. Две могилы принадлежали взрослым мужчинам, одна – взрослой женщине. Пол и возраст остальных покойных не определен. Шесть могил из девяти ориентированы на восток, все люди лежали на спине с прямыми ногами, собаки были уложены в области ног покойных. В отчете о раскопках 342 могилы разделяют на два типа – люинь и хуатин, которые принадлежат к культуре давэнькоу раннего, среднего и позднего периодов. Захоронения собак встречаются в могилах обоих типов.

Помимо погребений, кости собак (в частности, нижние челюсти) были найдены в зольниках НЗ, Н13 и в культурном слое вне объектов, количество их невелико, однако авторы отчета о раскопках предполагают, что собачье мясо употреблялось в пищу [Инь Хуаньчжан, Чжан Чжэнсян, Цзи Чжунцин, 1964, с. 11, 12, 18; Ю Чжэньяо, 1981, с. 28, 45].

Приведем примеры погребений с собаками.

Могила М44 относится к люиньскому типу. В ней похоронен мужчина приблизительно 30 лет, высокого роста (1,85 м) и крепкого телосложения. Направление головы – 78°. Сопроводительный инвентарь данного погребения достаточно богат, включал 53 предмета, среди них керамические треножники *дин* различных конфигураций (6 шт.), керамические кубки разных форм (5 шт.), керамические сосуды *гуань*, *ган*, *бу* (по 1 шт.), расписная миска *пэнь* (1 шт.), крюкообразный предмет из кости, в которую вставлены оленьи зубы (1 шт.), две пары крючков из оленьих зубов, костяные шилья (13 шт.), костные иглы (8 шт.), черепашьи панцири с отверстиями (2 шт.), костяные скребла (3 шт.), костяной гарпун, костяной черпак, костяная пронизка, костяной предмет в виде колпачка неизвестного назначения, каменный топор *фу* с отверстием, каменный заступ с

отверстием, каменное кольцо. Большая часть предметов находилась слева от тела покойного. На миску *пэнь* и корчагу *ган*, стоявшие у левой ноги человека, была уложена собака.

Погребение характеризуется двумя важными особенностями. Во-первых, на животе покойного лежали два черепаших панциря, в левом из них находились шесть костяных шильев, а в правом – шесть толстых костяных игл. В верхней и нижней частях панциря, лежавшего слева, было просверлено по четыре отверстия, образующие квадрат. В обеих частях на внутренней стороне панциря имеются крестообразные следы трения, оставленные веревкой. Один край панциря зашлифован. В нижней части второго панциря также имелись четыре отверстия, расположенные в форме квадрата, кроме того, вдоль нижнего края панциря были просверлены еще восемь отверстий в ряд. На внутренней стороне панциря по нижнему краю имеются следы веревки, образующие треугольник. Кроме того, в центральной части панциря с внутренней стороны имеются следы трения в виде пяти окружностей. По-видимому, в отверстия мог продеваться шнурок для крепления подвесок. Что касается следов в виде окружностей, они также могли быть оставлены в результате крепления каких-либо украшений. Предполагается, что черепашие панцири могли использоваться в качестве защитных щитков на руки или же в качестве «сумок» [Инь Хуаньчжан, Чжан Чжэнсян, Цзи Чжунцин, 1964, с. 21, 29–30, 50]. Однако, возможно и исключительно ритуальное применение этих предметов.

Во-вторых, поверх пальцев правой руки найдена костяная пронизка. Такие же пронизки (2 шт.) были найдены еще в одном из погребений данного типа. Богатый инвентарь и захоронение собаки свидетельствуют об особом статусе погребенного в этой могиле человека. Кроме того, покойный (судя по его возрасту, росту и телосложению) должен был обладать значительной физической силой, что также является аргументом в пользу предположения о его высоком социальном статусе [Инь Хуаньчжан, Чжан Чжэнсян, Цзи Чжунцин, 1964, с. 21].

Погребение М40 относится к типу хуатин. В могиле похоронен мужчина, возраст старше 50 лет, рост примерно 1,70 м. Он лежал на спине с вытянутыми ногами, одна нога слегка согнута, головой на восток (78°). В могиле также захоронены три собаки, все – головой на запад, в противоположную сторону от покойного. Животные лежали в районе стоп человека, ступня правой ноги человека лежала непосредственно на задних лапах одной из собак. Сопроводительный инвентарь не богат, насчитывает всего шесть предметов: два крючка из оленьих зубов в области левой руки, один каменный топор, лежавший у правого плеча с внутренней его стороны, один керамический сосуд *доу* у макушки головы, один клык кабана слева от шеи и обломок костяной булавки на груди справа (прил. 2, рис. 10) [Там же, с. 25].

Кроме того, в двух могилах на памятнике найдены фигурки собак. В этих могилах были похоронены женщины, обе – на спине с прямыми ногами. В погребении М213 похоронена женщина в возрасте около 50 лет, сопроводительный инвентарь включал три предмета из керамики, две каменные подвески и фигурку собаки. В могиле М313 похоронена молодая женщина примерно 25 лет [Гао Гуанжэнь, Шао Ванпин, 2013, с. 386]. Вероятно, изображения собак служили заменой реальным животным, захоронения которых имеются в других погребениях данного памятника.

Памятник Хуатин, городской уезд Синьи, пров. Цзянсу. Всего раскопано 87 неолитических могил, в восьми из них вместе с людьми были захоронены собаки. Данные погребения могут быть отнесены к среднему и позднему периоду культуры давэнькоу. Все они расположены в северном районе могильника, где всего находилось 62 могилы (10 крупных, 52 малые и средние). Собаки захоронены в трех крупных, четырех средних и одной малой могилах (прил. 2, рис. 11, 12) [Хуатин, 2003, с. 44]. Ниже приведем описания этих погребений.

М19 – средняя грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками, длина – 1,30 м, ширина – 0,60 м, глубина – 0,70 м, направление – 110°. В могиле похоронен ребенок, лежащий на спине с прямыми ногами. Справа от него

на боку лежит собака, голова направлена в противоположную сторону. Сопроводительный инвентарь сравнительно богат, в основном представлен изделиями из нефрита и керамики. На шее и груди ребенка найдены украшения из нефрита, на левой руке (на плече и запястье) имелись два нефритовых браслета. На правой руке – нефритовый браслет и кольцо из серой керамики. В области ног, с правой стороны, найдено керамическое пряслице. Керамические сосуды (четыре горшка *гуань*, три кувшина, два сосуда *доу* и один треножник *дин*) располагались в области плеч, живота и ног (прил. 2, рис. 11, 1) [Хуатин, 2003, с. 75].

М32 – средняя грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками, длина – 3,20 м, ширина – 1,50 м, глубина – 1,10 м. Направление – 118°. Скелет человека лежал на спине с прямыми ногами. Сопроводительный инвентарь насчитывал 25 предметов, из них 15 – нефритовые изделия: нефритовое украшение из шести фрагментов, пять нефритовых колец *хуань*, две подвески *чжуй*, подвеска *пэй*, полукруглый амулет *хуан*. Все нефритовые предметы размещались справа от шеи. Слева от ног найдены два каменных топора *фу*. Керамические изделия (12 сосудов и одна крышка) располагались слева вдоль тела и в области ног. В ногах захоронена собака (прил. 2, рис. 11, 2) [Там же, с. 79].

М16 – крупная грунтовая могила Г-образной формы. Ее длина – 5,50 м, ширина – 1,90–2,30 м. Направление – 110°. Скелет «хозяина могилы» не сохранился, остались лишь отдельные кости. Сопроводительный инвентарь включал 48 предметов, среди них: два керамических треножника *дин*, шесть керамических сосудов *доу*, шесть керамических кувшинов *ху*, четыре керамических горшка *гуань*, одна керамическая чаша *бо*, три керамических кубка, два керамических кольца *хуань*, нефритовое кольцо *хуань*, нефритовая подвеска *пэй*, нефритовое шило, девять нефритовых подвесок *чжуй*, три нефритовые пронизки, две нефритовые бусины, четыре фрагмента нефритовых украшений, каменное тесло, каменный нож, фрагмент кости.

В могиле был сопогребен молодой мужчина приблизительно 17 лет. Он лежал на спине, в ногах были поставлены семь керамических сосудов (*доу*, *ху* и

др.). С западной стороны к могиле примыкала яма с сопроводительными захоронениями, где была погребена девушка приблизительно 17 лет, она лежала ничком, головой на юго-запад. Рядом с ее головой расположен полный скелет собаки, в ногах – более десяти черепов и копыта свиней. К востоку от могилы находились три небольшие могилы, в которых были захоронены дети. В южной из этих трех могил (M14) ребенок лежал на спине, головой на восток. В двух других могилах скелеты не сохранились, поэтому ориентацию и позу определить не удалось. Сопроводительный инвентарь включал керамические сосуды, мелкие керамические и нефритовые кольца, другие нефритовые предметы. С юго-западной стороны от могилы M16, параллельно ей, находилась еще одна малая могила (M11), в которой также был похоронен ребенок, на спине, головой на восток. Сопроводительный инвентарь – керамические сосуды и нефритовый браслет. По всей видимости, все эти захоронения были связаны с могилой M16 (прил. 2, рис. 12) [Хуатин, 2003, с. 54–56].

M20 – крупная могила прямоугольной формы. Стенки гладкие, чуть скошены внутрь могилы. Размеры отверстия могилы: длина с запада на восток – 4,98 м, ширина с севера на юг – 2,98 м. Размеры дна могилы: длина с запада на восток 4,71 м, ширина с севера на юг – 2,81 м. Глубина могилы – 1,92 м. В могиле имелся уступ. Ориентация – 110°. В могиле найдены скелеты трех человек. «Хозяин могилы» лежал на спине, ноги слегка согнуты, лицом на север. Скелет сохранился хорошо, кости крупные, что позволило установить его принадлежность взрослому мужчине.

Сопроводительный инвентарь включал 66 предметов – в основном, изделия из нефрита и керамики. Предметы из нефрита в основном располагались в области головы «хозяина могилы» и в изголовье могилы. На шее имелись две нити нефритовых бус, во рту находился нефритовый предмет продолговатой формы. В могиле найдены многочисленные изделия из нефрита: два браслета, кольцо, тринадцать шильев, подвеска, десять бусин. Предметы из керамики были размещены в области ног «хозяина могилы», по бокам от тела, на уступе с южной

и северной сторон, один кубок из серой керамики и горшок находились у головы покойного. Керамические изделия включали три треножника *дин*, три сосуда *доу*, три кувшина *ху*, девять горшков *гуань*, два сосуда *хэ*, одну чашу *бо*, один кубок, одну крышку сосуда, одну миску *пэнь* и фрагменты еще двух сосудов. Каменный инвентарь представлен в основном оружием: каменный топор *фу* с отверстием лежал на животе человека, каменная секира *юэ* с двумя отверстиями лежала под головой, каменный нож с тремя отверстиями также находился в области головы, слева от ног лежала связка каменных наконечников стрел.

Вокруг тела также были найдены череп свиньи и восемь челюстных костей свиней. В ногах перпендикулярно телу «хозяина могилы» лежали тела двух человек, на спине с прямыми ногами головой на восток. Скелеты сохранились хорошо, они принадлежали детям, пол определить не удалось. У одного из скелетов найдены нефритовая серьга и браслет, в ногах – каменный топор *фу* с отверстием. В головах детей найден неполный скелет свиньи, рядом с ними – полный скелет собаки.

Кроме того, на высоте около 1 м от дна в центре могилы найден горшок *гуань* с широким горлом, наполненный дробленой красной керамикой, под горшком находился кувшин *ху* из серой керамики. Вероятно, это следы жертвоприношений [Хуатин, 2003, с. 49–54].

M60 – крупная грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Размеры: длина – 4,35 м, ширина – 3 м, глубина – 2,20 м. Направление – 102°. «Хозяин могилы» – мужчина примерно 30 лет. Сопроводительный инвентарь включал 149 предметов, среди которых разнообразные керамические сосуды (треножники *дин*, кувшины *ху*, сосуды *доу*, кубки и т.д.), нефритовые украшения (браслеты, кольца, подвески, бусины и пр.), каменные топоры, тесла, ножи, точильный камень, два костяных шила, костяной черпак и крюкообразный предмет с оленьими зубами. На груди умершего найдены нефритовая подвеска с орнитоморфным орнаментом, полукруглый нефритовый амулет *хуан* и нефритовое кольцо *хуань*, шею украшало крупное нефритовое ожерелье, на обеих руках

имелись нефритовые браслеты. Большая часть керамических сосудов (более 80) была намерено разбита после помещения в могилу, что, возможно, связано с некими религиозными представлениями.

В могиле были сопогребены еще пять человек: взрослые мужчина и женщина и три ребенка – 10–12 лет, 6–7 лет и еще один, чей возраст не определен. Кроме того, в области ног «хозяина могилы» были найдены скелеты собаки и свиньи [Хуатин, 2003, с. 66].

М55 – средняя грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками, длина – 2,50 м, ширина – 1,15 м, глубина – 0,75 м. Направление – 105°. Человек лежал на спине с прямыми ногами. Сопроводительный инвентарь включал 24 предмета, в том числе четыре нефритовых изделия (шило, подвеска *чжуй*, две регалии *юань*), пять изделий из камня (два топора, два тесла и точильный камень) и 15 керамических предметов (сосуды и крышка от сосуда). Керамика находилась справа от тела и в ногах. Также в ногах лежала собака.

М58 – средняя грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками, длина – 2 м, ширина – 1 м, глубина – 1,35 м. Направление – 108°. Скелет сохранился хорошо, он принадлежал пожилому мужчине, лежавшему на спине с прямыми ногами. Сопроводительный инвентарь насчитывает 27 предметов: 14 изделий из керамики (13 сосудов и одна крышка) и 13 изделий из камня (тесла, ножи, один топор), нефритовые изделия отсутствуют. Каменные предметы размещены с левой стороны от тела, каменное тесло было вложено в правую руку покойного. Керамика находилась с двух сторон от тела и в области стоп. В ногах покойного, в юго-западном углу могилы лежала собака [Там же, с. 90].

М59 – малая грунтовая могила прямоугольной формы. Длина – 2,40 м, ширина – 0,90 м, глубина – 1,30 м. Направление – 110°. М59 находится в непосредственной близости от погребения М58. Могилы М56, М57, М58 и М59 образуют группу погребений, выстроенную в ряд, возможно, они принадлежали представителям одной семьи. Сопроводительный инвентарь могилы М59 состоял из десяти керамических сосудов (четыре треножника *дин*, два сосуда *доу*, горшок

гуань, кувшин ху, корчага ган и сосуд хэ) и был размещен слева вдоль тела и в области стоп. Вплотную к правой ноге человека была уложена собака [Хуатин, 2003, с. 102].

Памятник Едянь, уезд Цзоусянь, пров. Шаньдун. Обнаружен в 1965 г. Раскопки проходили в 1971–1972 гг. Среди 89 могил культуры давэнькоу, кости собаки найдены в одной, погребение относится к 4-му периоду существования памятника, соответствующему среднему или позднему периоду давэнькоу. Эта могила (M47) представляет собой парное захоронение взрослых мужчины и женщины (оба лежат в вытянутом положении на спине, головой на восток, лицами кверху) в прямоугольной яме с вертикальными стенками. Размеры могильной ямы: длина – 3,04 м, ширина – 1,75–2 м, глубина неизвестна, поскольку погребение было частично разрушено. Сопроводительный инвентарь включал 68 предметов (в основном – керамические сосуды, а также изделия из камня и кости, нефритовые украшения). Кости собаки, а также свиные и курицы найдены в куче керамики в западной части могилы [Цзоусянь Едянь, 1985, с. 105; Го Чживэй, 2012, с. 55].

Цзяоцзя – многослойный памятник городского уезда Чжанцю в пров. Шаньдун. В слое культуры давэнькоу найдена фигурка собаки (ZJ:531) из черной керамики, длина 5,5 см, высота – 3 см [Нин Иньтан, Цюй Шигуан, 1998, с. 35].

Ваньинь в районе Яньчжоу, пров. Шаньдун – многослойный неолитический памятник. В одном из жилищ, принадлежащем культуре давэнькоу, (F5) найден целый скелет собаки, лежавший на уровне пола жилого помещения. Возможно, тело собаки было помещено туда после оставления жилища. Подобный обычай существует у обских угров (см.: [Новиков, Гаркуша, 2016, с. 128–129]).

Кроме того, обнаружены захоронения собак в трех зольниках. T289H1 – прямоугольная яма со кругленными углами, длина – 2,90 м, ширина – 1,30 м, глубина – 0,10 м, в ней найден целый скелет собаки. T259H3 – яма неправильной формы, внутри зарыты каменное пряслице, керамические сосуды, черепаший панцирь и череп собаки. T017H3 – яма неправильной формы с захоронением собаки (целый скелет) [Шаньдун Ваньинь, 2000, с. 73, 314, 328].

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН

Культура лунцючжуан

Лунцючжуан – памятник, включающий жилую и производственную зону и могильник, расположен на территории городского уезда Гаою, пров. Цзянсу, раскопки проходили в 1993–1995 гг. Исследованы остатки четырех жилищ и 34 зольника. В жилище F1 под столбовой ямкой D1 находилась неглубокая яма овальной формы (длина – 0,84 м, ширина – 0,50 м), в которой захоронена собака. Это захоронение, видимо, представляет собой следы закладной жертвы, принесенной при начале строительства дома (прил. 2, рис. 13, 1). На территории жилища F2 между столбовыми ямками также имелось захоронение собаки в неглубокой яме в форме неправильного овала (длина – 0,83 м, ширина – 0,64 м), которое также, вероятно, представляет собой следы строительного жертвоприношения (прил. 2, рис. 13, 2) [Лунцючжуан, 1999, с. 18].

Всего изучено 402 погребения в рамках второго периода существования памятника, который в свою очередь делится на два этапа – ранний (4300–4000 л. до н. э.) и поздний (4000–3500 л. до н. э.). В пяти могилах вместе со скелетами людей найдены кости собак (нижние челюсти, черепа) (прил. 2, рис. 13, 3–7). Одно из этих погребений относится к раннему этапу, четыре – к позднему.

В могиле M400 захоронен взрослый мужчина, лежавший на спине с прямыми ногами. Ориентация – 80°, голова повернута вправо. Сопроводительный инвентарь включал керамическую чашу *бо* на трех ножках, керамический котел *фу*, керамическую крышку сосуда и пару костяных палочек (возможно, для еды). Чашей был накрыт рот покойного, палочки лежали у левого предплечья, котел с крышкой находились слева от стоп. Кроме того, у левого бедра находился череп собаки (прил. 2, рис. 13, 4, 5). Погребение относится к раннему этапу существования могильника [Там же, с. 77].

M57 – вторичное захоронение. Погребенный – молодой мужчина. Слева от костей человека захоронена собака. Сопроводительный инвентарь включал два керамических трипода *дин* (один из них с крышкой), два керамических сосуда *доу*,

два керамических горшка *гуань*, один керамический кувшин *ху*, семь костяных наконечников стрел и три фрагмента заготовок для выполнения изделий из рога оленя. Наконечники стрел лежали возле задних лап собаки, один из сосудов *доу* находился под головой животного. Остальные предметы находились у черепа человека (прил. 2, рис. 13, 7) [Лунцючжуан, 1999, с. 109–110].

В М143 могиле захоронен взрослый мужчина, лежавший на спине с прямыми ногами. Направление – 78°. Сопроводительный инвентарь включал один керамический кувшин *ху* и два керамических треножника *дин*. Кувшин стоял слева от головы, треножники – с двух сторон в области пояса. Между бедер лежала нижняя челюсть собаки (прил. 2, рис. 13, 3) [Там же, с. 53].

Погребения М57 и М143 относятся к позднему этапу существования могильника.

Большое количество костей собак найдено на всей территории памятника, при этом ни на одной из них не обнаружено порезов или искусственных сколов – следов закалывания животных и разделки туш, т. е. собачье мясо не использовалось в пищу (основным источником мяса была свинья) [Там же, с. 492]. В то же время, наличествуют явные следы ритуального использования собак – захоронения в закладных ямах на территории жилищ и в могилах вместе с людьми, что свидетельствует об особом статусе этого животного в мировоззрении носителей культуры лунцючжуан.

Культура хэмуду

Возможно, собака была объектом почитания в культуре хэмуду (5000 (4500)–3400 л. до н. э.) – единственным из 61 вида домашних и диких животных, известных носителям культуры, от которого до нас дошли неповрежденные черепа (10 целых и пять с повреждениями естественного характера) [Сюй Цзяньчунь, 2002, с. 171–174]. Также известно как минимум одно изображение собаки в культуре хэмуду – небольшое рельефное изображение на фрагменте керамического изделия [Чэнь Вэньхуа, 1992, с. 346].

Культура мацзябинь

Вэйдунь – памятник эпохи неолита на территории городского округа Чанчжоу, пров. Цзянсу. Памятник был открыт в 1960 г. С 1965 г. проводилось обследование памятника. В ноябре-декабре 1972 г. на памятнике были проведены раскопки. В культурном слое в числе фаунистических костных остатков обнаружены фрагменты нижних челюстей собак [Чэнь Цзин, 1974, с. 110]. На памятнике обнаружено 24 могилы, в одной из них – М24 в области левого плеча покойного была обнаружена нижняя челюсть собаки, а с внешней стороны правого бедра – вероятно, ее же почти полный скелет. Данное погребение принадлежит к культуре мацзябинь [Гао Гуанжэнь, Шао Ванпин, 2013, с. 387; Го Чживэй, 2012, с. 55].

Культура сюэцзяган

Памятник Сайдунь, уезд Хуанмэй, пров. Хубэй. Раскопки велись в 1986–1988 гг. Среди 108 погребений, принадлежащих культуре сюэцзяган, собаки (три костяка) были захоронены в одном погребении, относящемся к раннему периоду этой культуры. Объекты культуры сюэцзяган на данном памятнике датируются промежутком 3500–2600 л. до н. э. [Го Чживэй, 2012, с. 55].

Культура лянчжу

Памятник Гуанфулинь на территории района Сунцзян в Шанхае был открыт в 1959 г., раскопки велись в 1961, 1999–2000 гг. На памятнике обнаружены разновременные объекты, датируемые от неолита до эпохи Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.), в том числе погребения, зольники и другие конструкции, сгруппированные вокруг могильника, принадлежащие к культуре лянчжу. Собаки захоронены около одной из могил и в зольнике. Конструкция могилы 1961М2 не ясна. Ориентация – 26°. Покойный лежал на спине с прямыми ногами. Сопроводительный инвентарь включал несколько керамических сосудов (треножки *дин*, горшки *гуань*, блюдо *пань*), каменный заступ и каменные наконечники стрел (3 шт.). На расстоянии 1,20 м к востоку от могилы найден целый скелет собаки [Сунь Вэйчан, Цзян Цюаньшэн, 1962, с. 466]. Зольник Н21 –

прямоугольной формы с вертикальными стенками и ровным дном. Длина – 0,75 м, ширина – 0,38 м, глубина – 0,14 м. Собака лежала головой на юго-запад, что совпадает с ориентацией погребений могильника (прил. 2, рис. 14, 1) [Сун Цзянь, Чжоу Лицзюань, Чэнь Цзе, 2002, с. 33–34].

Памятник Чжуанцяофэнь расположен на территории городского уезда Пинху, пров. Чжэцзян. Раскопки проводились в 2003–2006 гг. Из 271 погребения культуры лянчжу по одной особи собак найдено в 13 могилах среднего и позднего периода развития данной культуры. В 12 из них животные лежали в северо-западном или северо-восточном углу могилы, в ногах у человека, головой к ступням усопшего (люди были обращены головой на юг), лапы согнуты. Все 12 собак – взрослые особи

На памятнике обнаружены три грунтовые платформы, расположенные в ряд по линии восток-запад, вокруг них размещались погребения. Выделяется несколько групп могил, расположенных рядами в направлении восток-запад, возможно, они принадлежали различным семьям. На платформе 1, расположенной в центре, в восточной, северной и юго-западной частях расположено четыре жертвенные ямы, в которых захоронены взрослые собаки. В южной части платформы 2 (расположена к западу от платформы 1) находилась еще одна яма с захоронением собаки. Размеры жертвенных ям примерно одинаковы. Собаки лежали на боку, с согнутыми лапами, инвентарь отсутствует. В качестве примера, приведем описание жертвенной ямы Н30. Ее длина – 0,80 м, ширина – 0,30 м, глубина – 0,10 м. Голова животного опущена к согнутыми передним лапам и обращена на юг, спина – на восток, лапы – на запад.

Отдельные кости собак найдены также в культурном слое памятника вне конкретных объектов (вместе с оленьими рогами, костями свиньи, рыб и пр.) [Сюй Синьминь, Чэн Цзе, 2005, с. 11–14].

Памятник Шаоциншань находится на территории города Куньшань, пров. Цзянсу. Раскопки проводились в 1997 г. На памятнике найдены жилища, могильник и грунтовая платформа с погребением и жертвенными ямами,

принадлежащие культуре лянчжу. Три жертвенные ямы располагались в ряд у северного края платформы, все они неглубокие, овальной формы. В двух из них (Н1 и Н2) захоронены собаки, еще в одной (Н5) – череп человека. Размеры Н1: длина – 0,70 м, ширина – 0,52 м, глубина – 0,16 м. Размеры Н2: длина – 0,85 м, ширина – 0,43 м, глубина – 0,16 м (прил. 2, рис. 14, 2). Обе собаки лежали головой на запад. Возможно, жертвенные ямы Н2 и Н5 были связаны между собой, т.к. находятся на расстоянии около 0,20 м друг от друга (прил. 2, рис. 14, 3). Еще две ямы (Н3 и Н4) – в плане круглые, в них найдены изделия из нефрита. Все пять ям, по-видимому, составляют единый комплекс [Дин Цзиньлун, Чжан Чжаогэнь, Чэн Чжэньлюй, 2000, с. 37–39].

Тинлинь – памятник в районе Цзиньшань, Шанхай. Был открыт в 1966 г. Археологические работы велись в 1972–1975, 1988 и 1990 гг. Раскопано 23 могилы культуры лянчжу, в трех из них (относятся к позднему периоду лянчжу) захоронены собаки. Все они представляют собой вторичные захоронения (скелеты сохранились хорошо, но кости лежат не в анатомическом порядке, хотя их старались уложить упорядоченно) (прил. 2, рис. 15). Радиоуглеродное датирование дает дату 1690±150 лет до н. э. без калибровки [Чжан Минхуа, Ли Фэн, 2002, с. 62].

Могила М1 расположена в северной части могильника. Могильная яма имеет овальную форму, стенки пологие, скошены внутрь, дно ровное. Размеры могильного отверстия: длина – 2,70 м, ширина – 0,65 м. Размеры дна могилы: длина – 2,50 м, ширина – 0,45 м. Глубина могилы – 0,10 м. Направление – 168°. Скелет полный, однако кости лежат не в анатомическом порядке, что позволяет сделать вывод о вторичном захоронении. Скелет принадлежал мужчине средних лет крепкого телосложения. Сопроводительный инвентарь включал 21 изделие из камня и керамики. За исключением кувшина *ху* и горшка *гуань*, помещенных в изголовье могилы, остальные предметы располагались в ногах покойного. Каменный инвентарь включал четыре предмета – плуг, топор, серп и тесло. Керамических сосудов насчитывалось 17: один треножник *дин*, один сосуд *доу*, шесть горшков *гуань*, девять кувшинов *ху* с двумя носиками. Кроме того, в

северной части могилы перпендикулярно телу человека лежала собака (прил. 2, рис. 15, 2) [Чжан Минхуа, Ли Фэн, 2002, с. 50–51].

Могила М16 расположена в южной части могильника. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами, стенки скошены внутрь, дно ровное. Размеры могильного отверстия: длина – 3 м, ширина – 1 м. Размеры дна: длина – 2,90 м, ширина – 0,70 м. Глубина могилы – 0,20 м. Направление – 170°. В юго-восточной части могилы сохранилась остаток деревянного гроба. Скелет сохранился хорошо, хотя анатомический порядок был серьезно нарушен. Скелет принадлежал пожилому мужчине. Сопроводительный инвентарь чрезвычайно богат. М16 – единственное погребение могильника, где были найдены нефритовые регалии *цун* и *би*. Всего насчитывалось 80 предметов из нефрита, камня и керамики, почти все они находились под телом покойного. Нефритовых изделий насчитывалось 25: одна регалия *цун*, три диска *би*, одна восьмигранная трубочка, два шилообразных предмета, 18 бусин. Регалия *цун* лежала на груди, шилообразные предметы находились в области рук. Каменный инвентарь включал 18 предметов: четыре наконечника стрел, девять топоров, одна секира, плуг, серп, тесло и «тяпка». Керамические предметы (37 шт.) включают: котел-треножник *янь*, треножник *дин*, два горшка *гуань*, сосуд *доу*, блюдо *пань*, 27 кувшинов с двумя носиками, один кувшин с ручкой, две крышки. В северной части могилы перпендикулярно телу человека головой на восток лежала собака.

Могила М22 находится в юго-восточной части могильника, на расстоянии 2 м от М16. Конструкция могилы М22 сходна с М16: прямоугольной формы со скругленными углами, стенки скошены внутрь, дно ровное. Размеры могильного отверстия: длина – 3,05 м, ширина – 0,88 м. Размеры дна: длина – 1,65 м, ширина – 0,48 м. Глубина – 0,30 м. Направление – 174°. В северо-западном углу могилы сохранились остатки гроба. Изначально человек лежал на спине с прямыми ногами, но анатомический порядок серьезно нарушен. Половозрастное определение не проводилось. Сопроводительный инвентарь включал 18 предметов из кости, нефрита, камня и керамики, все они лежали на теле покойного. Нефритовые

изделия включали четыре шилообразных предмета, самый длинный из которых лежал у левого плеча, еще один – в области шеи, еще два – между пястными костями. Изделия из камня – это наконечник стрелы, нож, два топора. Топоры и нож лежали на ногах, а наконечник стрелы находился в центре туловища, возможно, его попадание и явилось причиной смерти. Керамические сосуды (9 шт.): три треножника *дин*, один горшок *гуань*, три кувшина с ручкой, два кувшина с двумя носиками. За исключением одного кувшина с ручкой, лежавшего у левой руки, остальные сосуды находились в области стоп. Костяной наконечник стрелы, находился рядом с грудой керамических сосудов в ногах покойного. В северной части могилы лежала собака, головой на северо-восток (прил. 2, рис. 15, 1) [Чжан Минхуа, Ли Фэн, 2002, с. 51–52].

Уцзячан – могильник относится к позднему этапу культуры лянчжу, находится на памятнике Фуцюаньшань в районе Цинпу, Шанхай. Раскопано несколько богатых могил, принадлежавших представителям знати. Среди них выделяется погребение M207, в котором захоронено шесть собак, что является уникальным случаем для культуры лянчжу. M207 – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина составляет приблизительно 4 м, ширина – 2 м, глубина – около 0,90 м. Направление – 179°. В могиле имелся гроб, его примерные размеры 3,20 × 1,10 м. Несмотря на плохую сохранность гроба различимы следы лакового покрытия красного цвета. Скелет «хозяина могилы» сохранился плохо, возможно, это было вторичное захоронение. Собаки лежали в северной, восточной и западной частях могилы, некоторые из них, видимо, были уложены на крышку гроба. Сопроводительный инвентарь чрезвычайно богат и разнообразен, располагался как внутри гроба, так и снаружи. К северу от гроба находились керамические сосуды – треножники *дин*, горшки *гуань* и т. д. Внутри гроба помещалось более 300 предметов из керамики (сосуды *доу*, треножники *дин*, кувшины *ху* с двумя носиками, кувшины *ху* с двумя ручками и крышкой, кубки, горшки *гуань*), нефрита (регалии *цун*, диски *би*, ритуальные секиры, многочисленные бусины и подвески), слоновой кости (жезлы и браслеты),

камня, лаковые изделия, украшения и наконечники стрел, изготовленные из зубов животных [Шанхай Фуцюаньшань, 2011, с. 4].

Культура таньшишань

Жертвенная яма с захоронением собаки была найдена на памятнике **Таньшишань** одноименной культуры на территории уезда Миньхоу г. Фучжоу, пров. Фуцзянь (прил. 2, рис. 16) [Таньшишань, б. г.].

Культура дапэнькэн

Захоронение домашней собаки (полный скелет) обнаружено на памятнике **Наньгуаньли** культуры дапэнькэн (4000/3000–2500 лет до н. э.) на территории Южного тайваньского научного парка в районе Синьши г. Тайнань (Тайвань) (прил. 2, рис. 17) [Цзан Чжэньхуа, 2007].

Луншаньская культурная общность

Луншаньская культурная общность возникла около 3000 л. до н.э. на территории современной пров. Шаньдун и стремительно распространилась на районы среднего течения Хуанхэ. Заключительный этап неолита в центральных и восточных районах Китая соотносятся с различными локальными вариантами данной культурной общности.

Памятник Дасиньцунь, уезд Фэнсян, Шэньси. Раскопки проходили в 1980–1981 гг. На памятнике обнаружено три могилы, принадлежащие культуре кэшэнчжуан (луншаньская культурная общность), в одной из этих могил (M2) найден фрагмент нижней челюсти собаки [Люй Чжижун, Цао Минтань, 1985, с. 1–2].

На луншаньском памятнике **Дунсяфэн** в уезде Сясянь пров. Шаньси в зольнике H231 (круглый в плане, стенки расширяются книзу, дно плоское, ровное) захоронены: на глубине 2,10 м – свинья, на глубине 2 м – голова и отдельные кости барана, на глубине 1,80 м – баран, на глубине 1,40 м – собака (прил. 2, рис. 18, 1) [Хуан Шилинь, Ли Сицзин, Ван Кэлинь, 1983, с. 64].

На городище **Таосы** одноименной культуры в уезде Сянфэнь, пров. Шаньси, в крупном зольнике неправильной формы HГ8, датированном поздним периодом Таосы (2000–1900 л. до н. э.), найдено большое количество человеческих костей (останки не менее 35 индивидов), костей животных (в том числе большое количество собачьих костей), фрагменты керамики и т.д. [Янь Чжибинь, Хэ Ну, 2005, с. 322–324].

В луншаньском слое памятника **Сяванган** найдены захоронения собак в одной из 53-х могил и в зольнике H98. Могила M26 – грунтовое погребение неправильной формы, длина – 1,40 м, максимальная ширина – 0,80 м, глубина – 0,31 м. В могиле был захоронен ребенок в скорченной позе, под головой у него находился керамический трипод *дин*, в ногах – собака (прил. 2, рис. 19) [Сичуань Сяванган, 1989, с. 238–239; Го Чживэй, 2012, с. 54; Окамура, 2004, с. 228].

На памятнике **Синьчжай**, расположенном на территории городского уезда Синьми, пров. Хэнань, в луншаньском слое (в зольнике 1999Т1H72) имелось захоронение собаки без головы [Ли Чжипэн, 2011, с. 100].

На городище **Пинчжай** в уезде Гуши, пров. Хэнань, в зольнике (H23) неправильной формы найден скелет щенка, уложенный головой на запад. Костяк лежал на зольном пятне в форме круга диаметром 0,64 м, слой золы толщиной 5 см. Под золой найден камень неправильной формы диаметром примерно 10 см. Над скелетом собаки был помещен еще один небольшой камень, над ним – крупный булыжник, на который положили тщательно обработанный каменный наконечник стрелы (прил. 2, рис. 20). Неолитические объекты на памятнике датируются примерно временем 2000–1700 л. до н. э. [Ли Вэймин, Цзо Чао, Нью Юймэй, 2000, с. 333–334, 354–355].

На памятнике **Дачэншань** на территории района Лубэй городского округа Таншань, пров. Хэбэй, раскопано две могилы. В одной из них вместе с человеком была захоронена собака. Человек лежал на животе с согнутыми ногами, головой на северо-восток. Собака была уложена около головы покойного, перпендикулярно

телу человека, головой на северо-запад. Под скелетом человека было найдено более 20 камней разного размера [Чэнь Хуэй, Тан Юньмин, Сунь Дэхай, 1959, с. 20].

На памятнике **Иньцзячэн** в уезде Сышуй, пров. Шаньдун, раскопано 245 луншаньских ям разных форм и размеров. Одна из них (Н69) – в форме правильного круга в плане, с гладкими стенками и ровным дном. На дне лежала одна собака, в заполнении присутствовал слой извести [Гао Гуанжэнь, 2000б, с. 305].

На луншаньском городище **Цзиньянган** (уезд Янгу, пров. Шаньдун) было обнаружено более 100 ям, в двух из них (Н8 и Н13) были захоронены собаки. Эти ямы неправильной формы, в северной части соединяются между собой (прил. 2, рис. 18, 2). У Н8 длина с севера на юг составляет 2,90 м, ширина с запада на восток – 1,20 м, глубина – 1,15 м; внутри череп и кости задних конечностей собаки (прил. 2, рис. 18, 2, 3). У Н13 длина – 3,60 м, ширина – 0,80–1,80 м, глубина – 1,50 м, в северной части найден целый скелет собаки (прил. 2, рис. 18, 2, 4). В обеих ямах в большом количестве обнаружена луншаньская керамика (горшки, миски, треножники и т.д.), изделия из камня, кости, рога, бараньи и собачьи кости [Ли Фаньлин, Сунь Хуайшэн, У Минсинь, 1997, с. 17].

Саньлихэ – многослойный неолитический памятник на территории городского уезда Цзяочжоу, пров. Шаньдун. На луншаньском могильнике обнаружен жертвенник – прямоугольная площадка длиной 0,90 м шириной 0,60 м, выложенная галькой. На расстоянии приблизительно 1 м к юго-западу от него был найден полный скелет собаки, под скелетом животного были аккуратно уложены 7 фрагментов черной керамики [У Жуцзо, 1977, с. 263–264]. По мнению Гао Гуанжэня [2000б, с. 308], жертвенник и захоронение собаки были связаны с погребением М102, расположенным неподалеку, и представляли собой следы жертвоприношения предкам.

В луншаньском слое на памятнике **Шанчжуан** на территории уезда Чипин городского округа Ляочэн, пров. Шаньдун, в канаве неправильной формы были найдены скелеты четырех собак, один собачий череп и еще два черепа, принадлежавшие мелким животным, чья видовая принадлежность не установлена.

Размеры верхней части канавы: длина – 3,95 м, ширина – 0,65–0,90 м; размеры дна: длина – 3,73 м, ширина – 0,55–0,80 м; глубина – 1,40–2,25 м. Внутри находились различные керамические сосуды (*дин, гуань, пэнь, ли, вань, бэй*), костяные иглы и другие предметы [У Шичи, У Вэньци, 1985, с. 479–480].

Дакоу – археологический памятник культур луншань и юэши. Расположен недалеко от берега моря на южном склоне холма Цюнжэньдин (другое название Цюшэньдин) на о. Тоцзидао в Бохайском заливе (уезд Чандао городского округа Яньтай, пров. Шаньдун). На памятнике обнаружены остатки двух жилищ, 22 могилы и 9 жертвенных ям с животными (свиньями и собаками) луншаньской эпохи. Собаки, захороненные как минимум в двух ямах, представляют собой следы ритуалов жертвоприношения либо духам гор или моря (что объясняется расположением памятника), либо духам предков как часть погребальных ритуалов (т.к. ямы найдены на территории могильника) [У Жуцзо, 1985, с. 1068–1072, 1082–1083, 1145; Гао Гуанжэнь, 2000б, с. 305–306; Гао Гуанжэнь, Шао Ванпин, 2013, с. 386].

1.3. Собаки в погребальном ритуале эпохи неолита на территории Китая

Как видно, в большинстве случаев могилы с захоронениями собак представляют собой грунтовые ямы с вертикальными стенками, реже – захоронения в глиняных сосудах. Как правило, погребения с захоронениями собак принадлежали мужчинам. Все могилы с собаками с памятников Сяванган, Дадивань, Лунцючжуан, Тинлинь – мужские. На памятнике Люлинь в шести могилах с собаками были похоронены мужчины, в одной – женщина. Возрастная структура неоднородна: в основном в могилах с собаками были похоронены взрослые люди (молодые, среднего возраста и пожилые), в небольшом числе могил были похоронены дети и младенцы. Наиболее распространенная поза покойного – на спине с вытянутыми ногами, редко встречаются погребения ничком или с согнутыми ногами.

Помимо собак в могилах имеются захоронения и других животных, чаще всего – кости свиней (нижние челюсти) и черепахи панцири. Кости свиней найдены в могилах М16, М20, М60 на памятнике Хуатин, а в могилах М18, М25, М88 на памятнике Люлинь и в могилах М44, М58 и М110 на памятнике Дадуньцзы – панцири черепах [Го Чживэй, 2012, с. 59].

Наиболее ранние из известных на сегодняшний день находки костей собак в могилах обнаружены на памятнике Цзяху. Следующим этапом развития традиции можно считать могилы с захоронениями собак на памятниках Сяванган, Цзянчжай, Дадивань. Все они относятся к раннему периоду яншао. Среди них наибольшее число погребений с собаками обнаружено на памятнике Сяванган. Более того, именно в сяванганских могилах были захоронены целые собаки, а не отдельные кости, что позволяет считать Сяванган самым ранним памятником с захоронениями собак, а кроме того наиболее репрезентативным из всех аналогичных памятников раннего периода.

В настоящее время наибольшее число найденных захоронений собак в период неолита относятся к культуре давэнькоу. На памятниках Люлинь, Дадуньцзы, Хуатин и Едянь найдено разное количество погребений с собаками, в основном в могилах были захоронены целые собаки. Это был период наибольшего распространения традиции захоронения собак в неолитическую эпоху на территории Китая. Практически синхронны погребениям с этих памятников шесть могил с захоронениями собак с памятников Лунцючжуан и Вэйдунь.

Поздний период существования традиция захоронения собак в могилах приходится на средний и поздний периоды культуры лянчжу. В это время число захоронений собак в могилах сокращается по сравнению с предыдущим периодом. Наибольшее количество захоронений собак, относящихся к этому времени, обнаружены на двух памятниках в нижнем течении реки Янцзы – Тинлинь (3 могилы), Чжуанцяофэнь (13 могил), могильник Уцзячан (1 могила). Кроме того, в эпоху существования яншаоских культур уже имелись очаги этой традиции в Наньянской котловине и в северо-западном районе, однако число захоронений

собак там не велико: на памятниках Сяванган, Дасиньцунь и Цзянцзяпин найдено всего по одному подобному погребению.

Что касается территориального охвата, то погребения с захоронениями собак неолитическую эпоху в основном сконцентрированы в районе верхнего и среднего течения рек Хуайхэ и Ханьшуй, северо-западном районе и в нижнем течении Янцзы. Со временем границы этой зоны менялись. Для дояншаоской эпохи известны захоронения собак только на одном памятнике – Цзяху, расположенном в верхнем течении Хуайхэ. В ранний период распространения культур яншаоской общности, захоронения собак появляются в районе среднего и верхнего течения р. Ханьшуй (памятник Сяванган) и в северо-западном районе (памятники Дадивань и Цзянчжай), основным центром распространения в это время был бассейн Ханьшуй. В период существования культуры давэнькоу границы распространения обычая захоронения собак претерпевают серьезные изменения. Большое число захоронений появляется в районе нижнего течения р. Хуайхэ, здесь постепенно формируется центр этой традиции. Одновременно погребения с собаками появляются на некоторых памятниках в районе среднего и нижнего течения Янцзы. В луншаньскую эпоху (средний и поздний периоды культуры лянчжу) погребения с захоронениями собак в основном распространены в районе нижнего течения Янцзы (памятники Тинлинь, Чжуанцяофэнь, Уцзячан), небольшое число захоронений имелось в верхнем и среднем течении Ханьшуй и в северо-западном районе [Го Чживэй, 2012, с. 55–56].

Го Чживэй выделяет четыре этапа в развитии традиции захоронения собак в могилах в неолитическую эпоху: дояншаоский, раннеяншаоский, период культуры давэнькоу и луншаньский. Расцвет традиции приходится на период существования культуры давэнькоу. Захоронения собак сконцентрированы в основном в районах верхнего и среднего течения рек Хуайхэ и Ханьшуй и нижнего течения реки Янцзы, определенное количество подобных захоронений есть и в северо-западном районе. Главный центр концентрации находился в районе верхнего и среднего течения рек Хуайхэ и Ханьшуй.

По количеству захороненных животных Го Чживэй разделяет неолитические погребения с собаками на три вида.

1) Захоронение отдельных костей собак (чаще всего в погребениях находят черепа, челюстные кости и кости конечностей). Примерами могут служить следующие погребения: могила М341 с памятника Цзяху, где в районе ног покойного найден фрагмент кости конечности; могилы М198 и М400 с памятника Лунцючжуан, в первой из них череп собаки лежал в районе правой руки покойного, а во второй – череп животного находился с внешней стороны левого бедра; в погребениях W74 с памятника Цзянчжай и М143 из Лунцючжуан были найдены челюстные кости собак, в могиле из Цзянчжай челюсть собаки была помещена в погребальный сосуд, во втором случае челюстная кость находилась между коленями покойного.

2) Захоронение одной собаки. Это самый распространенный вариант захоронения собак в период неолита. На каждом памятнике, где имеются погребения с собаками, именно могилы этого вида составляют большинство. На памятнике Сяванган 5 могил этого вида, на памятнике Хуатин – 8, Чжуанцяофэнь – 13 могил. Погребения этого вида составляют более 80 % от всех погребений с собаками.

3) Захоронение двух и более собак. Погребений этого вида обнаружено сравнительно немного. Они представлены на памятниках Сяванган, Дадуньцзы, Сайдунь, Уцзячан. Например, в могилах М285 из Сявангана, М70, М1100 и М122 из Дадуньцзы захоронено по две собаки; в могилах М40 из Дадуньцзы и М221 из Сайдунь – по три собаки; М207 из Уцзячан – шесть собак.

Как видно, наиболее распространенным видом были погребения с одной собакой в могиле, на втором месте по распространенности – захоронения отдельных костей собак, редко встречаются захоронения нескольких собак [Го Чживэй, 2012, с. 55–56].

В тех случаях, когда в могиле были захоронены отдельные кости собак, они в основном располагались в области ног покойного или сбоку от туловища. В

могиле W74 на памятнике Цзянчжай кость собаки была помещена в глиняный погребальный сосуд. В погребении M143 из Лунцючжуан собачья кость была найдена между коленей покойного.

Что касается наиболее многочисленных погребений с одной собакой, то по положению животных в могиле их можно разделить на четыре подвида.

1) Собака лежит в районе головы покойного. Например, в могиле M257 из Сявангана собака лежала справа от головы покойного.

2) Собака лежит сбоку от туловища покойного. Известно несколько таких погребений. Например, в могилах M224 и M645 из Сявангана, а также M224 из Дадивань собаки лежали слева от туловища человека; а в могилах M57 из Лунцючжуан и M19 из Хуатин – справа от туловища.

3) Собака лежит в области голени и стоп покойного. Известно несколько таких погребений. Они появляются достаточно рано на памятнике Сяванган (например, могила M112), наибольшее количество таких могил обнаружено и на более позднем памятнике Люлинь. Кроме того, могилы со схожим положением захороненных собак имеются на памятниках Лунцючжуан (M131) и Хуатин (M59).

4) Собака лежит в ногах покойного. Погребения этого вида достаточно распространены. В основном они встречаются на памятниках Хуатин, Тинлинь и Чжуанцяофэнь. Захоронения собак в области ступней или в ближайшем к стопам покойного углу могилы. В некоторых могилах на памятнике Дадуньцзы собаки захоронены схожим образом.

Что касается могил с несколькими собаками, животные как правило помещались в области стоп покойного: на памятнике Дадуньцзы в могилах M70, M110 и M122 захоронены по две собаки, все они располагались в районе стоп покойных; могилах M40 и M221 памятника Сайдунь захоронены по три собаки, все они находились в области стоп «хозяина могилы». В могиле M285 из Сявангана погребены две собаки, одна из них лежала в области головы покойного, другая – в области стоп [Го Чживэй, 2012, с. 56–57].

Распространены следующие варианты положения тела животного: лежа на боку или на животе, лапы могут быть согнуты или выпрямлены, у некоторых животных конечности могли быть связаны. Например, собака, захороненная в могиле М112 на памятнике Сяванган, лежала сбоку от голеней и стоп «хозяина могилы» на боку, лапы животного были согнуты и лежали на голени человека. А в могилах М224 и М645 с того же памятника собаки лежали ничком рядом телами людей. В восьми погребениях на памятнике Люлинь собаки лежали на боку на ногах покойных. В погребения более позднего памятника Тинлинь собаки лежат как на боку, так и ничком. Например, в могиле М16 собака лежала на боку, спиной к подошвам ног покойного, а в могиле М1 животное также лежало перпендикулярно человеку, рядом со ступнями, но ничком.

Что касается направления головы и туловища животного, то по этому критерию также можно выделить три подвида.

1) Направление головы собаки совпадает с направлением головы человека. Такие погребения достаточно многочисленны, в основном распространены на памятниках Сяванган, Дадивань, Люлинь и Лунцючжуан. К этому виду относятся погребения М112, М224 и М645 из Сяванган, М224 из Дадивань, М57 из Лунцючжуан и восемь могил из Люлинь.

2) Направление головы противоположно направлению головы человека. Хронологические рамки и ареал распространения этого вида захоронений совпадают с предыдущим, однако их количество намного меньше. К этому виду относятся могилы М257 и М285 из Сяванган и могила М40 из Дадуньцзы.

3) Направление головы собаки перпендикулярно направлению головы человека. Некоторое количество таких погребений найдено на памятниках Хуатин и Тинлинь.

На основании приведенных выше классификаций Го Чживэй [2012, с. 56–58] выделяет два этапа в развитии традиции захоронения собак в могилах в период неолита.

1) До возникновения культуры давэнькоу и ранний период культуры давэнькоу. Основной центра распространения – район верхнего и среднего течения рек Хуайхэ и Ханьшуй. В основном в могилах захоронено по одной собаке, но встречаются также и захоронения отдельных костей собак и захоронения нескольких собак. Животные как правило лежали сбоку от туловища человека или в районе голеней или стоп, реже – в области головы. Направление головы собак в большинстве случаев совпадало с направлением головы человека, в некоторых случаях направление головы собаки противоположно направлению головы человека.

2) От среднего и позднего периода культуры давэнькоу до луншаньского периода (средний и поздний периоды культуры лянчжу). Главный ареал распространения – район нижнего течения рек Хуайхэ и Янцзы. Количество собак, захороненных в могиле, остается таким же, как и в предыдущий период. Собаки, как правило, лежат у ступней покойного. Направление головы собаки перпендикулярно направлению головы покойного.

Захоронения собак в погребальных комплексах распространены практически повсеместно на территории Евразии начиная с палеолита и до этнографической современности. Трактовки смысла таких погребений, предлагаемые исследователями, весьма разнообразны. Ниже мы приводим классификацию из работы Н. А. Кузнецова [1998, с. 8–10]:

1. Собака охраняла и/или сопровождала умершего, особенно новорожденных и маленьких детей (А. П. Окладников, С. В. Ошибкина, С. В. Данилов, Л. Л. Викторова, Ю. Э. Жарнов, П. Н. Шульц, М. И. Вязьмитина, О. Д. Дашевская).

2. Собака приобщала душу умершего к духам умерших ранее предков (С. В. Данилов, Л. Л. Викторова).

3. Разные элементы погребального обряда (птица, лошадь, собака) используются с общей целью благополучной переправки покойного в потусторонний мир (Ю. Э. Жарнов).

4. Собачье мясо было жертвенной пищей (Э. А. Сымонович).
5. Собачье мясо не являлось погребальной пищей (В. Я. Сергин, Т. Н. Троицкая).
6. Собака сопровождала своего хозяина-охотника (К. В. Смирнов, М. Х. Маннай-Оол и др.).
7. Собаки были погребены рядом с хозяевами в благодарность за верную службу по охране и выпасу стад. Собака сопровождала своего хозяина-скотовода в загробный мир в качестве его помощника и собственности (В. П. Шилов, Т. Н. Троицкая, В. И. Марковин).
8. Отдельное погребение собаки было связано с обрядовым действием, отражавшим наличие тотемических представлений или культа домашних животных (А. П. Окладников, А. В. Новиков, В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайлов).
9. Погребения свидетельствуют о существовании культа собаки, обусловленного большой ролью этого животного в древнем обществе как хранителя территории жилища и поселения (А. В. Тиваненко).
10. Обряд захоронения собак ведет свое происхождение от зороастрийских ритуалов (А. К. Абетеков, В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайлов).
11. Погребение собаки, возможно, символизировало какие-то действия грабителей по отношению к роду покойного (В. А. Могильников).
12. Погребение собаки было результатом магических действий, производившихся грабителями с целью защиты от потревоженных останков и духов умерших (Э. А. Сымонович).
13. Захоронения собаки было свидетельством заботы о своем умершем друге (В. М. Массон).
14. Отдельные погребения собак были жертвоприношениями духам-покровителям (Л. Я. Крижевская).
15. Многовариантность возможной трактовки культового характера захоронений собаки (В. М. Массон, Л. А. Чиндина и др.).

Хотя возможности для интерпретации захоронений собак в могилах эпохи неолита на территории Китая в настоящее время ограничены сравнительно небольшим числом известных на данный момент захоронений и большой их древностью и любые трактовки имеют гипотетический характер, китайские исследователи неоднократно предпринимали попытки объяснить их назначение.

Так, Гао Гуанжэнь и Шао Ванпин полагают, что захоронения собак в неолите и в эпоху Шан-Инь имеют сходный характер: собака была для покойного компаньоном, призванным сопровождать и защищать хозяина после смерти. По мнению этих авторов, шанская традиция захоронения собак была заимствована из восточных районов Китая. В культуре давньоку распространенной практикой было захоронение в могилах свиней (целых тел, голов или нижних челюстей), черепах (или черепаших панцирей) и собак. По мнению Гао Гуанжэня, сопроводительные захоронения этих животных имели принципиально различный характер: свиные черепа и челюсти были символами богатства, высокого социального статуса; черепаха была почитаемым, божественным животным; собака же, вероятно, мыслилась существом, «имеющим душу» и способным поэтому продолжать служить человеку в ином мире. В то же время исследователи не исключают возможности, что собака представляла собой лишь жертвенную пищу, предназначенную самому покойному или духам загробного мира [Гао Гуанжэнь, 2000а, с. 136; Гао Гуанжэнь, Шао Ванпин, 2013, с. 387–388].

По мнению Ван Лихуа, традиция захоронения собак (в том числе и в неолитический период) связана с той ролью, которую собака играла в повседневной жизни людей, и, прежде всего, охранника и защитника [Ван Лихуа, 1992, с. 270].

Го Чживэй полагает, что наиболее вероятной функцией сопроводительного захоронения собаки была защита души хозяина после смерти, хотя возможны и варианты: собака как помощник человека в потустороннем мире или собака как жертвенная пища. При этом Го Чживэй, исходя из положения собак в могилах, отмечает, что на раннем этапе развития традиции сопроводительных захоронений

собак между человеком и животным существовали равноправные, партнерские отношения. Позднее, в поздний период культуры давэнькоу и в луншаньскую эпоху, тесная связь между собакой и хозяином исчезает, собака оказывается подчиненной человеку и выполняет лишь служебные функции помощника на охоте или охранника [Го Чживэй, 2012, с. 60–61].

Чжан Чжэнь полагает, что захоронения собак на памятнике Цзяху были обусловлены использованием собаки в качестве сторожа и охранника: животные были принесены в жертву для обеспечения защиты поселения и могильника. Что касается более поздних захоронений собак в могилах людей, здесь собака выступала в роли спутника человека и помощника в охоте в потустороннем мире [Чжан Чжэнь, 2006, с. 7].

В настоящее время представляется возможным лишь наметить некоторые направления исследований, которым, на наш взгляд, до сих пор не уделялось достаточно внимания, но которые могут быть полезными для установления функций захоронений собак и реконструкции ритуала.

Во-первых, перспективным представляется анализ совместных захоронений в могилах собак и черепах. Работу в этом направлении начали Гао Гуанжэнь и Шао Ванпин. Изучив погребения, в которых были захоронены собаки и черепахи (по три на памятниках Люлинь и Дадуньцзы культуры давэнькоу), они установили, что именно эти могилы выделяются среди прочих более многочисленным, богатым и разнообразным сопроводительным инвентарем, в состав которого входили ритуальные керамические сосуды цзунь. Таким образом, исследователи предположили, что шесть погребений с собаками и черепахами могли принадлежать старейшинам кланов или жрецам. Примечательно, что захоронение с собакой и черепахой, чрезвычайно сходное с аналогичными погребениями из Люлинь и Дадуньцзы, известно и на памятнике Сяванган в раннеяншаоском культурном слое, что может объясняться межкультурными и контактами и заимствованиями [Гао Гуанжэнь, Шао Ванпин, 2013, с. 388–389]. В традиционной культуре Китая собака и черепаха олицетворяют соответственно мужское (янское)

и женское (иньское) начала. Сочетание этих животных в погребении могло представлять собой воплощение бинарной оппозиции как одного из базовых средств конструирования модели мира.

Во-вторых, продуктивным, на наш взгляд, может быть изучение погребений с собаками через призму палеоэтнологии. По мнению некоторых исследователей [Деопик, Ульянов, 2012], носители культур давэнькоу и лянчжу, на памятниках которых обнаружено наибольшее число захоронений собак, могли принадлежать к тем или иным группам австрических этносов – предков современных мяо-яо, вьетов, тайцев и других народов, в мифологии которых образ собаки занимал и до настоящего времени занимает чрезвычайно значимое место. Определение этнической принадлежности создателей вышеупомянутых культур позволит уточнить круг возможных этнографических и фольклорных аналогий, привлекаемых для интерпретации и реконструкции ритуала захоронения собак.

И в-третьих, необходимо продолжить исследование погребений с собаками с учетом данных зооархеологического анализа останков животных.

1.4. Образ собаки в неолитическом искусстве Китая

Кроме захоронений собак в могилах, зольниках, жертвенных ямах важным источником по ритуальному использованию собак в период неолита являются различные изображения этих животных. В настоящее время их известно сравнительно немного: это изображения собак на расписном керамическом сосуде (яншаоская культурная общность), глиняные фигурки собак (культуры давэнькоу, шицзяхэ, сяохэянь, луншаньская культурная общность), керамический сосуд *гуй* в форме собаки (культура давэнькоу), рельефное изображение собаки на фрагменте керамического изделия (культура хэмуду).

На могильнике культуры давэнькоу на многослойном памятнике Саньлихэ (городской уезд Цзяочжоу, пров. Шаньдун) 1974 г. найден керамический сосуд *гуй* в форме собаки (M267:1) (прил. 2, рис. 21).

На горшке *гуань* позднего периода яншао (3500–2900 л. до н. э.), найденном на памятнике **Дадивань**, изображены две пары собак. Две собаки стоят на задних лапах, оскалив зубы, будто готовые кинуться друг на друга. Между ними лежит рыба. Вторая пара показана стоящими на четырех лапах, мордами друг к другу, с оскаленными зубами. Композиция помещается в средней части сосуда, снизу она ограничена одной горизонтальной линией, сверху – двумя линиями (прил. 2, рис. 22). Эти линии могут обозначать границы между мирами, указывая на то, что действие происходит в нижнем мире. Рыба как существо, связанное с водной стихией, является маркером нижнего мира², собака во многих культурах также представляется хтоническим животным. Возможна и другая трактовка: нижняя часть сосуда, традиционно соотносимая с нижним миром, не расписана и отделена от композиции чертой, соответственно, можно предположить, что фигуры помещены в средний мир, а собаки в таком случае выступают в роли медиаторов. Реконструируемые представления о собаке как животном-медиаторе или существе из нижнего мира согласуются с характерной для культур яншаоского круга практикой использования собак для сопроводительных захоронений и жертвоприношений, связанных с постмортальными ритуалами.

На памятниках культуры шицзяхэ (2500–2200 лет до н. э.) в пров. Хубэй – **Шицзяхэ, Дэнцзявань, Цинлунцюань, Лоцзябайлин** – найдены фигурки из красной глины, изображающие людей, диких и домашних животных, в том числе и собак [Чжан Юньпэн, 1956, с. 15–16; Chang Kwang-chih, 1964, p. 105; Ян Сяонэн, 1989, с. 65–66; Чжан Юньпэн, Ван Цзинь, 1994, с. 221, 224; Дэнцзявань, 2003, с. 181–195].

Наибольшее число статуэток (по оценкам авторов раскопок, их количество может превышать 10 тыс., однако точный подсчет невозможен, поскольку от большинства фигурок до нас дошли лишь сваленные в кучу обломки) найдено на памятнике **Дэнцзявань**, расположенном на территории г. Тяньмэнь. По мнению

² Об образе рыбы, достаточно популярном в яншаоском искусстве, см. подробнее: [Кравцова, 2004, с. 41–42].

исследователей, данный памятник был культовым центром, а мелкая пластика использовалась в религиозных церемониях, к примеру, зооморфные фигурки могли служить заменой жертвенным животным. Всего сохранилось 193 зооморфных изображения, что превышает 90 % от общего числа всех найденных там археологически целых статуэток. Из них 60 экз. – скульптурки домашних животных, среди которых первое место по количеству (43 экз.) принадлежит собакам.

Ван Цзинь разделил керамические скульптурки собак на два типа: с большой головой, короткой мордой, толстым туловищем и с маленькой, узкой головой, длинной мордой и худым туловищем, что, возможно, указывает на существование разных пород. Размеры фигурок не превышают 10 см, в основном около 7 см. Животные показаны в различных позах – стоя, сидя, лежа. Имеются изображения собак, держащих передними лапами или в пасти некий предмет (предположительно, кусок мяса или кость), лающих собак с открытой пастью, взрослых собак с щенками на спине, а также статуэтки людей, глядящих собак (прил. 2, рис. 23–26) [Дэнцзявань, 2003, с. 181–195; Ван Цзинь, 2011, с. 51, 53–58, 63–64].

Аналогии находкам из Дэнцзявань можно найти в современном Китае, в соседней с Хубэем провинции Хэнань. Так, китайская исследовательница Ян Лихуэй рассказывает об изготовлении народными мастерами в уезде Хуайян пров. Хэнань разнообразных глиняных фигурок (обезьянок с человеческими лицами и с подчеркнутыми женскими гениталиями, тигров с обезьянками на спине и обезьянок, несущих на спине других обезьянок, двухголовых собачек, собачек с человеческой головой, девятиголовых птиц и т.д.). Некоторые из них представляют собой игрушки-свистульки (прил. 2, рис. 27).

Фигурки известны под различными наименованиями: *ни гоу* 泥狗, *ни гоугоу* 泥狗狗 или *нини гоу* 泥泥狗 («глиняные собачки»), *лин гоу* 陵狗 («собачки из могильника»), *лин гоу* 靈狗 («чудесные / божественные собачки / собачки

мертвых»), *тянь гоу* 天狗 («небесные собачки»). Как указывал Б. Л. Рифтин, основной компонент всех названий фигурок – «собачки» – происходит из распространенного в той же местности предания о том, что Нюйва³, починив небосвод, попала в Деревню Злых собак (Эгоуцунь 惡狗村) и превратилась в черную собаку (основной цвет глиняных фигурок – черный) [Рифтин, 2007б, с. 54]. Другие версии связывают происхождение обычая с мифом о том, как Нюйва создала людей из глины: из оставшегося после сотворения людей материала богиня вылепила собак, птиц и других животных [И Мин, 2010].

В настоящее время основным центром традиции изготовления этих глиняных фигурок является расположенный в Хуайяне храм Фуси⁴ (*Тай-хао лин* 太昊陵), а производство и продажа статуэток осуществляются в основном во время Праздника второго месяца (*Эр юэ хуэй* 二月會), другое название – Храмовый праздник Тай-хао лин (*Тай-хао лин мяо хуэй* 太昊陵廟會), – весеннего праздника очищения и пробуждения природы (празднуется ежегодно со 2-го дня 2-го месяца до 3-го дня 3-го месяца по лунному календарю), истоки которого восходят к древним обрядам, призванным обеспечивать плодородие, и, вероятно, эротическим ритуалам. Таким образом, все указывает на связь обычая изготовления глиняных фигурок из Хуайяна с архаическими культами плодородия [Хуайян ни ни гоу, 2006].

Фрагменты глиняных фигурок собак были найдены на памятниках Синьлэ в Шэньяне, пров. Ляонин (культура синьлэ), Байсыланьинцзы в хошуне Лохань городского округа Чифэн, АР Внутренняя Монголия (культура сяохэянь), Янбай в

³Нюйва – один из наиболее значимых и сложных образов древнекитайской мифологии. Наиболее древними являются представления о Нюйва как о богине-матери, богине плодородия и демиурге, создавшей людей из глины [Яншина, 1984, с. 122]. Ей также поклонялись как богине бракосочетаний под именем Гаомэй и чадоподательнице, в ее честь исполнялись танцы эротического характера [Рифтин, Кобзев, 2007а, с. 538].

⁴Фуси – в древнекитайской мифологии божественный первопредок и культурный герой, приблизительно на рубеже н. э. стал считаться братом и/или мужем Нюйва. Как легендарный правитель известен под именем Тай-хао (太昊) [Рифтин, Кобзев, 2007г, с. 647].

уезде Утай, пров. Шаньси (луншань) (прил. 2, рис. 28), Махуэйин в уезде Ичуань городского округа Лоян, пров. Хэнань (конец луншань), Танцзяган в уезде Аньсян городского округа Чандэ, пров. Хунань (культура даси) [Чжоу Яншэн, 1990, с. 978; Ли Гунду, 1977, с. 9; Ху Цзянь, Цзя Чжицян, 1997, с. 56; Го Иньцян, Нин Цзинтун, 1983, с. 1040; Хэ Цзецзюнь, Чжоу Шижун, 1982, с. 341].

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что в эпоху неолита образ собаки занимал значимое место в мировоззрении населения территории современного Китая. Уже в период среднего неолита складываются основные варианты использования собак в ритуальных практиках, которые будут характерны для культур, распространенных на территории Китая уже в эпоху палеометалла:

- 1) сопроводительное захоронение собаки
- 2) жертвоприношения собак, связанные с погребальными или поминальными обрядами
- 3) собака как строительная жертва

Сохранились разнообразные, хотя и немногочисленные, изображения собак (росписи на керамике, мелкая пластика и т.д.).

Можно констатировать формирование особого отношения к собаке у носителей культур пэйлиган, лунцючжуан, давэнькоу, лянчжу, культур яншаоской и луншаньской общностей. Модели использования животных или их изображений в ритуальной деятельности (прежде всего, в погребальных и поминальных обрядах, а также, возможно, в ритуалах, направленных на обеспечение плодородия), формировавшиеся в неолите, продолжали играть важную роль в духовной культуре народов Китая на протяжении долгого времени, отдельные их пережитки можно наблюдать и в настоящее время.

ГЛАВА 2. РИТУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОБАКИ В РАННЕМ И РАЗВИТОМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ КИТАЯ (ЭПОХА ШАН)

2.1. Захоронения собак в могилах периода ранней и средней Шан

В эпоху бронзы собака продолжала оставаться важным в хозяйственном отношении животным, о чем свидетельствует большое количество костей собак, найденных на памятниках [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 372]. Чжан Гуанчжи указывает, что в Шан собаки могли использоваться как тягловые животные для пахоты [Chang Kwang-chih, 1964, p. 172]. Подтверждений этому не найдено. Собачьи кости служили сырьем для костерезного ремесла, а лопатки собак в раннешанский период применялись в качестве гадательных костей [Cheng Te-kun, 1960, p. 128; Чжунго каогусюэ, 2003, с. 351].

Однако, несмотря на то, что на памятниках раннебронзовой культуры эрлитоу обнаружено более 500 могил, лишь в одной из них найдено сопроводительное захоронение собаки. На памятнике Эрлитоу в Яньши, пров. Хэнань, к северо-востоку от фундамента дворца № 2 обнаружено крупное грунтовое погребение M1 прямоугольной формы (длина – 5,20–5,35 м, ширина – 4,25 м, глубина – 6,10 м), с уступом вдоль стенок. Ориентация могилы практически совпадает с ориентацией дворца, около которого она находится. На глубине примерно 2,70 м в центральной части могильной ямы была захоронена собака, по-видимому, в отдельном гробу, покрытом красным лаком (длина – 0,42 м). Скелет собаки лежал в анатомическом порядке, его длина составляла примерно 0,35 м, голова ориентирована на север (прил. 2, рис. 29). Погребение было ограблено и нарушено могилой ханьского времени, поэтому сопроводительный инвентарь не сохранился. Датировка – не позднее, чем 3-м периодом эрлитоу [Лю Чжицюань, Чжэн Гуан, 1983, с. 210; The Cambridge History, 1999, p. 160; Яньши Эрлитоу, 1999, с. 157–158].

Известно также одно захоронение собаки в зольнике, относящееся к 3-му периоду эрлитоу в Яньши. Он находился вблизи остатков жилища и представлял

собой овальную яму с вогнутым дном. Длина с севера на юг – 3,20 м, ширина с запада на восток – 2,80 м, глубина – 0,95–1,10 м. На дне зольника имелась еще одна овальная яма длиной 0,75 м, шириной 0,28 м, глубиной 0,42 м, ориентированная по линии юго-восток – северо-запад. В ней был обнаружен скелет щенка, лежавшего на боку, головой на северо-восток. В зольнике были найдены керамические сосуды *дин* (2 шт.), *цзунь* (2 шт.), горшок *гуань*, миска *пэнь*, блюдо *пань*, котел *цзэн* и жбан *вэн*, фрагменты керамики [Ян Гочжун, Лю Чжунфу, 1983, с. 200].

В нижнем слое культуры эрлиган на Шанском городище в Чжэнчжоу с западной стороны Мингунлу было обнаружено 15 малых могил, ни в одной из них нет сопроводительных захоронений животных. В остальных 33 могилах данного периода, обнаруженных в других районах, независимо от того, были ли это средние могилы с бронзовым инвентарем или малые могилы без сопроводительного инвентаря, нигде не было обнаружено сопроводительных захоронений животных [Ли Чжипэн, 2011, с. 100].

Только в период ранней Шан вновь получает распространение обычай использования собак как жертвенных животных и захоронения собак в могилах. Ранне- и среднешанские погребения представляют собой вертикально-ямные могилы прямоугольной формы с *яокэном*. *Яокэн* («срединная яма») – важнейшая конструктивная особенность шанских погребений – это яма, чаще прямоугольной или овальной, реже квадратной формы, расположенная обычно в центре погребальной камеры под телом покойного. В большинстве случаев в *яокэне* захоранивали собак, иногда – людей, это определялось статусом покойника (захоронение людей в *яокэне* характерно для погребений аристократов; чем богаче был покойный, тем больше людей могли захоронить вместе с ним). Захоронение собак в *яокэнах* становится неотъемлемой частью шанского похоронного обряда [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 242, 279].

Период верхнего слоя культуры эрлиган – это время наиболее тесных контактов культуры Шан с восточными районами, поэтому некоторые исследователи предполагают, что обычай сопроводительного захоронения собак

был привнесен в шанскую культуру с востока и юго-востока (из культур давэнькоу, лунцючжуан, лянчжу). Но нельзя исключать и возможности того, что этот обычай сложился непосредственно у шанцев. Поиск истоков обычая сопроводительного захоронения собак в Шан пока требует дальнейшего исследования [Гао Гуанжэнь, 2000а, 2000б; Гао Гуанжэнь, Шао Ванпин, 2013; Ли Чжипэн, 2011].

Автору известно о 95 ранне- и среднешанских могилах, в которых были захоронены собаки, на 15 памятниках:

- 1) Шанское городище в Чжэнчжоу – 14 могил
- 2) Шанское городище в Яньши – 1 могила
- 3) Шаочай – 1 могила
- 4) Далучэньцунь – 1 могила
- 5) Сиво – 1 могила
- 6) Тайси – 40 могил
- 7) Синтай лянку – 1 могила
- 8) Люлигэ – 10 могил
- 9) Хуаюаньчжуан (к северу от р. Хуаньхэ) – 6 могил
- 10) Саньцзячжуан – 5 могил
- 11) Сяотунь – 3 могилы
- 12) Бэйцунь – 1 могила
- 13) Паньлунчэн – 9 могил
- 14) Сишицунь – 1 могила
- 15) Потоушань – 1 могила

Шанское городище в Яньши находится на территории городского уезда Яньши городского округа Лоян, пров. Хэнань. Здесь известно одно погребение с собакой – T55M68 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина с севера на юг – 2,90 м, ширина с востока на запад – 1,20 м, глубина – 1,20 м. Направление – 7°. Стенки могилы строго вертикальные, дно ровное. В могиле имелся гроб, покрытый красным лаком, в котором захоронен один человек - на спине с вытянутыми ногами, лицом вверх, левая рука на животе,

ноги скрещены, правая нога сверху. Сопроводительный инвентарь включал керамические сосуды повседневного использования (трипод *ли*, миска *пэнь*, кубок *цзюэ*, чаши *цзунь* и *цзя*), располагавшиеся в области ног покойного. Слева от стоп находились кости с мясом (возможно, остатки жертвенной пищи). На дне могилы под гробом имелся *яокэн* неправильной формы. В *яокэне* захоронена собака, головой на юг, тело перекручено, передняя часть тела лежит на боку, задняя – на животе. Погребение датируется 2-м периодом верхнего слоя эрлиган [Ли Чжипэн и др., 2006, с. 35, 41].

Шанское городище в Чжэнчжоу расположено на территории городского округа Чжэнчжоу, пров. Хэнань.

В разных частях памятника известно в общей сложности 14 могил с захоронениями собак, датируемых 1-м периодом верхнего слоя эрлиган. Это грунтовые могилы прямоугольной формы с вертикальными стенками, ориентированные по линии север-юг. В большинстве случаев покойные лежали на спине с прямыми ногами. Известен один случай кремации, кости человека были захоронены в глиняном сосуде. В могилах имелся *яокэн* прямоугольной или овальной формы. Известна также одна могила с квадратным *яокэном* (BQM4). В *яокэнах* захоронено по одной собаке. Направление голов собак как правило совпадает с направлением голов людей, с которыми они захоронены (на север или на юг). В некоторых могилах имелся уступ, а также деревянный гроб. В шести могилах дно было покрыто киноварью, в одной из них слой киновари имелся и на дне *яокэна*. Во всех могилах с захоронениями собак имелся сопроводительный инвентарь.

Из 15 могил, открытых с западной стороны Мингунлу, *яокэны* имелись в пяти могилах с бронзовым и нефритовым инвентарем, в четырех из них были захоронены скелеты собак, только в одной из «срединных ям» не было собаки. Что касается могил без бронзового инвентаря, то из них лишь в одной имеется *яокэн* с собакой, в остальных нет ни захоронений собак, ни *яокэнов*. В других районах Шанского городища в Чжэнчжоу было открыто 16 могил, сопроводительный

инвентарь которых представлен в основном бронзовыми изделиями, в 11 из них есть *яокэн*, в восьми в *яокэне* захоронена собака. Среди 22 могил, не имеющих бронзы, но содержащих керамические изделия, в четырех есть *яокэн*, в одном из них зарыта собака. Однако в этой могиле были найдены нефритовые изделия, набор керамики также достаточно богат. Что касается могил без сопроводительного инвентаря, то ни в одной из них нет захоронений собак или каких-либо других животных [Ли Чжипэн, 2011, с. 100] (подробнее см. прил. 1).

Как видно, сопроводительное захоронение собак в могилах находилось в тесной взаимосвязи с классом погребения: обычно захоронения собак наблюдаются в могилах с бронзовыми изделиями, в то время как в могилах, содержащих исключительно керамику или вовсе не имевших сопроводительного инвентаря, погребения собак, как правило, не наблюдаются [Ли Чжипэн, 2011, с. 100–101].

Паньлунчэн – городище и могильник среднешанской культуры на территории г. Ухань, пров. Хубэй. На памятнике раскопано 37 погребений, из них как минимум в девяти имеются захоронения собак в *яокэнах* (по: [Варенов, Комиссаров, 2013, с. 112, 114]).

В качестве примера приведем описания погребений в Лоуцзывань и Лицзяцзуй.

Лоуцзывань МЗ – малая грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина – 2,62 м, ширина – 1,24 м, глубина – 1,40 м. Направление – северо-восток (40°). В могиле имелись уступ и *яокэн* с собакой. Сопроводительный инвентарь включал бронзовые треножник *дин*, кубки *цзя*, *гу*, *цзюэ* (по 1 шт.), тесло, нож, клевец, наконечник копья, восемь наконечников стрел, бронзовый предмет ромбической формы, одно нефритовое украшение, фарфоровый горшок *вэн*, фарфоровый сосуд *цзунь*, керамический диск [Ицзюлюсань нянь, 1976, с. 53–54].

Лицзяцзуй М2 – грунтовая могила прямоугольной формы со скошенными стенками. Размеры могилы в верхней части 3,67 × 3,24 м, размеры дна 3,77 × 3,40 м,

глубина – 1,41 м (верхняя часть не сохранилась). Направление – 20°. Сохранились внутренний (2,06 × 1,03 м) и внешний (2,70 × 2,02 м) гробы. Внешний гроб с внутренней стороны был покрыт красным лаком, с внешней – покрыт красным и черным лаком, украшен резьбой. Возможно, изначально в могиле имелся еще один внешний саркофаг, стенки которого соприкасались со стенками могилы. В средней части могилы имелся *яокэн*, в котором предположительно была захоронена собака. Также там был найден разбитый на три части нефритовый клевец. Сопроводительный инвентарь включает 63 изделия из бронзы, в том числе 23 ритуальных сосуда, оружие и орудия труда, а также нефритовые клевцы, шпильки и другие предметы, керамические сосуды. В могиле захоронено три человека (один из них – ребенок), принесенных в жертву. Данное погребение является одним из самых богатых не только в Паньлунчэне, но и для всего периода ранней Шан [Кучера, 1977, с. 111; Чжунго каогусюэ, 2003, с. 242–245].

Потоучжай

К востоку от дер. Потоучжайцунь в уезде Ичуань, пров. Хэнань, была обнаружена могила шанской эпохи. Погребение серьезно пострадало в результате хозяйственной деятельности местных жителей, поэтому были проведены аварийно-спасательные раскопки. Могила представляла собой грунтовую яму прямоугольной формы с вертикальными стенками, ориентированную по линии север-юг. Глубина могилы – 1,50 м, длину и ширину установить не удалось. Судя по числу найденных черепов, в могиле были похоронены пять человек. Кроме того, в могиле найден скелет собаки. Погребальный инвентарь включал 16 предметов из бронзы, нефрита и керамики [Нин Цзинтун, 1993, с. 61].

Тайси – памятник ранне- и среднешанского времени на территории городского уезда Гаочэн городского округа Шицзячжуан, пров. Хэбэй.

На могильнике имелось как минимум 40 могил с захоронениями собак, в одной могиле – от одного до шести животных. Всего на памятнике открыто 112 могил, *яокэны* с захоронениями собак имеются в 34 из них, что составляет приблизительно треть от общего числа захоронений. Кроме того, в погребениях,

относящихся к данному периоду, помимо захоронения собак в *яокэнах*, были обнаружены также примеры захоронения собак на уступе и в заполнении могил (на данный момент наиболее ранние среди всех известных шанских захоронений с собаками). Впоследствии этот обычай постепенно распространился на весь ареал культуры Шан и районы, находившиеся под ее влиянием.

Яокэн с собакой присутствовал в абсолютном большинстве могил, в которых имелись бронзовые предметы. Могил с бронзовыми изделиями насчитывается 18, из них только в трех не было *яокэнов* с захоронениями собак. Могил без бронзового инвентаря насчитывается 94, из них собаки захоронены в 23, среди этих 23 погребений в семи имеются изделия из нефрита или гадательные кости. Из 34 могил, в которых не было никакого сопроводительного инвентаря, собаки захоронены только в двух, но в этих могилах были гробы. Это свидетельствует о том, что в тот период обычай сопроводительного захоронения собак не только еще шире распространился в относительно богатых могилах с бронзовым инвентарем, но и начал постепенно распространяться в сравнительно бедных могилах. Также надо заметить, что количество захороненных собак не находится в жесткой зависимости от статуса покойного. Так, в могиле, не имеющих бронзовых и нефритовых изделий, могли быть захоронены три собаки, а в могиле со множеством бронзовых предметов – всего одна. Во всех могилах, имевших бронзовые предметы, с захоронением двух и более собак в числе прочего сопроводительного инвентаря наличествовало оружие, что, по мнению Ли Чжипэна, может говорить о роли собаки как атрибута знатного воина. Так, например, в могиле М23 найден лишь один бронзовый клевец, однако там было захоронено три собаки; в могиле М56 также обнаружена только одна бронзовая секира, но три собаки. В могиле М85 найдены бронзовые сосуды *цзя*, *гу* и *цзюэ*, клевец, множество предметов из нефрита, а также одна лаковая шкатулка, также в данной могиле было захоронено шесть собак [Ли Чжипэн, 2011, с. 101] (подробнее см. прил. 1).

Шанское городище и могильник к северу от р. Хуаньхэ, расположенные к северо-востоку от «руин Инь» (Иньсуй) на противоположном берегу р. Хуаньхэ в районе г. Аньян, пров. Хэнань, предположительно, представляют собой остатки сооружений и погребений на территории столицы Шан среднего периода существования династии.

В восточной части могильника Хуаюаньчжуан, расположенного к северу от р. Хуаньхэ, собаки захоронены в шести могилах, в четырех из них – в *яокэне*, еще в двух – на уступе. В пяти могилах захоронено по одной особи. В могиле М19 были захоронены отдельные кости – нижняя челюсть и кости конечностей собаки. М9 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Направление – 10°. Длина – 2,20 м, ширина – 0,70 м, глубина – 0,30 м. Выявлен гроб, длина которого составляет 1,86 м, ширина – 0,40 м. В могиле имелись уступ и *яокэн*. Ширина уступа от 0,10 до 0,22 м, высота – 0,05 м. Размеры *яокэна*: длина – 0,70 м, ширина – 0,35 м, глубина – 0,30 м. В нем захоронена собака, лежавшая на боку, головой на север, направление головы собаки совпадает с направлением головы «хозяина могилы». «Хозяин могилы» лежал головой на спине с прямыми ногами, головой на север, лицом на запад. Инвентарь представлен керамическим треножником *ли* (прил. 2, рис. 30) [1998 нянь, 2004, с. 340–342].

Саньцзячжуан – могильник среднешанского времени к северу от Аньяна, пров. Хэнань. Раскопано восемь могил прямоугольной формы с вертикальными стенками. В семи из них есть *яокэн*, в пяти – в *яокэнах* захоронены собаки. В двух могилах было захоронено две собаки: в могиле М1 – одна собака в *яокэне*, одна – в заполнении могилы, в могиле М4 – по одной в *яокэне* и на уступе (см. прил. 1) [Ян Сичжан, 1983, с. 126].

Сяотунь – один из районов городища Иньсуй, где раскопано три погребения, относящиеся ко времени перехода от Средней к Поздней Шан.

Одно из них – грунтовое погребение прямоугольной формы М232, ориентированное по линии север-юг. Длина – 3,40 м, ширина – 2,30 м, глубина – 1,15 м. Сохранились внутренний и внешний гробы. Размеры внешнего гроба: длина

– 2,80 м, ширина – 1,95 м, высота – приблизительно 0,75 м. Размеры внутреннего гроба: длина – 1,90 м, ширина – 0,80 м, высота – около 0,55 м. Под внутренним гробом находится *яокэн* прямоугольной формы (длина – 1 м, ширина – 0,30 м, глубина – примерно 0,30 м). В нем захоронена собака, лежавшая на боку, головой на север. В заполнении могилы было захоронено еще три собаки: две – у западной стенки, на боку, головой на север, одна – у восточной стенки, на боку, головой на север. Во внутреннем гробу похоронен один человек, его скелет не сохранился. В пространстве между внутренним и внешним гробами сопогребены еще восемь человек. Сопроводительный инвентарь включал бронзовые ритуальные сосуды и оружие, изделия из нефрита и т.д. Погребение датируется началом 1-го периода Иньсюй [Лин Чуньшэн, 1957, с. 8–9].

Таким образом, с начала эпохи Шан вновь возникает и постепенно распространяется по всему ареалу шанской культуры (территория современной пров. Хэнань, памятники на территории пров. Хэбэй и Хубэй) обычай захоронения собак в могилах. Как правило, животных хоронили в «срединной яме» (*яокэне*), на земляном уступе, проходившем вдоль стенок погребения, и/или в заполнении могильной ямы. В *яокэне* всегда погребали одну собаку, всего же в могиле могло быть захоронено до шести особей.

2.2. Захоронения собак в могилах позднешанской эпохи

В позднешанский период обычай сопроводительного захоронения собак становится еще более распространенным. Большинство позднешанских погребений – могилы в виде ямы прямоугольной формы с вертикальными стенками, однако встречаются и крупные погребения с одним или несколькими (двумя или четырьмя) могильными коридорами (*мудао*). Практически во всех позднешанских захоронениях есть *яокэн* с погребенной в нем собакой, и даже если *яокэн* отсутствует, собаки могут быть захоронены в других частях могилы

(наиболее часто на уступе и/или в заполнении могилы) [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 358].

Китайские ученые выделяют три типа и несколько подтипов позднешанских погребений:

1. Крупные погребения с могильными коридорами
 - 1.1. Крупные погребения с четырьмя могильными коридорами
 - 1.2. Крупные погребения с двумя могильными коридорами
 - 1.3. Крупные погребения с одним могильным коридором
2. Ямные погребения с вертикальными стенками
 - 2.1. Крупные (площадью более 10 кв. м)
 - 2.2. Средние (площадью 3–10 кв. м)
 - 2.3. Малые (площадью до 3 кв. м)
3. Погребения без могильной ямы

Захоронение собак было характерно для всех видов погребений кроме последнего.

По мнению китайских ученых, в могилах 1-го подтипа 1-го типа были захоронены шанские ваны и отдельные представители высших слоев аристократии. Захоронения 2-го подтипа 1-го типа в основном принадлежат родственникам ванов и представителям высшей аристократии, в небольшом числе могил этого типа захоронены ваны, а за пределами Иньского городища – местные правители. Могилы 3-го подтипа 1-го типа также принадлежат членам правящей семьи и высшей аристократии. 1-й подтип 2-го типа близок к 3-му подтипу 1-го типа, в этих могилах также захоронены родственники ванов и высшие аристократы. Захоронения 2-го подтипа 2-го типа принадлежали, по-видимому, средней и мелкой аристократии. Захоронения 3-го подтипа 2-го типа наиболее многочисленны и принадлежали, вероятно, служилым и простому народу. Что касается 3-го типа, то количество таких могил очень невелико, в них были захоронены представители низших (возможно, несвободных) слоев шанского общества того времени [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 339–350]. Следовательно,

обычай захоронения собак был распространен практически среди всех слоев общества эпохи Шан-Инь.

Нам известно как минимум 725 могил с захоронениями собак, относящихся в позднешанскому периоду и периоду перехода от Шан к Чжоу, раскопанных на 52-х археологических памятниках.

- 1) Дасыкун – 42 могилы
- 2) Хоуган – 16 могил
- 3) Гаолоучжуан – 1 могила
- 4) Люцзячжуан (северное) – 21 могила
- 5) Люцзячжуан (южное) – 4 могилы
- 6) Мяопу (северное) – 24 могилы
- 7) Сибэйган – 13 могил
- 8) Сяотунь – 19 могил
- 9) Сяоминьтунь – не менее 41 могилы
- 10) Хуаюаньчжуан (Аньян) – 15 могил
- 11) Гоцзячжуан – 80 могил
- 12) Западный район Иньсюй – 211 могил
- 13) Фаньцзячжуан – 1 могила
- 14) Байцзяфэнь – 1 могила
- 15) Хэпинлу – 2 могилы
- 16) Гоцзявань – 1 могила
- 17) Дунбаличжуан – 2 могилы
- 18) Гочжуан – 1 могила
- 19) Удаогоу – 2 могилы
- 20) Мэйюаньчжуан – 24 могилы
- 21) Цицзячжуан – 1 могила
- 22) Тицзякоу – 10 могил
- 23) Ваньюйкоу – 7 могил
- 24) Сюйцзяцяо – 4 могилы

- 25) Сюэцзячжуан – 7 могил
- 26) Жуншувань – 1 могила
- 27) Люлигэ – 3 могилы
- 28) Шанское городище, Чжэнчжоу – 21 могила
- 29) Гуаньдимяо – не менее 2 могил
- 30) Тяньху – 4 могилы
- 31) Бэйчжуанцзы – не менее 35 могил
- 32) Чжаояо – 10 могил
- 33) Синхуацунь – 2 могилы
- 34) Цзинцзе – 2 могилы
- 35) Дасиньчжуан – не менее 30 могил
- 36) Суфутунь – 3 могилы
- 37) Дингун – 1 могила
- 38) Уцунь – 1 могила
- 39) Цяньчжанда – 20 могил
- 40) Ваньбэй – 1 могила
- 41) Лиу – 4 могилы
- 42) Бэйцунь – 1 могила
- 43) Цяобэй – 9 могил
- 44) Нинцзябу – 1 могила
- 45) Дунгу – 2 могилы
- 46) Лаонюпо – 15 могил
- 47) Гэтэншань – 1 могила
- 48) Няньцзыпо – 1 могила
- 49) Дуаньцзин – 2 могилы
- 50) Чжанцзяпо – 1 могила
- 51) Кэшэнчжуан – 1 могила
- 52) Бэйлюй – 1 могила

Как видно, почти треть (ок. 29 %) всех могил с собаками найдены на могильнике в западном районе Иньсуй – руин столицы шанского государства в поздний период его истории. Погребения с собаками, обнаруженные на всех памятниках района Аньяна (Дасыкун, Сяотунь, Хоуган, Мяопу бэйди, Сибэйган, Хуаюаньчжуан, Гаолоучжуан, Люцзячжуан, Гоцзячжуан, могильник в западном районе Иньсуй, Байцзяфэнь, Сяоминьтунь, Гоцзявань, Цицзячжуан, Тицзякоу, Ваньюйкоу, Сюйцзяцяо, Сюэцзячжуан, Дунбаличжуан, Хэпинлу, Удаогоу, Гочжуан, Мэйюаньчжуан, Фаньцзячжуан, Жуншувань), составляют приблизительно 75,9 % от общего числа подобных захоронений. Таким образом, традиция захоронения собак в *яокэне* и других частях могилы была распространена практически на всей территории, которую занимала культура Шан в поздний период своего развития (район современных провинций Хэнань, Хэбэй, Шаньдун, южная часть пров. Шэньси), а также на отдельных памятниках культуры Шан в пров. Шаньси, однако главным ее центром была столица шанского государства [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 318–324].

Крупные погребение с могильными коридорами, в которых захоронены собаки, известны на нескольких памятниках. Прежде всего, это некрополь шанских правителей в Сибэйган, а также памятники Сяотунь, Суфутунь и др. На остальных могильниках представлены погребения с вертикальными стенками, в основном – средние и малые. Далее мы рассмотрим некоторые наиболее репрезентативные памятники.

Сибэйган – район так называемых «царских могил» в Аньяне. Здесь расположено восемь крупных могил с четырьмя дромосами, три – с двумя, две – с одним, а также более 2500 мелких погребений и жертвенных ям [Кузнецова-Фетисова, 2015, с. 78]. В качестве примера приведем описание трех крупных могил, исследованных на кладбище ванов.

Погребение M1001 расположено западной части могильника, это крупная могила с четырьмя дромосами. Длина погребальной камеры с востока на запад составляет 21,30 м, ширина с севера на юг – 18,90 м. Площадь – 260,88 кв. м.

Глубина погребальной камеры – 10,50 м. Ориентация – на северо-восток (17°). В погребальной камере имелся внешний гроб из деревянных досок высотой около 3 м, дно его образовано 92 кипарисовыми досками. На дне могилы под внешним гробом были вырыты девять квадратных ям (1,10 × 1,10 м, глубина – 1,20 м). Одна из них расположена строго в центре погребальной камеры, четыре – по углам и еще четыре – в середине каждой из сторон камеры. В восьми из них были захоронены человек с клевцом и собака, в девятой собака отсутствовала. В заполнении могилы в юго-западном углу погребальной камеры был похоронен еще один человек. На крышке внешнего гроба было захоронено 11 человек, некоторые из них – в отдельных гробах, у некоторых имелись украшения из бирюзы.

Размеры дромосов не одинаковы. Южный коридор длиной 30,70 м, шириной 7,85 м. В нем найдены 42 черепа и 59 обезглавленных скелетов людей. Длина северного коридора – 19,50 м, ширина – 5,90 м, найдено 14 черепов и один полный скелет человека. Западный дромос длиной 7,40 м, шириной 3,75 м, найдено 11 черепов и один полный скелет. Восточный коридор в длину достигает 14,20 м, ширина – 3,35 м, найдено шесть черепов и один обезглавленный скелет.

Погребение многократно подвергалось разграблению, поэтому сопроводительного инвентаря сохранилось немного. До нас дошли предметы из бронзы, нефрита, камня, кости, рога, слоновой кости, раковин, а также белая керамика и золотые украшения.

Вдоль восточного края южного и северного могильных коридоров в ряд расположено 37 ям с захороненными в них людьми и животными, в 22 ямах захоронены люди (в общей сложности 68), в семи – лошади, содержание двух ям не определено, шесть ям были разрушены. В ямах захоронено разное количество людей, в некоторых ямах имеются бронзовые изделия. Возможно, там были захоронены приближенные «хозяина могилы». На головы захороненных в ямах лошадей надеты уздечки и украшения из бирюзы и тиролита [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 339, 356].

Погребение 78АНВМ1 – крупная могила с одним дромосом, расположенная в западной части некрополя. Направление – 7°. Погребальная камера почти прямоугольной формы с вертикальными стенками, длина составляет 7,70 м, ширина в северной части – 5,40 м, в южной части – 5 м, глубина – 6,20 м. Стены камеры гладкие и ровные. Северо-восточный угол камеры скруглен. Вдоль северной и южной стенок имеется земляной уступ. С северной стороны его ширина составляет 0,85 м, высота – 1,35 м. Ширина с южной стороны – 0,60 м, высота – 0,90 м. В центральной части могилы расположен прямоугольный *яокэн* длиной 1,80 м, шириной 0,75 м, глубиной 0,40 м. В нем ничего не найдено. С южной стороны в погребальную камеру ведет дромос длиной около 7 м, ширина в южной части – 2,90 м, в северной части – 3,60 м. Погребение многократно (не менее шести раз) подвергалось разграблению. Внешний и внутренний гробы не сохранились. Остатки сопроводительного инвентаря и кости захороненных в могиле людей и животных находятся в беспорядке. По подсчетам исследователей, внутри погребальной камеры кроме «хозяина могилы» было сопогребено еще семь-восемь человек. Также там найдены кости коровы, лошади, свиньи, собаки. В дромосе обнаружены кости лошади и оленя. Точное число животных, захороненных в могиле, установить невозможно. Дошедший до нас сопроводительный инвентарь насчитывает более 400 предметов из керамики, бронзы, нефрита, кости, рога, камня, раковин, слоновой кости. Погребение может быть датировано 1-м или 2-м периодом культуры Иньсуй и принадлежало, вероятно, одному из членов правящего дома [Ян Баочэн, Сюй Гуандэ, 1982, с. 35–36, 39–40].

Погребение 84АВВМ260 находится в восточной части могильника. Погребальная камера прямоугольной формы, стенки скошены внутрь. Длина погребальной камеры в верхней части составляет 9,60 м, ширина – 8,10 м. Длина дна – 6,35 м, ширина – 5 м. Глубина могилы – 8,10 м. Направление – 50°.

С южной стороны в погребальную камеру ведет дромос длиной 24 м, ширина варьирует от 3,15 до 4,40 м. На дне дромоса есть жертвенная яма прямоугольной формы (длина – 3,90 м, ширина – 3,30 м, глубина – 0,60 м). В центральной части

западной стенки дромоса вырыта ниша, длина которой составляет 1,80 м, глубина – 0,80–0,85 м, высота – 1,35 м.

Стенки погребальной камеры гладкие. В могиле имелись внешний и внутренний гроб, но последний не сохранился. Размеры внешнего гроба: длина – 5,40 м, ширина – 4,10 м, высота – 2 м. В центральной части погребальной камеры был вырыт *яокэн* прямоугольной формы со скошенными внутрь стенками. Длина ямы в верхней части – 1,05 м, ширина – 0,90 м. Длина дна – 0,83 м, ширина – 0,60 м. Глубина *яокэна* – 1,22 м. В *яокэне* на глубине 0,80 м был захоронен взрослый мужчина. Тело было уложено на спину, ноги согнуты. Голова отделена от тела. Под телом человека у южной стенки ямы была захоронена собака, лежавшая головой на север. Под скелетом животного найдены раздробленный крупный клевец из нефрита и три раковины каури.

Поскольку могила была многократно ограблена, установить точное число захороненных в ней людей и животных не представляется возможным. В дромосе найдены 22 человеческих черепа, а в заполнении погребальной камеры на глубине 7 м – скелеты шести человек без черепов. В жертвенной яме на дне дромоса захоронены четыре человека. Еще приблизительно пять человек были захоронены около саркофага. Таким образом, в общей сложности насчитывается примерно 38 сопребенных. Кроме того, на дне дромоса и в заполнении погребальной камеры найдены кости лошади, коровы, барана, собаки, свиньи, а также скелет птицы, чья видовая принадлежность не установлена. Точное число особей установить невозможно. Рядом с могилой обнаружено три жертвенные ямы, которые, по-видимому, были с ней связаны. В двух из них найдено по восемь скелетов людей без черепов, третья не раскопана (прил. 2, рис. 31).

Сопроводительный инвентарь был разграблен и разрушен, до нас дошло небольшое количество изделий из керамики, бронзы, золота, камня, нефрита, кости, рога, дерева, а также различные раковины. Могила датируется 2-м периодом Иньсюй и могла принадлежать одной и жен У-дина или Цзу-цзя [Ян Баочэн, Ян Сичжан, 1987, с. 99–105, 116].

Сяютунь – район столицы Инь, где сосредоточены дворцовые и храмовые комплексы, а также имелся могильник, в составе которого выделяется могила Фу-хао – одной из жен вана У-дина (1250–1192 гг. до н. э.). Это единственное известное на сегодняшний день крупное неразграбленное захоронение с полным погребальным инвентарем. Еще одной уникальной особенностью усыпальницы Фу-хао является наличие надземной части – строения, по размерам и форме повторявшего контуры могилы, служившего поминальным храмом или своего рода надгробным памятником.

Собственно могила представляет собой прямоугольную земляную яму длиной 5,60 м и шириной 4 м, уходящую вглубь на 7,50 м. Погребение ориентировано на северо-восток (10°). Стенки могилы чуть скошены внутрь. По периметру погребальной камеры имелся уступ высотой 1,30 м, шириной 0,30 м. На глубине 6,20 м (на уровне поверхности уступа) в середине восточной и западной стенок вырыты прямоугольные ниши. Длина восточной ниши – 1,90 м, ширина – 0,45 м, высота – 0,40 м. Размеры ниши в западной стенке: длина – 1,70 м, ширина – 0,30 м, высота – 0,35 м. В обеих нишах были захоронены люди: два человека в восточной стенке и один человек в западной стенке, все они лежали головой на север.

На дне могилы в центральной части расположен прямоугольный *яокэн* длиной 1,20 м, шириной 0,80 м, глубиной приблизительно 1 м. В *яокэне* были захоронены человек и собака.

В погребальной камере находились два вставленных один в другой деревянных гроба. Размеры внешнего гроба: длина – 5 м, ширина – 3,40–3,60 м, высота – 1,30 м. Размеры внутреннего гроба не установлены. Оба гроба имели черно-красное лаковое покрытие. Человеческие останки во внутреннем гробу не обнаружены.

Над внешним гробом, на глубине 5,70 м найдены останки четырех человек, все они находились в северной части могилы. На том же уровне были захоронены пять собак: одна – в северной части могилы; две – в северо-восточной, у восточной

стенки могильной камеры, та, что южнее, – головой на юг, вторая – головой на север; еще две в южной части могилы, тела ориентированы по линии восток-запад, головы обращены друг к другу, спины примыкают к стене могилы. В восточной части могилы найдены фрагменты костей неидентифицированного животного. Кроме того, были обнаружены тела еще восьми человек, но их расположение установить невозможно из-за воздействия грунтовых вод. Таким образом, в общей сложности в могиле находились скелеты еще 16 человек (четырех мужчин, двух женщин, двух детей, пол еще восьми человек не установлен) и шести собак.

Сопроводительный инвентарь включал 1928 предметов: бронзовые изделия (440 экз.), в том числе оружие (130 экз.), сосуды (220 экз.), набор из 50 больших и малых колоколов и зеркала (3 экз.); нефритовые изделия и необработанные куски нефрита (790 экз.), в т.ч. ритуально-церемониальные диски *би*, кубки *цун* (14 экз.) и украшения; костяные изделия (560 экз.); набор статуэток (людей, животных и птиц) из нефрита, камня и бронзы, а также 7000 раковин каури, использовавшихся в то время в качестве средства обращения [Чжэн Чжэньсян, Чэнь Чжида, 1977, с. 58–60; Кравцова, 2007а, с. 469–470].

На расстоянии нескольких метров от могилы Фу-хао раскопано еще два крупных погребения, также относящихся ко 2-му периоду Иньсуй – 76АХТМ17 и 77АХТМ18.

Могила М18 находится на расстоянии 22 м к юго-востоку от могилы Фу-хао. Она представляет собой прямоугольную яму с вертикальными стенками, длина – 4,60 м, ширина – 2,20–2,30 м, точную глубину установить невозможно, так как верхняя часть могилы была разрушена земляными работами в новое время, предположительно она составляла 5,20 м. Могила ориентирована на север (направление – 10°). По периметру внутри могильной ямы имелся уступ высотой 1 м, ширина уступа, идущего вдоль северной и южной стенок могилы, составляет 0,80 м, вдоль восточной и западной стенок – 0,30 м. На дне могилы расположен *яокэн*, его длина – 0,68 м, ширина – 0,38 м, глубина – 0,70 м. В *яокэне* захоронена собака, головой на юг.

Внешний и внутренний гробы не сохранились. Предположительные размеры внешнего гроба: длина – 2,90 м, ширина – 1,72–1,80 м, высота – 1 м. Поверхность внешнего гроба была покрыта толстым слоем темно-красного лака с черными узорами. Предположительные размеры внутреннего гроба: длина – 1,78 м, ширина – 0,68 м, высоту установить невозможно. Внутренний гроб был покрыт ярко-красным лаком.

Покойный лежал на спине с прямыми ногами, головой на север. Плохая сохранность скелета затрудняет половозрастное определение, однако предположительно тело принадлежало женщине 35-40 лет.

В могиле были захоронены еще пять человек, принесенных в жертву: один – в заполнении могилы, четыре – между внутренним и внешним гробами, из них два скелета (принадлежавшие мужчине 18-20 лет и мальчику приблизительно 13 лет) лежали вдоль южной стенки внешнего гроба головой на восток, еще один (возраст 18-22 года, пол не определен) – вдоль восточной стенки, головой на юг, четвертый (мужчина примерно 30 лет) – вдоль западной стенки, головой на север. Скелеты сохранились плохо.

Кроме того, в северо-западном углу могилы, на расстоянии 20 см под поверхностью уступа была захоронена собака. Голова животного обращена на запад, лапы – на юго-восток.

Сопроводительный инвентарь включал 90 предметов: четыре керамических сосуда, 43 бронзовых изделия, 11 изделий из нефрита, 28 предметов из кости и четыре раковины каури. Среди предметов из бронзы 19 – оружие, 24 – ритуальные сосуда, 13 из них имели надписи [Чжэн Чжэньсян, 1981, с. 491–494].

Могилы М17 находится на расстоянии 6,20 м к северу от М18. Она представляет собой прямоугольную яму с вертикальными стенками, длина – 3,10 м, ширина – 1,60–1,80 м, глубина – примерно 2 м. Могила ориентирована на северо-восток (направление 20°). По периметру внутри могильной ямы имелся уступ высотой 0,52 м. Уступ вдоль восточной и западной стенок очень узкий – 10–12 см, ширина уступа, идущего вдоль северной стенки могилы, составляет 18 см, вдоль

южной – 26 см. На дне могилы расположен *яокэн*, его длина – 1 м, ширина – 0,30 м, глубина – 0,30 м. В *яокэне* захоронена собака, головой на юг.

В восточной стенке могилы на глубине 0,48 м в прямоугольной яме (длина – 1 м, ширина – 0,35 м, глубина – 0,40 м) захоронена собака. Животное лежало головой на юг, передние лапы связаны за спиной, шея вытянута, хвост задран вверх, задняя левая лапа повреждена. По всей видимости, собака была похоронена заживо. На той же глубине, что и собака, в центральной части могильной камеры найден собачий череп, который также был обращен на юг.

В могиле имелись внешний и внутренний гробы. Предположительные размеры внешнего гроба: длина – 2,70 м, ширина – 1,50 м, высота – 0,52 м. Поверхность внешнего гроба украшена резными узорами, покрыта красным и черным лаком. Внутренний гроб сохранился плохо, однако еще видны следы лакового покрытия красного и черного цветов. Предположительные размеры внутреннего гроба: длина – 1,90 м, ширина – 0,70 м, высоту установить невозможно.

«Хозяин могилы» лежал головой на север, с прямыми ногами. Между внутренним и внешним гробами, с восточной и западной сторон от внутреннего гроба были захоронены два ребенка. Оба лежали головой на север, с прямыми ногами. На поясе у ребенка, лежавшего с восточной стороны, найдена нефритовая рыбка.

Сопроводительный инвентарь включал 11 предметов: семь керамических сосудов, три бронзовых сосуда и нефритовую фигурку рыбы [Чжэн Чжэньсян, 1981, с. 508–509].

2003АХТТ2М1 – крупное погребение с двумя могильными коридорами. Погребальная камера в форме неправильного четырехугольника. Размеры верхней части погребальной камеры: северная сторона – 8 м, западная сторона – 4,80 м, южная сторона – 9 м. Размеры дна погребальной камеры: северная сторона – 5,10 м, западная – 3,60 м, южная – 7,40 м. Точные размеры восточной стенки не ясны. Глубина погребальной камеры 10,50 м. По периметру вдоль стенок имелся

земляной уступ высотой 1,50 м, шириной от 0,50 до 1,80 м. В погребальную камеру вели два коридора – южный и северный. Южный коридор – Г-образной формы. Короткий его участок соединялась с восточной частью погребальной камеры и имел в длину с востока на запад 4,70 м, ширина составляла 3 м. Длинная часть с севера на юг имела протяженность 18,30 м. В заполнении коридора, а также в ямах в его стенке и дне найдены кости животных и фрагменты керамики. Длина северного коридора превышала 15 м. Коридоры раскопаны не полностью.

В могиле имелись внешний и внутренний гробы. Размеры внешнего гроба: длина – 3,40 м, ширина – 2,10 м, высота – 1,50 м. Внутренний гроб не сохранился. В центре могилы был вырыт прямоугольный *яокэн* глубиной 1 м. Длина в верхней части составляет 1 м, ширина – 0,90 м. Длина дна – 0,70 м, ширина – 0,60 м.

В могиле в общей сложности похоронено девять человек – «хозяин могилы» и восемь человек, принесенных в жертву (четыре из них захоронены на уступе, еще четыре – внутри внешнего гроба), а также шесть собак. Одна собака найдена в заполнении погребальной камеры на расстоянии 0,60 м от крышки внешнего гроба, ее скелет практически не сохранился. Две особи найдены на уступе у западной стенки погребальной камеры, они лежали в одинаковом положении: головой на юг, мордой на запад. У каждой на шее был привязан бронзовый колокольчик. Еще три собаки захоронены внутри земляного уступа: две – вдоль северной стенки, на расстоянии 1,30 м друг от друга, обе – головой на запад; еще одна – вдоль южной стенки, головой на запад. Погребение грабленное, сопроводительный инвентарь сохранился не полностью, однако до нас дошли изделия из бронзы, керамики, нефрита, слоновой кости, камня (в том числе литофон *цин*), кости, фрагменты лаковых изделий, раковины. Комплекс датируется 4-м периодом Иньшуй. Вероятно, он принадлежал представителю высшей шанской аристократии или даже правящего дома [Юэ Хунбинь, Юэ Чжаньвэй, 2009, с. 55–58, 60–68].

М4 – малое грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Находится на могильнике к югу от Сяотунь. Ориентировано на восток (95°). Длина ямы – 2,15 м, ширина – 1,06–1,18 м, глубина – 1,20 м. В могиле

имелись внутренний и внешний гробы. Тело человека лежало на спине, с прямыми ногами. Под гробом находится *яокэн* (длина – 0,60 м, ширина – 0,40 м, глубина – 0,20 м, в котором захоронена собака. Сопроводительный инвентарь включал два керамических сосуда – *гу* и *цзюэ*. Погребение отнесено к 3-му периоду Иньшуй [Лю Имань, Цао Динъюнь, 1995, с. 63–64, 124].

Суфутунь

На памятнике недалеко от дер. Суфутунь в уезде Иду, пров. Шаньдун, обнаружено одно из крупнейших за пределами Аньяна погребений шанского времени – могила М1, имеющая довольно сложную конструкцию: в погребальную камеру прямоугольной формы ведут четыре коридора. Погребение ориентировано по линии север – юг (357°). Размеры погребальной камеры в верхней части: длина – 15 м, ширина – 10,70 м. Размеры дна: длина – 9,45 м, ширина – 5,90 м. Глубина могилы – 8,25 м. Южный могильный коридор (длина – 26,10 м, ширина – 2,17–3,20 м) сообщается непосредственно с дном камеры. Остальные три, поврежденные шанскими и ханьскими захоронениями, а также современными земляными работами, доходят до уступа из утрамбованной земли (ширина – 0,70 м, высота – 2,20 м), окаймляющего склеп с севера, востока и запада. На уступе с восточной стороны могилы имелось две ямы, в одной из них было захоронено два человека, в другой – четыре. На уступе, проходящем вдоль западной стены могилы, также имелась яма, где был погребен человек. Также внутри западного отрезка уступа было захоронено неопознанное животное. В центре камеры находится деревянный внешний гроб длиной 4,55 м, высотой 2 м. Внутренний гроб и скелет погребенного не сохранились. От внутреннего гроба остались следы лакового покрытия. Дно могилы под внешним гробом покрыто слоем древесного угля толщиной 4–5 см. Под слоем угля имеется *яокэн* Т-образной формы. Короткая сторона *яокэна* – почти квадратная (длина – 0,88 м, ширина – 0,82 м, глубина – 1,05 м); в ней найден скелет собаки, лежавшей на боку, головой на север, мордой на запад, и два керамических сосуда — горшок и миска. В длинной части (длина – 1,88 м, ширина – 0,33–0,43 м, глубина – 0,80 м) погребен человек. Под *яокэном* имелась еще одна яма (длина –

1,90 м, ширина – 1,80 м, глубина – 3 м), в которой захоронен человек. Между помещением для гроба и северным концом южного коридора находится так называемая *юндао* (или *мэньдао*) – «дорога между стенами» («дорога к воротам»). Она ведет к центру могилы, а также при помощи нескольких ступенек сообщается с обоими концами выступа-террасы. Под ней в три слоя сопогребены люди и собаки. Все собаки лежат головой на север, у одной на шее привязан колокольчик. В общей сложности в могиле захоронено 48 человек, шесть собак и одно мелкое животное, видовая принадлежность которого не определена. Погребение было разграблено, поэтому дошедший до нас сопроводительный инвентарь не богат, включает бронзовые сосуды и оружие, керамические сосуды, изделия из камня, нефрита кости, раковины (прил. 2, рис. 32) [Шаньдун Иду Суфутунь, 1972, с. 17–24; Кучера, 1977, с. 120–122, 178–179].

Западный район Иньсью

На кладбище в западном районе Иньской столицы из сотен найденных могил примерно в трети обнаружены захоронения собак, не считая большого числа относительно богатых могил, которые были ограблены (подобные нарушенные и ограбленные погребения, возможно, в определенной степени снижают долю могил с сопроводительным захоронением собаки). Известно 197 могил, в *яокэнах* которых захоронены собаки (всего на данном могильнике 454 могилы с *яокэном*). В 105 могилах собаки были захоронены в заполнении. Кроме того, в небольшом количестве погребений собаки были захоронены на уступе *эцзэнтай* или на крышке внешнего гроба. Могил, в которых собаки захоронены и в *яокэне*, и в заполнении, насчитывается 91, например, в могиле М692 в *яокэне* захоронена одна собака, а в заполнении еще две. Максимальное количество собак, захороненных в одной могиле – четыре, как, например, в могиле М767, в заполнении которой были захоронены четыре собаки. Вне зависимости от того, захоронена ли собака в заполнении могилы или же в *яокэне*, направление ее головы зачастую противоположно направлению головы покойного, похороненного в данной могиле, направления головы человека и собаки совпадает лишь в незначительном числе

случаев. Направления голов двух собак, захороненных в одном погребении, наоборот, крайне редко различаются, как, например, в могиле М9 направления голов покойного и собаки, захороненной в *яокэне*, совпадают, а голова собаки, захороненной в заполнении данной могилы, направлена в противоположную сторону.

Среди позднешанских захоронений могильника в западном районе обнаружено 50 могил с ритуальными бронзовыми сосудами (включая как те могилы, которые избежали разграбления или затопления, так и те, в которых, несмотря на ограбление, сохранились ритуальные бронзовые сосуды). Среди них насчитывается 26 могил, в которых собаки захоронены и в *яокэне*, и в заполнении, а также могил, в которых захоронено более двух собак. Еще в 15 захоронено по одной собаке (в *яокэне* или в заполнении). Что касается остальных могил с ритуальными бронзами, то в двух из них нет собак, но захоронены принесенные в жертву люди, еще в семи также нет собак, но есть *яокэны*. Могил, в которых нет ритуальных бронзовых сосудов, но есть бронзовое оружие, насчитывается 51, из них могил с одной захороненной собакой – 22, с двумя – 6, могил без захоронений собак, но имеющих *яокэн*, – 12, без *яокэна* и без собак – 11. В могилах, где обнаружены различные бронзовые изделия, как правило, были захоронены принесенные в жертву собаки; это же относится и к погребениям, сопроводительный инвентарь которых включал изделия из нефрита и других красивых камней.

Среди могил, в которых в качестве сопроводительного инвентаря имелась только керамика, по одной собаке было захоронено в 98 могилах, по две собаки – в 20, могил без захоронений собак – 206. Хотя данная статистика погребений в основном не включает разграбленные могилы, однако можно увидеть, что в позднешанский период захоронение собак в могилах было характерно для большинства погребений аристократов с высоким статусом, что касается погребений простых слоев населения, то более чем в трети из них также были захоронены собаки. Степень распространенности захоронений собак в могилах

постепенно уменьшается от групп с относительно высоким социальным статусом к группам с относительно низким социальным статусом, случаи захоронения нескольких собак в одном погребении также встречаются в могилах представителей высших слое населения [Ли Чжипэн, 2011, с. 102].

В качестве примера приведем описание погребения M1713. Это грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина – 3 м, ширина – 1,56 м, глубина – 4,70 м. Направление – 177°. По периметру сделан уступ высотой 0,60 м, шириной 0,14–0,20 м. На дне могилы имелся *яокэн* длиной 0,90 м, шириной 0,32 м, глубиной 0,35 м. Там была захоронена собака, уложенная головой на юг. На высоте примерно 1,10 м от дна была постелена красная ткань (сохранились фрагменты текстиля), на которой в северной части могильной ямы лежала собака (головой на север), с бронзовым колокольчиком на шее. Кроме того, на уступе найдены коровьи и бараньи кости.

В могиле имелись два гроба. Скелет погребенного в гробу сохранился плохо, однако видно, что человек лежал на спине с вытянутыми ногами, головой на юг. В могиле были сопогребены три ребенка: один – на уступе в северной части могилы, еще два – в пространстве между внутренним и внешним гробами, к востоку от внутреннего гроба.

Богатый сопроводительный инвентарь включает 91 бронзовое изделие, в том числе оружие (65 экз.) и пять ритуальных сосуды с инскрипциями, 10 керамических сосудов, а также изделия из кости, раковин, камня, нефрита, всего 193 предмета.

Погребение датируется концом 4-го периода Иньсью, т.е. временем правления последнего правителя Шан Ди-синя, и, вероятно, принадлежало одному из иньских военачальников [Ян Сичжан, Ян Баочэн, 1986, с. 703–705, 710–712].

Сяоминьтунь – памятник на территории Аньяна, где было раскопано более тысячи позднеиньских погребений, а также остатки жилищ, жертвенных площадок и крупной бронзолителной мастерской. По-видимому, могильник Сяоминьтунь и кладбище в западном секторе Иньсью представляют собой два участка одного

крупного погребального комплекса [Ван Сюэжун, Хэ Юйлин, 2007, с. 54, 60–61]. Во многих могилах вместе с людьми были захоронены собаки. Так, среди 132 погребений, исследованных в 1989–1990 гг. собаки найдены в 39 (примерно 30 %). В 36 из них собаки захоронены *яокэнах*. В *яокэне* всегда было зарыто только одно животное. В двух могилах тела собак уложены на земляной уступ (также – по одной особи). В восьми случаях собаки найдены в заполнении могильных ям. В пяти могилах было захоронены по две собаки, в одной – три (одна – в *яокэне*, две – в заполнении).

Например, M1327 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Ориентирована строго на восток (90°). Длина – 3,10 м, ширина – 1,60 м, глубина – 3,60 м. Вдоль стенок имелся уступ высотой 0,75 м. На дне могилы был вырыт сравнительно крупный *яокэн*, в котором захоронена собака. Костяк человека практически не сохранился, положение тела установить невозможно. Сопроводительный инвентарь включал 22 предмета из бронзы и керамики. Погребение датируется 3-м периодом Иньсюй [Тан Цзигэнь, Го Пэн, 2009, с. 15, 17, 37–40].

Еще один пример – погребение 2003AXST1930M17 (M17) – также представляет собой грунтовую могилу прямоугольной формы с практически вертикальными (чуть скошенными внутрь) стенками. Направление – 14°. Размеры могильной ямы в ее верхней части: длина – 2,80 м, ширина – 1,40 м. Длина дна могилы – 2,74 м, ширина – 1,37 м. Глубина – 1,90 м. В могиле имелись два гроба внешний и внутренний. Размеры внешнего гроба: длина – 2,52 м, ширина – 1,16 м, высота – 0,45 м. Внешний гроб был покрыт белым и красным лаком. Длина внутреннего гроба – 2,15 м, ширина – 0,88 м, высоту определить невозможно. Внутренний гроб имел лаковое покрытие красного цвета с черными, белыми и желтыми лаковыми узорами. Скелет покойного не сохранился. В центральной части могилы был вырыт *яокэн* прямоугольной формы со кругленными углами. Длина – 0,76 м, ширина – 0,24 м. В заполнении могилы, в центральной части ямы, на крышке внешнего гроба найден скелет собаки, животное лежало головой на

север. Сопроводительный инвентарь включал шесть изделий из керамики, 18 бронзовых предметов и около 40 предметов из нефрита и других пород камня. Погребение относится к 3-му периоду Иньсуй [Инь Цюнь и др., 2007, с. 26–27, 35].

Еще одно погребение с захоронением собаки 03AXSM132 (M132) находится в непосредственной близости от одной из жертвенных площадок, оно нарушает ров, которым был окружен жертвенник. M132 – грунтовая могила прямоугольной формы с чуть скошенными стенками. Направление – 10°. Длина могилы в верхней части – 2,30 м, ширина – 0,80 м. Длина дна – 2,40 м, ширина – 1 м. Глубина могилы – 2,80 м. Вдоль стенок проходит земляной уступ шириной 0,20–0,30 м, высотой 0,50 м. В могиле имелся деревянный гроб (длина – 1,90 м, ширина – 0,60 м, высота – 0,40 м), однако он плохо сохранился. Скелет захороненного в нем человека также истлел, можно понять, что покойный лежал головой на север, пол и возраст его установить невозможно. В центре могилы выкопан прямоугольный *яокэн* (длина – 0,60 м, ширина – 0,30 м, глубина – 0,14 м), в нем найдены остатки костей животного (предположительно, собаки). В заполнении могилы захоронена собака, уложенная головой на север. Сопроводительный инвентарь включал семь предметов: два бронзовых колокольчика, два бронзовых клевца, керамические сосуды *гу* и *цзюэ*, а также фрагмент нефритового изделия. Погребение датируется 3-м периодом Иньсуй [Ли Сутин и др., 2007, с. 39–41, 52].

В отношении коллекции остеологических материалов канисовых из погребений могильника было предпринято зооархеологическое исследование. Благодаря анализу скелетов 84 особей удалось выяснить, что абсолютное большинство принадлежит молодняку. Собак в возрасте до 1 года насчитывается 54 особи, что составляет 64,29 % от общего числа, среди них большинство – щенки в возрасте до полугода, их насчитывается 31, в возрасте от полугода до года – 22. Собак в возрасте чуть старше 1 года – 21, что составляет 25 %, среди них большинство – в возрасте от 1 до 1,5 лет, их насчитывается 12, собак в возрасте приблизительно 1,5 года – семь особей. Кроме того, найдены были также кости собак в возрасте чуть более полугода, их насчитывается восемь, что составляет

9,52 %, а также собак в возрасте от полугода до 1,5 лет – одна собака, что составляет 1,19 %.

Таким образом, подавляющее большинство скелетов принадлежало собакам в возрасте от 3 месяцев до 1 года. Как указывает автор исследования, не было ни одной особи в возрасте до 2 месяцев. Причины именно таких возрастных рамок пока не ясны. Высказывается предположение, что нижняя граница в 2 месяца обусловлена тем, что к этому времени щенок становится самостоятельным (примерно до 1,5 месяцев щенки питаются молоком и полностью зависят от матери) [Ли Чжипэн, 2011, с. 103]. Версия о том, что молодые животные использовались в целях экономии [Там же], не представляется убедительной. По-видимому, возрастная структура собак, использовавшихся для сопроводительных захоронений, явилась результатом искусственно проводимого отбора, обусловленного предпочтительным использованием в погребальном обряде щенков и молодых собак. Большая доля щенков одного возраста позволила Ли Чжипэну предположить, что в период Поздней Шан распространение обычая сопроводительных захоронений собак, возможно, могло привести к возникновению специализированного собаководства, поставлявшего собак, необходимых для осуществления погребальных обрядов [Там же, с. 103–104].

Шанское городище в Чжэнчжоу

В слое 1-го периода памятника Жэньминь гуньюань в Чжэнчжоу, соответствующем 1-му периоду Дасыкун культуры Иньсюй, всего раскопано 24 погребения, из них в 13 могилах были *яокэны*, в каждом из которых захоронено по одной собаке. В большинстве могил с *яокэнами* сопроводительный инвентарь в основном представлен бронзовым и каменным оружием, в меньшей части погребений имелась лишь керамика. Что касается 2-го периода «Народного парка» (соответствующего 2-му периоду Дасыкун), то обнаружено 19 могил, в семи из них есть *яокэн*, в каждом из которых захоронено по одной собаке. Только в двух могилах есть бронзовое оружие и нефритовые предметы, в остальных пяти – небольшое количество керамики или вообще отсутствует сопроводительный

инвентарь. Собаки могли быть захоронены не только в *яокэне*, но и на земляном уступе у стенки могильной ямы или в заполнении могилы (см. прил. 1) [Ли Чжипэн, 2011, с. 102; Ань Чжиминь, 1954, с. 35; Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 887–895, 933–938].

Еще одна могила с захоронением собаки в *яокэне* (95М3) найдена в Чжэнчжоу с восточной стороны Мингунлу. Это грунтовое погребение с вертикальными стенками, ориентированное по линии восток-запад. Длина могильной ямы составляет 2,18 м, ширина – 0,74 м, глубина – 0,70 м. По периметру имелся уступ. Покойный лежал на спине с прямыми ногами, руки перпендикулярно туловищу, головой на восток (95°) под его телом в центре могилы имелся *яокэн* прямоугольной формы (длина – 0,70 м, ширина – 0,28 м, глубина – 0,20 м). В *яокэне* найдены собачьи кости. Кости собаки лежали также и на скелете человека. Гроб не сохранился. Сопроводительный инвентарь включал три керамических сосуда: кувшин для вина *лэй*, сосуды *доу* и *ли*, а также нефритовую секиру. В сосуде *ли* находилось жертвенное мясо, на внешней поверхности сосуда сохранились следы копоти [Цзян Нань, Дин Ланьпо, Чжан Сунлинь, 2002, с. 55–56].

Цяньчжанда – могильник поздней Шан и начала Чжоу (на памятнике имеются и отдельные захоронения эпохи Восточного Чжоу) на территории городского уезда Тэнчжоу городского округа Цзаочжуан, пров. Шаньдун.

Костные остатки собак найдены как в культурном слое памятника вне каких-либо объектов, так и в погребениях людей. Число идентифицированных образцов (NISP) в позднешанском слое насчитывает 59, что составляет 3,93 % от остеологических материалов млекопитающих. Минимальное число особей (MNI), по оценкам исследователей, – шесть, что составляет 7,06 % от общего числа млекопитающих. Что касается находок останков собак в могилах периода Поздней Шан, то число идентифицированных образцов (NISP) – 963 (85,22 % от общего количества костных остатков млекопитающих), минимальное число особей (MNI) – 23 (53,49 % от общего числа млекопитающих). Такое распределение костных остатков свидетельствует о том, что собака занимала значимое положение в

духовной культуре и ритуальной практике населения. Собачье мясо, по-видимому, не употреблялось в пищу. Нам известно как минимум 20 могил шанской эпохи с захоронениями собак (полных скелетов или отдельных костей), фаунистические материалы из 17 погребений были изучены археологами. На памятнике выделяется три вида погребений: крупные (с одним или двумя могильными коридорами), средние и малые. Захоронения собак встречаются в могилах всех трех видов. В 11 могилах было захоронено по одной собаке, в девяти – по две. Количество захороненных собак не связано с размерами могилы. Представлено четыре варианта размещения животных внутри могилы – в *яокэне* (14 погребений: ВМ4, ВМ9, М214, М215, М216, М213, М17, М36, М39, М44, М124, М126, М220, М108), на уступе (10 погребений: М215, М213, М17, М36, М39, М44, М104, М112, М126, М127), на крышке гроба (1 погребение – М49) и/или в заполнении могилы (3 погребения: М214, М128, М129.) (прил. 2, рис. 33, 34). Возраст был определен для 24 особей, из них 11 – взрослые особи, девять – щенки в возрасте до 1 года, четыре – щенки или молодые собаки в возрасте от 6 до 18 месяцев. Пол удалось определить только в одно случае: в *яокэне* могилы М213 был захоронен молодой кобель не старше 1 года. Корреляция между возрастом животных и их положением в могиле отсутствует. Помимо собак в могилах захоранивали и других животных: свиней, баранов, коров, лошадей, оленей [Тэнчжоу Цяньчжанда, 2005, с. 56, 752–753].

В качестве примера приведем описание двух погребений.

М213 – среднее грунтовое погребение трапециевидной формы со скошенными стенками. Направление – 20°. Длина в верхней части могильной ямы – 3,27 м, ширина – 1,80–2,10 м; длина дна – 3,18 м, ширина – 1,28–1,38 м; глубина могилы – 1,95 м. Дно выложено деревянными досками, которые были покрыты слоем киновари. Гроб и скелет человека, похоронного могиле, не сохранились. В центральной части могилы был вырыт *яокэн* прямоугольной формы длиной 0,98 м, шириной 0,47 м, глубиной 0,20 м. В *яокэне* захоронена собака (кобель, возраст – до 1 года). Вдоль стенок могилы проходит земляной уступ высотой 0,86 м, шириной 0,20–0,33 м. На уступе у южной стенки могилы захоронена взрослая собака с

бронзовым колокольчиком на шее. Также в могиле были найдены кости ягненка. Сопроводительный инвентарь включает предметы из керамики, бронзы, нефрита, кости, лака [Тэнчжоу Цяньчжанда, 2005, с. 73, 75, 754].

M17 – малое грунтовое погребение трапециевидной формы с вертикальными стенками. Ориентирована на север (5°). Длина – 2,90 м, ширина – 1,45–1,62 м, глубина – 2,10 м. Вдоль стенок проходит уступ высотой 0,59 м, ширина – от 0,10 м до 0,34 м. На уступе у западной стенки захоронена собака, у северной стенки – собачья лапа. В могиле имелись внешний и внутренний гробы. Размеры внешнего гроба: длина – 2,35 м, ширина – 1,10 м, высота – не менее 0,47 м. Размеры внутреннего гроба: длина – 2,17 м, ширина – 0,91 м, высота – 0,33 м. Под внутренним гробом расположен *яокэн* длиной 0,65 м, шириной 0,33 м, глубиной 0,16 м. В *яокэне* захоронена собака. Возраст собак – не менее 1,5 лет. В гробу похоронена женщина примерно 30 лет, тело лежало на спине, ноги вытянуты, головой на север, лицо обращено на восток. Сопроводительный инвентарь в основном представлен бронзовыми изделиями, также имелись керамический сосуд, точильный камень, костяной наконечник стрелы и несколько раковин (прил. 2, рис. 33, 2) [Там же, с. 93, 754].

Лаонюпо – многослойный археологический памятник, расположенный в 27 км к востоку от г. Сиань в пров. Шэньси. В 1986 г. здесь было раскопано 38 шанских погребений, 21 яма различного назначения, один *чэмакэн* (яма с колесницей и лошадьми), одна яма с захоронением двух лошадей и одна жертвенная яма, в которой захоронены человек, лошадь и собака. Большинство объектов принадлежат к позднешанскому времени и, по-видимому, представляют собой родовое кладбище в одном из зависимых княжеств шанской эпохи. Большая часть исследованных погребений – малые грунтовые могилы, семь погребений относятся к средним по размеру могилам. Все погребения прямоугольной формы, без дромосов. В большинстве могил имелись *яокэны* (овальной, реже – прямоугольной формы) и уступ. В средних по размеру погребениях имелось два деревянных гроба, в малых – один, в отдельных могилах гроб отсутствовал.

Особенностью погребений данного могильника является наличие помимо *яокэна* ям, расположенных на дне в области головы и ног покойного, а также в углах могилы, число таких ям в одной могиле могло достигать семи. Все эти ямы – овальной формы, внутри, как правило, были захоронены собаки (прил. 2, рис. 35, 36) [Лю Шиэ, Сун Синьчао, 1988, с. 1–2, 22; Лю Шиэ, 1988, с. 23, 26; Лаонюпо, 2001, с. 236–238].

Нам известно 15 могил с погребениями собак, а также яма, в которой захоронены человек, собака и лошадь.

Погребение М4 расположено в центральной части могильника. Могила ориентирована на северо-восток (50°). Длина могильной ямы составляет 2,35 м, ширина – 1,10 м, глубина – 0,30 м. На дне сохранились следы киновари. Деревянный гроб не сохранился. В могиле были захоронены два человека. Один из них – мужчина приблизительно 30 лет, рост около 1,75 м – лежал на спине с вытянутыми ногами в центральной части могилы. Еще один скелет принадлежит молодой женщине, рост 1,52 м. Она лежала справа от мужчины, лицом к нему, на боку, с согнутыми ногами. В изголовье могилы найдены три керамических треножника *ли*. В центральной части могилы, по телом мужчины, имелся прямоугольный *яокэн*, в котором захоронена собака [Лю Шиэ, Сун Синьчао, 1988, с. 3; Лаонюпо, 2001, с. 250–251].

М6 – грунтовая могила прямоугольной формы со скругленными углами и вертикальными стенками, расположена в юго-восточной части могильника. Направление – 20° . Длина – 3,80 м, ширина – 2,15 м, глубина – 1,35 м. Вдоль стенок могилы проходит уступ шириной 0,30–0,60 м. В могиле имелся деревянный гроб. На дне были вырыты *яокэн* (длина – 1,75 м, ширина – 0,55 м, глубина – 0,23 м) и четыре ямы в углах могилы (длина – 0,60–0,66 м, ширина – 0,30 м, глубина – 0,20 м). Все ямы овальной формы, в каждой из них было захоронено по одной собаке (крупная собака в *яокэне* и четыре более мелких или четыре щенка – в угловых ямах). Направление голов животных совпадает с ориентацией погребения (на север), мордами они обращены к центру погребальной камеры, где, вероятно,

был захоронен «хозяин могилы». Лапы собак согнуты, положение тел животных свидетельствует о том, что они были помещены в могилу после смерти. В могиле было похоронено не менее шести человек, большинство из них – мужчины разного возраста, однако так как погребение было разграблено, положение скелетов восстановить невозможно. Погребальный инвентарь также не сохранился, до нас дошли лишь два бронзовых украшения и слюдяная пластинка (все три изделия – в форме рыбок), фрагмент изделия из камня, а также многочисленные фрагменты лакового покрытия разных цветов (прил. 2, рис. 35, 2) [Лю Шиэ, Сун Синьчао, 1988, с. 3–4; Лю Шиэ, 1988, с. 23–24; Лаонюпо, 2001, с. 260–261].

Могила М9 находится в северной части памятника. Ориентация – 55°. Длина составляет 2,20 м, ширина – 0,80 м, глубина – 0,60 м. От скелета человека сохранился лишь фрагмент нижней челюсти. На дне имеется *яокэн* в форме неправильного овала длиной 0,84 м, шириной 0,40 м, глубина 0,20 м. Внутри захоронена собака. Сопроводительный инвентарь состоит из трех керамических сосудов (прил. 2, рис. 36, 1) [Лаонюпо, 2001, с. 239–240].

Погребение М10 находится в центральной части могильника, ориентировано на северо-восток (36°). Длина могилы – 2,55 м, ширина – 1,07 м, глубина – не менее 0,25 м (верхняя часть могилы повреждена). Имелся деревянный гроб. На дне были вырыты три ямы – в области головы (длина – 0,75 м, ширина – 0,40 м, глубина – 0,20 м), в центральной части (длина – 0,57 м, ширина – 0,31 м, глубина – 0,20 м) и в ногах (длина – 0,55 м, ширина – 0,30 м, глубина – 0,20 м). В первой из них найдены собачьи кости. В могиле захоронены два человека. Один лежал в центре, скелет не сохранился, поэтому положение тела, пол и возраст невозможно установить. Второй скелет принадлежит мужчине приблизительно 50 лет. Он лежит справа от первого на боку с согнутыми ногами, лицом к центру могилы. Сопроводительный инвентарь включал бронзовый трипод *дин*, бронзовый клевец, бронзовое головное украшение в форме быка, два бронзовых топора, девять бронзовых наконечников стрел, три керамических треножника *ли* и нефритовое украшение [Лю Шиэ, Сун Синьчао, 1988, с. 4; Лаонюпо, 2001, с. 251–252].

Погребение М16 расположено в южной части могильника. Длина могильной ямы составляет 2,50 м, ширина – 1,20 м, глубина – 0,30 м. Направление – 68°. Гроб не сохранился. В заполнении могилы найдены следы киновари. В могиле были захоронены четыре человека, но кости скелетов лежат не в анатомическом порядке, изначальное положение тел восстановлению не поддается. На дне были вырыты две ямы – в изголовье и в области ног. Первая – длиной 0,75 м, шириной 0,48 м, глубиной 0,15 м. Вторая – длиной 0,85 м, шириной 0,38 м, глубиной 0,15 м. Обе овальной формы. Внутри ям захоронены собаки, обе – головой на восток. Из погребального инвентаря найдены только несколько раковин и крупная речная галька [Лаонюпо, 2001, с. 255–256].

М19 – могила в южной части памятника. Длина составляет 2,20 м, ширина – 1,05 м, глубина – 0,48 м (верхняя часть погребения повреждена). Направление – 50°. В могиле захоронены две женщины. Одна – в вытянутом положении, на животе, головой на северо-восток, возраст 35–40 лет. Вторая – на боку, с согнутыми ногами, головой на юго-запад, возраст около 20 лет. На дне могилы есть *яокэн* прямоугольной формы со скругленными углами, внутри которого захоронена собака, лежавшая головой на северо-восток. Сопроводительный инвентарь – керамический сосуд *ли* [Там же, с. 252–253].

Погребение М20 находится в юго-восточной части могильника. Длина – 2,85 м, ширина – 1,42 м, глубина – 0,25 м. Направление – 43°. В могиле имелся деревянный гроб, но он не сохранился. Погребение было ограблено, поэтому кости людей лежат беспорядочно, а сопроводительный инвентарь отсутствует. Известно лишь, что в могиле были захоронены четыре человека. На дне было выкопано пять ям: одна в центре и четыре по углам. Все они овальной формы, длина составляет примерно 0,70 м, ширина не превышает 0,40 м. В каждой из ям захоронено по одной собаке (прил. 2, рис. 35, 1) [Там же, с. 256].

М26 – погребение трапециевидной формы со скругленными углами в северо-западной части могильника. Длина составляет 3 м, максимальная ширина – 1,60 м, минимальная ширина – 1 м, глубина – 0,25 м. Ориентация – 98°. Сохранились

следы деревянного гроба. В могиле были захоронены три человека. В центре располагалось тело «хозяина могилы», его скелет не сохранился. По бокам от него были уложены тела людей, принесенных в жертву. Они лежали в вытянутом положении на боку, головами на восток, лица обращены к стенкам могилы. Исследование показало, что скелеты принадлежали мужчине и женщине в возрасте около 50 лет. В центре могильной ямы находится овальный *яокэн* с захоронением собаки (от скелета сохранились лишь отдельные кости). Сопроводительный инвентарь включал три керамических треножника *ли* и один горшок. Кроме того, в заполнении могилы найден костяной нож, возможно, попавший в погребение случайно [Лаонюпо, 2001, с. 253–254].

М34 – грунтовое погребение в юго-восточной части могильника. Длина составляет 2,60 м, ширина – 0,90 м, глубина – 0,87 м. Направление – 105°. Скелет человека, захороненного в могиле, сохранился плохо. Есть *яокэн* овальной формы, длина – 0,60 м, ширина – 0,39 м, глубина – около 0,15 м. Внутри – разрозненные собачьи кости. Поскольку погребение было разграблено, от сопроводительного инвентаря остались лишь фрагменты керамики [Там же, с. 246].

Могила М40 находится в северо-западной части памятника. Длина составляет 2,60 м, ширина – 1 м, глубина – 0,40 м. Направление – 85°. Вдоль стенок могилы проходит уступ, на дне расположен *яокэн*. В *яокэне* была захоронена собака. Имелся деревянный гроб, но он практически не сохранился. Скелет покойного также сохранился плохо, он лежал в вытянутом положении, на спине. Из погребального инвентаря имелся только керамический сосуд *ли*.

Погребение М41 находится в северной части могильника. Длина – 5,10 м, ширина – 3,48 м, глубина – 1,50 м. Это наиболее крупное погребение, раскопанное на памятнике. Ориентация – 48°. Погребение было разграблено и серьезно разрушено грабительскими лазами. Вероятно, в нем имелись двойной внешний и внутренний гробы. В центре могилы находился длинный и узкий *яокэн* овальной формы. Его длина составляет 2 м, ширина – 0,58 м, глубина – 0,40 м. Внутри захоронены человек и собака. Собака – на дне ямы, человек – поверх собаки, на

боку, с согнутыми ногами. Всего в могиле было захоронено не менее 13 человек, кости скелетов лежат беспорядочно. Из сопроводительного инвентаря сохранились бронзовые украшения разной формы, бронзовое оружие (один клевец, два топора, 43 наконечника стрел), нефритовый амулет полукруглой формы *хуан*, фрагменты золотой фольги [Лаонюпо, 2001, с. 269–270].

М42 – погребение в северо-западной части могильника длиной 2,75 м, шириной 1,37 м, глубиной 2,10 м. Направление – 108°. Вдоль стенок могилы имеется уступ. «Хозяин могилы» лежал в вытянутом положении, на боку, головой на восток, лицо обращено на север. На дне вырыт *яокэн* овальной формы, внутри захоронена собака, направление ее головы совпадает с ориентацией тела человека. Сопроводительного инвентаря мало: керамический горшок, костяное украшение и несколько раковин (прил. 2, рис. 36, 2) [Там же, с. 248].

Могилы М43 находится в северо-западной части памятника. Длина ее составляет 2,05 м, ширина – 0,75–0,85 м, глубина – 0,80 м. Ориентация – 95°. Вдоль стенок проходит земляной уступ. Имелся гроб, но он не сохранился. Покойный лежал в вытянутом положении на спине. Череп отсутствует. На дне есть овальный *яокэн* с собакой. Направление головы собаки противоположно ориентации тела человека, похороненного в этой могиле. Погребальный инвентарь скудный – горшок из серой керамики и несколько раковин (прил. 2, рис. 36, 4) [Там же, с. 249].

Погребение М44 расположено в северо-западном углу могильника, ориентировано на юго-восток (151°). Длина – 2,40 м, ширина – 0,95 м, глубина – не менее 0,25 м. В могиле захоронены три человека: в центральной части – «хозяин могилы», лежавший на животе с вытянутыми ногами, тело было накрыто камышовой циновкой, слева от него – на боку с согнутыми ногами, справа – на животе с вытянутыми ногами. В *яокэне* овальной формы зарыты собака и каменный клевец. Направление головы животного совпадает с ориентацией «хозяина могилы». Сопроводительный инвентарь включал бронзовые сосуды *гу*, *цзюэ*, *цзя*, два бронзовых клевца, пять бронзовых наконечников стрел, нефритовый клевец и нефритовый полудиск *хуан*. Кроме того, в ногах у «хозяина могилы» остался

отпечаток бронзового трипода *дин*, но сам сосуд отсутствует [Лю Шиэ, Сун Синьчао, 1988, с. 4; Лаонюпо, 2001, с. 254–255].

М45 – погребение в центральной части могильника. Длина составляет 2,73 м, ширина – 1,45–1,90 м, глубина – 1 м. Ориентация могилы – 285°. Вдоль стенок проходит земляной уступ высотой 0,55 м. Сохранились остатки деревянного гроба. Покойный лежал на спине в вытянутом положении. Скелет лежит в анатомическом порядке, однако череп отсутствует. На дне могилы расположен овальный *яокэн*, внутри захоронена собака. Сопроводительный инвентарь представлен лишь одним керамическим сосудом *ли* (прил. 2, рис. 36, 3) [Лаонюпо, 2001, с. 249–250].

Помимо могил с захоронениями собак в *яокэнах* в южной части могильника Лаонюпо обнаружена яма с захороненными человеком, собакой и лошастью (М30). Яма прямоугольной формы со скругленными углами, длина составляет 2,60 м, ширина – 1,35 м, глубина – 0,75 м. Направление – 23°. Дно и стенки ровные. Скелет лошади лежит в северной части ямы, головой на запад. Собака – в центральной части, между ногами лошади, лежит на боку, головой на восток. Скелет человека найден в южной части ямы. Он лежал на животе, с согнутыми ногами, головой на северо-запад, лицо обращено на юго-запад. Как показало исследование, скелет принадлежал мальчику 13-15 лет (прил. 2, рис. 35, 3). Возможно, это был слуга, который мог бы ухаживать за лошастью и собакой в ином мире. Положение скелетов человека и животных указывает на то, что они были помещены в яму после смерти. Хотя яма не подвергалась разграблению, никакого погребального инвентаря не обнаружено, поэтому исследователи памятника интерпретируют ее как жертвенную яму либо сопроводительное захоронение. Однако пока не ясно, с каким погребением мог быть связан данный объект, поскольку в непосредственной близости от него (на расстоянии приблизительно 3 м) находится только яма с захоронением двух лошадей [Там же, с. 270–271].

Помимо собственно культуры Шан-Инь разведение собак и их ритуальное использование было характерно и для других культур эпохи ранней и развитой

бронзы на территории Китая, например, приблизительно в 20 % погребений культуры нижнего слоя Сяцзядянь (2000–1400 лет до н. э., юго-восточная часть АР Внутренняя Монголия) в земле, заполняющей могилу, находят кости свиней и собак, что касается последних, то чаще всего в могилы клали черепа и кости конечностей, полные скелеты встречаются крайне редко [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 597]. В культуре каяо (1900–600 лет до н. э., восточная часть провинции Цинхай) был распространен обычай захоронения вместе с людьми конечностей различных животных, в том числе и собак [Там же, с. 563, 564].

2.3. Реконструкция функций собаки в погребальном обряде Шан

На основании материалов раскопок многочисленных однотипных погребений шанской культуры китайские исследователи реконструировали примерный процесс их создания.

1. Роется могильная яма (обычно прямоугольной формы с почти вертикальными стенками).
2. После того, как яма подготовлена, на дне могилы, в центральной ее части, выкапывается *яокэн*, в который помещается собака. Как правило, направление головы животного должно было совпадать с направлением головы человека, похороненного в той же могиле. В редких случаях вместо собаки или вместе с ней мог быть захоронен человек. В *яокэн* также могли класть некоторые предметы (каменные или бронзовые клевцы, раковины и т. д.).
3. Из деревянных досок или крупных бревен сооружается так называемый внешний гроб.
4. Внутри внешнего гроба помещается внутренний гроб. Нередко внутренний гроб был покрыт лаком.
5. В пространстве между внутренним и внешним гробами размещается сопроводительный инвентарь.
6. Внешний гроб закрывается крышкой.

7. Крышка внешнего гроба застилается текстильным пологом или циновкой.

8. На крышке гроба размещается сопроводительный инвентарь (бронзовые и керамические сосуды, жертвенная пища и т. д.).

9. Могила начинает заполняться землей.

10. На слой утрамбованной земли или на уступ у стены могилы укладывается еще одна собака (реже – две).

11. Могильная яма полностью заполняется землей [Ван Сюэжун, Хэ Юйлин, 2007, с. 60].

Всего в рядовых погребениях обычно захоронено от одной до шести собак. Одна – в *яокэне*, остальные на уступе или же в заполнении могилы. Часто на шеях у них были закреплены бронзовые колокольчики [Cheng Te-kun, 1960, p. 69].

Захоронение собак в *яокэне* являлось устойчивым элементом погребального обряда, сохранявшимся на протяжении долгого времени и, по всей видимости, тесно связанным с религиозными представлениями древнего населения Китая. По мнению Ли Цзи, захоронения собак и людей в *яокэнах* могли трактоваться как сопроводительная жертва: охотничьи собаки и рабы, сопровождавшие хозяина при жизни, должны были последовать за ним и в мир иной [Li Chi, 1957, p. 25]. Хань Вэй полагал, что собаки, захороненные в «срединной яме» и в заполнении могилы могли представлять сопроводительное захоронение или же были принесены в жертву в ходе похоронного обряда, а животные, помещенные на уступ в могиле, должны трактовать исключительно как сопроводительные захоронения (см.: [Лю Итин, 2014, с. 58]).

Го Баоцзюнь, Гао Гуанжэнь и Шао Ванпин считают, что собаки, захороненные в шанских могилах, «были жертвами, которые должны были служить покойному или выступать в качестве его охранника». Таким образом, функции собаки в погребальном ритуале Шан сходны с теми, что были присущи этому животному и в неолитическую эпоху, прежде всего, в культуре давэнькоу. И сама традиция захоронения собак в могилах, по мнению исследователей,

наследует неолитическим культурам восточного Китая (см.: [Гао Гуанжэнь, Шао Ванпин, 2013, с. 387]). Сходных взглядов придерживались Ван Чжию и Лю Динхуэй, причем последний отмечает, что на функцию собаки как охранника указывает традиция помещать в *яокэны* оружие (как правило, клевцы) (см.: [Лю Итин, 2014, с. 58, 63]).

Эти трактовки, с одной стороны, согласуются с ролью собаки как защитника от злых сил; с другой стороны, собака во многих культурах мира воспринималась как хтоническое животное, связанное с нижним миром. Формирование представления о связи собаки с миром мертвых объясняется, вероятно, тем, что собаки могут питаться падалью. Таким образом, возникновение этого обряда могло быть связано с архетипическими представлениями человека о собаке, с одной стороны, как о друге и защитнике, и, с другой стороны, как о животном-медиаторе, связанном с загробным миром.

Однако данные зооархеологических исследований коллекций костей собак, собранных при раскопках могильников Сяоминьгунь и Цяньчжанда, заставляют подвергнуть пересмотру существующие интерпретации. Большая доля щенков в возрасте до 1 года указывает на то, что собаки захороненные в могилах, не являлись прижизненными любимцами и компаньонами людей, с которыми они сопогребены, и вряд ли могли выполнять функцию охранника и защитника в загробном мире.

Другой точки зрения придерживался Юй Вэйчао, полагавший, что захоронения собак в *яокэне* следует трактовать как строительную жертву при закладке могилы. Может быть, при этом также подразумевалось, что душа убитой собаки станет магическим защитником могилы. В этом случае собака выступает как «строительная жертва – сторож» [Кузнецов, 1998, с. 15]. С другой стороны, собаки (а также захороненные в *яокэнах* люди) могли выступать в качестве «строительной жертвы – выкупа». Обычай принесения жертвы местным духам при начале строительства какого-либо сооружения были широко распространены во всем мире (см.: [Тайлор, 1989, с. 86–88]). Согласно представлениям, бытовавшим у народов Китая в некоторой степени сохранившимся до настоящего времени, собаки

являлись олицетворением светлого начала *ян*, выступали защитниками от злых духов. Очевидно, что при сооружении могилы необходимо было, чтобы и место, и сама конструкция были ритуально «чистыми», таким образом, ритуальное убийство собаки совершалось как обряд очищения. В таком случае использование именно молодых животных представляется вполне логичным.

На наш взгляд, захоронения собак в *яокэнах* и других ямах на дне могилы могут рассматриваться как вариант погребального обряда, в котором собака выступала в качестве строительной жертвы при закладке могилы, призванной охранять саму конструкцию и покойника. Причем данная трактовка не противоречит другим интерпретациям: в данном обряде явно просматривается представление о ярусности миров (животное помещалось на нижний уровень строения). Собака как животное-падальщик, вероятно, в картине мира шанского населения ассоциировалась с нижним миром и именно поэтому, вероятно, могла служить защитником от потусторонних злых сил.

Собаки, погребенные на уступе, в могильном коридоре, земле, заполняющей могилу, были принесены в жертву в процессе похорон. Возможно, это была жертва духам предков или духам мира мертвых.

2.4. Захоронения собак на жертвенниках эпохи ранней и средней Шан

Помимо захоронений в могилах людей скелеты и отдельные кости собак найдены в жертвенных ямах и на жертвенных площадках на памятниках шанской эпохи.

Шанское городище, Яньши

На памятнике имелось несколько захоронений собак в жертвенных ямах. Так, в северной части здания дворца № 6 в Яньши рядом с двумя ямами для колонн была найдена небольшая прямоугольная яма (G11), ориентированная по линии север–юг, в которой была захоронена принесенная в жертву собака. Животное, вероятно,

представляет собой строительную жертву [Чжао Чжицюань, Лю Чжунфу, 1988, с. 130; Чжунго каогусюэ, 2003, с. 212].

По южному краю главного здания дворца № 5 рядом с ямами для колонн имелось две ямы с собаками, принесенными в жертву (G9 и G10). К югу от здания было найдено еще восемь жертвенных ям (G1–G8), в каждой из которых было захоронено по одной собаке (прил. 2, рис. 37). Ямы расположены на одной линии вдоль южной стены дворца на расстоянии 1,10–1,30 м от нее (кроме ямы G8, которая расположена ближе к стене). Ямы прямоугольной формы, длина с севера на юг составляет 0,60–0,70 м, ширина с запада на восток 0,30–0,40 м, глубина 0,18–0,30 м. Некоторые собаки лежали, свернувшись в клубок, некоторые – на боку, все – головой на юг, в сторону ворот. Шесть ям из восьми сгруппированы в три пары: G2 и G3 (находятся на расстоянии 3,70 м друг от друга), G4 и G5 (расстояние – 2,60 м), G6 и G7 (расстояние – 3,10 м), в то время как расстояния между непарными ямами превышают 6,50 м. Рядом с ямой G1 изначально имелась еще одна, однако она была разрушена более поздними конструкциями. Таким образом, первоначально перед дворцом находилось четыре пары жертвенных ям с собаками. Между парами жертвенных ям обнаружены остатки ступенек. Во всех ямах, находившихся рядом с главным зданием дворца, были захоронены мелкие собаки или щенки. По-видимому, они были принесены в жертву в ходе строительства, возможно, во время церемонии «обустройства / успокоения дверей» (*аньмэнь иши* 安门仪式) [Чжао Чжицюань, Лю Чжунфу, 1988, с. 128–129; Чжунго каогусюэ, 2003, с. 353].

Строительство дворца № 6 датируется периодом, предшествующим среднему слою периода Наньгуаньвай. Строительство главного здания дворца № 5 относится к концу нижнего слоя – началу верхнего слоя эрлиган [Чжао Чжицюань, Лю Чжунфу, 1988, с. 140].

Кроме того, в качестве жертвенных ям использовались колодцы, в которых на разной высоте помещались по одному тела собак, вместе с каждой собакой закапывали несколько камней [Ван Сюэжун, 2002, с. 7].

Шанское городище, Чжэнчжоу

В одной из жертвенных ям, датируемых вторым периодом нижнего слоя эрлиган в Чжэнчжоу, С9.1Н111, в несколько слоев захоронены люди и животные (свиньи и собаки). Это четырехугольная яма, ориентированная по линии север-юг, длина составляет 1,98–2,03 м, ширина – 0,8–0,90 м, глубина – не менее 6,40 м (нижняя часть ямы разрушена грунтовыми водами). Стенки ямы чуть расширяются книзу. Внутри найдены скелеты двух взрослых, шести детей, восьми свиней (из них – пять взрослых особей и три поросенка), одной собаки и один собачий череп, а также разрозненные кости свиней и собак (прил. 2, рис. 38). Собачьи скелет и череп обнаружены в верхнем слое – на глубине 3,50–5,18 м вместе со скелетом взрослого человека, тремя скелетами детей, двумя скелетами взрослых свиней и одним скелетом поросенка. В шести метрах к северо-востоку от этой ямы расположен синхронный ей зольник С9.1Н110, в котором также были найдено скопление собачьих костей, а также пять керамических сосудов (*вэн*, *гуань*, два треножника *ли* и треножник *дин*) и две коровьи кости, предназначенные для гадательных записей, одна из них – лопаточная кость со следами обжига. На расстоянии 15 м к востоку от жертвенной ямы С9.1Н111 находится отдельное захоронение собаки (С9.1М123). Животное лежало головой на восток, задние лапы, по-видимому, были повреждены. На расстоянии 1,65 м от собаки была захоронена свинья [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 486–489, 492–493].

Кроме того, на памятнике найдены жертвенные ямы с собаками, относящиеся к первому периоду верхнего слоя эрлиган. На возвышенности в северо-восточном углу шанского городища в Чжэнчжоу, на расстоянии около 50 м от района дворцов, найден жертвенник, состоящий из шести крупных камней (фрагменты красного песчаника неправильной формы): один, самый высокий (высотой около 30 см) – в центре и пять вокруг него. Вокруг алтаря расположены восемь жертвенных ям с захороненными в них собаками (С8М15, С8М18, С8М20, С8М21, С8М23, С8М24, С8М25, С8М30), а также 14 могил людей с незначительным количеством

сопроводительного инвентаря или без него, следы строения квадратной формы, обожженная земля на поверхности и в яме.

Ямы с собаками располагаются в три ряда, вытянутые с северо-запада на юго-восток. В первом ряду – три ямы (С8М15, С8М18, С8М30), во втором – четыре (С8М20, С8М23, С8М24, С8М25), третий ряд состоит из одной ямы (С8М21). Расстояние между ямами в ряду 0,15–0,18 м. Ямы прямоугольной или овальной формы, разного размера: длина 1,38–2,46 м, ширина 0,50–1,17 м, глубина 0,25–0,75 м. Все они ориентированы по линии северо-восток – юго-запад. Направление жертвенных ям совпадает с направлением многих построек и погребений в шанских городищах и связано с особым отношением иньцев к северо-востоку [Там же, с. 493–496].

В общей сложности в ямах было захоронено не менее 92 собак⁵. Минимальное число собак в яме – шесть (в ямах С8М15 и С8М25), максимальное – 23 (яма С8М30). В остальных – от 8 до 16 особей. В ямах собаки лежат беспорядочно, друг на друге. В яме С8М24 найдено золотое украшение. В яме С8М15 под костями собак обнаружены два человеческих скелета. В яме С8М18 под костями собак найдены сваленные в кучу человеческие кости [Чжэнчжоу Шандай чэнчжи, 1977, с. 24; Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 496; Чжунго каогусюэ, 2003, с. 352].

Приведем более подробные описания нескольких жертвенных ям.

Яма С8М30 – одна из наиболее крупных в данном комплексе. Яма прямоугольной формы с вертикальными стенками. Ее длина составляет 2,64 м, ширина – 1,17 м, глубина – не менее 0,29 м. Внутри захоронено 23 собаки. Для девяти животных, лежавших в верхней части ямы, еще возможно установить положение, в котором они были погребены.

⁵ Точное число установить невозможно. По мнению исследователей оно может превышать 100 особей [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 496].

C8M25 – сравнительно небольшая жертвенная яма с малым числом захороненных собак. Яма овальной формы, длина – 1,38 м, ширина – 0,50 м, глубина – не менее 0,25 м. Для большей части животных можно определить точное положение тела, в котором они были захоронены.

C8M18 – жертвенная яма, в которой были захоронены люди и собаки. Яма овальной формы, в длину достигает 2,30 м, ширина – 0,90 м, глубина превышает 0,50 м. Внутри захоронены 16 собак, под их скелетами также обнаружены разрозненные человечески кости.

C8M15 – яма трапециевидной формы длиной 2 м, ширина варьируется от 0,80 м до 1 м, глубина – не менее 0,37 м. Внутри захоронено как минимум шесть собак. Под собачьими скелетами найдены скелеты двух людей (один из них лежал на спине в вытянутом положении, другой, вероятно, на животе).

C8M24 – прямоугольная яма с вертикальными стенками. Длина составляет 1,66 м, ширина – 1,03 м, глубина – не менее 0,60 м. Скелеты собак, захороненных внутри, сохранились плохо, положение тел животных невозможно определить. В яме погребено как минимум 14 особей. Под их скелетами, в грунте, заполняющем яму, было найдено золотое украшение весом 18,5 г (C8T27M24:1). Это пока единственное изделие из золота, найденное в слое культуры эрлиган в Чжэнчжоу [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 497–500].

Вероятнее всего, эти люди и собаки были принесены в жертву *шэ*. О том, что данный жертвенник был именно алтарем божества земли *шэ*, по мнению китайских ученых, свидетельствует указание «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.) Лю Аня на то, что алтарь *шэ* обозначался камнем [Чжэнчжоу Шандай чэнчжи, 1977, с. 24; Чжунго каогусюэ, 2003, с. 352].

В северо-западной части городища на возвышении у западной стены, на расстоянии примерно 200 м от дворцовых построек, найдена прямоугольная жертвенная яма (CWGK1), в каждом из четырех углов которой было захоронено по одной собаке. Длина ямы с севера на юг составляет 2,60 м, ширина с запада на восток – 2,31 м, глубина – не менее 0,75 м. Вдоль вертикальных стенок ямы

проходил земляной уступ, внутри которого и были погребены собаки. Животные лежали на боку с согнутыми лапами, все ориентированы по линии север-юг [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 506].

На территории **Шанского городища Юаньцзюй** в уезде Юаньчэн городского округа Юньчэн, пров. Шаньси, в яме Н105 в верхнем слое культуры эрлиган была захоронена одна собака, а также гадательные кости, фрагменты керамики, различные изделия из камня и кости. Яма в форме неправильного круга, диаметр в верхней части – 2,90 м, диаметр дна – 3,60 м, глубина – 1,95 м, дно ровное. В восточной части имелся уступ высотой около 0,60 м, максимальная ширина достигает 0,28 м. Собака захоронена в южной части ямы на глубине 1,20 м. Животное лежало на боку, головой на восток (прил. 2, рис. 39). Назначение ямы неизвестно, возможно, она представляла собой погреб или жилое помещение [Юаньцзюй Шанчэн, 1996, с. 208; Окамура, 2004, с. 227].

В котловане под западной городской стеной **Шанского городища к северу от р. Хуаньхэ** найдены череп и позвонки собаки [Тан Цзигэнь и др., 2003а, с. 8]. В цоколе главного здания дворца имелось две жертвенные ямы с захоронениями собак. Ямы были выкопаны в центральной части 1-го и 3-го залов главного здания дворца, представляли собой небольшие прямоугольные ямы длиной примерно 0,50 м, шириной 0,30 м. В каждой яме была захоронена одна собака [Тан Цзигэнь и др., 2003б, с. 21–22].

На памятнике **Сяошуанцяо**, расположенном к северо-западу от города Чжэнчжоу, пров. Хэнань, обнаружены ямы с принесенными в жертву людьми и животными, наиболее распространенными были ямы с черепами и рогами быков. В районе IV имелась и одна жертвенная яма с захоронением собаки (прил. 2, рис. 40). Отдельные кости собак были найдены и в других жертвенных ямах [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 275; Окамура, 2004, с. 218; Сун Годин, Ли Сутин, 2002, с. 367, 369].

2.5. Захоронения собак на жертвенниках позднешанской эпохи

«Район дворцов и храмов предков»

«Район дворцов и храмов предков» находится в северо-восточной части городища, на возвышенности у р. Хуаньхэ. Здесь в ходе раскопок 1920–1930-х гг. были обнаружены и исследованы фундаменты 53 крупных зданий, образующих три группы – А, Б и В (в китаеязычной литературе приняты обозначения циклическими знаками десятиричного цикла – *цзя* 甲, *и* 乙, *бин* 丙). Позднее, в 1970–1990-х гг., к западу и юго-западу и юго-востоку от них было раскопано еще более 50 оснований средних и малых построек, а также фундамент одной крупной постройки П-образной формы [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 326–327; Кузнецова-Фетисова, 2015, с. 50]. Рядом с фундаментами строений групп Б и В, а также под фундаментами или на них, найдены жертвенные ямы с захоронениями людей и животных, в том числе собак.

Наиболее представительным является фундамент здания Б7, расположенного в центре группы Б. Основание не было раскопано полностью. Предположительно, его длина составляет около 44 м, ширина – более 25 м. Жертвенные ямы найдены под фундаментом⁶ (три ямы: М138, М139, М147), внутри слоя трамбованной земли, образующей фундамент (девять ям: М94, М96, М105, М106, М140, М141, М168, М229, М230), и на его поверхности (семь ям: М101, М104, М124, М137, М149, М167, М186). Кроме того, 134 жертвенные ямы, разделяющиеся на две группы – северную и южную (к первой относится 54 ямы, ко второй – 80), расположены к югу от здания. В ямах в основном были захоронены животные (коровы, лошади, бараны, собаки), в некоторых ямах – люди. Эти ямы представляют собой следы жертвоприношений, проводившихся на разных стадиях строительства важных сооружений, таких как дворцы или храмы предков, с целью защиты их от злых сил.

⁶ Точнее, под той частью фундамента, которая уже была раскопана.

Как правило, проводилось четыре последовательных ритуала, связанных с основными этапами строительства: закладкой фундамента (*дяньцзи иши* 奠基仪式), закладкой цокольных камней, служивших основаниями столбов и предохранявших их гниения (*чжичу иши* 置础仪式), обустройством дверных проемов (*аньмэнь иши* 安门仪式) и завершением строительства (*лочэн иши* 落成仪式). Таким образом, ямы, обнаруженные под фундаментом, соответствуют жертвоприношению во время закладки фундамента, ямы внутри фундамента – ритуалу закладки камней в основании колонн, а ямы, вырытые на поверхности фундамента, – церемонии обустройство дверей. Часть жертвенных ям, находившихся к югу от здания, возможно, представляет собой следы ритуала по случаю окончания строительства, другие могли содержать жертвоприношения духам предков [Cheng Te-kun, 1960, p. 53–55; Чжунго каогусюэ, 2003, с. 353–355; Цянь Куньюй, Лань Синь, 2011, с. 43–44].

На примере фундамента Б7 видно, что собаки использовались как жертвенные животные во всех ритуалах, связанных с этапами строительства. В каждой из ям, вырытых под основанием здания (M138, M139, M147), было захоронено по одной собаке. Из девяти жертвенных ям, обнаруженных внутри основания, собаки были захоронены в пяти: M229 – два барана и собака, M141 – две собаки и баран, M105 – три собаки и три барана, M94 – три собаки, M106 – 11 собак. Еще в трех ямах в этом слое захоронены коровы (две, три, пять соответственно в ямах M96, M140 и M230). Еще в одной яме (M168) захоронен человек. Что касается семи ям, выкопанных после завершения строительства фундамента, собаки были найдены в двух из них: M124 – 2 особи, еще в одной жертвенной яме⁷ – одна собака. Собаки были найдены и в жертвенных ямах, расположенных к югу от основания здания. В одной из ям северной группы (M31)

⁷ Данные разных публикаций противоречат друг другу: Окамура [2004, с. 225] приводит номер ямы M411, однако в описании комплекса, которое дается сводном томе по археологии Шан [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 354], яма с таким номером отсутствует. В целом данные в работе Окамуры [2004] противоречивы, мы опирались на таблицы, данные в приложении к статье [Там же, с. 224–235].

были захоронены человек и собака. В южной группе также есть две ямы с захоронениями собак. В яме М152 были зарыты три барана и три собаки, а в яме М164 – человек, лошадь и две собаки, а также бронзовый клевец и керамические сосуды – кувшин *лэй* и круглодонный горшок *гуань*. Строение Б7 и жертвенные ямы рядом с ним датируются началом Поздней Шан, 1-2-м периодом Иньсюй. По мнению большинства исследователей, здание являлось храмом предков шанской династии [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 355; Окамура, 2004, с. 224–225].

Аналогичная ситуация наблюдается и в случае с другими фундаментами строений группы Б. Так, в основании здания Б8 обнаружены две жертвенные ямы с захоронениями собак (в яме М207 – пять особей, в яме М241 – три), они соотносятся с жертвоприношениями, совершавшимися во время закладки фундамента. В основании здания Б9 в двух ямах (М246 и М254) захоронено по одной собаке, животные также были принесены в жертву во время закладки фундамента. Внутри фундамента Б13 найдено шесть ям с захоронениями собак и баранов (М1, М2, М364, М368, М380, М401), животные были принесены в жертву во время закладки каменных оснований столбов. В четырех ямах (М1, М2, М368, М401), предположительно, было закопано по 10 собак и 10 баранов. В яме М364 – 10 баранов и 18 собак, в яме М380 – 31 баран и 20 собак. Еще в двух ямах были найдены скелеты коров и баранов. Внутри слоя трамбованной земли, образующего фундамент строения Б16, также найдена яма (М255) с захоронением собак и баранов (точное количество особей не известно), принесенных в жертву во время закладки оснований столбов. Под фундаментом здания Б19 найдена яма (М348), в которой погребена собака, принесенная в жертву во время ритуала закладки фундамента. На поверхности основания здания Б20 вырыта яма (М414) с захоронением собаки, принесенной в жертву во время церемонии обустройства дверей. Под основанием строения Б21 обнаружена яма с собакой (М415), принесенной в жертву во время ритуала закладки фундамента. Таким образом, в группе построек Б жертвенные ямы с собаками присутствуют на восьми фундаментах из 21.

На территории, где расположены строения группы В, также исследовано несколько жертвенных ям с захоронениями собак. Две из них непосредственно связаны с фундаментами зданий и, вероятно, представляют собой следы строительных жертвоприношений. В яме М391, находящейся на основании здания В8, закопана одна собака. В яме М393 на фундаменте В12 – пять баранов и семь собак. Еще четыре ямы располагаются вне фундаментов строений. В яме М338 найдены скелеты семи баранов и трех собак, М382 – четырех баранов и четырех собак, М357 – 42 баранов и 40 собак, М377 – 19 собак [Окамура, 2004, с. 224–225].

Некрополь ванов

В восточной части могильника шанских ванов в ходе раскопок 1976 г. исследовано 250 жертвенных ям, расположенных рядами, раскопана 191 яма. Среди них можно выделить 22 группы, что, вероятно, соответствует числу проведенных церемоний жертвоприношения. В большинстве ям захоронены люди (всего 1178 человек), и только в пяти – жертвенные животные. Скелеты собак найдены в двух жертвенных ямах – М98 и М99. Они расположены рядом, обе – прямоугольной формы, ориентированы по линии восток–запад, обе подверглись разграблению. В яме М98 (длина – 2,40 м, ширина – 1,20 м, глубина – 3,20 м) захоронены три человека (на животе, два – головой на запад, один – на восток) и 10 щенков. Скелеты собак сохранились плохо, их точное положение в яме установить невозможно. Жертвенная яма М99 (длина – 2,30 м, ширина – 1,30 м, глубина – 3,16 м) расположена южнее М98, она гораздо сильнее пострадала от грабителей. В ней найдены лишь разрозненные собачьи кости [Аньян Иньсуй нули цзисыкэн, 1977, с. 22, 26, 34].

В 1978 г. были исследованы жертвенные ямы в южной части некрополя ванов, раскопано 40 ям, в большинстве из которых найдены скелеты лошадей (всего 117 костяков). В одной яме (М2) захоронены собака, баран и бобр. Яма неглубокая, края нечеткие. В западной части ямы захоронена собака, голова направлена на север, часть туловища и кости конечностей уже разложились. К востоку от скелета собаки лежит на спине баран, голова направлена на север. К югу

от собаки и барана на боку лежит бобр, голова направлена на северо-восток. Положение конечностей всех животных указывает на то, что они были связаны и, вероятно, похоронены заживо (прил. 2, рис. 41) [Ян Баочэн, 1987, с. 1062, 1065].

Жертвенные ямы на могильнике ванов, по-видимому, представляют собой следы жертвоприношений духам предков правящего дома.

Жертвенные ямы и жертвенники на памятниках позднего этапа Шан за пределами Аньяна

На **Шанском городище в Чжэнчжоу** (памятник Жэньминь гунъюань, 1-й период) найдена жертвенная яма с захоронениями свиньи и собаки. С7Н106 – глубокая (более 3,50 м) яма, круглая в сечении, с вертикальными стенками. Диаметр – 1,40–1,45 м. Внутри обнаружены многочисленные фрагменты керамики, черепаший панцирь с отверстиями и следами обжига и костяная шпилька. Собака была захоронена на глубине 0,50 м, головой на север, свинья – на глубине 3,45 м, головой на восток [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 885].

В позднешанском слое в северной части памятника **Буяоцунь** в уезде Линьчэн, пров. Хэбэй, найдено пять жертвенных ям. В одной из них найден полный скелет собаки в анатомическом порядке. Жертвенная яма Н320 – овальной формы, длина с запада на восток составляет примерно 1 м, ширина с севера на юг – 0,55 м. Собака лежала головой на восток, лапы животного были связаны. В непосредственной близости расположены еще три жертвенные ямы: в яме Н52 похоронена женщина 35-40 лет, М37 – женщина 40-45 лет, Н319 – свинья. По мнению исследователей памятника, все четыре ямы составляют единый комплекс [Ван Сюнь и др., 2011, с. 11–12].

На памятнике **Гэцзячжуан** на территории городского округа Синтай, пров. Хэбэй, в слое, датируемом периодом поздней Шан (2-4-й период Иньсюй), обнаружена яма Н72, круглая в плане, диаметр – 2,30 м, глубина – 1,30 м, заполнена трамбованным грунтом. Внутри на глубине 0,70 м найден скелет оленя, на глубине 0,80 м – полный скелет барана, грунт под которым был покрыт слоем обугленных зерен чумизы, а также коровий череп и три различных по размеру и форме камня,

на глубине 0,90 м в юго-восточной части ямы – скелет собаки, лежавшей на боку, головой на северо-восток, лапы животного, по-видимому, были связаны (прил. 2, рис. 42) [Чжу Юнган и др., 2005, с. 20–22].

В шанском слое памятника **Чжуцзяцяо** в уезде Пиньинь, пров. Шаньдун обнаружено две ямы с захоронениями собак и коров. Одна из них овальной формы, в длину достигает 3,20 м, ширина – 2,30 м, глубина – 1,17 м. В центральной части лежал скелет коровы в анатомическом порядке (животное лежало на боку, головой на восток). В северной части ямы находились два скопления костей собак, еще одно скопление собачьих костей было найдено под скелетом коровы [Чжао Лань, 1961, с. 88].

На могильнике **Цяньчжанда** в городском уезде Тэнчжоу, пров. Шаньдун, найдено отдельное захоронение собаки в яме (SK7) длиной 0,65 м, шириной 0,35 м, глубиной 0,20 м. Животное лежало головой на север, спиной на восток [Тэнчжоу Цяньчжанда, 2005, с. 124].

На памятнике **Тайси** в яме N131, датируемой ранним периодом Иньсуй, была захоронена собака без головы [Окамура, 2004, с. 227].

В позднешанском слое многослойного (луншань, Шан, Западное Чжоу) памятника **Цювань** в районе Туншань городского округа Сюйчжоу, пров. Цзянсу, на утрамбованной площадке площадью приблизительно 75 кв. м найдены 20 человеческих костяков и 2 отдельных черепа, а также 12 скелетов собак. Люди и животные были похоронены не в могилах, а просто засыпаны землей. Гробы и какой-либо сопроводительный инвентарь отсутствуют. Почти все скелеты людей и собак, обращены головами к четырем, довольно большим, неправильной формы необработанным камням, установленным вертикально примерно в середине могильника. Один камень, самый крупный, был вкопан в землю в центре, три – с севера, юга и запада от него. Покойники лежали ничком, с согнутыми ногами, у многих из них руки, по-видимому, были связаны за спиной. Примерно у половины черепа размозжены, вероятнее всего, камнями, найденными рядом с некоторыми из них. Пол удалось определить для десяти индивидов, из них шесть мужчин и

четыре женщины. Все скелеты принадлежали взрослым людям, молодым или среднего возраста. Что касается собак, то они в основном лежали на боку (только одна – на животе), между людьми, без особого порядка. В захоронении выделяется два слоя: в верхнем были погребены 17 человек, один череп и две собаки, все они найдены к северо-востоку от камней; в нижнем – три человека, один череп и десять собак, лежавшие в центральной, юго-восточной и юго-западной частях площадки (прил. 2, рис. 43) [Цзянсу Туншань Цювань, 1973, с. 76–79; Юй Вэйчао, 1973, с. 296].

Предположительно, данный комплекс имеет ритуальный характер, а камни представляют собой жертвенник – символ божества, которому были принесены жертвы. Вероятнее всего, это также был алтарь божества земли *шэ*, обозначавшийся камнем или деревом, жертвоприношения которому совершали ван или местные правители. Данный жертвенник, видимо, был одним из алтарей земли зависимого от Шан-Инь княжества Дапэн (Пэн), центр которого располагался в Цюване [Юй Вэйчао, 1973, с. 296–298; Ван Юйсинь, Чэнь Шаоди, 1977, с. 55; Кучера, 1977, с. 113, 116–120]. Выделение двух слоев, по-видимому, свидетельствует о проведении как минимум двух церемоний жертвоприношения [Цзянсу Туншань Цювань, 1973, с. 78].

Исходя из контекста находок собак в жертвенных ямах и около жертвенников, можно сделать вывод об использовании этих животных в Шан в качестве строительной жертвы, жертвы духам предков и божествам земли. Сведения об использовании собак в качестве жертвенных животных могут быть дополнены данными эпиграфических источников того времени – надписей на гадательных костях и панцирях черепах (*цзягувэнь* 甲骨文), найденных в Аньяне.

2.6. Эпиграфические и изобразительные источники об использовании собак в эпоху Шан

В настоящее время известно более 200 надписей на костях животных и панцирях черепахах, включающих иероглиф 犬 *цюань* «собака». В основном они содержат информацию о различного рода обрядах, в ходе которых приносили в жертву собак. Приводятся разные способы жертвоприношений, а также различные объекты (стороны света, духи предков, Земля, Небо, метеорологические явления и т.д.) и цели (усмирение ветра, прекращение болезней) [Вэй Сы, 1998, с. 97–98; Лин Чуньшэн, 1957, с. 10–14].

Далее мы приводим выборку этих текстов, в основном, по следующим изданиям: [Сяотунь наньди цзягу, 1980–1983; Инго соцзан цзягу цзи, 1985–1991; Цзягувэнь хэцзи, 1999; Лин Чуньшэн, 1957; Вэй Сы, 1998], с нашим переводом и предварительной классификацией по содержанию.

Чаще всего жертвоприношение собак упоминается в связи с проведением ритуала *ди* 帝 (禘). В связи с неустоявшейся грамматической структурой иньских гадательных надписей и недостаточной степенью ее изученности в настоящее время в литературе существует несколько вариантов перевода иероглифа 帝 *ди*: 1) жертвоприношение, приносить жертвы, совершать ритуал [Крюков, 1973, с. 119; Крюков, 2000, с. 172; Куликов, 2004а, с. 9; Пэн Хуэйсянь, 2009, с. 69]; 2) духи предков [Крюков, 2000, с. 172]; 3) верховное божество [Крюков, 1973, с. 119; Крюков, 2000, с. 172; Куликов, 2004а, с. 7–8, 21; Пэн Хуэйсянь, 2009, с. 69]; 4) мать-прародительница, божество плодородия [Серкина, 1973, с. 31–38, 91, 98–99, 115]. Содержание и форма этого обряда остаются неизвестными, поэтому мы переводим термин *ди* в глагольной функции как «совершить жертвоприношение, принести в жертву».

Некоторые надписи конкретизируют вид жертвоприношения *ди*: нередко встречаются сочетания *фан ди* 方帝 и *у ди* 巫帝. Трактовки значения термина *фан* также неоднозначны: 1) сторона, сторона света, духи четырех сторон света

[Вэй Цыдэ, 2002, с. 80–83; Куликов, 2004а, с. 11; Пэн Хуэйсянь, 2009, с. 69]; 2) племя [Крюков, 1973, с. 123; Вэй Цыдэ, 2002, с. 80–83]; 3) вид ритуала или жертвоприношения [Вэй Цыдэ, 2002, с. 80–83]. Мы вслед за Вэй Цыдэ переводим *фан* как один из видов ритуала, характеризовавшийся определенным объектом (возможно, это это было жертвоприношение сторонам света), исполнителем или способом жертвоприношения. Относительно трактовки иероглифа у 𠄎 из *цзягувэнь* единство также отсутствует: 1) шаман, шаманка, жрец [Крюков, 2000, с. 169; Пэн Хуэйсянь, 2009, с. 69–70]; 2) имя собственное – антропоним, этноним или топоним [Voileau, 2002, р. 354–355]; 3) имя божества или духа, управлявшего погодой [Крюков, 2000, с. 171–172; Voileau, 2002, р. 354–355]; 4) вид ритуала – жертвоприношения или гадания [Voileau, 2002, р. 354–355]; 5) приносить жертвы [Серкина, 1973, с. 31–38].

1. 貞方帝一羌二犬卯一牛 (《合集》 00418.9)

Вопрос: совершить жертвоприношение фан, принести в жертву одного человека из племени цян, двух собак, принести в жертву разрезанием пополам одного быка?

2. …… 卜爭貞翌乙亥方帝十犬 (《合集》 14298)

Гадали..., Чжэн спросил: в следующий [день] ихай совершить жертвоприношение фан, принести в жертву десять собак?

3. 己亥卜貞方帝一豕一犬二羊二月 (《合集》 14301)

Гадали [в день] цзихай, вопрос: совершить жертвоприношение фан, принести в жертву одну свинью, одну собаку, двух баранов? Второй месяц.

4. 甲戌卜貞勿帝犬三 (《合集》 15984)

Гадали [в день] цзясюй, вопрос: не приносить в жертву трех собак?

5. 巫帝一犬 (《合集》 21074)

Совершить жертвоприношение у, принести в жертву одну собаку?

6. 庚……巫帝二犬 (《合集》 21076)

Гэн... ..: совершить жертвоприношение у, принести в жертву двух собак?

7. ……帝三犬 (《合集》 21077)

...принести в жертву трех собак?

8. 巫帝一犬一豕 (《合集》 21078.3)

Совершить жертвоприношение у, принести в жертву одну собаку и одну свинью?

9. 甲寅卜其帝方一羴一牛九犬 (《合集》 32112.1)

Гадали [в день] цзяинь: совершить жертвоприношение фан, принести в жертву одного человека из племени цян, одного быка, девять собак?

10. 庚戌卜巫帝一羊一犬 (《合集》 33291.7)

Гадали [в день] гэнсюй: совершить жертвоприношение у, принести в жертву одного барана, одну собаку?

11. 癸亥貞今日雨，帝于巫豨犬一 (《合集》 34155.2)

Гадали [в день] гуйхай: сегодня дождь, совершить жертвоприношение у, принести в жертву одну свинью и одну собаку?

12. 乙酉卜巫帝一犬 (《合集》 34160.1)

Гадали [в день] ю: совершить жертвоприношение у, принести в жертву одну собаку?

Еще один вариант жертвоприношения собак – цзу 俎. Данный иероглиф имеет значение «поднос или чаша для жертвоприношений», поэтому переводим его как «принести жертву на подносе» [Лин Чуньшэн, 1957, с. 13].

13. 甲申卜賓貞燎于東三豕三羊俎犬卯黃牛 (《合集》 14314.4)

Гадали [в день] цзяшэнь, Бинь спросил: принести в жертву восточной стороне путем сожжения трех свиней и трех баранов, принести в жертву на жертвенном подносе собаку, принести в жертву разрезанием пополам желтого быка?

По-видимому, еще один вариант церемонии жертвоприношения в специальном сосуде упоминается в следующей надписи:

14. 其鼎用三玉犬羊 (《佚》 783)

Принести в жертву в треножнике дин три изделия из нефрита, собаку и барана.

Известны и более конкретные способы жертвоприношений.

- Разрывание на части 𤝵 (отождествляют с современным иероглифом 磔 чжэ):

15. 𤝵犬于黃臯卯三 (《合集》 09774.13)

Разорвать на части собаку и принести в жертву Хуан-ши, принести в жертву разрезанием пополам трех...?

16. 勿𤝵犬 (《合集》 09774.13)

Не разрывать на части собаку.

17. 丙戌卜貞犬𤝵豕帝 (《合集》 15983)

Гадали [в день] бинсюй, вопрос: собаку разорвать на части, свинью принести в жертву?

- Сожжение 燎 ляо:

18. ……卜設貞燎于東五犬五羊五… (《合集》 14316.1)

Гадали ..., Цюэ спросил: принести в жертву восточной стороне путем сожжения пять собак, пять баранов, пять ...?

- Закапывание в землю 陷 сянь:

19. 辛巳卜品貞陷三犬燎五犬五豕卯四牛 一月 (《合集》 16197.2)

Гадали [в день] синьсы, Пинь спросил: закопать три собаки, сжечь пять собак, пять свиней, принести в жертву разрезанием пополам четыре быка? Первый месяц.

Что касается **объектов жертвоприношений**, то это могли быть:

- Духи предков:

20. 戊戌卜帝于黃奭二犬 (《合集》 03506.1)

Гадали [в день] усюй: принести в жертву Хуан-ши двух собак?

21. 帝黃奭三犬 (《合集》 03506.2)

Принести в жертву Хуан-ши трех собак?

22. 甲午卜今日燎于黃奭二犬豕二告 (《合集》 39719.1)

Гадали [в день] цзясюй: сегодня принести Хуан-ши в жертву сожжением двух собак, свинью? Дважды ритуально докладывать (?).

23. 今日用二犬二豕黃奭 (《合集》 39719.2)

Сегодня принести в жертву Хуан-ши двух собак и двух свиней?

24. 丁巳卜又燎于父丁百犬百豕卯百牛 (《合集》 32674)

Гадали [в день] динсы: принести в жертву Фу-дину сожжением сто собак, сто свиней, разрезать пополам сто быков?

25. 甲午卜出于父丁犬百羊百卯十牛 (《合集》 32698)

Гадали [в день] цзяю: принести в жертву Фу-дину разрыванием сто собак, сто баранов, разрезать пополам десять быков?

Хуан-ши отождествляют с легендарным чиновником Хуан-инем (возможно, это одно из имен И-иня) либо с его супругой. Фу-дин – по-видимому, один из предков шанской династии.

- Стороны света, четыре стороны света 四方 сы фан:

26. 帝于南犬 (《合集》 14323)

Принести в жертву на юге собаку? / Принести в жертву южной стороне собаку?

27. ……帝于北二犬卯…… (《合集》 14332)

.....принести в жертву на севере двух собак, принести в жертву разрезанием пополам...? /принести в жертву северной стороне двух собак, принести в жертву разрезанием пополам...?

28. ……王帝東羊一嚙一犬三月 (《合集》21087)

... Ван принесет в жертву восточной стороне одного барана, принесет в жертву (?) одну собаку? Третий месяц.

29. 帝東犬 (《合集》21088)

Принести в жертву восточной стороне собаку?

30. 戊寅卜九犬帝于西二月 (《合集》21089)

Гадали [в день] уинь: девять собак принести в жертву на западе? Второй месяц / Гадали [в день] уинь: девять собак принести в жертву западной стороне? Второй месяц

31. 庚戌卜寧于四方其五犬 (《合集》34144.2)

Гадали [в день] гэнсюй: чтобы усмирить четыре стороны света, [принести в жертву] пять собак?

- Силы природы (Небо, Ветер):

32. 弗…天四犬 (《戩》33.8)

Не [приносить в жертву?] Небу четырех собак?

33. 于帝史風二犬 (《合集》14225)

Ветер послан ди, [принести в жертву] двух собак.

34. 帝風九犬 (《合集》21080.1)

Принести в жертву Ветру девять собак?

Отдельно можно выделить группу инскрипций, упоминающих жертвоприношения, целью которых было «усмирение ветра» 寧風 *нин фэн*.

35. 甲戌貞其寧風三羊三犬三豕 (《合集》34137.1)

[В день] цзясяю спросили: чтобы усмирить ветер, [принести в жертву] трех баранов, трех собак, трех свиней?

Лин Чуньшэн [1957, с. 13] указывает также, что иероглиф *нин* 寧 мог обозначать и способ жертвоприношения, а именно кровавую жертву – закалывание или разрывание на части.

Сходный ритуал проводился, видимо, и для прекращения болезней.

36. 壬辰卜其寧疒于四方三羴又九犬 (《屯》 1059.10)

Гадали [в день] жэньчэнь: чтобы усмирить болезни в четыре сторонах света, [принести в жертву] трех человек из племени цян и девять собак?

Жертвоприношения Птице:

37. 貞帝鳥三羊三豕三犬 (《合集》 14360.2)

Вопрос: принести в жертву Птице трех баранов, трех свиней, трех собак?

38. 貞帝鳥一羊…豕一犬 (《英國所藏甲骨集》 01225.2)

Вопрос: принести в жертву Птице одного барана, ... свинью, одну собаку?

Согласно одной версии, Птица – это Красная птица Чжу няо 朱鸟, символ южного сектора неба, южной стороны [Лянь Шаоми, 2000, с. 64]. С другой стороны, Птица из этой надписи может быть отождествлена Сюань няо 玄鸟 – темной /черной / черно-бурой / черно-красной/ таинственной птицей, являвшейся, согласно легенде, изложенной в «Ши цзин» и «Чжу-шу цзи-нянь» («Погодовых записях на бамбуковых дощечках»), прародительницей иньцев. Кроме того, птица могла мыслиться как ипостась солнца [Куликов, 2004б, с. 25–28]. В любом случае, птицы занимали значимое положение в мировоззрении шанского населения (см. подробнее [Куликов, 2002]). Таким образом, фраза может трактоваться как вопрос о жертвоприношении одной из сторон света, солнцу или божественному предку.

Не только вопросы о проведении обрядов жертвоприношений, но и сама форма отдельных знаков, содержащихся в надписях на костях и панцирях, свидетельствовала о значении собаки для ритуальной деятельности шанцев.

Иероглиф *сянь* 獻, и в современном языке сохранивший значение «приносить в жертву собаку», в *цзягувэнь*, по-видимому, означал «готовить собачье мясо на пару в керамическом котле-треножнике *янь*». В словаре «Шовэнь цзецзы» (I–II вв.) говорится: 獻宗廟犬名羹獻, 犬肥者以獻. «Подношение собаки в храм предков - это подношение собачьего мяса для приготовления похлебки, для этого берут жирное собачье мясо» [Шовэнь цзецзы, 2012, с. 491].

Помимо записей о жертвоприношениях собак, среди надписей на костях и панцирях есть косвенные свидетельства того, что шанские правители могли взимать налог или дань собаками. Размеры этой дани собаками могли достигать ста и даже двухсот особей. Например: “……茲致……二百犬……” (《合集》 8979) , “……致百犬” (《合集》 8980) ; «...Ныне послал... двести собак» (8979); «...послал... сто собак» (8990). Возможно, в позднешанский период уже существовало специализированное собаководство, удовлетворявшее потребность в собаках для уплаты дани или налога феодалами зависимых от Шан государств *фан* и шанских ванов, а также потребность в собаках для проведения ритуалов жертвоприношений и погребальных обрядов [Ли Чжипэн, 2011, с. 104].

Кроме того, Вэй Сы [1998, с. 98] предполагает, что одно из зависимых от Шан княжеств могло носить название Цюань 犬 . В качестве аргумента, подтверждающего эту гипотезу, автор приводит следующую инскрипцию:

39. 巳酉卜貞雀往徵犬弗其擒十月 (《佚》 181.3)

Гадали [в день] сыю, вопрос: Цюэ отправится походом на Цюань? Его не возьмут плен? Десятый месяц.

Иероглиф *цюань* входил также в состав названий должностей или титулов, таких, как *цюань хоу* 犬侯, *цюань си* 犬徙, *цюань чжун* 犬中, до *цюань* 多犬. Считается, что сфера полномочий этих чиновников включала, прежде всего, организацию охоты и военных действий [Там же, с. 98–99].

В эпоху Шан появляется и второй иероглиф, имеющий в китайском языке значение «собака» – 狗 *гоу*. Он встречается на бронзовых сосудах из погребения М4 в Фаньцзячжуан в районе Аньяна в сочетании с иероглифом 寧 *нин* «усмирять, успокаивать». Возможно, речь также шла о покорении одного из соседних с Шан племен [Хэ Юйлин, 2009, с. 52–53].

Что касается изобразительных источников, то несмотря на значимое положение, которая собака занимала в ритуальной практике шанского населения, изображения этого животного крайне немногочисленны. Интересно, что схожая ситуация характерна и для других домашних животных, использовавшихся в жертвоприношениях (свиней, лошадей) [Cheng Te-kun, 1960, p. 236]. На раннешанском памятнике Цилипу в уезде Шэньсян, пров. Хэнань, найден фрагмент (голова) керамической фигурки собаки [Ян Цзичан, 1960, с. 47]. Сохранились и позднешанские скульптурные изображения различных животных, в том числе и собак (прил. 2, рис. 44) [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 437; Оу Таньшэн, 1986, с. 180]. Изображения собак встречаются и на бронзовых сосудах эпохи Шан-Инь [Li Chi, 1957, pl. 1; Chen Te-kun, 1960, p. 173].

ГЛАВА 3. ЗНАЧЕНИЕ СОБАКИ В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ, МИФОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРЕ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

3.1. Значение этнографических и фольклорных материалов для интерпретации археологических данных о статусе собаки в духовной культуре

Поскольку интерпретация археологических источников невозможна без привлечения «внешних» по отношению к ним данных (мифологии, фольклора, материалов этнографии), в этой главе мы обобщили доступные материалы по мифологии и фольклору народов Китая, включая данные письменных источников, словарей, этнографических коллекций, позволяющие реконструировать ряд базовых мифологем, связанных с собакой. Для сопоставления привлечены данные сопредельных территорий.

Сопоставительный анализ показал исключительную древность большинства мифологических структур, формирование которых относится к так называемому «доисторическому этапу», для большинства предков современных народов, населяющих Китай, в том числе ханьцев, связанному с эпохой неолита и бронзового века. Потому в ряде случаев данные сюжеты позволяют лучше понять содержание обрядов, фиксируемых на археологических памятниках.

При интерпретации археологических материалов необходимо определиться с границами использования материалов мифологии, фольклора, этнографии. При проведении анализа мифологических данных следует стремиться к выделению общей для нескольких конкретных текстов инвариантной структуры, которая в свою очередь подвергнется проверке данными археологии [Евсюков, 1988, с. 26, 31–32]. Мы вслед за К. Леви-Стросом определяем миф как совокупность всех его вариантов независимо от времени их возникновения. Структурно-типологический анализ мифов и ритуалов предполагает использование максимально большого количества вариантов и версий. Только таким путем можно реконструировать мифологический тип, выявить основные закономерности, внутреннюю логику мифа, функциональный характер составляющих его мифологем, с тем чтобы от них

продвинуться к уяснению специфики конкретных вариантов [Леви-Строс, 2001, с. 227, 250–251].

Также необходимо установить хронологические и территориальные границы возможности привлечения мифологических и этнографических данных, определить максимальное временное и пространственное расстояние, отделяющее интерпретируемые и интерпретирующие материалы. Следует учитывать, что чем дальше вглубь истории, тем более статичным является человеческое общество. Нередко миф, письменно зафиксированный еще несколько тысячелетий назад, записывался с незначительными изменениями в совсем недавнее время (стоит, однако, принимать во внимание вероятность воздействия письменной традиции на устную). Примером может послужить миф о Паньху, впервые записанный в III в. н. э., но бытующий и поныне. Можно предположить, что если за почти две тысячи лет этот миф трансформировался столь незначительно, что практически не отличается от версии, зафиксированной в «Хоу Хань шу», то при более глубокой ретроспекции изменения должны быть еще меньше. При этом, однако, необходимо учитывать, что датирование возникновения тех или иных мифологических мотивов и сюжетов зачастую не представляется возможным. Что касается пространственного аспекта, то он является иным измерением временного аспекта, так как, сосуществуя синхронно, разные этносы могут находиться на разных стадиях развития. Поэтому главное, на что нужно обращать внимание при отборе материала, – это его однородность, но не только формальная, а глубинная, внутренняя: интерпретируемое и интерпретирующее, прежде всего, должны соответствовать друг другу по содержанию, по смыслу, а уже во вторую очередь – по этническому происхождению [Евсюков, 1988, с. 32–34].

Далее мы выделяем в мифологии народов Китая отдельные моменты, представляющиеся нам наиболее перспективными для археологических интерпретаций. Однако значительная часть материалов не дает новых подходов для раскрытия семантики памятников материальной культуры, в значительной мере вследствие фрагментарности последних. В то же время в таком движении

фольклорно-этнографических и археологических материалов навстречу друг другу мы видим ключ к успеху в воссоздании древнейших пластов азиатской мифологии и места в ней образа собаки.

Исследование показало, что собака выступала в качестве персонажа фольклорных текстов разных жанров (мифов, легенд, сказок), которые можно объединить в следующие тематические группы:

- 1) космогонические, антропо- и этногенетические мифы
- 2) мифы о собаке как культурном герое
- 3) мифы о собаке как о чудесном помощнике
- 4) мифы о Небесной Собаке
- 5) мифы о мире мертвых

Ниже мы рассмотрим эти группы фольклорных сюжетов, а также некоторые варианты использования собак в ритуальных практиках и традиционной медицине, известные по этнографическим данным.

3.2. Собака в космогонических, антропогенетических и этногенетических мифах

Образ собаки занимает значительное место в космогонических, антропогенетических и этногенетических мифах многих народов мира. Это типологическое сходство объясняется особой ролью собаки в жизни древних людей. Представления о собаке-первопредке в той или иной степени прослеживаются практически у всех народов Восточной и Юго-Восточной Азии и Северной Америки.

В образе собаки мог представать один из самых известных персонажей китайской мифологии – Хуньдунь. В «Книге о чудесном и необычном» («Шэнь и цзин»), приписывают Дунфан Шо, II–I вв. до н. э., видимо, реально V–VI вв. н. э.) говорится, что Хуньдунь – это дикий зверь, похожий на длинношерстную собаку с медвежьими лапами, но без когтей. «У него есть глаза, но он не видит, ходить не умеет, есть уши, но он не слышит, зато чует приближение человека. В брюхе у него

нет внутренностей, есть лишь прямая кишка и вся пища проходит насквозь. На добродетельных он кидается, к злодеям льнет...» (цит. по: [Рифтин, Кобзев, 2007д, с. 672]). Необходимо отметить, что в китайской мифологии Хуньдунь известен, прежде всего, как первозданный водяной хаос, похожий еще на содержимое куриного яйца, а также как живое существо с признаками первозданной нерасчлененности [Рифтин, Кобзев, 2007д, с. 671]. По разным версиям, из этого первичного хаоса или из тела умершего Хуньдуня – живого существа и произошел весь мир. По мнению ряда ученых, именно к образу Хуньдуня восходят образы и Паньгу как космического гиганта, из тела которого появился весь мир, и Паньгу-Паньху – собаки-первопредка народов Южного Китая. Все эти мифические персонажи имеют южное происхождение [Рифтин, Кобзев, 2007б, с. 542–543; Eberhard, 1968, p. 442].

Собака была одним из воплощений Нюйва – богини плодородия и демиурга [Яншина, 1984, с. 122]. На связь с образами первопредков Фуси и Нюйва указывает существующая в настоящее время традиция изготовления глиняных фигурок собак, описанная выше, корни которой восходят, возможно, древним культам плодородия, существующим с эпохи неолита и нашедшим отражение в мелкой пластике культуры дэнцзявань.

Интересно, что сходную ситуацию можно обнаружить в иранской мифологии, в Авесте говорится, что в загробном мире души умерших людей принимают две водные собаки, а умершие собаки идут по роднику к богине вод и плодородия Анахите [Чеснов, 1976, с. 168]. В некоторых мифах об Афродите-Венере (богине любви, вышедшей из воды, и таким образом, связанной с водной стихией) также есть намеки на то, что собака входила в круг ее животных [Там же, с. 174]. В ассиро-вавилонской мифологии богиня плодородия, плотской любви и войны Иштар также представала в образе собаки [Топоров, 1980, с. 448; Афанасьева, 1980, с. 595].

Собака была одним из тотемных животных у древних корейцев. Среди археологических находок встречаются отдельные фигурки собак и других

животных. В корейских и китайских письменных источниках имеются косвенные свидетельства о наличии у корейцев в древности названий родов по животным: курица, корова, свинья, лошадь, собака, большая собака. В государстве Пуё ка 家 – «аристократические дома» назывались по животным: лошадь, корова, свинья, собака. Можно допустить, что эти наименования восходят к родовым именам [Ионова, 1970, с. 151–155, 187]. Названия родов по животным, по мнению многих исследователей, является необходимым признаком тотемистического комплекса.

Прямых свидетельств о существовании у корейцев веры в происхождение от предка-собаки в письменных источниках и литературе не найдено, однако имеются косвенные упоминания о таком представлении, например в описании северного племени имну, генетически связанного с тунгусо-маньчжурами. Во многих легендах собаке приписывается роль помощника-покровителя при рождении основателей королевских родов. Исследователь религии Кореи Ч. А. Кларк писал, что согласно корейским поверьям душа человека после смерти может превращаться в животное, в том числе и в собаку. Причем «корейцы говорят, что это не буддийская идея трансформации», однако сам Ч. А. Кларк считает, что существование этого поверья обусловлено буддийским влиянием (см.: [Ионова, 1994, с. 188]).

О роли собаки в религиозных представлениях корейцев свидетельствует и тот факт, что изображение собаки еще в средние века ставили около пещер, являвшихся тотемистическими центрами. В литературе имеются свидетельства, что в столице Силла – Кёнджу – была пещера, рядом с которой находилась кумирня. Перед воротами кумирни с обеих сторон стояли деревянные изображения людей и собак. До недавнего времени и в Японии перед храмами ставили изображения суки и кобеля, сидящих на задних лапах. Они назывались *комаину* (кит. *гаолицюань*) 高麗犬 – «корейские большие собаки». В некоторых районах Кореи собака выступала как жертвенное животное, подносимое хозяину моря. Ч. А. Кларк сообщает, что в провинции Кёнгидо, в приморских районах, ежегодно

убивали собаку и снимали с нее шкуру, затем набивали шкуру соломой. Жители деревни во главе с шаманкой проводили специальное камлание – *кут*, прося о благополучии для деревни, после чего чучело собаки с отвесной скалы сбрасывали в море для отпугивания злых духов [Ионова, 1994, с. 187–189].

Представление о происхождении от собаки было характерно для многих народов Сибири и Дальнего Востока. Собака являласьместилищем души умершего человека и рассматривалась как его заместитель, что особенно хорошо прослеживается у ульчей и нивхов. У тувинцев-ламаистов считалось благоприятным, когда душа возрождалась в виде собаки [Лукина, 1983, с. 227]. Эскимосы верили, что души предков воплощаются в собаках [Жельвис, 1984, с. 136]. Эта же идея воплощена в представлениях частичной замены: удэгейцы при мирном разрешении конфликта кровной мести убивали несколько собак; эвенки не давали собакам отвар медвежьего мяса, чтобы у человека во время охоты не мерзли ноги; в фольклоре хантов богатырь натягивает вместо скальпа собачью шкуру, вместо недостающих человеческих голов используются собачьи; кровь собаки могла заменить кровь человека. К медведю, задравшему собаку, ханты относились так же, как к задравшему человека, а жертвоприношения, совершаемые втайне от людей, не должны были видеть и собаки [Лукина, 1983, с. 227–228].

Что касается этногенетических мифов, то мифы о происхождении от собаки получили широкое распространение у народов Восточной Азии и Северной Америки. Лучше всего эти мифы сохранились у народов яо (прежде всего, у групп, говорящих на языках яо, – паньяо, гошаньяо), мяо и шэ, живущих в южных районах Китая и в Восточном Индокитае. Ключевую роль в мифологии этих народов играет образ первопредка Паньху. Имя Паньху записывается разными иероглифами, которые читаются одинаково [Ху Циван, 1994, с. 244–245; Чжунго шэцзу, 2012, с. 155, 157]. Причем в качестве второго иероглифа в имени – ху – в некоторых случаях может использоваться знак 葫, обозначающий тыкву-горлянку, которая нередко фигурирует в южно-китайской мифологии [Mair, 1998, p. 2]. В отдельных районах его также называют Паньгу. По мнению В. Мэйра, существование

различных вариантов иероглифической записи имени данного персонажа обусловлено его заимствованием из одного из языков южных соседей ханьцев, таким образом «Паньху» – лишь приблизительная китайская транскрипция оригинала, а иероглифы передают лишь звучание слова и не несут смысловой нагрузки [Maig, 1998, p. 16]. В некоторых версиях мифа, до сих пор распространенных в народе, Паньху называется драконовой собакой (*лун цюань*) – у яо и шэ, драконо-цилинем (*лун цилинь*), драконом, цилинем и даже рыбо-драконом (*юй лун*) – у шэ [Юань Кэ, 1987, с. 261; Ху Циван, 1994, с. 253; Чжунго шэцзу, 2012, с. 155]. А на юго-западе Китая Паньху превращается в змеевидное существо: «У государя Паньгу была голова дракона и туловище змеи» («Сводная история («И ши», XVII в.) Ма Су, цит. по: [Яншина, 1984, с. 222, прим. 57]). Это, возможно, указывает на смежность образов собаки и змеи в мифологии южно-китайских народов.

Существует несколько вариантов мифа о Паньху, которые зафиксированы в таких памятниках, как «Толкование нравов и обычаев («Фэнсу тунь») Ин Шао (II в.), «Записки о поисках духов» («Соу шэнь цзи») Гань Бао (IV в.), «Описание южных варваров» в «Истории Поздней Хань» («Хоу Хань шу») Фань Е (V в.), «Собрание рисунков, посвященных небу, земле и людям» («Сань цай ту хуэй») Ван Ци (примерно XVI в.), в народном яоском сочинении «О хождении через горы» («Го шань бан»), родословных книгах семей шэ и др. письменных источниках, а также в устных преданиях (песне народа шэ «Собака-государь», «Песни о Паньване» («Пань-ван гэ», «Пань-ван да гэ», «Пань-ван цзу гэ») яо и мяо и др.) [Ху Циван, 1994, с. 245–247, 253–254; Юань Кэ, 1987, с. 261; Чжунго шэ цзу, 2012, с. 84–85; Чжунго яоцзу, 2011, с. 161].

Согласно «Фэнсу тунь», в древности, во времена правления китайского императора Гаосиня (по традиционной датировке 2435–2366 гг. до н. э.), был предпринят военный поход против вторгшихся в Поднебесную *цюаньжунов* (собачьих жунов). Поход не увенчался успехом, и тогда было объявлено, что тот, кто добудет голову главнокомандующего *цюаньжунов* У, в награду получит

тысячу и желтого золота, уездный город в десять тысяч дворов и младшую дочь императора в жены. Пес Гаосиня по имени Паньху, услышал это и принес голову полководца У. Получив в жены принцессу, Паньху увел ее с собой в южные горы, и они поселились там в каменной пещере. Через три года у них родилось шесть мальчиков и шесть девочек. После того, как Паньху умер, они переженились между собой и стали делать пеструю одежду из древесной коры, окрашенной растительными красителями. Одежда была скроена таким образом, что сзади получался хвост. Позже император Гаосинь пожаловал потомкам Паньху прославленные горы и обширные низины. Его потомок Цымань дал им прозвище *мань* (*мань*) – южные варвары [Ху Циван, 1994, с. 245–246].

Примечательно, что по одной из легенд, предками *цюаньжунов* была пара белых собак, чем и объясняется название этого племени. Таким образом, волшебная собака Паньху в этом мифе разгромила жунов – потомков собак [Eberhard, 1968, p. 45]. Взаимная проекция героя на врага и наоборот – распространенное в мифологии явление.

Эта легенда пересказана с незначительными изменениями в «Хоу Хань шу» и других памятниках [Ху Циван, 1994, с. 245–246; Чеснов, 1976, с. 162]. В «Хоу Хань шу» кроме того говорится, что пещера, в которой жили Паньху и принцесса, находится на горе Ушань в западной части уезда Луси области Чэньчжоу. Перед пещерой будто бы сохранились следы самого Паньху. Сама пещера размером в три комнаты, и в глубине ее стоит камень, похожий на собаку, который варвары считают статуей Паньху [Алимов, 1994, с. 260]. В «Записках о поисках духов» рассказывается о рождении Паньху: однажды у старой женщины, жившей во дворце Гаосинь-вана (вариант: у жены вана [Юань Кэ, 1987, с. 31]), заболело ухо, и врач извлек из него круглого червя размером с шелковичный кокон. Червя положили на тыквенной бахче и накрыли блюдом, после этого он вдруг превратился в красивого пса с цветными узорами на шерсти. Его назвали Паньху (*пань* – по-китайски «блюдо», *ху* – «тыква») [Гань Бао, 1994, с. 321–322]. В целом, версии «Записок о поисках духов» и «Хоу Хань шу» совпадают, однако в

«Записках» есть также рассказ о том, что после ухода принцессы с Паньху в горы, ван заскучал по дочери и отправил гонца искать ее. Но начались буря и ливень, и посланец не сумел выполнить поручение [Гань Бао, 1994, с. 323]. Это замечание интересно нам в контексте распространенного в мифах представления о связи собаки с водной стихией, о чем пойдет речь ниже.

Народная версия мифа о Паньху, распространенная среди современных паньяо (этноним которых восходит к имени Паньху), в целом совпадает с вариантами, приведенными в древнекитайских памятниках. Тем не менее, между ними существуют и различия. Хозяином драконовой собаки Паньху предания паньяо называют некоего Пин-вана, а его врагом, чью голову добыл верный пес, – Гао-вана. Принеся голову Гао-вана, Паньху обратился к Пин-вану с просьбой поместить его в корзину на семь дней и шесть ночей для того, чтобы он мог принять человеческий облик. Пин-ван выполнил просьбу собаки, но на седьмой день забеспокоился, как бы его любимый пес не умер, и открыл крышку корзины. Превращение в человека, таким образом, было преждевременно прервано, и на голове и ногах Паньху осталась шерсть. С тех пор его потомки покрывают голову платком, а на ноги надевают чулки. Паньху женился на дочери Пин-вана, и у них родились шесть дочерей и шесть сыновей. Однажды отец с сыновьями отправился на охоту. Преследуя горного барана, он оступился и упал с обрыва, зацепился за дерево и умер. Из этого дерева сделали барабан и обтянули его шкурой убитого на охоте барана. В барабан били в память о Паньху, что со временем вошло в обычай. И в наши дни во время праздника в честь первопредка паньяо устраивают пляски под барабан [Ху Циван, 1994, с. 246].

В народном яоском сочинении «Го шань бан» говорится, что Пин-ван дал фамилии всем детям Паньху, и от них пошли двенадцать фамилий яо: Пань, Шэнь, Бао, Хуан, Ли, Инь, Чжоу, Чжао, Ху, Тан, Лэй, Фэн. Тот факт, что до наших дней сохранились все двенадцать фамилий, объясняется существованием у яо обычая, по которому большинство детей (и мальчиков, и девочек) получали фамилию матери, и лишь некоторые из них – фамилию отца. Объяснение происхождения

фамилий указывает на тесную связь мифа о Паньху с семейными и брачными отношениями [Ху Циван, 1994, с. 248].

У яо существовала еще одна версия этого мифа, согласно которой Паньху, чтобы стать человеком, должен был жариться на огне семь дней и семь ночей, но из-за собственной нетерпеливости сдвинул крышку на шестой день, и потому у него на голове и на ногах осталась шерсть, которую ему и его потомкам пришлось скрывать под платком и чулками [Миньцзу цзешао, б. г.].

Кроме того, в «Песни о Пань-ване» рассказывается, что Пань-син (дух звезды Пань-син) сотворил небо и землю и создал людей, но после потопа уцелело только двое из них – брат и сестра, они поженились, и у них родились шесть сыновей и шесть дочерей, от которых и пошли яо. Потом случилась двухлетняя засуха, и яо были вынуждены переселиться в другие места, но там они подверглись угнетению, и им пришлось двинуться дальше [Ху Циван, 1994, с. 247]. В варианте того же сказания, распространенного у шэ в провинциях в Чжэцзян и Фуцзянь и в области Чаочжоу пров. Гуандун, пес, который принес голову врага, превратился в юношу после того, как его поместили под золотой колокол. Колокол, однако, подняли преждевременно, поэтому голова юноши осталась собачьей. Принцесса, чтобы не смотреть на мужа, так завязала волосы, что они спускались на глаза. Кроме того, она завернула свое лицо в ткань [Чеснов, 1976, с. 162], по другому варианту – надела шапку в форме собачьей головы. В варианте, изложенном в преданиях шэ, говорится, что после того, как Паньху и принцесса поселились в горах, у них родились три сына и дочь. Они взяли детей и отправились во дворец навестить тестя и тещу, а так как у детей ещё не было имени, то они попросили Гаосинь-вана дать им имена. Старшего сына после рождения положили на блюдо, поэтому его назвали Пань – Блюдо, второго сына после рождения положили в корзину и назвали его Лань – Корзина. Младшему сыну никак не могли придумать подходящего имени, но вдруг загрохотал гром, и поэтому его назвали Лэй – Гром. Когда дочь стала взрослой, её выдали замуж, и она получила его фамилию – Чжун – Колокол. Впоследствии люди из этих четырёх родов – Пань, Лань, Лэй и Чжун –

переженились между собой, и от их потомков пошел народ, среди которого все почитали Паньху как общего предка [Юань Кэ, 1987, с. 33]. С тех пор самыми крупными родственными группами шэ являются пань, лань, лэй и чжун [Народы, 1965, с. 491–493]. В варианте шэ, кроме того, говорится, что могила Паньху находится на горе Фэнхуаншань в Чаочжоу (провинция Гуандун) [Ху Циван, 1994, с. 253].

Мяо в «Песни о Пань-ване» воспевают его как культурного героя – создателя различных орудий и вещей [Юань Кэ, 1987, с. 33]. У некоторых народов Южного Китая Паньху, в частности, считался изобретателем плуга и ткацкого станка, что, по мнению А. И. Кобзева, указывает на его андрогинную природу, так как «плуг – стандартный полоразличительный атрибут мужчины, а ткацкий станок – женщины» [Рифтин, Кобзев, 2007б, с. 542].

Мифы, схожие по сюжету с мифом о Паньху, широко распространены как на территории Китая, так и за его пределами.

В мифе ицзу в Юго-Западном Китае рассказывается, что некогда жил король, жена которого страдала болезнью глаз. Правитель обещал отдать свою дочь в жены тому, кто вылечит королеву. Никто не смог этого сделать кроме шакала (или, по некоторым вариантам, священного белого пса), и принцесса была отдана ему. Шакал и принцесса поселились в лесу. Женщина питалась мясом, которое приносил ей шакал. Правитель очень тосковал по дочери, и однажды она пришла навестить его, однако не решалась подойти, так как не имела одежды. Тогда отец передал ей свой церемониальный зонт, и из его плиссированной ткани принцесса сшила себе юбку. С тех пор женщины ицзу носят такие юбки. В лесу у принцессы остались сын и дочь, поэтому она вернулась обратно к детям. Дети, когда выросли, стали предками всех народов группы и. Этот миф объясняет обычай ношения плиссированных юбок, такие же юбки носят женщины мяо и яо. Это обстоятельство, по мнению Я. В. Чеснова, свидетельствует о существовании культурных связей мяо и яо с народами тибето-бирманской ветви [Чеснов, 1976, с. 166].

Сказание, похожее на миф о Паньху, сохранилось у ли о. Хайнань, однако в этом варианте собаке, чтобы вернуться назад с головой врага, пришлось переправляться через море. В другом мифе ли говорится, что змея (по другой версии – бог грома) оставила яйцо на высокой горе. Из этого яйца вышел пес, которого полюбила принцесса из Южного Вьетнама (Зяоти, Кохинхины). Пес и принцесса вступили в брак и стали предками народа ли. Упоминание в мифе именно этого региона, возможно, обусловлено распространением на Хайнань влияния тямов, у которых тоже существовал миф о происхождении от собаки. В древности тямы делились на две фратрии, одна из которых называлась фратрией сухости и считала своим предком обезьяну, а другая вела свое происхождение от собаки и рассматривалась как фратрия сырости [Чеснов, 1976, с. 162, 165].

С мифом о Паньху в варианте, распространенном у ли, сходны некоторые династийные мифы, в которых собака также играет важную роль. Согласно одному из мифов яо, женщина родила яйцо и выбросила его в воду, а собака принесла его назад, потом из яйца родился основатель одной из династий [Там же, с. 163].

Другой вариант этого сюжета представлен в рассказе о князе Янь из Сюй – древнего города, расположенного к северу от уездного города Сысянь в пров. Аньхой. Его мать, жившая во дворце правителя, забеременела и к концу десятого месяца родила яйцо (вариант: комок мяса, по форме похожий на яйцо [Юань Кэ, 1987, с. 247]); решив, что это дурное предзнаменование, она выбросила его на берегу реки. Неподалеку от этого места жила старая вдова, у которой была собака по кличке Хуцан (Гуцан). В этот день собака, прибежав на берег реки, увидела яйцо и принесла домой. Дома она начала согреть его своим телом и через несколько дней из яйца вылупился мальчик [Гань Бао, 1994, с. 325–326]. Родившись, он лежал на земле, как щенок, поэтому ему дали имя Янь – Лежащий лицом вниз. По другой версии, это имя ему дали потому, что он родился без костей. Впоследствии его мать узнала о нем и забрала его обратно во дворец. Его сделали наследником престола, и он правил под именем Янь-вана [Юань Кэ, 1987, с. 247]. В «Записках о поисках духов» рассказывается, что перед смертью у пса Гуцана выросли рог и девять

хвостов, и он превратился в желтого дракона. Его похоронили в одном из кварталов столицы Сюй, в месте под названием Собачья Насыпь [Гань Бао, 1994, с. 326]. В «Императорском обозрении годов Тайпин» («Тайпин юй лань», X в.) Ли Фана говорится, что могила этой собаки находится в Пэнчэне, на территории Цзянсу – недалеко от места расположения древнего государства Сюй (см.: [Eberhard, 1968, p. 45]). Важно, что хотя сюйский князь Янь и не был рожден собакой, но он появился на свет благодаря ей.

В. Эберхард также отмечает, что не имевший костей князь Янь был предком одного рода, чья фамилия звучит практически так же, как слово «рыба» на одном из южнокитайских диалектов. В честь него возводили храмы в Чжэцзяне и в Цзянсу, где ему приносили жертвы. В Чжэцзяне его храм совмещал в себе еще и место поклонения Великому Юю, который также связан с образом рыбы и мифами о потопе [Eberhard, 1968, p. 410–411].

Похожий династийный миф зафиксирован у тай в районе Лайтяу (на севере Вьетнама): девятиухая собака нашла яйцо, ее хозяин-охотник принес яйцо домой, молния разбила это яйцо, и из него вышел мальчик, который стал впоследствии правителем Лайтяу [Чеснов, 1976, с. 163].

С мотивом собаки, приносящей яйцо, связаны также мифы о божестве грома Лэй-гуне, родиной которого в сравнительно поздней литературе считается город Лэйчжоу в провинции Гуандун. Одна из версий этого мифа приводится в «Обширных записях годов Тайпин» («Тайпин гуан цзи», X в.), раздел «Повествование о народе Лэй» («Лэй минь чжуань»): «Некогда у жителя Лэйчжоу была собака с двенадцатью ушами. Каждый раз перед охотой собаку били, и потому, сколько ушей зашевелится, предсказывали количество добычи, никогда еще число колышащихся ушей не достигало пяти. Однажды все уши затряслись, но на охоте собака никого не поймала. Она прибежала на берег моря и начала лаять. Жители области увидели это и забрали двенадцать больших яиц. Яйца положили в доме, после этого внезапно, будто из этого дома, начались дождь и ветер. Когда буря кончилась, увидели, что яйца разбились, осталась лишь скорлупа.

Впоследствии жители области разобрали кусочки скорлупы и совершали в их честь сезонные жертвоприношения. До сих пор семьи, получившие фрагменты скорлупы, считаются знатными» (цит. по: [Чэнь Чжицзянь, 2008а, с. 7]).

Схожий сюжет имеется в сочинении минского автора Чжуан Юаньчжэня «Описание предка грома» («Лэй цзу чжи»). «[Чэнь] Гун занимался охотой, у него была необыкновенная девятиухая собака, уши ее обладали удивительной способностью. Каждый раз перед тем, как отправиться на охоту, гадали по ее ушам. Если шевелится одно ухо, значит, добудут одного зверя, если шевелится два уха – поймут двух зверей. Количество добычи совпадало с числом колышащихся ушей, никогда не было ошибок. Когда в 1-й день 9-го месяца (*синь-мао*) 2-го года под девизом *тайцзянь* династии Чэнь отправлялись на охоту, все девять ушей собаки зашевелились. Господин Чэнь радостно сказал: «Сегодня обязательно будет богатая добыча». Позвал больше десяти своих соседей, все вместе они следовали за бегущей собакой, пока не достигли местности под названием Улуньшань, что в пяти *ли* к северо-востоку. Это место было плотно окружено зарослями терновника. Собака лаяла с рассвета и до заката, но ни один зверь не вышел. Охотники очень удивились этому, вырубили заросли и посмотрели. Собака выкопала из земли огромное яйцо, имевшее более *чи* в обхвате со скорлупой изумрудного цвета. Никто не знал, что это за предмет. Господин Чэнь взял яйцо и вернулся домой. На следующее утро внезапно небо закрыли черные тучи, тут же поднялся ветер, началась гроза. Господин Чэнь испугался, принес яйцо в дом и положил на небольшой столик. От удара грома яйцо расколосось, из него появился мальчик. На обеих ладонях у него были надписи: на левой руке – иероглиф *лэй* 雷, на правой – *чжоу* 州. Господин Чэнь отправил мальчика и скорлупу яйца с объяснениями правителю округа. Правитель округа скорлупу забрал себе на хранение, а мальчика вернул на воспитание в семью Чэнь, дав ему имя Вэньюй 文玉» (цит. по: [Чэнь Чжицзянь, 2008а, с. 7]).

Этот же сюжет приводится и в сборнике *бицзи* «О чем не говорил Конфуций» Юань Мэя (1716–1797). В рассказе «Предок грома» содержатся также и некоторые подробности биографии мальчика, появившегося из яйца, найденного девятиухой собакой: «Когда мальчик вырос, он сдал экзамен на степень *цзиньши*, был назначен на должность начальника области. Благодаря своим способностям и уму он прекрасно управлял делами. А когда ему исполнилось пятьдесят семь лет, у него под локтями внезапно выросли крылья, он взмыл в небо и, став бессмертным, исчез. До сих пор в Лэйчжоу приносят жертвы Лэй-цзу – предку Грома» [Юань Мэй, 1977, с. 236].

Прототипом героя этих преданий был реальный исторический деятель - управляющий (*цзинши*) провинции Лэйчжоу Чэнь Вэньюй, занимавший эту должность в период правления под девизом *тяньцзянь* (524–527 гг.). Он остался в народной памяти как добродетельный чиновник, а впоследствии был обожествлен и почитался как дух грома под именами Тяньшэнь, Лэйшэнь, Лэй-гун, Лэй-ван, Лэй-цзу [Ульянов, 2003, с. 141–142].

На связь собаки с происхождением божества грома указывает и тот факт, что в Лэйчжоу перед кумирней Лэй-гуна была установлены пара каменных статуй собак [Няньлундэ, 2006, с. 94]. Каменные скульптуры собак стали характерной чертой ландшафта и своеобразным символом п-ова Лэйчжоу (подробнее об этой традиции см. ниже). Кроме того, в Лэйчжоу бытует легенда о том, что собака стала животным-компаньоном бога грома – Небесной собакой (*Тянь гоу* 天狗). Бог грома, опасаясь, что солнце может спалить своими лучами все живое, периодически отправляет собаку съесть солнце. Тогда случается солнечное затмение [Чэнь Чжицзянь, 2006].

В древнекитайском языке само понятие «удар грома» (*чжэнь*) этимологически было связано с понятием «забеременеть». В этом можно увидеть реликты древних представлений о происхождении первопредков от грома или бога-громовика [Рифтин, 1980в, с. 654]. Таким образом, в описанных выше мифах сочетаются три важнейших мотива, характерных для мифов о появлении на свет

первопредков и правителей государств: рождение из яйца, происхождение от собаки и происхождение от божества грома. Все эти мотивы восходят к южной мифологической традиции.

Кроме этих историй существует вариант сюжета о Паньху чисто китайского происхождения: в «Сяо сян лу» (瀟湘錄) танского ученого Ли Иня есть рассказ «Пес-оборотень» (*Цюань яо* 犬妖) о жене некоего Ду Сюэци, вступившей в интимные отношения с белым псом, который похитил ее и унес в горы, где она стала его женой и впоследствии родила сына. После смерти собаки женщина вернулась в свою семью, а ее сын стал разбойником.

«Ду Сюэци из Чжао был искусным лекарем. Его красавица-жена, дочь богача Сюэ Юня, по натуре была женщиной ленивой и распутной. В доме Сюэци был белый пес, которого он очень любил, всякий раз угощал его изысканными яствами. [Однажды] после еды Сюэци ушел, а его пес вбежал во внутренние покои, желая укунить жену Сюэци госпожу Сюэ. Женщина, как будто имея намерение вновь тайно вступить в незаконную связь, изумленно спросила его: «Неужели Вы хотите стать моим любовником? Если это так, то не кусайте меня». Пес сразу же завилял хвостом и залез к ней на кровать. Госпожа Сюэ испугалась, но все же вступила с псом в связь. Пес был совсем как человек. Впоследствии каждый раз, когда Сюэци уходил, они безудержно предавались разврату. Однажды как раз в тот момент, когда они вместе лежали в покоях, неожиданно вошел Сюэци. Увидев это, он захотел убить пса, но пес убежал. Сюэци разгневался и отослал свою жену обратно в дом отца. Через полгода пес внезапно вбежал в дом Сюэ Юня, схватил госпожу Сюэ и унес ее на спине. Домочадцы попытались догнать пса, но у них ничего не вышло, они не знали, куда он направился. А пес с госпожой Сюэ скрылся в горах Хэншань. Каждую ночь он спускался с гор, чтобы украсть еды, а днем сторожил госпожу Сюэ. Через год госпожа Сюэ забеременела и родила мальчика. Хотя обликом он походил на человека, но все тело его было покрыто белой шерстью. Госпожа Сюэ растила его в горах. Еще через год пес внезапно умер, и госпожа Сюэ

с сыном извилистым путем спустились с гор и пришли в Цзичжоу просить на пропитание. Люди узнали об этом и отправились с Сюэ Юню рассказать об этом. Сюэ Юнь тут же приказал забрать ее домой. Прошли годы, сыну госпожи Сюэ исполнилось 17 лет, облик его был безобразен, нрав жесток. Каждый раз, когда он отправлялся разбойничать, возвращался не раньше, чем через десять дней, или даже несколько месяцев. Сюэ Юнь был этим очень огорчен и хотел убить его. Госпожа Сюэ, плача, сказала сыну: «Вы – сын белого пса, я не решилась убить Вас детстве. Сейчас Вы живете в доме Сюэ, разве можно быть непочтительным? Если будете продолжать разбойничать, люди из семьи Сюэ обязательно убьют Вас. Боюсь, Вы впутаете других, следует исправить это». Ее сын, рыдая, сказал: «Я от рождения наделен собачьим нравом, у меня нет человеческого сердца, любовь к убийствам и грабежам – это мое естество, как же я могу преодолеть его? Если Сюэ Юнь может меня простить – пусть простит, если не может – пусть просто скажет мне напрямую, зачем же меня убивать? Матушка должна беречь свою честь, поэтому я уйду далеко и не вернусь». Госпожа Сюэ пыталась остановить его, но он не послушался, тогда она сказала: «Можете уйти, но неужели Вы больше никогда не придете навестить меня? Я – Ваша мать, как мне вынести то, что мы никогда не увидимся?» Ее сын вновь зарыдал и произнес: «Через три года я вернусь». После чего взял меч, поклонился матери и ушел. Спустя три года ее сын в самом деле во главе толпы разбойников числом более тысячи пришел к воротам, себя он называл генералом. Он вошел и поклонился матери. А после этого приказал разбойникам убить семью Сюэ Юня, оставить в живых только его мать. Потом сжег усадьбу, забрал мать и ушел» [Сяо сян лу, б. г.].

Под явным влиянием мифа о Паньху в его китаезированном варианте сложился один маньчжурский этногенетический миф. Желтый император повесил на дверях травяной барабан и пообещал единственную дочь в жены тому, кто будет громче в него стучать. Пес стучал в травяной барабан так, как будто он сделан из кожи, и получил в жены принцессу. По ночам он превращался в юношу, причем запретил жене заглядывать в комнату, где происходило превращение, даже если

она услышит жалобные звуки. Та все же заглянула. В этот момент ее муж уже стал человеком, однако на макушке остались собачьи волосы. От пса и принцессы и ведут свое происхождение маньчжуры, у которых на макушке пучок длинных волос [Березкин, 2009, с. 254].

Мифы, подобные рассказу о Паньху, широко распространены по всей Пасифике.

Согласно мифу зао (вьетнамских яо), в пса превратился китайский император. От него и женщины произошел весь народ зао [Чеснов, 1976, с. 163]. Они так же, как и яо в Китае, тщательно соблюдают запрет на употребление в пищу собачатины, в то время как у многих соседних с зао народов мясо собаки считается особенно вкусным и полезным [Стратанович, 1978, с. 23–24].

У части банаров (одного их мог-кхмерских народов) существует предание о происхождении от черного пса со сверкающими глазами по имени Кобран и женщины, спасшихся от потопа на горе Борок. У соседей банаров – джараев (принадлежат к группе тхыонгов, говорят на малайско-полинезийских языках) этот миф также распространен, но имя пса Кодуан. Пес и женщина спаслись от потопа в барабане. У них появился сын, который, когда вырос, убил отца и женился на матери. У джараев этот миф рассказывают в клане Согор, что означает «барабан». Джараи также верят, что от «пса с горящими лазами» Кодуана и принцессы Ямо ведут происхождение колдуны *млай*, якобы умеющие отделять от тела свою голову, которая может летать и поедать печень врагов. По мнению Я. В. Чеснова, это может быть искаженным вариантом мифа о Паньху, который принес голову врага [Чеснов, 1976, с. 164]. В. Эберхард упоминает о существовании среди мяо на территории пров. Хубэй и Гуанси-Чжуанского АР поверья о колдунах, которые могут превращаться в кошек и собак и заниматься воровством с помощью такой маскировки. Это верование, как он полагал, родственно серии мифов об отделении частей тела, распространенных в Китае и за его пределами. Так, в Фуцзяни существовала легенда о двух людях из рода Линь, потерявших свои головы, к одному из них голова вернулась спустя год. Рассказы о

летающих головах распространены в Индонезии [Eberhard, 1968, p. 447]. Таким образом, в мифах мяо и джараев сочетаются мотивы оборотничества и отделения частей тела.

У стиенгов в Северном Вьетнаме существует миф, близкий к мифу народов мяо и яо: «Однажды заболел король. Врачи были бессильны перед его болезнью. Тогда король обещал отдать свою дочь в жены тому, кто его вылечит. За это дело взялся пес и вылечил короля. Тогда тот поместил пса и дочь на плот и отправил в море. Плот пристал к горе. Там у этой пары родился сын. Когда он вырос, то убил пса и женился на матери. От этого брака родились сын и дочь, ставшие предками горцев» (цит. по: [Чеснов, 1976, с. 164]).

У пегуанцев (монов) в Бирме было представление, что они происходят от пса и женщины из Китая.

Похожие этногонические мифы встречаются и у мон-кхмероязычных никобарцев. В них, в частности, рассказывается, что после потопа остался один мужчина, спасшийся на вершине дерева. В кроне пальмы он нашел собаку. Мужчина срубил эту пальму, собака спустилась на землю и стала его женой. Это были первопредки никобарцев. В другом мифе говорится, что дочь короля одной страны, расположенной далеко от Никобарских островов, забеременела вне брака, за что была изгнана. В лодке она приплыла к острову Кар Никобар и родила сына, который, вырос и женился на матери. От них и произошли никобарцы. Вероятно, оба никобарских сюжета являются частями одного мифа. У маукенов этот миф сохранился в более цельной форме: дочь китайского императора, играя с псом, забеременела от него. Изгнанная, она родила сына на одном из островов. Он стал ее мужем, и от них и произошли маукены [Чеснов, 1976, с. 164–165].

В Индонезии на островах Бали, Ява и Суматра известен следующий вариант. Царь Явы помочился в углубление в камне, мочу выпила свинья и родила девочку, которую воспитали небесные девы. Однажды сидя за прялкой, девушка уронила катушку, обещала выйти замуж даже за пса, если тот принесет ее. Пес принес катушку, девушка от стыда порезала его и себя (происхождение мужских и

женских обрезаний у мусульман), родила от него мальчика. Сын с псом убили на охоте свинью, мать сказала, что это бабка. Тогда сын убил также своего отца. Мать дала сыну кольцо и велела жениться на девушке, которой оно подойдет. Сын не нашел невесту, но кольцо подошло матери, тогда сын женился на ней. Впоследствии мать вышла замуж за правителя и стала прародительницей царского рода, а сын стал предком чужаков.

У седангов во Вьетнаме распространен схожий сюжет. После потопа на горе спаслись женщина и собака. Собака помочилась там, где до этого женщина, после чего женщина родила мальчика. Когда мальчик подрос, мать однажды велела ему отнести отцу еды в поле. Пес сказал мальчик, что он его отец, но тот не поверил и убил его. Когда сын вырос, он женился на матери, от них и произошли люди.

В варианте тароко (сэдэк) на Тайване вождь посадили свою уродливую дочь в лодку с собакой и пустил в море. Лодка пристала к берегу. После этого пес несколько лет приносил девушке мясо и рыбу, а потом сказал, что уйдет, поскольку девушка не дает то, что му нужно. Она ответила, что поищет ему жену лицом, покрытым татуировкой, и через несколько дней вернулась с татуировкой на лицу. От нее и пса произошли предки тароко [Березкин, 2009, с. 253–254].

У сассаков на о. Ломбок существует миф, рассказывающий, что их предком был человек, невольно убивший пса, который был его отцом.

Мотив инцестуозной связи (правда, в отличие от описанных выше мифов, не между матерью и сыном, а между братом и сестрой) появляется и у кхьянгов, в мифе которых рассказывается, что женщина, появившаяся с началом мира, – Хлинеу – родила сто яиц, из которых вышли предки народов. Последнее сто первое яйцо было высижено птицей. Из него вышли мальчик и девочка. Когда они выросли, девочку унес медведь, а мальчик женился на собаке. Девочку освободила пчела и привела ее к брату. Брат и сестра захотели пожениться и обратились за разрешением к Хлинеу. Она велела сделать жертвоприношение собаке и после этого пожениться. С тех пор кхьянги приносят собаку в жертву домашнему духу, когда дочери братьев выходят замуж за сыновей сестер. Жертвоприношения *нату*

(духу) собаки делают, чтобы такие брачные связи женщин с мужчинами своего клана считались законными.

Миф о происхождении от собаки существует и у лепча на южных склонах Гималаев. Согласно этому мифу, первопредок Фаронгтхинг имел от собаки Назонгньи детей. Первые их дети стали дьяволами, затем родились семь уродов, ставшие предками разных народов, и, наконец, от последних десяти детей произошли лепча [Чеснов, 1976, с. 165–166].

Интересно, что собака в мифах как правило выступает в роли отца предка того или иного народа, однако в мифах некоторых народов, проживающих на западе материковой части Юго-Восточной Азии (у лепча, кхьянгов, чинов), а также у никобарцев собака выступает в качестве жены и матери героев – прародителей народов.

Еще один сходный сюжет распространен у даяков. В нем говорится, что люди, изжарили огромного удава и были наказаны за это потопом, в котором погибли все, кроме женщины, собаки и крысы. После того, как вода схлынула, собака начала тереться о ползучее растение. Женщина, глядя на нее, стала водить по этому растению куском дерева и получила огонь. От этого куска дерева она забеременела и родила сына Симпанг-импанга, ставшего предком даяков. Этот миф объясняет распространенное у даяков почитание собаки: собак не убивают, их стилизованные изображения часто встречается в орнаментике и татуировке. Однако даякский миф лишь условно можно отнести к категории мифов о происхождении от собаки.

В Индонезии миф о собаке обнаружен еще у калангов на Яве, у аче на Суматре, у ниасцев, айну, чукчей, эскимосов Аляски и Канады, североамериканских индейцев хуйлцук и арапахо. В малайском фольклоре также есть сюжет о похищении собакой дочери хозяина. Мифы о собаке-прародителе зафиксированы также у шань (шанов) в Бирме, у эде во Вьетнаме и Камбодже, у племени лаланг на о. Ява. Почитание священной собаки распространено у чинов и близких к ним народов. В некоторых сказаниях тибетцев говорится, что когда-то

на месте Тибета было море. На дне этого моря жила священная морская собака, которая и стала предком тибетцев. Поэтому тибетцы с почтением относятся к собакам [Чеснов, 1976, с. 165, 167; Чеснов, 1982б, с. 506; Жельвис, 1984, с. 135–136; Березкин, 2009, с. 255–256].

Ю. Е. Березкин указывает, что этногенетические мифы, главным героем которых является собака, возникли еще в конце верхнего палеолита, когда животное было одомашнено, и распространились по всему индо-тихоокеанскому региону [Березкин, 2009, с. 253]. Причем территория с наибольшей плотностью распространения мотива о происхождении от собаки (Юго-Восточная Азия, Индокитай) совпадает с районами, где, согласно данным палеогенетики, собака была доместигирована.

По мнению Я. В. Чеснова, к сюжетам о происхождении непосредственно от собаки примыкают мифы, в которых собака принимает участие в событиях, приведших к появлению людей. Согласно мифу качари, бог Алоу сделал первую пару людей и собирался их оживить. Но пять его братьев сломали фигуры и разбросали их части в джунглях. Тогда Алоу сделал двух собак и поместил их над фигурами людей. Братья испугались собак и оставили людей в покое [Чеснов, 1976, с. 166]. В мифах кхуми (на северо-востоке Индии) фигуры людей каждую ночь губит огромная змея. Собака, созданная богом, вступает в борьбу со змеей и будит бога [Чеснов, 1982б, с. 506].

Ю. Е. Березкин показывает, что эти сюжеты могут являться осколками древнего общеевразийского мифа, сохранившегося в двух версиях – северной и южной. Северный вариант сюжета в самом общем виде может быть представлен следующим образом. Творец создает тела людей и оставляет собаку сторожить их, а сам отлучается. Тем временем антагонист подкупает собаку, предлагая ей шубу, и портит творение бога. Вернувшись, демиург частично восстанавливает первоначальный облик людей, а собаку наказывает, заставляя ее впредь служить человеку. Подобные мифы зафиксированы у русских, украинцев, литовцев, удмуртов, коми, марийцев, мордвы, чувашей, хантов, манси, ненцев, западных

эвенков, эвенгов, различных групп якутов, кумандинцев, тубаларов, хакасов, тофаларов, бурят, орочей, селькупов, казахов. Южная версия сюжета распространена в основном у различных народов Пакистана, Индии и Непала: дардов, бурушей, лимбу, калашей, хо, ораонов, гондов, лушей, качари, мизо (они же кхуми), кхаси, мунда, санталы, корку, бирджья, бирхор, хари и др., а также в Абхазии, Армении, Западной Монголии и у лода на о. Хальмахера в Индонезии (последний случай представляет явно исламизированный вариант оригинально сюжета). Типичный южный вариант таков. Бог лепит фигуры людей и глины. Антагонист (лошадь, змея, злой дух или братья творца) разрушает их. Тогда бог создает собаку или двух собак, которые отгоняют разрушителя. Антагонист наказан. Известна также «поздняя зороастрская легенда» со сходным сюжетом: «Создав первочеловека Гайомарда, Ормузд поручил семи мудрецам охранять его от Ахримана, но те не справились с задачей. Тогда Ормузд поставил сторожем пса *Zarrīngoš* («желтые уши»), и с тех пор этот пес охраняет от демонов идущие в иной мир души» [Березкин, 2012, с. 147].

Несмотря на систематические различия между северным (собака не выполнила задание) и южным (собака смогла защитить фигуры людей) вариантами мифа сходство сюжетов позволяет Ю. Е. Березкину объединить их в одну традицию, истоки которой, по мнению исследователя, восходят к мифам индоевропейских групп, расселявшихся в евразийских степях в эпоху бронзы [Березкин, 2009, с. 368–372, 374–376; Березкин, 2012, с. 144–149].

Как мы видим, сюжет о происхождении от собаки присутствует в мифах многих народов Восточной и Юго-Восточной Азии и Северной Америки, но у яо, мяо и шэ он получил особое развитие, у этих народов сформировался культ Паньху, существующий до сих пор.

Главными центрами распространения мифа о Паньху в Китае были западная часть провинций Хубэй и Хунань и восточная часть провинции Сычуань. Распространение предания о Паньху было зафиксировано в 50-е гг. XX в. и среди мяо, проживавших в уезде Тайцзян в юго-восточной части пров. Гуйчжоу [Ху

Циван, 1994, с. 254]. Храмы Паньху встречались на территории провинций Гуандун (г. Ляньчжоу), Юньнань (г. Куньмин), в Хунани существовали пещерные храмы в его честь [Eberhard, 1968, p. 46] (ср. с изображениями собак у входа в пещеру в Корее, о которых говорилось выше). В уезде Маян пров. Хунань, где компактно проживают мяо, до наших дней сохранилась «двадцать одна кумирня Паньху, где есть “место духа великого князя Паньху”». Кроме того, на поперечных балках главных ворот некоторых храмов там же, в уезде Маян, сохранились резные изображения Паньху с телом собаки и головой дракона [Ху Циван, 1994, с. 254]. Некоторые храмы и кумирни Паньху действуют и в наши дни. В домах яо устанавливается алтарь, посвященный Паньху [Чеснов, 1982а, с. 193].

Постепенно «вера в первопредка Паньху сформировала культ Пань-вана» [Ху Циван, 1994, с. 247] – князя (царя) Пань или Паньху-хуана – императора Паньху. По представлениям яо, жизнь и смерть людей, долголетие, богатство и бедность – всё находится в его руках. К Пань-вану обращаются с молитвами и приносят жертвы. Например, во время засухи яо молятся Пань-вану, выходят с его изображением на поля и обходят посевы [Юань Кэ, 1987, с. 33].

В селениях паньяо широкое хождение имеет памятник «Го шань бан», в котором изложен миф о Паньху. Это сочинение встречается в виде длинного свитка, иногда свиток может быть сложен в виде книжечки, также встречается текст, сброшюрованный в виде книги. На лицевой стороне обложки имеется печать в форме лошадиного копыта. Самый короткий текст насчитывает не менее пятисот знаков, самый длинный – свыше тридцати тысяч [Ху Циван, 1994, с. 246–247].

С именами Паньху и Пань-вана связаны и некоторые традиционные праздники яо. В Хунани праздновали день рождения Паньху в 25-й день 7-го месяца по лунному календарю. Там его нередко называли Паньгу, и обращались к нему в случаях болезни и при желании отомстить кому-либо с помощью магии. Участники магических ритуалов использовали деревянные барабаны в форме песочных часов (похожие барабаны используются яо и в наши дни во время праздников, посвященных Пань-вану – см.: [Там же, с. 246]), которые с помощью

лент подвешивались на деревья, били в гонги, трубили в рог и танцевали. Дата празднования дня рождения Паньху могла сдвигаться. Часто встречаются упоминания о проведении этого праздника 15-го числа 7-го или 8-го месяца по лунному календарю или даже в день Нового года. Такие сдвиги характерны практически для всех праздников Китая и связаны с изменениями в китайском календаре. Празднование дня рождения Паньху 24-го числа 7-го месяца было совмещено с праздником факелов (24-й день 6-го или 7-го месяца). В день рождения Паньху люди отправлялись в горы, пили вино, пели и танцевали. В этот день часто устраивали свадьбы. Кроме того, это был праздник полнолуния. Для яо этот праздник был одновременно и праздником Нового года. По календарю яо, в отличие от официального китайского календаря, год начинался с осеннего равноденствия. О жертвоприношениях Паньху, приуроченных к наступлению нового года (точная дата начала года не указана) сообщается в сочинении Фань Чэнда (1126–1193) «Гуйхай юйхэн чжи» («Гуйхай в описаниях попечителя гор и вод», 1174): «В начале года совершают жертвоприношения Паньху. Смешивают разное мясо и рыбу, вино и снедь в деревянных чашах. Стучат по чану, всей толпой кричат – таков обряд» [Фань Чэнда, 2001, с. 403].

В. Эберхард указывает на возможную связь обрядов в честь Паньху с культом неких женских божеств и бога Да-вана (Великого князя) или Дубэй Да-вана. Сведения об этом персонаже отрывочны и встречаются лишь в двух памятниках «Гухай юйхэн чжи» Фань Чэнда и «Лин вай дай да» («За хребтами. Вместо ответов», 1178 г.) Чжоу Цюйфэя (1135–1189). Исследования этнографов, проводившиеся у современных яо, также не дали результатов – по-видимому, культ этого божества был утрачен [Ульянов, 2003, с. 147–148]. В сочинении Фань Чэнда говорится: «В десятый месяц в день новолуния каждый раз, собравшись поселением, совершают жертвоприношения Дубэй-давану» [Фань Чэнда, 2001, с. 403–404]. То же находим у Чжоу Цюйфэя: «Люди яо ежегодно в десятый месяц утром [всем] поселением совершают жертвоприношения Дубэй-давану» [Чжоу

Цюйфэй, 2001, с. 293]. Во время обряда поклонения этому божеству молодые люди выбирали себе брачного партнера.

В. Эберхард считал, что Дубэй Да-вана можно отождествить с Дубиши – женским солярным божеством, которое обитало на востоке и имело собачье лицо и уши животного, украшенные двумя зелеными змеями [Eberhard, 1968, p. 46–49]. Это божество Дубиши, вероятнее всего, – то же самое, что и дух Шэбиши, обитавший в Восточной пустыне поблизости от жертвенника Ди-цзюня (Ди-ку). С Ди-цзюнем, кстати, отождествляется и Гаосинь-ван из мифа о Паньху [Юань Кэ, 1987, с. 260]. Вот как Шэбиши описан в «Каталоге гор и морей»: «Есть бог с человеческим лицом, собачьими ушами, туловищем животного. В ушах [у него] продеты две зеленые змеи. Зовется Труп Шэби» [Каталог, 1977, с. 112]. Однако гипотеза о связи праздника «Дубэй Да-ван» с божеством Дубиши-Шэбиши не доказана.

В наши дни представители народности яо ежегодно 16-го числа 10-го месяца по лунному календарю отмечают праздник «Пань-ван» (другое название – «Тяо Пань-ван», где *тяо* значит «танцевать») как обряд поклонения родоначальникам племени. Во время праздника приносят жертвы предкам и выражают свое почтение Паньху-вану: поют «Песнь о Пань-ване» («Пань-ван гэ»), читают «Повествование о Пань-ване» («Пань-ван шу») [Ху Циван, 1994, с. 247], танцуют танец длинных барабанчиков, происхождение которого, возможно, связано с преданием о Паньху и древними магическими обрядами. В этот день в г. Ляньчжоу пров. Гуандун проводят ежегодный всекитайский фестиваль народности яо – «Пань-ван» [Чжунго яоцзу, 2011, с. 109–110; Яотяне, 2006].

7-й день 7-го месяца по лунному календарю отмечается современными яо как день рождения Паньху. В этот день яо устраивают большой праздник, посещают кумирни, возжигают в честь своего знаменитого предка курительные свечи и благовония [Народы, 1965, с. 483–485]. Кроме того, у паньяо существуют празднества, посвященные звезде Пань-син, когда устраивают пляски с традиционными яоскими барабанами, во время парных танцев проводятся

различные испытания: петушинные бои, соревнования по стрельбе из лука и т. д. Традиционные яоские барабаны представляют собой деревянный остов, с двух сторон затянутый кожей. Этот инструмент чаще других связывается с легендами о Паньху [Ху Циван, 1994, с. 248].

Представители народа шэ также устраивали жертвоприношения в честь Паньху: два раза в год – в последнюю ночь 1-го лунного месяца и в праздник начала лета [Народы, 1965, с. 491–499].

Почитание Паньху оказало серьезное влияние на быт яо и шэ.

Как известно, на юге Китая широко распространена традиция употребления в пищу мяса собак. В культуре яо и шэ, однако, существует табу на употребление в пищу собачьего мяса. Более того, в знак глубокого почтения паньяо во время ежегодного праздника по поводу созревания нового урожая или во время других сельскохозяйственных праздников кормят собак кашей из вновь собранного риса [Ху Циван, 1994, с. 248]. Если кто-либо из представителей яо, проживающих на территории отдельных районов Гуанси-Чжуанского АР, по ошибке попробует собачье мясо, по обычаю, он должен омыться свиной кровью и принести свинью в жертву Паньху [Yang Lihui, An Deming, Anderson Turner, 2005, p. 53]. У некоторых групп шэ однако в настоящее время запрет на поедание мяса собак распространяется лишь на детей в возрасте до 18 лет и беременных женщин [Чжунго шэцзу, 2012, с. 153].

Как рассказывается в мифе о Паньху, распространенном среди паньяо в наши дни, потомки драконового пса повязывали на голове платок и закрывали ноги. Разноцветные (красные, синие, белые) головные платки до сих пор остаются неотъемлемой частью традиционного народного костюма. Распространение этой детали гардероба нашло закрепление в названии одного из племен яо – хунтоуяо, т.е. те яо, которые носят на голове красные платки [Миьцзу цзешао, б. г.]. Юноши паньяо до сих пор подвязывают боковые края головного платка кверху, так, что образуются два торчащих уха. Среди мальчиков-подростков паньяо распространен обычай носить шапку в виде собачьей головы [Ху Циван, 1994, с. 248]. До середины

XX в. многие мужчины и женщины яо ходили босиком, обертывая ноги белыми холщовыми обмотками, что также было связано с почитанием Паньху [Народы, 1965, с. 487].

В китайских памятниках (например, в «Хоу Хань шу») упоминается еще об одной отличительной детали костюма яо: будучи потомками собаки, люди яо должны были носить хвост. По мнению В. Эберхарда, этот хвост представлял собой пояс, закреплявшийся таким образом, что один из его концов оставался свободно свисать за спиной, подобно хвосту [Eberhard, 1968, р. 49]. В настоящее время в некоторых районах женщины паньяо носят одежду с удлиненным сзади подолом, что, по мнению Ху Цивана, должно изображать собачий хвост [Ху Циван, 1994, с. 248].

В знак уважения к памяти предков, выходя замуж, девушки шэ делают прическу жены Паньху – *фэнгуань* (фениксовый убор). Они отрачивают длинные волосы и с помощью красной пряжи собирают их в прическу в виде восходящей к макушке спирали [Народы, 1965, с. 491–493; Ху Циван, 1994, с. 254]. Этот обычай объясняется тем, что, по преданию, перед свадьбой с Паньху дочери вана были пожалованы фениксовый убор и фениксовые одежды супруги императора. Женщины яо и шэ носят головной убор, символизирующий собачью голову, – *гоу тоу гуань*.

У некоторых шэ до сих пор хранятся посохи с ручкой в виде головы драконовой собаки, называемые «драконоголовыми посохами» и служащими символами первопредка Паньху [Лин Чуньшэн, 1947, с. 147–154].

Почитание Паньху находит отражение не только в традиционной, но и в современной культуре. В 1998 г. был издан альбом, включавший девять песен по мотивам фольклорных произведений яо в исполнении певицы Пань Цинь «Дочь Пань-вана» [Чжунго яоцзу, 2011, с. 199–200].

В 2008 г. на портале «Яоцзу цзайсянь» («Яо он-лайн») был создан мемориал Пань-вана – своего рода интернет-кумирня, где любой желающий может почтить первопредка народа яо, обратиться к нему с молитвой и даже принести жертву он-

лайн. На первой странице помещен портрет Пань-вана в антропоморфном облике и длинный барабанчик – один из главных этнических символов яо. Ниже дан еще один портрет Пань-вана (на этот раз он изображен восседающим на троне) и краткое описание его легендарных деяний:

«Подвиги первопредка Пань-вана велики, никому из ныне живущих с ним не сравниться. Когда Шан и Чжоу боролись между собой, Пин-ван объявил, что собирает достойных людей, чтобы дать отпор врагу. Паньху откликнулся на призыв, преодолел все препятствия и вернулся с победой, женился на принцессе, стал самостоятельным, дал начало двенадцати ⁸ родам яо. Потомки его расплодились, переселились в южные края, возделывали землю в горах, сажали деревья, все силы отдавали земледелию. Они работали в поле, занимались торговлей и медициной, развивали науки, слагали стихи, воспитывали в душах искренность и безыскусность, сплоченность и взаимопомощь. Заложили основу самой ранней культуры яо, стали примером для всех яо.

Сегодня «Яо он-лайн» учреждает ритуал жертвоприношения в интернете, чтобы сородичи со всего мира могли вместе совершить ритуал жертвоприношения, совместно почтить своего родоначальника, получить утешение от духов, помолиться о процветании своего народа, мире и благоденствии соотечественников!» [Яоцзу цзайсянь, б. г.].

Ниже располагается ряд иконок, обозначающих различные виды жертвоприношений: возложить цветы, заказать песню, возжечь свечу, воскурить благовония, совершить возлияние жертвенного вина, поднести жертвенные дары, сжечь жертвенные деньги (см. прил. 2, рис. 55).

Все вышесказанное позволило Ху Цивану сделать вывод о существовании у яо, шэ и, в меньшей степени, у мяо «культуры Паньху» – связанной с культом Паньху и Пань-вана целостной традиционной культуры, включающей в себя такие элементы, как традиционная пища, одежда, украшения, религиозная практика,

⁸ В других вариантах упоминаются шесть или девять родов-фамилий [Чжунго яоцзу, 2011, с. 127–128].

праздники, ритуалы, письменные памятники и произведения устного народного творчества [Ху Циван, 1994, с. 246, 249, 253–254].

Культ Паньху в настоящее время существует также у народности мулао, но они в отличие от яо и шэ употребляют в пищу мясо собаки [Народы, 1965, с. 470–471].

Именно миф о Паньху в варианте мяо, яо и шэ в процессе развития оказал влияние на собственно китайскую, а также тибетскую и маньчжурскую мифологии.

В III в. н. э. Сюй Чжэн создал «Исторические записи о трёх правителях и пяти императорах» («Сань у ли цзи»), в которых были использованы предания о Паньху, распространённые среди южнокитайских народностей. У Сюй Чжэна Паньху представлен творцом вселенной, отделившим небо от земли во времена всемирного хаоса, общим предком всех китайцев. Впоследствии Паньху отождествлялся с Паньгу – героем позднего мифа о сотворении мира [Юань Кэ, 1987, с. 33–34].

Кроме мифа о Паньху и сходных с ним мифов на территории Китая существовали и другие этногенетические мифы, связанные с собакой.

Одним из таких мифов был уже упоминавшийся нами миф о происхождении *цюаньжунов*. Согласно одному варианту, *Цюаньжунго*, или *Цюаньфэнго*, – Страна пёсеголовых, лежавшая на крайнем северо-западе. У жителей этой страны были собачьи головы и человечесьи туловища. По преданию, они были потомками Хуан-ди. Вот что говорится об этой стране в «Шань хай цзин»: «Существуют люди, которых называют *цюаньжуны* – собачьи жуны. Хуан-ди породил Мяолуна, Мяолун породил Жунъю, Жунъю породил Лунмина, Лунмин породил двух белых собак – кобеля и суку, от которых пошли *цюаньжуны*» (цит. по: [Юань Кэ, 1987, с. 206, прим. 85]). По версии Э. М. Яншиной, данный фрагмент следует переводить «...Лунмин родил Белую Собаку. Белая Собака была двуполой. От нее и пошли Собаки-воины» (т.е. *цюаньжуны*) [Каталог, 1977, с. 125]. В оригинале этот отрывок выглядит следующим образом:

有人名曰犬戎。黄帝生苗龙，苗龙生融吾，融吾生弄明，弄明生白犬，白犬有牝牡，是为犬戎 [Шань хай цзин, 2012, с. 336–337].

По нашему мнению, допустимы оба варианта перевода, однако предпочтительным нам представляется первый вариант, так как сочетание иероглифов *тиньму* 牝牡 имеет значение «самка и самец» [БКРС, Т. 4, 1984, с. 303].

По другому варианту этого мифа, *цюаньжуны* были потомками драконового пса Паньху. Во время правления князя Гаосинь-вана Паньху совершил подвиг, убив мятежника Фан-вана, и Гаосинь-ван отдал ему в жёны свою дочь. Всё мужское потомство Паньху имело человечесьи туловища и собачьи головы, а дочери были очень красивы [Юань Кэ, 1987, с. 206].

Тесная связь мифов о *цюаньжунах* и Паньху, возможно, указывает на единство их происхождения.

Похожие люди-собаки упомянуты и в «Каталоге гор и морей»: «Собаки *Хуань* (*Хуаньгоу*) – это люди со звериной головой и туловищем, как у человека. Иные называют: *Вэй*, похожие на собак желтого цвета» [Каталог, 1977, с. 107]. Ни в каких других источниках эти Собаки *Хуань* больше не упоминаются [Там же, с. 196, прим. 10].

Описания Страны собак, где собаки женятся на женщинах, широко распространены в китайских источниках (в «Хуайнань-цзы» Лю Аня (II в. до н. э.), «Новой истории Пяти династий» («Синь У дай ши») Оуян Сю (XI в.) и др.). По «Новой истории Пяти династий», Страна собак помещается на севере. У живущих там людей-собак есть шерсть, и они не носят одежды. Они лают. Но их жены – люди и даже понимают китайский язык. Они живут в пещерах. В то время как люди-собаки едят сырое мясо, их жены едят нормальную человеческую еду. Согласно «Хуайнань-цзы», Страна собак располагается где-то в Восточно-Китайском море. В «Тайпин гуанцзи» сообщается, что люди из Силла посещали ее. В мифах, указывающих на южное расположения страны собак, ее описание напоминает описание страны *цюаньжунов*, у жителей которой были собачьи

головы и человеческие тела, и отличается от рассказов о людях-собаках, известных по некитайским источникам. Плано ди Карпини упоминает о существовании легенды о Стране собак в 1247 г.; она была известна киргизам и другим тюркским племенам. Согласно подобным легендам, эта страна всегда располагалась далеко на севере. В качестве таких людей-собак упоминались в частности племя Нахай Илюйцзы – северные соседи монголов, а также племя Ит Барак на Среднем Енисее. Китайские источники упоминают о побеге из этой страны человеческого пленника. Убегая, он взял с собой много костей. Собаки, преследуя его, собрали все кости, которые разбросал этот человек, и принесли их обратно, так беглецу удалось сбежать. По мнению В. Эберхарда мифы о Стране собак восходят к тунгусо-маньчжурской мифологии [Eberhard, 1968, p. 463–464].

С этногенетическими связаны некоторые династийные мифы, в которых также фигурирует собака.

В главе «Наследственный дом Чжао» и в «Жизнеописании Бянь Цяо и Цангуна» в «Исторических записках» рассказывается о сне или видении Чжао Цзяньцзы. Чжао Цзяньцзы побывал во дворце Небесного Владыки и встретил там сначала черного, а потом бурого медведей. Обоих животных ему пришлось застрелить из лука по приказу хозяина дворца. После этого Небесный Владыка, сбоку от которого стоял мальчик, в числе прочих даров поднес Чжао Цзяньцзы собаку дисковой породы со словами: «Когда твой сын станет взрослым и войдет в силу, подари ему этого пса». Встреченный вскоре небожитель растолковал Чжао Цзяньцзы смысл его видения: «Этот мальчик – Ваш сын, правитель, дисковая собака – предок царства Дай. Ваш сын непременно овладеет землями Дай, а Ваши потомки перестроят там управление и сменят хуские одежды. Они присоединят оба царства, населенные дисцами» [Сыма Цянь, 1992, с. 50–52; Сыма Цянь, 2002, с. 247]. М. Гране указывает, что царство Дай находилось в области Датун [Гране, 2008, с. 69].

Кроме того, в «Сокровенном сказании монголов» зафиксировано позднее предание о том, что Чингисхан был потомком духа, являвшегося женщине в образе

желтой собаки: «...каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда, светило внутри погасло, входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес» [Козин, 1941, с. 81]. Возможно, оно появилось под влиянием существовавших династийных мифов о происхождении от собаки.

Мифологические сюжеты с течением времени могут вытесняться в фольклор и литературу. О. М. Фрейденберг так описывает этот процесс: «Один и тот же мировоззренческий смысл получал различные аспекты содержаний и структур в творческой переработке новых общественных идеологий, ... этот исторический смысловой шифр к природе и жизни, выработанный первым человеческим обществом в измененных социальных условиях потерял то свое значение, для которого был произвольно создан, и тогда не исчез совсем, но оказался культурной ценностью, результатом «производства идей», духовным инвентарем, пошедшим в пользование новой идеологии и новой культуре. Былой конкретный смысл абстрагируется от своей значимости, оставаясь голой структурой и схемой; ее берут для новой идеологической надобности и берут в определенных дозах, принаравливая к новым конкретным целям» [Фрейденберг, 1997, с. 13].

В сказках народов Китая сохранились следы существования в древности представления о собаке как о предке людей. Так, в тибетской сказке «Чудесные зерна» главный герой отправляется к повелителю змей добывать зерна ячменя для своего народа. Царь змей превращает его в желтую собаку. Чтобы снять заклятие, главному герою необходимо было найти девушку, которая бы полюбила его в облике пса. В него влюбляется княжна, ее отец изгоняет ее вместе с возлюбленным-псом, но после этого главный герой с княжной возвращаются на родину героя, и заклятие теряет силу [Волшебное сокровище, 1997, с. 81–89]. В этой сказке мотивы, характерные для мифов о собаке-первопредке сочетаются с мотивом собаки, приносящей людям зерна злаков. В тибетской сказке «Девушка-дракон» в многоцветную собаку превращается дочь царя драконов (морского царя). В сказке

она сначала исполняет роль чудесного помощника главного героя, а потом – его мудрой жены. Причем собачья шкура выполняла защитные функции [Дочь Царя драконов, 1997, с. 166–184]. Очень похожий сюжет и у китайской сказки «Чжан Птицелов» [Волшебная флейта, 1989, с. 64–72]. Б. Л. Рифтин указывает, что основа сказок о чудесной жене – брак с тотемной женой. «Женитьба на деве-тотеме мыслилась в глубочайшей древности как способ овладеть природными богатствами, которыми она якобы распоряжалась» [Рифтин, 2007г, с. 11–12]. Возможно также что, сюжеты этих сказок восходят к этногенетическому мифу о происхождении от собаки, жившей на дне моря.

Кроме того, в Китае существует следующая легенда о появлении собак. Во времена правления правнука Хуан-ди в Китае жила-была одна старая женщина. Однажды у нее заболело ухо, потому что в нем завелся червячок, кусавший ее. Она пошла к известному лекарю, и тот извлек из ее уха червячка и положил его в ковш, сделанный из тыквы горлянки. Не прошло и двух часов, как этот червячок превратился в прекрасного пятицветного нефритового пса [Няньлундэ, 2006, с. 122].

Обращает на себя внимание акцентирование определенной расцветки собак – героев фольклора: пестрой, желтой, нефритовой, которая, по всей видимости, восходит к образу пятицветного Паньху. Такой окрас собачьей шкуры, по мнению С. А. Комиссарова, возможно, указывает на существование в древности тесной связи собаки с «зеленым камнем» (или нефритом), который является значимым атрибутом данного персонажа. Так, на позднепалеолитической стоянке Ушки-I на Камчатке вместе с захоронением собаки был найден «зеленый (магический, охранительный) камень». Подобное сочетание (собака + камень) прослеживается на некоторых памятниках Приангарья, в частности на раскопках мезолитического поселения Усть-Белая. Еще одно свидетельство того же типа относится к периоду неолита – раскопки Братской археологической экспедиции около г. Свирска обнаружили захоронения собак, сопровождаемые изделиями из нефрита в поселении Собачья падь. И хотя трех перечисленных случаев еще недостаточно для

объединения в единую традицию, однако их выявление в различных географических пунктах и на разных хронологических этапах каменного века позволило С. А. Комиссарову выдвинуть гипотезу о существовании базовой мифологемы Нефритового (Зеленого) Пса у древних народов Сибири и Дальнего Востока [Комиссаров, 2001, с. 131–133; Комиссаров, 2003, с. 63–64].

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что миф о Паньху и прочие мифы о происхождении от собаки, распространенные на территории Китая, являются вариантами общего для многих народов Восточной и Юго-Восточной Азии представления о происхождении от собаки, восходящего, по всей видимости, к их тотемистическим верованиям.

Рассмотрев основные антропологические и этногенетические мифы, героями которых, так или иначе, выступают собаки, подробнее остановимся на отдельных мотивах, повторяющихся во многих из них.

Во-первых, в большинстве сюжетов, присутствуют указания на связь собаки с водной стихией (Хуньдунь – *водяной хаос*, буря и *ливень* в одной из версий мифа о Паньху, *морская собака* в тибетских этногенетических мифах и т.п.). Распространен мотив путешествия по воде, а также мотив потопа. Некоторые мифы указывают на существование связи между собакой и рыбами, драконом (существами – символами водной стихии). В Лэйчжоу в период засухи к каменным изваяниям собак обращались с молитвами о ниспослании дождя. На связь собаки с водой указывает и корейский обычай принесения собаки в жертву хозяину моря. По мнению А. М. Золотарева, эти представления близки представлениям ряда народов тихоокеанского побережья о хозяйке моря – владелице всех морских зверей и рыб, в жертву которой приносили собак. У многих народов, в том числе у эскимосов, айнов, малайцев, мужем морской богини считали собаку. Жертвоприношения хозяйке моря наблюдались у айнов, коряков, чукчей, нивхов, ульчей. У последних на утесе убивали белую собаку, ее душили, подвесив на ремне на дереве. Ее кровью мазали идолов проруби, «чтобы жертва до хозяина воды дошла бы». Труп собаки погребали в земле. Аналогичный обряд наблюдался в

Японии. Там во время засухи на скале убивали черную собаку, сбрасывали ее в море, а затем молились дракону (см.: [Ионова, 1994, с. 192]). Связь со стихией воды свидетельствует о причастности собаки к силам плодородия и размножения и подтверждает идею собаки-предка, выраженную в сюжете мифов.

Во-вторых, во многих мифах о происхождении от собаки присутствует мотив инцеста (брак между братом и сестрой или между матерью и сыном), что свидетельствует о древности данных мифов.

Собака в мифах и обрядах народов Юго-Восточной Азии нередко играет роль посредника в оформлении брака, который считается кровосмесительным (а именно: брака сына с матерью и брата с сестрой). По мнению Я. В. Чеснова, ближайшие родственники, о браке между которыми здесь идет речь, являются не реальными матерью и сыном или братом и сестрой, а представителями классификационных групп родственников – групп сестер и братьев и групп матерей и сыновей. Миф о собаке – посреднике в браке с классификационной матерью или сестрой мог возникнуть в то время, когда такой брак был нововведением. Мифы, в которых говорится об оставшихся после потопа брате и сестре, человеке и собаке и т. п., по мнению Я. В. Чеснова, характеризуют особую историческую стадию в развитии брака и семьи, когда стали возможны браки между родственниками, до этого запрещавшиеся. Новая форма брака относилась к классификационным братьям и сестрам, людям кровно не родственным, но выросшим в одном коллективе. Эти люди хорошо знали друг друга, и их брак не был обязательным в соответствии с правилами экзогамии, а основывался на личных чувствах. Идеологическим обоснованием этого и была ссылка на чрезвычайные обстоятельства (потоп) и вмешательство собаки [Чеснов, 1976, с. 171–173]. По нашему мнению, мифы об инцесте, распространенные в Юго-Восточной Азии, могут представлять собой местные вариации на тему мифа об Эдипе. Во всяком случае, мифы джараев, стиенгов, никобарцев и маукенов служат иллюстрацией к теории происхождения тотемизма, предложенной З. Фрейдом, согласно которой основные запреты тотемизма (на убийство тотема и брак с

членами клана) происходят из вытеснения желаний Эдипова комплекса, а сам тотем является заместителем отца (см.: [Фрейд, 2007]).

Этнография народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии дает яркие примеры, иллюстрирующие такое отношение к собаке. Данному вопросу посвящена работа тайского исследователя С. Тамбиа, на которую мы сошлемся вслед за Я. В. Чесновым. У тай собака рассматривается как животное, наиболее «склонное» к инцесту. Для жениха и невесты, являющихся двоюродными братом и сестрой, во время свадьбы устраивается искупительный обряд, заключающийся в совместном поедании пищи из панциря черепахи (у многих народов это ктеический символ) «по-собачьи». Описывая этот обряд, С. Тамбиа конкретизирует установленную К. Леви-Стросом связь между брачными правилами и пищевыми запретами. Обычай, аналогичные тайским, отмечены у восточных тораджа на Сулавеси. У них при женитьбе на второй, четвертой, шестой дочери будущий муж освобождается от обязательной платы-выкупа, однако накануне свадьбы убивают собаку (у исповедующих ислам ее заменяет коза) и ее голову кладут у подножия лестницы дома невесты. В некоторых районах собачью голову вешают наверху лестницы, а невесту мажут кровью собаки. Кроме того, у тораджей есть обычай убивать собаку при бракосочетании людей, считающихся родственниками, пусть даже и очень дальними. Собаку убивают в реке, а жених и невеста должны выкупаться в воде, окрашенной ее кровью, при этом произносят слова: «Вы, собака, должны унести отсюда все несчастья и болезни» (здесь вновь проявляется связь собаки с водной стихией). Речь, по всей видимости, идет о кросскузенных связях, когда разрешен брак с дочерью брата матери, но запрещается брак с дочерью сестры отца. Материалы по этнографии нивхов также дают примеры использования собаки как искупительной жертвы при нарушении обычаев «избегания» сестрой своего брата. За прикосновение к брату полой своей одежды, перешагивание через его ногу, прикосновение к его промысловым орудиям и т. п. сестра должна купить в другом роде собаку и отдать ее брату, который приносит эту собаку в жертву, умертвив ее удушением [Чеснов, 1976, с. 171–173].

В-третьих, для мифов о происхождении от собаки характерно сочетание мотивов происхождения из яйца, тыквы, барабана. По мнению Г. Г. Стратановича, мифы о происхождении из тыквы принадлежат к культуре материковых земледельческих народов, а мифы о происхождении из яйца – островной культуре или культуре жителей побережья. Эти мифы чрезвычайно широко распространены у народов Юго-Восточной Азии, причем мотивы происхождения из яйца, из тыквы и из барабана в мифах народов «сложного этногенеза» могут сочетаться [Стратанович, 1977, с. 72–73]. Наиболее часто встречается сюжет, согласно которому брат и сестра рождаются в огромной тыкве, а затем с помощью различных животных выбираются из нее, женятся и дают начало человечеству. Нередко мотив происхождения из тыквы или яйца контаминирует с мотивом потопа: например, брат и сестра спасаются от наводнения в тыкве-горлянке, женятся и возрождают человеческий род. Тот же мотив всемирного потопа мы находим во многих мифах о происхождении от собаки, так же, как и мотив инцеста [Евсюков, 1988, с. 39; Стратанович, 1977, с. 62–73; Mair, 1998, р. 2–3]. Таким образом, можно говорить о том, что мифы о происхождении от собаки, распространенные у народов Китая, сложились под влиянием мифологических традиций австрийских народов.

В-четвертых, распространено было представление о связи собаки с громом, сочетание мотива происхождения от собаки с происхождением от грома. Мотив происхождения от грома, по всей видимости, восходит к древним фетишистским верованиям. Связь собаки с божеством грома кроме того указывает на ее причастность к силам плодородия.

3.3. Собака как культурный герой

С мифами о происхождении от собаки тесно связаны мифы о собаке – культурном герое и божестве плодородия.

Так, мяо почитали Паньху как культурного героя – создателя различных орудий и вещей [Юань Кэ, 1987, с. 33]. У некоторых народов Южного Китая он считался изобретателем плуга и ткацкого станка [Рифтин, Кобзев, 2007б, с. 542].

На территории Китая был распространен миф о том, что все злаки произошли из хвоста собаки. Позднее в мифах появляется образ собаки, приносящей рис на своем хвосте, который мог существовать в контексте мифа о потопе, и, во всяком случае, был связан с водой. Собака переплывала некий водоем, держа хвост над поверхностью воды, чтобы зерна риса на хвосте не были смыты. Однако, несмотря на все усилия, она потеряла все зерна кроме тех, что были на самом кончике хвоста. По мнению В. Эберхарда, связь с водой исключает возможность появления в этом мифе каких-либо иных злаков кроме риса. По его мнению, миф связан с существованием заливного земледелия, когда на рисовых полях побеги возвышаются над водой так же, как хвост пловущей собаки. Поэтому этот сюжет не мог быть связан с другими способами рисосеяния. Все эти мифы – южно-китайские и ведут свое происхождение из районов от Сычуани до Цзянсу. На юго-западе они распространяются за границы Китая [Eberhard, 1968, p. 209–210]. В настоящее время на территории Китая такие представления распространены у мяо, чжуанов, туцзя, буи, шуйцев, тибетцев, хани и гэлао [Yang Lihui, An Deming, Anderson Turner, 2005, p. 53–54].

По-видимому, позднее появилась версия этого же мифа, согласно которой собака впервые принесла зерна всех злаков с неба и накормила ими людей [Тао Лифань, б. г.]. В некоторых мифов происхождение злаков связывается с Небесной Собакой.

С этими мифами связан обычай жертвоприношения первых плодов, включавший в себя жертвоприношения духам предков и собаке. Такие жертвоприношения проводились в Нинъюане (пров. Хунань) в 6-м месяце по лунному календарю, причем первая жертва всегда приносилась собаке. В других местах жертвоприношения первых плодов включали в себя жертвы духам предков и божествам земли [Eberhard, 1968, p. 209].

У буи существовала традиция приносить жертвы собаке во время празднования Нового года, которое совмещалось с праздником нового урожая. Вечером после совершения жертвоприношений предкам, старший в семье сразу же приносил жертву собаке – кашу из злаков нового урожая и три куска свинины, пока собака ела, необходимо было благодарить ее за то, что она принесла людям зерна злаков. Только после этого семья могла садиться за праздничный стол [Няньлундэ, 2006, с. 126]. Подобные обычаи существовали у паньяо, хани, цзинпо, пуми, лису [Ху Циван, 1994, с. 248; Тао Лифань, б. г.].

В восточной части пров. Цинхай было распространено «собачье» гадание. Заклучалось оно в том, что в первый день Нового года перед тем, как сесть за стол, клали на тарелку разную еду и ставили ее перед собакой. Считалось, что урожай продукта, который собака предпочтет съесть первым, будет самым обильным, в соответствии с этим гаданием впоследствии распределяли землю под различные посадки [Няньлундэ, 2006, с. 128]. Вероятно, этот обычай также свидетельствует о причастности собаки к происхождению сельскохозяйственных растений.

Помимо этого, собака, возможно, была связана с древним умирающим и воскресающим божеством растительности и плодородия Куафу (Отцом Цветущего) [Яншина, 1984, с. 95–100]. В наиболее ранних мифах Куафу имел несколько животных воплощений, описанных в «Шань хай цзин». Одно из них – птица *сяо*: «[Там] водится птица, на вид похожая на Отца Цветущего (Куафу). У нее четыре крыла, один глаз, собачий хвост, называется *сяо*. Она кричит, как сорока. Если съешь ее, избавишься от болей в желудке. Ею можно излечить чирьи» [Каталог, 1977, с. 55]. Интересно, что именно с хвостом собаки связано появление злаков.

Со времен династии Цзинь в Цзянсу, Чжэцзяне и Фуцзяни существует миф о боге по имени Чжан Да-ди (великий император Чжан), который не ел свинину. В день его рождения (в 8-й день 2-го месяца) ему в жертву приносили собаку вместо свиньи, так как этот бог любил есть собачье мясо. У него было три дочери: Ветер, Дождь и Снег. По мнению В. Эберхарда, этот миф был связан с культурой тайских

народов. Судя по именам дочерей, это было божество земледелия [Eberhard, 1968, p. 259].

В мифах народов Китая сохранилось и еще одно упоминание о связи собаки с божествами растений. В «Записках о поисках духов» рассказ о том, что в III в. н. э. правитель округа Цзяньань в царстве У Лу Цзиншу приказал срубить камфорное дерево, и из него обильно потекла кровь, потому что на самом деле дерево было божеством. Из него появился дух дерева – существо, напоминающее собаку с человеческим лицом. Этого зверя сварили и съели, по вкусу его мясо напоминало собачье. Звали духа Пэн-хоу (князь Пэн). В «Байцзэ ту» говорится, что дух дерева Пэн-хоу похож на черную собаку, но без хвоста (см.: [Гань Бао, 1994, с. 416–417]).

Представлениями о связи собаки с силами плодородия, вероятно, обусловлено распространение в эпоху Шан обычая жертвоприношения собак божеству земли *шэ*, а также духам предков. По мнению Б. Шиндлера, Шан-ди был древним богом риса в Шан и был связан с образом собаки (см.: [Eberhard, 1968, p. 210]). Обычно функции духов злаков и других растений присваивались духам предков, или наоборот духи хлеба эволюционировали в божественных предков [Яншина, 1984, с. 73]. По всей вероятности, собака первоначально была тотемным животным и мыслилась как первопредок, а затем, с появлением и развитием земледелия, она становится божеством злаков.

§ 3.4. Собака как защитник и чудесный помощник

В Китае собака считалась защитником от злых духов. Ее, в частности, боялись демоны, принимавшие облик птиц [Eberhard, 1968, p. 167]. В провинции Шаньдун до сих пор верят, что собака сопровождает мертвых в загробный мир и охраняет их от демонов [Там же, p. 462].

В маньчжурской мифологии, где распространено почитание животных, собака считалась одним из духов-помощников шамана. В ряде преданий о спасении

Нурхаци от преследования минской армии она выполняет функцию спасителя и защитника [Гимм, 1982, с. 109].

Собака сопровождала одного из китайских богов-покровителей медицины Вэй Шанцзюня. Реальный даос Вэй Шанцзюнь жил в кон. VII – нач. VIII вв., он бродил по стране с черным псом, которого звали Черный Дракон и занимался врачеванием, в народе его называли Яо-ван. По легенде, сановник Хань И (кон. X – нач. XI вв.) лежал тяжело больной уже шесть лет. Однажды, очнувшись, он сказал: «Какой-то даос с собакой на поводке дал мне отведасть снадобья, я пропотел и выздоровел». Затем он нарисовал портрет даоса и совершил жертвоприношения в его честь. С тех пор и начался культ Вэй Шанцзюня [Мифологический словарь, 1991, с. 136]. Сопровождение собакой богов-врачевателей было характерно и для мифов других народов. В греческой мифологии собака была спутницей Асклепия, у кельтов она сопровождала бога-целителя Ноденса [Купер, 1995, с. 307–309]. В аккадской мифологии богиня-целительница Гула имеет облик получеловека-полусобаки [Афанасьева, 1982, с. 40].

Сюжет о собаке – волшебном помощнике главных героев чрезвычайно распространен в фольклоре народов Китая. Примерами могут служить китайские сказки «Пять сестер» [Сказки, 2007, с. 156–165], «Чжан Птицелов» [Волшебная флейта, 1989, с. 64–72], «Волшебные гранаты» [Там же, с. 103–106], тибетская сказка «Девушка-дракон» [Дочь Царя драконов, 1997, с. 166–184] и др. В некоторых сказках (тибетская сказка «Бедняк, перехитривший беса») говорится о способности собак чувствовать приближение демонов [Волшебное сокровище, 1997, с. 89–91]. Схожее поверье существует у современных монголов: считается, что собаки с желтыми или коричневыми точками над глазами обладают более острым зрением и могут видеть знаки из потустороннего мира [Lugli, 2016, p. 128]. В тибетской сказке «Норсан и его друзья» щенок дает советы, как вылечится от тех или иных болезней, что вероятно также связано с представлением о собаке как защитнике от злых сил [Волшебное сокровище, 1997, с. 163–165].

Близок этим сказкам ряд легенд о собаках, спасающих хозяина от грозящей ему смертельной опасности. В различные средневековые сборники вошли легенды о преданных собаках, спасших хозяина ценой своей жизни, о собаках, добившихся оправдания хозяина, о собаках, отблагодаривших хозяина за добро и т.п. (см.: [Няньлуньдэ, 2006, с. 77–79, 97–98]). Примерами могут служить рассказы из «Записок о поисках духов».

«Во времена Сунь Цюаня жил Ли Синьчунь, человек из уезда Цзинань, что в округе Сяньян. В доме он держал собаку по кличке Черный Дракон. Любил он ее чрезвычайно. Она следовала за ним повсюду дома и в путешествиях, и он, когда пил и ел, всегда оставлял ей кусочек.

Но вот однажды он был вне стен города и так напился, что не смог дойти до дому, а лег в траве. А тут правитель округа Чжэн Ся выехал на охоту. Увидав, что трава на поле слишком густа, он послал человека выжечь ее огнем. То место, где лежал Синьчунь, было как раз на подветренной стороне. Пес, увидав набегающий огонь, стал зубами тянуть Чуня за одежду, но Чунь даже не пошевелился. Недалеко от места, где лежал Чунь, протекала речка – до нее было триста пятьдесят бу. Пес помчался туда, вошел в воду, весь промок, подбежал к лежащему и сбрызгивал с себя воду по кругу. Так он спас хозяина от большой беды. Когда же у него иссякли силы, и он не смог добраться до воды, он погиб возле своего хозяина.

Вскоре Синьчунь проснулся, увидел, что собака уже мертва, а шерсть по всему ее телу мокрая. Он был этим крайне огорчен и, видя вокруг подступавшие вплотную следы огня, громко зарыдал.

О случившемся доложили правителю округа, и правитель с сожалением произнес: «Собака в благодарности за милости превзошла людей. Сравнится ли с этим псом человек, не помнящий добра?» Он приказал схоронить собаку в гробу и в саване. И по сей час в Цзинани есть курган Верной Собаки высотой около десяти *чжанов*» [Гань Бао, 1994, с. 459–460].

«В годы под девизом Тайсин простолодин из округа Уцзюнь по мени Хуа Лун завел собаку. Кличка ее была Хвост-Щит, и она следовала за хозяином

повсюду. Через некоторое время Лун отправился на берег Цзяна для заготовки тростника. Вокруг него обмоталась огромная змея. Пес вступил со змеей в бой и загрыз ее до смерти. Лун лежал ничком без сознания, а пес выл – словно бы плакал по нем. В это время по зарослям плавала взад и вперед лодка. Бывшие на ней люди удивились поведению собаки, последовали за ней и обнаружили лежавшего без чувств Луна.

Пес отказывался от пищи и принялся за еду только тогда, когда Лун пришел в себя. Лун еще больше полюбил его – не менее, чем самых близких родственников» [Гань Бао, 1994, с. 460].

Однако находчивость, бдительность и преданность собаки могли проявляться не только в экстренных ситуациях, распространены были и рассказы о том, как собака помогала хозяину в обычной жизни. Такая история содержится, к примеру, в «Записях удивительного» («Шу и цзи», V в.) Жэнь Фана.

«В молодости Лу Цзи очень любил охотиться, в царстве У один богач подарил ему прекрасного пса по кличке Хуаньэр. Впоследствии Лу Цзи отправился служить в Лоян и взял собаку с собой; пес был очень умным, мог понимать человеческую речь. Однажды Лу Цзи попытался отдать собаку другому человеку, жившему за триста *ли*, но пес нашел дорогу и за один день вернулся обратно.

Лу Цзи жил в столице и долго не получал вестей от своей семьи. Однажды он в шутку сказал собаке: «От моих родных нет писем, ты не мог бы передать им письмо и получить известия от них?» Пес обрадовался, завилял хвостом и залаял в знак согласия. Лу Цзи написал письмо и положил его в бамбуковую трубку, а трубку привязал собаке на шею. Пес вышел на почтовый тракт и помчался в У. Когда ему хотелось есть, он охотился в зарослях; когда надо было переправляться через большие реки, пес увязывался за перевозчиком, послушно вилял хвостом. Людям нравился смысленый пес, и они звали его на лодку. Но как только лодка приставала к берегу, Хуаньэр мчался дальше. Вскоре он прибежал к дому семьи Лу Цзи, почтительно держа в зубах бамбуковую трубку с письмом, он залаял, чтобы обратить на себя внимание. Родные Лу Цзи открыли трубку и достали письмо.

Когда они дочитали письмо, собака вновь залаяла, как будто о чем-то просила. Родственники Лу Цзи написали ответное письмо, положили его в бамбуковую трубку и привязали к шее собаки, и пес, получив ответ, вновь помчался в Лоян. У человека дорога от Лояна до У и обратно отнимает 50 дней, а Хуаньэр проделал этот путь за полмесяца. Впоследствии, когда собака умерла, гроб с ее телом отправили в деревню на родину Лу Цзи, где в двухстах шагах от его дома насыпали могильный холм. Жители деревни называют его «Могила Хуаньэра» (цит. по: [Няньлуньдэ, 2006, с. 78–79]). Эта же история пересказывается в «Жизнеописании Лу Цзи» в «Цзинь шу» [Няньлуньдэ, 2006, с. 98].

Многочисленные истории о преданных собаках содержатся в сборниках *бицзи* XVIII в. [Юань Мэй, 1977, с. 192, 350; Цзи Юнь, 1974, с. 301].

Именно с представлением о собаке как о защитнике связано большинство дошедших до нас археологических комплексов: погребения с собаками, ямы с собаками, принесенными в жертву в ходе строительства зданий. О вере в способность собак усмирять злые силы свидетельствуют также иньские надписи на гадальных костях и панцирях черепах, содержащие вопросы о проведении обрядов разрывания на части, например:

壬辰卜其寧疾于四方三羌侑九犬 (《屯》 1059)

Гадали [в день] жэньчэнь: чтобы усмирить болезни в четыре сторонах света, [принести в жертву] трех человек из племени цян, совершить жертвоприношение ю, принести в жертву девять собак?

庚戌卜寧于四方其五犬 (《合集》 34144)

Гадали [в день] гэнсюй: чтобы усмирить четыре стороны света, [принести в жертву] пять собак?

3.5. Мифы о Небесной Собаке

Под именем Тянь-гоу (天狗, Небесная Собака, Небесный Пес) скрываются несколько объектов и персонажей, упоминавшихся в «Каталоге гор и морей» («Шань хай цзин», III–II вв. до н. э.), «Исторических записках» («Ши цзи», II–I вв. до н. э.) Сыма Цяня, «Истории Хань» («Хань шу», I в. н. э.) Бань Гу и других источниках. Приведем наиболее раннее упоминание из «Каталога гор и морей»: «[Там] водится животное, похожее на лисицу, но с белой головой. Называется небесная собака. Ее крик подобен мяуканью. [Ею] можно уберечься от несчастья» [Каталог, 1977, с. 44–45]. Далее перечислим разнообразные ипостаси Небесной собаки в соответствии с их характеристиками.

1) Астрономический объект

Небесной Собакой называлась одна из известных в Китае комет. Считалось, что она очень большая и приближается к Земле с огромным шумом, что заставляет всех фениксов кричать, а собак лаять [Eberhard, 1968, p. 168; Гроот, 2000, с. 96].

Также Небесная Собака означает особый тип падающих звезд, которые упав на землю, своим видом напоминают собаку. Появление такого астрономического объекта будто бы предвещает начало войны [Мифологический словарь, 1991, с. 557]. Об этом выразительно говорится в главе «Тянь-гуань шу» раздела «Трактаты», входящего в состав «Исторических записок» Сыма Цяня: «Небесное тело Тянь-гоу («Небесная собака») по форме похоже на большое мчащееся небесное тело, которое издает шум. Когда оно снижается и достигает земли, то сходно с собакой. В месте, куда это тело падает, издали виден свет пламени, языки которого бьются в небо. Ниже пламени образуется круг, напоминающий поле в несколько цин; верхняя, открытая часть круга имеет желтый цвет, и тогда на тысячи ли [от этого места] будут разбиты армии и убьют военачальников» [Сыма Цянь, 1986, с. 142]. «Когда семь владений, в их числе У и Чу, взбунтовались и выступили против [императора], появилась комета длиною в несколько *чжанов*,

Небесная собака пролетела над полями владения Лян; в результате военных действий в этих местах падали ниц тела и лилась кровь» [Сыма Цянь, 1986, с. 150].

Иногда Небесная Собака интерпретировалась как персонификация Венеры, Меркурия (и его символа – изогнутой стрелы, *ван ши* 枉矢) или созвездия Вэй (по всей видимости, имеется в виду созвездие Вэй 尾 – Хвост – девять звезд созвездия Скорпион), по форме напоминающего собаку. Когда оно появляется на небе, велика опасность войн и пожаров [Eberhard, 1968, p. 168; Гроот, 2000, с. 96]. В китайской астрологии Тянь-гоу – это также, группа из семи звезд в созвездиях Компас и Паруса, одно из созвездий, будто бы охраняющее богатство [Мифологический словарь, 1991, с. 557; Сыма Цянь, 1986, с. 428]. Выделялось и еще одно созвездие со сходным названием – Пёс (Гоу, Гоу-син) – группа из двух звезд в созвездии Стрельца [БКРС, 1984. Т. 3, с. 448].

В «Девяти песнях»⁹ упоминается звезда Небесный Волк, рядом с которой расположены еще две звезды – Лук и Стрела. В гимне «Владыке Востока» из этого цикла говорится о стрельбе из лука Владыки Востока (то есть духа солнца или самого солнца) в Небесного Волка и о победе над ним [Цюй Юань, 2000, с. 42; Яншина, 1984, с. 111–112]. В данном случае, Небесный Волк и Небесная Собака могли соответствовать одному и тому же мифологическому персонажу. Однако согласно «Тянь-гуань шу» «Волк» («Небесный волк») – это Сириус. С этой звездой связан следующий обычай: «На территории княжества Цинь наблюдали за планетой Тай-бо (Венера) и гадали по звезде Лан («Волк») и созвездию Ху («Лук»)» [Сыма Цянь, 1986, с. 120, 149, 271].

Сходный мотив звезды или созвездия как собаки, которая посажена на цепь, но пытается сорваться, что несет опасность для всего мироздания, распространен в мифах разных народов. Соответствующее название звезды – Собачий Хвост или Собака – было известно в Риме и в Древней Индии [Иванов, 1980, с. 116]. Сюжеты

⁹ «Цзю гэ» («Девять песен») – цикл из 11 обрядовых песен, исполнявшихся при жертвоприношениях в царстве Чу, обработан Цюй Юанем (ок. 340–278 до н. э.) [Кравцова, 1994, с. 52].

космической охоте и превращении собаки в одну из звезд Большой Медведицы распространены на российском Дальнем Востоке (у удэгейцев, орочей, эвенков-орочонов) и в Северной Америке [Березкин, 2009, с. 126–128].

2) Культурный герой, связанный с земледелием

На юге Китая с Небесной Собакой связывают происхождение злаков. По одной из версий мифа, она впервые принесла зерна всех злаков с неба и накормила ими людей [Тао Лифань, б. г.].

3) Злой дух, демон

В средневековом Китае было распространено поверье о Небесном Псе – злом духе, живущем на Луне [Мифологический словарь, 1991, с. 557]. В то же время Небесная Собака считалась демоном, чье влияние препятствует рождению сыновей или сокращает срок жизни новорожденных [Васильев, 2001. С. 397]. Она питалась человеческой печенью и могла нападать на детей [Eberhard, 1968, p. 168]; пожирать мальчиков [Рифтин, Кобзев, 2007в, с. 613]. В «Истории Южных династий» («Нань ши», VII в.) Ли Яньшоу говорится: «В тринадцатом году Тяньцзянь (514 г.), в шестом месяце в столице ходили слухи о том, что чэн-чэн крадут печеньку и кровь людей и кормят ими Небесную Собаку. Люди пребывали в великом страхе в течение двадцати дней». В этом же сочинении сказано: «А в пятом году Датун (539 г.) в столице распространяли слухи, что Сын Неба вынимает у людей печень и кормит ей Небесную Собаку. Молодые и старые были так сильно напуганы, что после захода солнца запирали двери на засовы и вооружались дубинками. Паника прекратилась только через несколько месяцев» (цит. по: [Гроот, 2000, с. 95]). По преданиям, это кровожадное существо в древности было девушкой, которая умерла, не успев выйти замуж. Став злым духом и поселившись на одной из звезд, она стремилась убивать детей, чтобы кто-нибудь занял ее место, а она сама смогла бы переродиться в человека. Для защиты от этого демона китайцы, во-первых, изображали стрелков, выпускавших стрелы в Небесного Пса (иногда в качестве такого стрелка выступал Хоу И) и, во-вторых, наделяли детей специальными

талисманами из смешанных вместе пучков волос ребенка и собаки (этот локон обычно вшивали в одежду ребенка) [Васильев, 2001, с. 397].

4) Защитник от злых духов

Небесная Собака могла выступать и в роли защитника от злых сил, как, например в цитированном выше отрывке из «Шань хай цзин». Она считалась также и единственным спасителем от злых духов, принимающих облик огромных сов и других птиц. В собрании сочинений Оуян Сю («Оуян вэньчжунгун вэньцзи», XI в.) приведена легенда, согласно которой Чжоу-гуну однажды явилась птица с десятью головами и десятью клювами, которая на самом деле была злым духом. Птица громко кричала, чем чрезвычайно раздражала Чжоу-гуна и нагоняла на него тоску. Он приказал убить ее, но никто не мог этого сделать. Тогда Небо послало Небесную Собаку, которая откусила одну из птичьих голов. С тех пор рана птицы кровоточит, и эта кровь смертоносна [Eberhard, 1968, p. 166]. Похожий сюжет изложен в китайской сказке «Девятиглавая птица», где говорится о противостоянии злого духа, принявшего облик птицы с десятью головами, и Небесной Собаки, которая защищала от нее людей и откусила одну из птичьих голов [Волшебная флейта, 1989, с. 109–112]. Существуют и другие легенды о злых духах, принимающих облик девятиголовых птиц, которые боятся лая небесных собак [Eberhard, 1968, p. 166–167]. Собак боялась и считавшаяся в древности темным, злым существом сова, так как по преданию, упоминаемому в «Тайпин гуан цзи», собака откусила одну из ее девяти голов [Idem, p. 162].

В позднем средневековье Небесная Собака выступала в качестве помощника Эр-лана. Эр-лан («второй сын»), Эр-лан-шэнь («божество второй сын»), Гуанькоу Эр-лан («второй сын из Гуанькоу»), Гуанькоу-шэнь («божество из Гуанькоу») в поздней мифологии выступал как одно из водных божеств, а также как покровитель дамб, защищающий от наводнений [Рифтин, 1982в, с. 667]. В китайских драмах он выступал в качестве борца с демонами. Также он считался лучником, который убил девять солнц. Эр-лан имел свои храмы, в которых нередко изображалась и его

собака – спутник божества и помощник в борьбе со злыми силами [Eberhard, 1968, p. 167].

Изначально Эр-лан был сычуаньским божеством и мог замещаться Чжан-сянем, культ которого тоже возник в Сычуани и распространился по всему Китаю примерно с XI в. Чжан-сянь («Чжан-небожитель») почитался как божество, дарующее мужское потомство. В Древнем Китае стрельба из лука играла значительную роль в обряде родин. Существовал обычай по случаю рождения мальчика вывешивать на левой створке дверей (поскольку левая сторона связывалась с мужским началом *ян*) лук из тутового дерева. Затем из него стреляли в небо, землю и четыре стороны света – «туда, где проходит деятельность человека» (см.: [Кравцова, 2007б, с. 752]). Этот обычай в Сычуани трансформировался в культ Чжан-сяня, однако собака для него уже не помощник, а противник, в которую он стреляет; такое изменение «полярности» объектов – не редкость в мифологии. Так или иначе, Чжан-сянь контролирует действия Небесной Собаки, отгоняя ее выстрелами, подчиняет ее себе.

Уважительное наименование божества-лучника Чжан-гун («господин Чжан») омофонично словосочетанию *чжан гун* – «натягивать лук» [Рифтин, 1982б, с. 626; Eberhard, 1968, p. 167]. Считалось, что Чжан-сянь может защитить ребенка от злонесущей Небесной Собаки, стреляя в нее из лука персиковыми стрелами [Васильев, 2001, с. 411–412]. В средние века культ Чжан-сяня был дополнен многочисленными подробностями. Согласно одной из историй, первое культовое изображение придумала Хуа-жуй, наложница последнего правителя Позднего Шу (государство на территории Сычуани) Мэн Чэна; в дальнейшем ее также почитают как богиню-чадоподательницу [Рифтин, Алимов, Кравцова, 2007, с. 715].

5) Виновник солнечных и лунных затмений

С образом Небесной Собаки связано и существующее в китайском фольклоре объяснение причины солнечных и лунных затмений. Считалось, что только звуки гонгов и барабанов и страшный шум, который поднимался на земле, могли отпугнуть Небесного Пса и заставить его отказаться от намерения проглотить

светило [Васильев, 2001, с. 415–416; Няньлуньдэ, 2006, с. 106]. Это представление относится к числу древнейших; изображение собаки, глотающей солнце или луну, зафиксировано в росписи на неолитической керамике.

Широкое распространение получила история «Собака кусает луну» (другой вариант названия – «Собака проглатывает солнце и ест луну»). В ней рассказывается, что однажды Лучник выстрелил в Солнце и Луну, и в Поднебесной наступил мрак. Люди попросили Небесную Собаку вернуть Луну и Солнце и пообещали ей за это 50 доу риса. Но когда Собака выполнила поручение, люди забыли отдать ей обещанный рис. С тех пор собака, когда проголодается, ест солнце или луну [Няньлуньдэ, 2006, с. 122–123].

Еще одно предание явно литературного происхождения объединяет в себе несколько мотивов и основных персонажей. Оно необычайно популярно в Китае, особенно в связи с Праздником середины осени, и приводится практически без изменений на всех справочно-информационных сайтах (см., напр.: [Тянь-гоу, б. г.]). Согласно этой легенде, после того как Стрелок И выстрелил в девять из десяти солнц и спас народ от бедствия, Си-ван-му (Владычица Запада) в награду дала ему снадобье бессмертия. Однако эликсир в одиночку выпила жена Лучника Чан Э и вознеслась в небо. Охотничья собака Хоу И по имени Хэйэр (Черное ухо), увидев это, с лаем вбежала в дом, слизнула остатки снадобья и вслед за Чан Э тоже поднялась на небо. Услышав лай Хэйэр, Чан Э спряталась на луне. Однако Хэйэр одним махом достигла луны и проглотила ее вместе с Чан Э. Когда Юй-ди (Нефритовый император) и Си-ван-му узнали, что луна была съедена черной собакой, они отправили небесное войско схватить ее. Но узнав в собаке охотничьего пса Стрелка И, Си-ван-му сделала Хэйэр Небесной Собакой и приказала стеречь Южные небесные ворота. Тогда Хэйэр выплюнула луну и Чан Э, а Чан Э с тех пор поселилась на луне.

В сказке народа кава «Сирота Янь Жань» излагается легенда, объясняющая существование лунных фаз. Луна похитила волшебный лист дерева, исцеляющий от всех болезней, принадлежавший главному герою. Чтобы вернуть его, люди

построили лестницу до неба. Взобраться по ней вызвалась собака. Но когда она уже забралась на небо, белые муравьи подгрызли основание лестницы, и она рухнула на землю, а собака осталась на небе. Разозлившись, собака стала преследовать луну, а догнав, стала поедать ее. Стоит луне стать круглой, как собака откусывает от нее кусочек [Волшебная флейта, 1989, с. 158–164].

Сходные сюжеты присутствуют в мифах многих народов Азии. В корейском мифе о лунных и солнечных затмениях царь Страны тьмы (Камак нара) посылает огненных собак за солнцем и луной, но им не удалось их украсть, потому что солнце было слишком горячим, а луна – слишком холодной. Куски солнца и луны, обгрызенные собаками, не светятся, что является причиной солнечных и лунных затмений [Концевич, 1980, с. 668]. Нивхи объясняли лунные затмения тем, что луну пытается съесть живущая на ней собака. Во время лунных затмений они старались испугать эту собаку звоном железных предметов, стреляли в нее из лука или из ружей [Березкин, 2009, с. 155; Иванов, 1982, с. 79]. Сходные представления существовали у населения Западной Сибири [Новиков, 1998, с. 465–467] и Центральной Азии [Ларичев, 2007, с. 105–109]. В астральных мифах тибето-бирманских народов также распространен образ собаки. У качинов собака, гоняясь за луной, вызывает затмения. В чинском мифе рассказывается о том, что собака преследует солнце, чтобы отомстить за нанесенную последним обиду [Чеснов, 1982б, с. 505–506].

Таким образом, зачастую образ Небесной Собаки был связан с огнем, войной, мужским началом. Мифы о Небесной Собаке сочетают в себе мотивы астральных мифов, а также мифов о собаке как о вредоносном существе и собаке – защитнике от злых сил. Также обнаруживается устойчивая связь образа Небесной собаки в различных ее ипостасях с божествами-лучниками и их главными атрибутами (лук и стрелы).

По нашему мнению, один из источников формирования сложного образа Небесной Собаки тесно связан с мифами о Стрелке И (Хоу И). В их составе можно выделить стадиально разные слои, но в данном случае наибольший интерес

представляет сюжет о стрельбе в солнца, который, по мнению исследователей, был одним из самых древних [Яншина, 1984, с. 198]. Этот миф был самым популярным и внешне четко оформленным из всех солярных сюжетов китайской мифологии. Впервые в письменном виде он изложен в 8-м цзюане трактата «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.). Во времена царствования совершенномудрого правителя Яо на Поднебесную обрушилось страшное бедствие: на небе внезапно появилось сразу десять солнц в облике птиц (трехлапых воронов), нещадно палившие землю. Видя страдания людей, боги послали Стрелка, который выстрелами из лука сразил девять солнц из десяти и тем самым восстановил мировой порядок (см., напр.: [Кравцова, 1994, с. 145–146]).

В монографии по мифологии тайваньских аборигенов Б. Л. Рифтин показал, что в Восточной и Юго-Восточной Азии существовала общая мифологема «лишних солнц», с которыми могли бороться разными способами (чаще с помощью лука, но также палки, ножа и даже заклинания). Наиболее концентрированно данные мифы представлены вдоль побережья и на островах Тихого океана. То, что указанный сюжет практически не встречается за пределами Пасифики и прилегающих к ней районов наводит на мысль о генетическом родстве записанных сказаний, хотя, судя огромной территории охвата, истоки эти относятся к глубокой древности.

Обращает на себя внимание часто встречающаяся орнитоморфность солнца (солнц) и его связь с мифологемой мирового дерева. В наиболее законченном виде эта идея представлена именно в китайской мифологии. Как отмечал Б. Л. Рифтин [1980а, с. 653], «...представление о космической вертикали воплощено в образе солнечного дерева – фусан, в основе которого лежит идея дерева мирового. На дереве фусан живут солнца – десять золотых воронов. Все они – дети матушки Сихэ, живущей за Юго-Восточным озером». Именно этих воронов сбивает стрелок Хоу И, в облике которого также прослеживаются «птичьи» черты. Можно предположить, что орнитоморфность культурных героев, уничтожающих

«лишние» солнца в мифах других народов (нивхов, цоу, лоба и др.), также является проекцией изначального образа солнца-птицы.

Солнечная Шелковица (*фусан*), растущая на востоке, является одним из устойчивых элементов мифа о Стрелке И. Протоформа иероглифа *сан* – пиктограмма, изображающая дерево с кружками (солнцами) на ветвях, присутствует еще в гадательных надписях. Иероглиф «восток» – *дун 東* образован за счет двух компонентов: «дерево» и «солнце». Шелковица в то же время была тотемным деревом иньцев, о чем свидетельствуют легенды об основателе государства Шан Чэн-тане и его министре И Ине, апокрифические предания о рождении Конфуция, а также тот факт, что алтарь правящего дома и царства Сун, наследовавшего домену иньских правителей, находился в Шелковичной роще – Санлинь.

Помимо восточного солярного дерева в китайской мифологии имелось западное – Дерево Жо (*жому*), на ветвях которого обитали солнца не в облике воронов, а в виде красных плодов или цветов. По мнению М. Е. Кравцовой, именно дриадная солярная символика (солнечные цветы на солнечном дереве) была изначальной для Китая, зооморфное же воплощение солнца гораздо более позднее и связано с превращением птицы-тотема иньцев в солярную птицу [Кравцова, 1994, с. 145–156].

Однако уникальная находка китайских археологов в пров. Сычуань позволяет, на наш взгляд, уточнить предложенную схему. Речь идет об открытиях, сделанных при изучении культуры саньсиндуй эпохи развитой бронзы (XIX–XI вв. до н. э.), основные памятники которой сосредоточены в долине Чэнду. Наибольшее внимание исследователей привлек набор бронзовых, золотых и нефритовых изделий в двух ямах (жертвенниках или хранилищах), открытых в 1986 г. на территории саньсиндуйского городища. Комплекс из «жертвенной» ямы № 2 отнесен к позднему (5-му) периоду культуры саньсиндуй, который в целом соответствует примерно 3-му этапу Иньского городища [Чжунго каогусюэ, 2003,

с. 506]. Последний в соответствии с исправленной хронологией Аньяна в абсолютных датах определяется периодом 1154(?)–1102 гг. до н. э. (см.: [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 294; Концевич, 2010, с. 91–92]).

Центральное место в этом наборе занимают скульптуры и маски, которые связываются исследователями с шаманскими ритуалами (см.: [Линь Сян, 1987, с. 80–81; Чжан Сяома, 2003, с. 27–33]). Внешний облик скульптурных голов (большие глаза, крупный нос, часто с горбинкой, «загадочная» улыбка) не обычен для искусства Шан-Инь [Варенов, Гирченко, 2012, с. 13–18]. Шаманская интерпретация бронзовых и нефритовых личин подкрепляется находкой во второй яме двух бронзовых деревьев. Из них одно (№ 1) сохранилось почти полностью, его высота – 3,84 м. Дерево № 2 сохранилось хуже; в целом, оно похоже на первое.

Деревья располагались на подставках в виде соединенных вместе трех округлых зубцов, которые интерпретируются как художественное воспроизведение иероглифа шань (гора), украшенных «облачными» и солярными узорами. Очевидное их отождествление с мировым деревом подчеркивается трихотомией дерева № 1: три вершины «горы», три узла на стволе, откуда отходит по три больших ветви, из которых одна, в свою очередь, имеет отросток. С их концов свисают плоды, которых всего двенадцать, что не только не нарушает троичной структуры бронзовых скульптур, но и обогащает нумерологический набор еще одним «магическим» числом, которое, как правило, имеет календарную интерпретацию. На каждой из больших ветвей сидит по птице (на одной нижней ветке птица не сохранилась, но она восстанавливается по сохранившейся подставке и сопоставлению с деревом № 2). Таким образом, птиц всего девять, хотя можно предположить и наличие десятой птицы – на верхушке дерева. Но, в любом случае, такая птица занимала особое положение. В качестве навершия могла использоваться бронзовая статуэтка петуха, найденная в едином комплексе с деревьями. Во всяком случае, она крепилась на какую-то подставку, поскольку в нижней части фигурки имелась небольшая втулка. Каждая из птиц посажена прямо в чашечку раскрывшегося цветка, чем наглядно снимается отмечавшаяся выше

оппозиция между зооморфной и дриадной солярной символикой. Троичность композиции подчеркивается рядом деталей в фигурках птиц – например, тремя зубчиками хохолка и тремя большими перьями, составляющими хвост [У Вэйси, Чжу Яжун, Цзян Цун, 2005, с. 64].

Большинство саньсиндуйских находок использовались в ритуальных действиях. Китайские авторы считают, что ямы представляли собой жертвенники, в которых осуществлялись приношения божествам неба, земли и гор. Об этом свидетельствуют следы воздействия огня, особенно в первой яме, где нашли также кости животных, из которых перед сожжением, возможно, выпустили всю кровь [Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань, 1987, с. 27–29]. Исходя из общего контекста находок, можно предположить, что китайские археологи выявили следы обряда уничтожения лишних светил, то есть установления (восстановления) космического порядка (подробнее см.: [Комиссаров, 2010]), главным «реквизитом» которого являлось бронзовое дерево с девятью или, возможно, десятью (9 + 1) птицами на ветвях. Такие числа воспроизводятся в мифах разных народов: девять – у вьетнамских тай, наси, буи, лоба, а десять (помимо ханьцев) – у бирманских цзинпо, а также у калифорнийских индейцев шаста [Ли Фуцин (Рифтин), 2001, с. 127, 130, 131, 133, 144]. Возможно, в качестве десятой птицы на верхушке дерева, соответствующего фусан, крепилась фигурка петуха, который должен был призывать оставшееся после «эзекуции» солнце взойти над землей. Такая роль петуха отражена в мифологии многих народов, но в контексте мифа о множестве солнц представлена, в первую очередь, в преданиях мяо, чжуанов, яо, цзинпо и вьетнамских чамов [Ли Фуцин (Рифтин), 2001, с. 141]. В наиболее развитом виде она отражена в китайских источниках, где говорится о нефритовом петухе на верхушке фусан, который дублировался золотыми и каменными петухами на других выдающихся деревьях и горах [Юань Кэ, 1987, с. 139–140, 309].

Э. М. Яншина полагает, что сюжет о стрельбе в солнца восходит к обрядам, направленным на возвращение солнца и оживление природы, существовавшим на стадии охотничьего хозяйства. Эти обряды имели сходство с обрядом космической

охоты, распространенным у охотничьих народов Севера. Прототипом уничтожения девяти из десяти солнц, по ее мнению, «была ритуальная охота-погоня-добывание богом-охотником небесного светила». Такой версии происхождения данного мифа соответствует и зооморфное воплощение солнца в образе ворона, охота на солнце-ворона сближается с охотой на небесного лося у эвенков и другими сюжетами небесной охоты [Яншина, 1984, с. 186–187].

Итак, происхождение мифа о стрельбе в солнца связано с ритуалами, символизировавшими установление миропорядка либо обновление жизненного устройства с наступлением весны. Важнейшими элементами данного мифо-ритуального комплекса были представления о множественности солнц и их орнитоморфном воплощении, а также уничтожение «лишних» светил героем-лучником. С этим блоком оказывается тесно связанной и мифологема Небесной Собаки.

В мифологии нередко происходит метонимический перенос: число персонажей превращается в число каких-либо частей тела у одного персонажа и наоборот. Девять солнечных птиц из мифа о Стрелке И со временем могли превратиться в птицу «о девяти головах». А это наводит на мысль о связи образа демонической девятиглавой птицы, распространенного в китайской мифологии и фольклоре, с древними солярными мифами. Также известны мифы, объясняющие природу солнечных и лунных затмений нападением на светила Небесной Собаки. Таким образом, сюжет о нападении Небесной Собаки на злого демона в облике девятиглавой птицы, возможно, восходит к солярному мифу.

Обратимся к образам Эр-лана и Чжан-сяня – хозяев Небесной Собаки и по совместительству защитников как от нее, так и от других демонов. Известно, что и Эр-лан и Чжан-сянь были героями-лучниками так же, как и Стрелок И. По мнению В. Эберхарда, образы Эр-лана, Чжан-сяня и Хоу И родственны. В некоторых поздних мифах именно Стрелок И называется лучником – защитником от демонов. Сама Небесная Собака, как уже говорилось выше, также считалась защитником от демонов. Мифы обо всех этих персонажах имеют южное происхождение.

Как говорилось выше, спутником и помощником Эр-лана была собака (возможно, Небесная), которую Чжан-сянь, в свою очередь, покорял стрельбой из лука. Известно, что нередко в мифах изначально зооморфные персонажи со временем эволюционируют в антропоморфных, при этом их зооморфные черты вытесняются в атрибуты и символы, ездовых животных, животных-спутников или жертвенных животных данного персонажа [Фрэзер, 1983, с. 434–449; Топоров, 1980, с. 444, 448], на это указывали В Я. Пропп [2002, с. 140]: «Герой и его помощник есть функционально одно лицо. Герой-животное преобразовался в героя плюс животное» и О. М. Фрейденберг [1997, с. 203–204]: «...звериное предшествование бога становится его атрибутивным животным, или его жертвенным животным, или остается в его прозвище». То есть божества Эр-лан и Чжан-сянь, возможно, первоначально представлялись в облике собаки.

Исходя из вышесказанного, мы можем предположить, что в мифе о Стрелке И существовал древнейший слой, в котором герой представал в зооморфном облике, а именно в образе собаки. Это зооморфное воплощение героя послужило, вероятно, одним из источников для формирования образа Небесной Собаки в поздней китайской мифологии.

3.6. Собака как персонаж мифов о царстве мертвых

У многих народов мира существовали представления о связи собаки с миром мертвых (см., напр.: [Березкин, 2005]), что объясняется тем, что собаки могли питаться падалью. Об их распространении в древнем Китае свидетельствуют данные археологии. Возможно, именно в этом кроется ключ к расшифровке значения собаки в погребальном обряде эпохи неолита и бронзы, а также изображения собаки на позднеяншаоском керамическом сосуде, которые демонстрируют существование представлений о ярусности мироздания и принадлежности собаки к нижнему миру. Эти же идеи сохранялись и в более позднее время и нашли отражение в дошедших до нас мифологических сюжетах.

Так, в поздней китайской мифологии одним из духов ада – Диюй («подземного судилища») был Чжэннин (Мохнатая собака). Злой пес и змея охраняют мост через реку Найхэ («реку нечистот») в четвертом судилище. В шестом судилище у грешников, непочтительно называвших богов по именам, воровавших позолоту или драгоценности с изображений божеств, непочтительно обращавшихся с исписанной бумагой и книгами, вырезали сердца и бросали их на съедение собакам [Рифтин, 1980б, с. 386–388].

В пров. Шаньдун было принято давать мертвым «в дорогу» специальное «собачье печенье», в котором запекались волосы, чтобы собаки ада были заняты поеданием этого «лакомства» как можно дольше и не беспокоили покойника [Eberhard, 1968, p. 464]. В пров. Цзянсу был распространен сходный с описанным выше похоронный обычай приготовления печенья для защиты от собак. После того как умершего передевали, необходимо было из семи плодов луньяня и муки слепить шарики и привязать их к запястью покойного. По поверьям считалось, что человеку после смерти приходится проходить через деревню Злых собак (*Эгоуцунь*), и чтобы отвлечь злых собак, надо иметь при себе такое печенье [Няньлуньдэ, 2006, с. 127].

В тунгусо-маньчжурской мифологии собака (*индахунь*) выступает в качестве стража и в потустороннем мире и является проводником душ умерших [Гимм, 1982, с. 109]. Представления о собаке как проводнике в мир мертвых существовали также у айну, жителей Меланезии и индейцев Северной и Южной Америки [Березкин, 2005, с. 183–184].

Представлением о близости собаки к нижнему миру было, возможно, обусловлено появление различных чудовищ, имеющих сходство с собакой, упомянутых в «Каталоге гор и морей».

«Собака (Тао) зеленого [цвета]. Пожирает людей, начиная с головы» [Каталог, 1977, с. 106].

Чешуйчатая собака *се* с виду как собака, но имеет чешую и щетину, как у кабана [Там же, с. 72]. По одним данным (ксилографическое издание «Шань хай

цзин» Е30) чешуей покрыто все тело, по другим (рисунок Юань Кэ) – только плечи [Терентьев-Катанский, 2004, с. 106–107].

Собака *лин* «имеет тигриные когти и панцирь» [Каталог, 1977, с. 87]. На иллюстрации она изображена чешуйчатой, как собака *се*, но на более коротких лапах [Терентьев-Катанский, 2004, с. 106]. Поедание *лин* якобы спасает от простуды [Каталог, 1977, с. 87].

Ицзи – зверь, похожий на собаку *моцюань* (собаку народа Мо). Он является предвестником пожара. У него красная морда, красные глаза и белый хвост [Там же, с. 90]. На рисунке Юань Кэ он изображен огнедышащим. В «Гу цзинь тушу цзичэн» *ицзи* изображен как собака с тигриными лапами [Терентьев-Катанский, 2004, с. 106, 108].

Собака *цунцун* имеет шесть ног [Каталог, 1977, с. 61]. Так она изображена на иллюстрации к «Шань хай цзин» (Е30) [Терентьев-Катанский, 2004, с. 108].

Рогатая собака *цзяо* имеет окраску леопарда, рога быка, лает, как собака. Ее появление предвещает богатый урожай [Каталог, 1977, с. 44]. На всех иллюстрациях она изображена одинаково – в виде пятилапой собаки с большими рогами [Терентьев-Катанский, 2004, с. 108–109].

Шаньхуэй (горный *хуэй*) – в тексте «Шань хай цзин» – собака с человеческой головой. Умеет бросать камни. Увидев человека, начинает смеяться. Быстр, как ветер. Ее появление – примета того, что поднимется сильный ветер [Каталог, 1977, с. 52]. В иллюстрации к «Шань хай цзин» (Е30) представлена как собака с головой человека. А в «Сань цай ту хуэй» – как неопределенный хищник с человеческим лицом и пышной бородой [Терентьев-Катанский, 2004, с. 110–111].

Рыба *чжи* с туловищем рыб и головой собаки. Кричит, как маленький ребенок. Съешь – излечишься от помрачения разума [Каталог, 1977, с. 52].

Также в «Шань хай цзин» упоминается животное, похожее на собаку, по имени *сибянь*, небесная лошадь – животное похожее на белую собаку с черной головой, животное *дугу* – тигр с собачьей головой, лошадиным хвостом и щетиной, как у кабана, зеленая собака *цзюнь*, собака *жу* [Там же, с. 36, 54, 56, 72, 128].

В «Эръя ту» имеется изображение собаки тигровой масти – *лицзысы* [Терентьев-Катанский, 2004, с. 108].

В Китае, согласно поздним народным представлениям, духи *гуй* (души умерших насильственной смертью или самоубийц, не захороненных на родовом кладбище) могли принимать облик пса, лисицы [Мифологический словарь, 1991, с. 165; Рифтин, 1980а, с. 340]. Призраки *яо* и *шэн* также могли принимать облик собак, по ночам они проникали в дома и непристойно ругались, о чем говорится в средневековом памятнике «Гуанси тунчжи» (см.: [Гроот, 2000, с. 30]). Обратившись в собак, совершали свои злодеяния и «черные демоны», о которых упоминается в «Истории Мин» («Мин ши», XVIII в.) Чжан Тинъю: «Если мужчины и женщины из народа спят по ночам, не укрывшись (из-за жары), существо с золотыми зрачками и длинным хвостом, похожее на лисицу или собаку, с черным облаком на спине входит в окна и проникает прямо в комнаты. Когда оно приходит, в людей вселяется ужас и страх, и весь город впадает в панику. Люди вытаскивают мечи, зажигают огни, бьют в гонги и барабаны и преследуют его, но поймать не могут. Однажды, когда император проводил аудиенцию у ворот Фэнтяньмэнь, его телохранители заметили существо и подняли шум. Император хотел было встать с гуманными и добродетельными намерениями, но существо схватило императора за одежду, после чего затихло» (цит. по: [Гроот, 2000, с. 236]). В средневековых китайских источниках встречаются и другие упоминания этих злобных существ: они якобы нападали по ночам на спящих людей и наносили им раны и даже пожирали маленьких детей (см.: [Гроот, 2000, с. 234–236]).

С представлениями о демонической сущности собак, по всей видимости, связаны и рассказы о собаках-оборотнях. Они не так многочисленны, как истории про лис, но все же достаточно часто встречаются в китайских источниках (см.: [Гань Бао, 1994, с. 157, 158, 167–168, 307–308, 432–435; Гроот, 2000, с. 93–95]). Приведем пример из «Записок о поисках духов». «При императоре Чэн-ди, в первый год его правления под девизом Хэпин чанъаньские юноши Ши Лян и Лю Инь жили вместе. В доме их поселилось некое существо, обликом напоминавшее

человека. Когда его стали бить, оно обратилось в собаку и убежало вон. Но после его изгнания к дому Ляна подошли несколько облаченных в латы человек с луками и арбалетами в руках. Лян и его домочадцы вступили с ними в сражение, кого убили, кого ранили, – оказалось, что все это собаки. Потом, между второй луной и шестой луной, распространилось собачье бешенство, что, согласно «Всеобщему устройению», знаменует непокорство указам властей» [Гань Бао, 1994, с. 167–168].

В послесловии к новелле «Весенняя прогулка по западному пруду» («Си чи чунь ю») из сунского сборника «Высокие суждения у дворцовых ворот» («Цин со гао и») Лю Фу (ок. 1020 – после 1100) собака выступает в роли помощницы лиса-оборотня (см.: [Алимов, 2008, с. 86–87]), что «перекидывает мостик» к сюжетам лисьего цикла.

Вера в собак-оборотней устойчиво сохранялась в течение долгого времени, легенды о них приводятся и в новеллах китайского классика XVII–XVIII вв. Пу Сунлина «Злая тетушка Ху», «Царица Чжэнь» [Пу Сунлин, 1973, с. 247–248, 471–472].

Таким образом, в Китае на протяжении долгого времени бытовали представления о связи собаки с миром мертвых, и это обусловило появление мифов и легенд, в которых собака выступает в роли злого, опасного для человека существа.

3.7. Собака в магии, экзорцизме и традиционной медицине

Китайские письменные источники сохранили немало сведений об использовании собак с магическими и экзорцистскими целями. Считалось, что демоны боятся собак (см., напр.: [Гань Бао, 1994, с. 420, 425]). Так как в Китае причинами болезней нередко считали проделки демонов [Гроот, 2000, с. 161–188], собаки (или их кровь, мясо, внутренние органы) широко использовались не только в магии, но и в традиционной медицине.

Наиболее ранние свидетельства подобного использования собак содержат шанские надписи на гадательных костях, упоминающие ритуал *нин* 寧, в ходе которого убивали и, по-видимому, расчленяли собаку, чтобы успокоить четыре ветра и четыре стороны света, а также защититься от болезней.

Ритуал, сходный с *нин*, описан в «Эръя» (III–II вв. до н. э.), в комментариях Го Пу к этому памятнику (IV в. н. э.) также есть упоминание о сохранении в то время обычая расчленять собаку, чтобы «остановить ветер» (*чжи фэн* 止风) [Morgan, 1974, p. 59].

Другие церемонии с использованием собак упоминаются в «Ли цзи» (I в. до н. э.) и в «Чжоу ли» (II в. до н. э.).

Одним из таких ритуалов был обряд «Большое изгнание» (*Да но*, 大儺), восходящий к ритуальным пляскам эпохи охотничьего хозяйства и основанный на тотемических представлениях, согласно которым животные-тотемы выступают покровителями родов и племен. В период перехода к производящему хозяйству за бывшими тотемами сохраняются функции покровительства и защиты, но уже применительно к сфере сельского хозяйства. Собака была одним из животных, приносившихся в жертву во время проведения этого обряда.

Во время проведения ритуала *но* для защиты от эпидемий собаку убивали и расчленяли, а ее останки закапывали перед главными воротами столицы. Обряд «Большое изгнание» упоминается в связи с земледельческими ритуалами в «Ли цзи» и в «Чжоу ли». Ритуал *но* совершался и во время похорон, сохранились его изображения на рельефах могил и храмов. Изображение священных животных – участников обряда на погребальных рельефах и их функции хранителей могил также были связаны с древними тотемистическими верованиями. К этим же представлениям восходила, по-видимому, и связь животных-тотемов с космогоническим кругом [Яншина, 1984, с. 45–48].

Впоследствии обряд вошел в конфуцианскую религию как сюжет очистительной магии и толковался как обряд космического плана. Так, согласно

«Люйши чуньцю» (III в. до н. э.), проведение этого ритуала не только изгоняет дурные влияния и вредоносные силы, но и провожает *ци* холода, зимы, силы *инь*, помогает прийти и победить теплу, силе *ян*.

Обряд проводился в столице Поздней Хань, Лояне, накануне Нового года и представлял собой торжественное шествие с пением и музыкой. В состав процессии входили люди в костюмах двенадцати мифических животных, 120 мальчиков в возрасте 10-12 лет, а также многочисленные придворные. Процессия с музыкой и пением обходила императорский дворец, после чего начинались шаманские пляски, совершавшиеся жрецом и двенадцатью «животными-духами». После пляски все присутствующие зажигали факелы и направлялись к главным воротам дворца, за которыми их дожидалась тысяча воинов-всадников. Всадники, не переступая порога, принимали горящие факелы у участников процессии и несли их к городским воротам, за которыми ждала своей очереди еще тысяча всадников. Получив факелы, они скакали к реке Лохэ и бросали горящие головни в воды. Таким образом, огонь очищал от нечисти, а вода уносила ее. Очищение императорского дворца и столицы символизировало очищение всей империи (хотя подобные обряды проводились и на местах). Предполагалось, что в новом году вся страна будет обеспечена защитой от мора, сельскохозяйственных вредителей и стихийных бедствий [Там же, с. 45–47]. Шествие с факелами символизировало ход солнца по небосводу. М. Гране и Д. Бодде трактуют данный обряд как ритуал, направленный на обновление времени, уничтожение старого и рождение нового, обновление мира. «Большое изгнание прогоняет до конца эфир (*ци*) [силы] *инь*, чтобы проложить дорогу [силе] *ян*... Большое изгнание – это [разрывание на куски] собаки и барана и разбрасывание их на четыре стороны, чтобы прогнать [ими] до конца эфир (*ци*) зимы» (см.: [Яншина, 1984, с. 48]). Такой акт разрывания на части тотемного животного имел своей целью слияние человека и тотема, человека и космоса, обновление окружающего мира в новом году (об обряде разрывания см. подробнее: [Фрейденберг, 1997, с. 65]).

Необходимо также отметить, что одним из двенадцати участников обряда «Большое изгнание» было существо Цюнци, имеющее определенное сходство с собакой. Цюнци так описывается в «Каталоге гор и морей» (III–II вв. до н. э.): «Животное, похожее на корову, но с иглами, как у ежа. [Его] зовут Цюнци. [Оно] лает, как собака. Пожирает людей» [Каталог, 1977, с. 48]. Имеется и другое описание этого животного: «Цюнци похож на тигра, но с крыльями. Пожирает людей, начиная с головы, шерсть тогда встает дыбом. [Он] живет к северу от собаки (Тао). Иные говорят: [начинает пожирать] с ног» [Там же, с. 106]. Цюнци также упоминается в разделе «Записи о ритуале» («Ли и чжи») «Хоу Хань шу»: «Цюнци, Тэнгэнь пожирают нечисть» (цит. по: [Чэнь Чжицзянь, 2008а, с. 7]). Различные описания этого персонажа, по всей видимости, отражают разные традиции. Цюнци был одним из зооморфных богов, чей культ восходит к тотему. Участие Цюнци в обряде, происходившем от охотничьих ритуальных плясок, в которых животные-тотемы выступали как покровители рода и племени, свидетельствует о древности его образа. О том же говорит и каннибализм Цюнци. Возможно, когда-то ему приносились человеческие жертвы [Каталог, 1977, с. 195–196, прим. 7]. Цюнци был одиннадцатым духом ритуала «Большое изгнание», что согласуется с восточноазиатским зодиаком, в котором 11-м животным является собака [Eberhard, 1968, p. 328].

В ритуале *ба 𨔵*, который проводили, чтобы отогнать злые силы, требовалось личное участие императора, который должен был переехать собаку на своей колеснице. Анализ иероглифа *ба 𨔵* поясняет, как проходила церемоний. Иероглиф состоит из двух элементов 車 слева – «повозка, телега» и 𨔵 справа, который изначально обозначал животное со связанными ногами. Обязанностью специальных чиновников было поставлять для этой церемонии собак определенного окраса без каких-либо дефектов [Morgan, 1974, p. 60].

Своеобразным решением дилеммы восприятия собаки как воплощения злых духов и защитника от оных можно считать рассказ в «Ши цзи» об одном из

циньских ритуалов. Там сообщается, что на 2-м году правления циньского Дэ-гуна (676 г. до н. э.) «впервые [установили периоды] *фу* и использовали собак для защиты от ядовитых насекомых» [Сыма Цянь, 1975, с. 226; 1984, с. 112]. В комментариях по этому поводу сказано, что «по верованиям того времени, собаки представляли светлое начало – ян, способное преодолеть действие темных сил. Собак убивали, разрезали, растягивали и прибивали их шкуры на воротах и дверях, отгоняя ядовитых гадин. До последнего времени в Китае сохранялся обычай в жаркое время года на воротах и дверях для борьбы с вредными насекомыми развешивать пахучие травы – чанпу, что, вероятно, было отголоском древних обычаев» [Сыма Цянь, 1975, с. 297–298]. В разделе «Трактаты» в составе «Исторических записок» (глава «Фэн-шань шу») уточняется, что Дэ-гун «установил жертвы [в периоды] *фу*, тогда разрывали на части собак, [развешивая куски их] на четырех воротах для защиты от ядовитых насекомых и всякой нечисти» [Сыма Цянь, 1986, с. 156]. Такой способ жертвоприношения, видимо, восходит к архаичным ритуалам, описанным выше. Отметим, во-первых, что данный ритуал связан с календарными, то есть в конечном счете с небесными (солярно-лунарно-астральными) обрядами. Во-вторых, собаку жестоко убивали (пытали) в наказание за зло и, в то же время, преподносили как искупительную жертву с целью изгнания злых сил и торжества добра.

О схожем обряде говорится в памятнике «Толкование нравов и обычаев («Фэнсу тунъи») Ин Шао (II в. н. э.): «В наши дни люди по-прежнему исполняют этот ритуал, когда убивают белых собак и мажут их кровью ворота и двери своих домов или когда в первом месяце наступившего года с помощью крови белых собак стараются уберечь свои жилища от беды». Возможно, к таким защитным мерам прибегали для борьбы с собаками-оборотнями, потому что в том же сочинении сказано: “В этом мире собаки часто перевоплощаются в иные формы и превращаются в демонов; тогда собак убивают и вымазывают ворота домов их кровью, дабы показать демонам, что всех их ждет такая же участь, если они будут вредить людям”» (цит. по: [Гроот, 2001, с. 93]).

В «Жизнеописании Хуа То» в «Истории Поздней Хань» («Хоу Хань шу») Фань Е (V в.) приводится следующая история: «У Лю Сюня из Ланье, занимавшего пост губернатора Хэнэя, была дочь двадцати лет. На левом колене у нее была язва, которая не приносила страданий; однако если ее излечивали, она неизменно появлялась вновь по прошествии нескольких десятков дней. Так продолжалось в течение семи или восьми лет, пока, наконец, отец не решил пригласить Хуа То. «Больную излечить легко, – сказал лекарь. – Мне понадобится собака со шкурой желтого, как солома, цвета и два добрых коня». Он привязал собаку к шее лошади, пустил ее галопом, а потом, когда лошадь притомилась, заменил ее на другую. Когда лошади протаскали за собой собаку в общей сложности более тридцати *ли*, она уже не могла двигаться от изнеможения. Тем не менее, Хуа То потребовал, чтобы теперь уже люди протаскали ее за собой еще пятьдесят *ли*. Затем лекарь дал девушке лекарство, и она упала без чувств. Тогда Хуа То огромным ножом вспорол собаке брюхо у задних лап и бросил собаку в двух-трех *чи* от открывшейся язвы. И тут из язвы вылезло существо, напоминающее змею. Тогда Хуа То схватил молоток и вбил гвоздь в голову чудовища – какое-то время оно продолжало извиваться, но потом затихло. Только тогда он смог измерить змею – она оказалась длиной в три *чи*, покрытой чешуей, а в глазах у нее не было зрачков. Хуа То еще семь дней смазывал язву мазями, и она исчезла» (цит. по: [Гроот, 2001, с. 93–94]).

Собачья кровь широко использовалась в медицинской и экзорцистской практике. Гэ Хун, например, дает в книге «Рецепты под рукой на случай необходимости» («Чжоу хоу бэй цзи фан», IV в.) такой рецепт для борьбы с «ударами призраков»: «Обезглавьте белую собаку и дайте больному выпить один *шэн* горячей крови». Ли Шичжэнь в «Бэнь цао ганму» (кон. XVI в.) пишет, что собачьей кровью можно вылечить «катар, лихорадку, сумасшествие, избавить человека от кошмарных видений и ударов призраков и вообще отвратить всех демонов; лекари считают собаку хорошим средством для борьбы с демонами земли и приписывают ей способность оберегать человека от призраков и всевозможного

колдовства». Польза от желтых, черных и белых собак различна (см.: [Гроот, 2001, с. 94–95]).

Подобные практики были известны и киданям. В «Истории пяти династий» («У дай ши», 973 г.) Сюэ Цзюйчжэна рассказывается, что когда Дэгуан, или Тайцзун, правитель киданей, взял Кайфэн, он «вошел в цзиньский дворец, а воины его заняли все ворота, и тогда на всех воротах и боковых галереях, в залах и во дворах начали вывешивать шкуры забитых собак, чтобы победить зло» (цит. по: [Гроот, 2001, с. 95]).

Собачью кровь использовали, кроме того, для борьбы с черными магами. Так, одного колдуна, умевшего становиться невидимым, заставили явить свой истинный облик именно при помощи крови собаки. Она же помогает разоблачать оборотней и тем самым лишать их могущества [Гроот, 2000, с. 315].

В классическом романе «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна один из персонажей Чжу Цзунь предлагает для борьбы с колдуном Чжан Бао, который превращал бумажных солдат и соломенных коней в настоящих, применить следующий способ: «Завтра мы зарежем свиней, собак и баранов, соберем их кровь и устроим засаду в горах. Как только мятежники станут нас преследовать, мы обрызгаем их кровью, и все их волшебство потеряет силу». Это позволило развеять чары Чжан Бао и помогло Лю Бюю, Гуань Юю и Чжан Фэю одержать над ним победу [Ло Гуаньчжун, 1954, с. 27].

Собачья кровь сама по себе и как один из ингредиентов средства против колдунов и нечисти упоминается в повести XVII в. «Разоблачение божества» (в другом переводе – «Сапог бога Эр-лана»), новеллах Пу Сунлина «Чародейка Ляньсян», «Искусство наваждений», «Царевна заоблачных плющей» (см.: [Разоблачение, 1977; Пу Сунлин, 1973]).

Представления о магических свойствах сохранялись достаточно долго. Мучители французского католического миссионера отца Пербуара, погибшего в 1840 г. во время гонений на христиан в пров. Хубэй, заставили его выпить кровь

собаки, видимо, пытаюсь выяснить, какие силы позволили ему выдержать пытки [Гроот, 2000, с. 95].

Экскременты собаки также считались волшебным снадобьем. В «Хань Фэй-цзы» рассказывается о том, как один человек мылся собачьими экскрементами, чтобы изгнать демонов, вселившихся в него (см.: [Eberhard, 1968, p. 462]). Об этом же свидетельствует один из эпизодов мифа о Шуне. Когда родители и старший брат Шуня в очередной раз замыслили погубить его, он по совету жен умылся зельем, одним из компонентов которого был собачий кал. После этого козни родственников стали для него не страшны [Юань Кэ, 1987, с. 134].

Считается, что мясо собак полезно для укрепления энергии *ян* – мужской, горячей, экстравертивной составляющей человеческой природы – в противовес женской, холодной, интровертивной *инь*. Так, многие китайцы верят, что собачье мясо спасает от болезней, вызванных холодом, поэтому потребление этого продукта возрастает зимой. Кроме того, существует поверье, что употребление мяса собак способствует повышению потенции и обеспечивает появление сыновей. Поэтому основными потребителями собачьего мяса являются мужчины. В раннесредневековом¹⁰ трактате «Наставления о любви учителя Дун Сюаня» («Дунсюань-цзы») дается рецепт снадобья для увеличения пениса, одним из ингредиентов которого была вытяжка из печени белой собаки, убитой в первую луну (см. [Гулик, 2006, с. 205]). Другой способ достижения этой же цели приводится в романе Ли Юя (1611–1679) «Подстилка из плоти» («Жоу путуань»): главный герой подвергается операции по пересадке фрагментов собачьего полового органа в возбужденном состоянии [Ли Юй, 1995, с. 65]¹¹.

¹⁰ Точная дата создания данного сочинения неизвестна, впервые оно упоминается в библиографическом разделе «Истории Тан» («Ган шу»). А. Масперо отождествлял автора трактата с жившим в VII в. врачом Ли Дунсюанем [Гулик, 2006, с. 190].

¹¹ Ассоциация собаки с мужским началом не является уникальной чертой китайской культуры, а принадлежит, по-видимому, к числу базовых архетипов человеческого сознания. Психолог В. Е. Орел [2008, с. 49–50] приводит результаты исследования, в ходе которого 800 людям было предложено нарисовать любое реальное животное, с

В настоящее время мясо и различные внутренние органы собаки используются в традиционной китайской медицине как лекарственные средства при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, почек, половых расстройствах, анемии, тошноте, рвоте, головокружении, обмороках, учащенном сердцебиении, шуме в ушах, общей слабости, неврастении, ревматизме, переломах костей, обморожении, боли в пояснице и т. д. [Цзяньмин, 2002, с. 310–317].

В обрядах защитной магии использовались различные изображения собак. На территории провинции Хубэй дети на 5-й день 5-го месяца дети делали маленькие фигурки людей и собак и носили их с собой в течение всего дня в небольшой сумке. В конце дня они бросали эти фигурки в воду. Таким образом, злые силы должны были быть унесены вместе с водой [Eberhard, 1968, p. 158–159].

В г. Ханчжоу пров. Чжэцзян существует традиционное блюдо *Цинмин гоу*, которое представляет собой маленькие фигурки собак, вылепленные из теста на основе муки из клейкого риса. Их делали каждый год на праздник Цинмин, вешались во дворе и снимались, когда приходил сезон «начало лета» (5-6 мая), когда рисовые фигурки собак варили вместе с цветами горчицы и давали есть детям, чтобы защитить их от болезней [Няньлуньдэ, 2006, с. 127].

Среди маньчжуров, эвенков и других народов соломенные фигурки собак использовались в жертвоприношениях после смерти одного из членов семьи. Эвенки, кроме того, стреляли в фигурки собак, сделанные из травы, для удачной охоты [Лукина, 1983, с. 231]. Что касается собственно китайских (ханьских) обычаев, то существует рассказ о знахаре, который лечил своих пациентов с помощью коврика из травы и соломенных фигурок собак, которым он потом поклонялся, встав лицом к северу. Этот обряд связан с фигурками собак из соломы – *чу гоу* 芻狗, которые получили известность, так как были упомянуты Лао-цзы в «Дао дэ цзин»: «Небо и Земля не обладают человечностью, для них вся тьма вещей

которым они себя ассоциируют. Анализ рисунков показал, что мужчины преимущественно идентифицируют себя с собакой или лошадью, а женщины – с кошкой.

– что соломенные собаки. Премудрый человек не обладает человечностью, для него все люди – что соломенные собаки» [Дао дэ цзин, 2003, с. 119]. Эти фигурки использовались при жертвоприношениях и выбрасывались по окончании церемонии. Согласно «Ли цзи» соломенные фигурки использовались с незапамятных времен, но в отличие от многих других источников «Ли цзи» не указывает на то, что эти фигурки изображали собак. «Хуайнань-цзы» поясняет: «Соломенные собаки и глиняные драконы (для вызывания дождя) после изготовления раскрашивались в синий и желтый цвета, заворачивались в шелк и перевязывались красной нитью, и эти «глиняные драконы – против засухи, а соломенные собаки – против эпидемий» (цит. по: [Eberhard, 1968, р. 462]). Их клали в специальные ларцы и обертывали расшитой тканью, а после использования их выбрасывали и никогда больше ими не пользовались. Согласно «Лунь хэн» (I в.) Ван Чуна, соломенные фигурки собак использовались во время похорон, а по «Вэй чжи» (III в.), они использовались во время жертвоприношений, а после этого выбрасывались под колеса повозкам и, в конце концов, использовались в качестве топлива (см.: [Eberhard, 1968, р. 462–463]).

У монголов в древности существовал обряд стрельбы в соломенных собак с молитвами о богатстве и избавлении от несчастий во время одного из праздников в конце 1-го месяца по лунному календарю. Из пучков рисовой соломы делали фигурки собак и стреляли в них из лука [Няньлуньдэ, 2006, с. 125; Eberhard, 1968, р. 465].

Фигурки собак, таким образом, использовались в двух целях: чтобы изгонять демонов, вызывающих болезни, и чтобы защищать умершего от демонов нижнего мира. Фигурки, защищавшие от болезней, могли использоваться лишь один раз, потому что считалось, что собака берет болезнь на себя [Eberhard, 1968, р. 461–463].

Собака занимала значимое положение в мировоззрении населения п-ова Лэйчжоу, который находится на юге Китая, в западной части пров. Гуандун. В древности эту территорию населяли племена *лоюэ* (*лаквьет*), которые поклонялись

солнцу, грому и собаке в качестве тотема. Не случайно собака является одним из основных персонажей наскальных росписей в бассейне р. Цзоцзян в Гуанси-Чжуанском АР [Ван Кэжун, Цю Чжунлунь, Чэнь Юаньчжан. 1988, с. 197].

В эпоху Цинь-Хань в район Лэйчжоу переселилось одно из маньских племен, возводящее свое происхождение к псу Паньху, почитание которого сохраняется у современных яо, мяо и шэ. Есть данные о том, что некоторые из мяоских родов поклонялись собаке, изображение которой стояло в специальном храме и ему приносили кровавые (в том числе человеческие) жертвы¹².

Чуть позднее, но также в эпоху Хань началось проникновение в регион китайского населения, усилившееся в связи со строительством портов и открытием морского Шелкового пути [Лэйчжоу, 2012, с. 3; Лян Чжипэн, 2008, с. 3; Чэнь Чжицзянь, 2008а, с. 5–6]. Таким образом, в данном районе постепенно складывалась специфическая гетерогенная культура, объединявшая как автохтонные (южные), так и заимствованные (ханьские) компоненты. Одним из примеров такого культурного взаимодействия служит традиция создания скульптурных изображений, известных как «лэйчжоуские каменные собаки».

Наиболее концентрировано каменные скульптуры собак расположены на территории городского округа Чжаньцзян, пров. Гуандун: в городском уезде Лэйчжоу, уездах Сюйвэнь и Суйси, районах Мачжан, Чикань, Сяшань, Потоу, а также в юго-восточной части городского уезда Ляньцзян, всего более 10 тыс. фигур. В коллекциях музеев Чжаньцзяна насчитывается более 1300 статуй, из них 844 – в собрании музея Лэйчжоу, а на территории городского уезда Лэйчжоу выявлено 1376 изваяний (прил. 2, рис. 56–58)¹³. Подобные скульптуры

¹² Дж. Генри Грэй [2006, с. 564] писал о том, что у шуй-цзя-мяо «есть большой храм, где стоит идол в виде собаки», и ежегодно «богатые члены племени устраивают для своих более бедных собратьев пир в честь человека, избранного для того, чтобы его принесли в жертву на алтаре бога-собаки, за что его семье выплачивают деньги. В конце пира жертву, допьяна напившуюся вина, убивают перед идолом», что должно защитить всех его соплеменников от чумы, голода, вооруженного нападения. Впрочем, в этом свидетельстве, возможно, преобладает негодование миссионера против языческих обрядов.

¹³ В ходе научной командировки в ноябре 2013 г. автору удалось ознакомиться с коллекциями скульптур из музеев Чжаньцзяна и Лэйчжоу. Автор благодарит директора Центра изучения археологии и искусства Китая

распространены также по всему побережью залива Бакбо – в пров. Гундун, Гуанси-Чжуанском АР, пров. Хайнань и в северной части Вьетнама, а кроме того, в пров. Юньнань и, возможно, в Сингапуре¹⁴. Статуи устанавливались у ворот домов, у входа в храмы, на въезде в города и деревни, на перекрестках, на мостах, у плотин, возле колодцев, в специальных нишах в стенах домов, на полях, в садах, на горных склонах, по берегам рек и на морском побережье, на кладбищах [Лэйчжоу, 2012; Чэнь Чжицзянь, 2008а, с. 5].

Все статуи высечены из особого лэйчжоуского базальта. Нам известна лишь одна современная статуя, изготовленная из металла. Внешний облик и размер изваяний могут сильно различаться. Самые крупные статуи в высоту достигают 1,5 м, их вес составляет около 800 кг, размеры самых мелких скульптур не превышают 10 см, вес составляет примерно 0,5 кг, в основном же габариты статуй соответствуют размерам домашних собак. Как правило, фигуры высечены из камня вместе с невысокими подставками. Статуи могли устанавливать на специальные каменные или кирпичные постаменты в виде колонны высотой от 0,5 до 5 м. Животные показаны в различных позах: стоя, сидя или лежа (прил. 2, рис. 56–58). Самки могли изображаться вместе с одним или двумя щенками (прил. 2, рис. 59). Есть скульптуры сидящих собак, наступающих передними лапами на змею. Кроме того, собаки могли иметь различные атрибуты: помпон из шелковых ниток (*сюцю*), изображение восьми триграмм (*ба гуа*), рыболовную сеть, каменный барабан, тыкву-горлянку, медную монету или связку монет, свитки с буддийскими сутрами, даосские таблички с заклинаниями и т. д. На спине могло изображаться зеркало, отпугивающее нечистую силу (*чжаоюэцзин*) (прил. 2, рис. 60). На шее, как правило,

Китайского университета Гонконга профессора Тан Чуна, директора Института археологии и памятников материальной культуры пров. Гуандун Цю Личжэна, директора Музея Чжаньцзяна Чжун Ин, а также сотрудников музеев Чжаньцзяна и Лэйчжоу за консультации и помощь.

¹⁴ Сообщения о том, что каменные статуи собак распространены в Сингапуре и других странах Юго-Восточной Азии, где есть китайские диаспоры, встречались нам только в интернет-источниках. См., напр.: [Лэйчжоу, б. г.].

изображался бубенчик, который нередко имел форму персика – символа долголетия и бессмертия (прил. 2, рис. 61). Иногда животное изображалось с шейным платком или поясом.

Китайские исследователи выделяют различные «породы» каменных собак. По их мнению, в скульптурах можно узнать охотничьих собак, мопсов, шарпеев, овчарок. Встречаются изображения собак с тремя головами или тремя мордами. Хвост животного мог быть оформлен в виде якоря, четырехгранного кистеня, хвоста скорпиона, даосской мухогонки. У многих скульптур подчеркнуто крупно изображены репродуктивные органы (прил. 2, рис. 62).

Некоторые статуи выполнены реалистично (прил. 2, рис. 63). Другие же лишь весьма условно можно назвать изображениями собак, скорее они напоминают обезьян, медведей, тигров, львов, кошек, лягушек или имеют отдельные признаки этих животных. Скульптуры могут иметь и антропоморфные черты: например, тело собаки, а лицо человека (прил. 2, рис. 64). Однако на п-ове Лэйчжоу все каменные зооморфные и зооантропоморфные изваяния носят название «каменные собаки». Традиция совмещения в одном образе черт различных животных, животного и человека восходит к древним тотемистическим верованиям.

Тела собак покрыты разнообразными орнаментами, зачастую имеющими благопожелательное значение: треугольники, свастики, хризантемы, лотосы, листья банана, персики, якоря, восемь триграмм (*ба гуа*), узоры в виде черепашьего панциря, хвоста феникса и медных монет и др. Кроме того, на статуях могли быть выгравированы надписи: «Тайшань» (泰山)¹⁵, «великий государь» (大王), «император» (皇) (прил. 2, рис. 65), «ван» (王), «править и усмирять» (敕镇),

¹⁵ Гора Тайшань на п-ове Шаньдун – один из «пяти священны пиков» китайской мифологии. Божество горы Тайшань в поздней народной мифологии – владыка подземного мира, божество рождения и смерти, во власти которого находятся судьбы людей [Рифтин, 2007д.].

«охранять горы» (镇山), «камень, отвращающий зло» (石敢当)¹⁶, «высочайшим повелением [установленный] камень, отвращающий зло» (敕令石敢当 / 敕石敢当), «цилиндр здесь» (麒麟在此), «радость» (喜), «счастье» (吉), «долголетие» (寿) и т. д. [Лэйчжоу, 2012; Чэнь Чжицзянь, 2007, с. 6; Чэнь Чжицзянь, 2008б, с. 7–9]. Иероглиф «ван» (王) чаще всего вырезали на лбу собаки, подобно тому, как в других районах Китая этот знак помещали на лбу тигра – царя зверей и грозы демонов [Васильев, 2001, с. 409].

Часто тела собак покрыты узором в виде волют, который мог изображать завитки шерсти или мускулатуру животного, что напоминает изображения звериного стиля (прил. 2, рис. 66). Китайские ученые называют такой узор «орнаментом облаков и молнии» (*юнь-лэй вэнь* 云雷纹). Это традиционный орнамент юэских народов, связанный с тотемистическим почитанием грома. Данный орнамент встречается на бронзовых барабанах, а также на местных петроглифах. Украшение статуй этим узором может объясняться представлением о связи с собакой с божеством грома [Чэнь Чжицзянь, 2008б, с. 6].

На многих скульптурах рельефно показан позвоночник, вдоль которого с обеих сторон идет орнамент в виде перпендикулярных прямых или волнистых линий, волют, треугольников, петель и т. д. (прил. 2, рис. 67). Этот узор также мог обозначать шерсть собаки или же позвоночные отростки или ребра, как у изображений, выполненных в «скелетном» стиле. У китайских исследователей этот орнамент получил название «прожилки листа» (*емай вэнь* 叶脉纹). На поздних, цинских, скульптурах вместо позвоночника нередко изображалась коса – традиционная прическа того времени (прил. 2, рис. 68).

Статуи могли раскрашивать или покрывать черным лаком. В некоторых деревнях и поселках до сих пор принято ежегодно обновлять краску или лак.

¹⁶ Ши-гань-дан – «камень, дерзающий противостоять». Камни с такой надписью или с надписью «Тайшань» клали у входа в дом или переулок, около мостов для защиты от злых духов [Попов, 2007].

Статуи могли быть раскрашены целиком (в настоящее время чаще всего используется желтая краска), или же раскрашивалась только морда (прил. 2, рис. 69, 70). На шее собак повязывают красную нитку, одну или несколько красных лент, красный шарф или бант, голову украшают красным платком.

Облик изваяний определялся их функциональным назначением. Жители полуострова разделяли каменных собак на «военных» (武相石狗) и «гражданских» (文相石狗). К первой категории относились статуи, изгоняющие нечисть (духи-хранители дверей, деревень, городов и т.п.) и статуи, «поддерживающие буддийское учение». Ко второй – управители ветра и дождя, божества, отвечающие за плодородие, деторождение, богатство и долголетие [Лэйчжоу, 2012].

Вероятно, изначально создание каменных собак было обусловлено почитанием этого животного как тотема. Впоследствии тотемистическое почитание собаки развилось в представление о божестве плодородия, приносящем сыновей. С этими представлениями связано изготовление скульптур взрослых собак со щенками, а также собак с укрупненными половыми органами. К таким статуям обращались (и, видимо, до сих пор обращаются) с просьбами о рождении детей, сохранении их здоровья и благополучия. Чтобы защитить ребенка от злых сил, ему давали имя Гоу-цзы (Собачий сын), Гоуцзай (Щенок), Гоу-дань (Собачье яйцо), Гоу-ва (Собачья кукла), Гоу-шэн (Рожденный собакой), Гоу-бао (Вскормленный собакой), Ни-гоу (Любимая собака). Этот обычай известен с древности и распространен до сих пор. Так, уменьшительное имя ханьского поэта Сыма Сянжу (179–117 гг. до н. э.) было Цюаньцзы (Собачий сын). Кроме того, в древности на территории провинции Чжэцзян существовал обычай «сидения в собачьей конуре», связанный с защитой детей от злых сил. После рождения ребенка родственники надевали на него старую одежду и клали его в собачью будку. С этой же целью в настоящее время на юге Китая на маленьких детей надевают особые «щенячьи шапочки» (*гоуцзай мао* 狗仔帽) [Лэйчжоу, 2012, с. 3; Няньлуньдэ, 2006, с. 95, 99, 125].

Как божество плодородия, собака могла определять погоду. Именно этим объясняется ее связь с богом грома, которая воплотилось в оформлении статуй узором «облаков и молнии». В центральных районах Китая с молитвами о дожде обычно обращались к драконам¹⁷, в Лэйчжоу же эти просьбы были обращены к каменным собакам. Еще в первой пол. XX в. в случае засухи организовывались шествия с каменными фигурами собак с молитвами о дожде. Большая часть таких обрядов проводилась на лэйчжоуском «Склоне каменных собак» (*Ши гоу по*), число участников достигало 2–3 тыс. человек [Няньлундэ, 2006, с. 96]. Подобные церемонии, хотя и с меньшим размахом, проводятся в сельской местности и в настоящее время.

Следующий этап в развитии образа собаки характеризуется возникновением, возможно, под влиянием мигрировавшего с севера китайского населения, представления о том, что каменные изваяния могут охранять от нечисти дома, могилы, различные сооружения и населенные пункты в целом. Появляются достаточно крупные скульптуры собак со свирепо оскаленной пастью. Функцию оберегов выполняли и трехликие скульптуры. Ролью каменных собак как охранников обусловлено появление таких даосских атрибутов, как мухогонка, таблички с заклинаниями, зеркало, отпугивающее нечисть, гравировки «Тайшань», «камень, устраняющий зло» и других амулетов защитной магии. В наши дни перед статуями иногда ставят обычные зеркала, которые, видимо, также призваны отпугивать злых духов и усиливать магическое воздействие изваяний.

Сильное влияние на традицию лэйчжоуских каменных собак оказало буддийское изобразительное искусство в целом и образ льва в частности. Некоторые скульптуры совершенно неотличимы от статуй львов, более распространенных на севере Китая. Не исключено, впрочем, и влияние образа собаки на иконографию льва в Китае. Распространением буддизма объясняется

¹⁷ Я. В. Чеснов упоминает древнекитайский обряд вызывания дождя, во время которого в носилках носили большую собаку в человеческой одежде [Чеснов, 1976, с. 168].

использование в орнаментике свастика, изображений лотосов и листьев банана, изображение собак, держащих в лапах свитки с сутрами, и само выделение категории каменных собак, «поддерживающих буддийское учение».

Наиболее поздним стадияльно, по-видимому, является представление о собаках как божествах, дарующих счастье, богатство и долголетие, с чем связано распространение различных благопожелательных орнаментов, изображений персиков, монет, иероглифов «долголетие», «счастье» и т.д.

Необходимо также выделить изображения собак с атрибутами рыболовного или мореходного дела (рыбацкая сеть, якорь). Создание таких скульптур объясняется географическими и экономическими факторами.

Однако построение даже относительной хронологии и общей периодизации представляется крайне затруднительным, поскольку не решена проблема датирования лэйчжоуских каменных собак. По мнению китайских исследователей, наиболее ранние скульптуры можно отнести к доциньскому периоду (до III в. до н. э.). Однако достоверно подтверждены датировки не ранее эпохи Тан. Так, известно, что пара каменных собак была установлена перед храмом Лэй-цзу, строительство которого начато в 16-й год Чжэньгуань (642 г.) [Чэнь Чжицзянь, 2008а, с. 8–10; Он же, 2008б, с. 8].

Изготовление скульптур собак, их почитание как защитников, чадоподателей, управителей погоды продолжается в наши дни [Ли Бо и др., 2013]. Скульптуры собак величаются как Почтенный господин (*Гунфу* 公父), Господин Каменная собака (*Шигоу-гун* 石狗公), Великий наставник (*Тай-ши* 太师爷)¹⁸, Господин горы Тайшань (*Тайшань-гун* 泰山公), Князь горы Тайшань (*Тайшань-*

¹⁸ В честь Цзян тайгуна (Цзян Цзя) – легендарного советника основателя династии Чжоу Вэнь-вана. В народных верованиях средневекового Китая Цзян тайгун считался могущественным магом, заклинателем злых духов, а также покровителем рыбаков [Рифтин, Кобзев, 2007е].

хоуван 泰山侯王), Вэньцзюй-син (文曲星)¹⁹ [Чэнь Чжицзянь, 2007, с. 7–9]. Местные жители регулярно обновляют краску и лак на статуях, строят колонны-постаменты и специальные помещения для скульптур. Так, в дер. Ганьюаньцунь на о-ве Наочжоу для каменной скульптуры собаки недавно выстроена кумирня, над входом в которую помещена надпись: «Защити моих детей и внуков» (保我子孙). Также вход украшают две парные надписи: «Дни, когда природа изобильна и народ благоденствует, годы, когда ветер мягок и дожди благоприятны» (物阜民安日, 风调雨顺年) и «Обеспечивать защиту всей страны, поддерживать благополучие круглый год» (作一方之保障, 佑四序以平安) [Чэнь Чжицзянь, 2007, с. 10]. Перед некоторыми статуями устанавливают столики для курений и чая. В праздники годового цикла скульптурам подносят чай, возжигают курения, украшают статуи красными лентами. В некоторых районах старики в 1-й и 15-й дни 1-го лунного месяца приносят к каменным статуям собак три пиалы бататового супа или три пиалы риса с куском свинины. Широко распространены предания и суеверия, связанные с каменными собаками: вера в то, что статуи могут предсказывать наводнения, наказывать тех, кто пытается их разрушить и т. д. [Няньлундэ, 2006, с. 93–95; Чэнь Чжицзянь, 2007, с. 9–10].

По-видимому, истоки обычая изготовления каменных фигур собак связаны с тотемным почитанием этого животного и восходят к аустроазитской мифологической традиции, однако впоследствии внешний вид и функции статуй трансформировались под влиянием китайской (ханьской) традиционной культуры.

Таким образом, можно сказать, что собака в различных магических обрядах народов Китая предстает, прежде всего, в образе защитника от злых сил. Однако она могла использоваться и в ритуалах черной магии. Согласно китайским верованиям, непременным атрибутом каждого злого колдуна был *гу* – горшок с

¹⁹ Вэньцзюй-син (Вэньчан-син) – божество-покровитель литературы, науки и просвещения, а также созвездие, являющееся его обителью [Рифтин, 2007а].

рептилиями и насекомыми, аналог котла европейских ведьм. По поверьям, вредоносные рептилии и насекомые *су* могли для своих темных дел принимать обличье других животных, в том числе и собак [Гроот, 2000, с. 84]. Кости собак и других животных использовались в черной магии для вызывания духов этих животных [Там же, с. 329].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило установить, что на территории Китая domestикация собаки датируется, как минимум, периодом ок. 10 тыс. л. н. Данные генетики позволяют предполагать, что районы южного Китая были регионом первичной domestикации собаки.

Собака являлась важным в хозяйственном отношении животным и служила источником белковой пищи. Традиция употребления в пищу мяса собак, зародившаяся в неолитических культурах Китая, сохраняется на протяжении многих лет вплоть до настоящего времени. Поедание собачьего мяса обусловлено представлениями о его целебных и магических свойствах. У отдельных народов (мяо, яо, шэ и некоторых других) существует табу на употребление в пищу собачатины, связанное с почитанием собаки как тотемного животного. Ее мясо, кровь и внутренние органы до сих пор находят широкое применение в традиционной китайской медицине.

Археологические находки (захоронения собак в могилах людей, жертвенных ямах и вблизи жертвенников, различные изображения собак) свидетельствуют о существовании с эпохи среднего неолита религиозно-мифологических представлений, в которых важную роль играла собака. Это же подтверждается данными эпиграфических и письменных источников. В неолите формируются основные способы использования собаки в ритуальной практике: 1) сопроводительное захоронение собаки; 2) жертвоприношения собак, связанные с погребальными или поминальными обрядами; 3) собака как строительная жертва.

Обычай захоронения собак в *яокэнах* и других частях погребения, наибольшее распространение которого приходится на эпоху Шан-Инь, вероятно, обусловлен существованием представлений о собаке как медиаторе между мирами, проводнике в загробный мир и защитнике от злых сил. Собака была одним из основных жертвенных животных в Шан, использовалась в жертвоприношениях духам предков, божеству земли *шэ*, Небу, Ветру, сторонам света, в качестве

строительной жертвы и т.д. На формирование ее образа в духовной культуре древнего населения Китая оказывали влияние различные факторы: тотемистические и анимистические верования, почитание как первого домашнего и наиболее близкого человеку животного. Образ собаки был сложным уже в своем генезисе, что повлияло на дальнейшее развитие мифологических представлений об этом животном.

Многие мифы о собаке, распространенные у народов Китая, восходят к глубокой древности. В них собака выступала в роли первопредка и культурного героя. В настоящее время эти представления лучше всего сохранились у яо, мяо и шэ, у которых вера в происхождение от пса Паньху сформировала его культ и оказала серьезное влияние на повседневную жизнь этих народов. Именно верования мяо-яоских народов оказали влияние на формирование общекитайской мифологии, прежде всего, в области космогонии, примером чего может послужить синкретический образ первопредка Паньгу.

В мифологии многих народов собака выступает в роли культурного героя и чудесного помощника и защитника человека. Кроме того, с глубокой древности собака считалась животным, связанным с нижним миром, миром мертвых. Такие представления характерны для многих культур мира. Их существование объясняется, с одной стороны, естественной некрофагией собак. С другой стороны, идея о связи собаки с загробным миром может восходить к почитанию собаки как тотемного животного. Собака оказывается первой в ряду предков коллектива людей и, таким образом, помещается в мире усопших предков. Считается, что тотемное животное служит покровителем своим «потомкам», может помогать в охоте, обеспечивать продовольствием. Именно этим обусловлено, на наш взгляд, появление мифов о собаке, приносящей рис, обычая обращаться к ней с молитвами об обильном урожае и т. п. Таким образом, собака оказывается сопричастна силам плодородия и жизни. Распространенный мотив путешествия по воде, упоминания о близости собаки к таким «водным» животным, как рыба и дракон, указывает на связь с водной стихией, с живительной влагой, необходимой для созревания

урожая. Кроме того, собака, возможно, имела отношение и к стихии земли, напрямую связанной с плодородием, о чем свидетельствует обычай приношения собак в жертву божеству земли, существовавший в эпоху Шан-Инь. Связь со стихией земли могла быть обусловлена и представлением о принадлежности собаки к подземному миру мертвых. Известно, что «смерть в сознании первобытного общества является рождающим началом; земля-преисподняя есть земля-мать, из которой рождаются не одни растения, но животные и люди» [Фрейдберг, 1997, с. 63]. Так, по нашему мнению, можно объяснить существование связи между культом плодородия и культом предков, характерной для многих древних культур.

Несколько особняком стоят мифы о Небесной Собаке, в которых она предстает как астральный персонаж, олицетворяющий огненное начало, что противоречит некоторым другим мифологическим сюжетам, связывающим собаку со стихией воды. Это противоречие, возможно, свидетельствует о разном происхождении мифов о Небесной Собаке и мифов о собаке как первопредке, культурном герое, божестве плодородия и помощнике героев. В то же время, эти две традиции нередко смешивались, и Небесная собака могла предстать в качестве культурного героя и персонажа, связанного с силами плодородия.

С древнейших времен собаки использовались в различных магических ритуалах. В магии широко применялись кровь и экскременты собак, а также изображения этого животного. Обряды были направлены, прежде всего, на спасение от злых сил, что может быть связано с представлениями о собаке как защитнике и волшебном помощнике человека. В то же время, собака использовалась в черной магии, что объясняется местом, отводимым этому животному в мире мертвых.

Все сказанное выше говорит о сложном генезисе образа собаки и объясняет амбивалентное отношение к ней, сформировавшееся в традиционной китайской культуре. С одной стороны, собака как падальщик воспринималась как злое и опасное животное, связанное с миром мертвых; с другой стороны, собака, будучи

первым одомашненным животным, защитником и помощником человека, в мифах выполняла задачи, сходные со своими функциями в реальной жизни (выступала в роли чудесного помощника, защитника и т. п.).

Говоря о **перспективах исследования**, можно выделить несколько возможных направлений.

1. Расширение хронологических рамок. Перспективным представляется изучение трансформации обычаев захоронения и жертвоприношения собаки в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке на территории Китая (эпоха Чжоу согласно традиционной периодизации китайской истории, 1046–221 гг. до н. э.), когда традиция захоронения собак в могилах сохраняется в основном у потомков иньцев, что превращает могилы с погребениями собак в важный этно-социальный маркер, позволяющий точнее реконструировать культурно-исторические процессы на территории Китая в I тыс. до н. э.

В эпоху Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) традиция захоронения животных в могилах сменяется практикой помещения в погребения мелкой глиняной скульптуры, изображавшей людей, животных, строения, транспортные средства. Среди погребальной пластики ханьского периода и последующих эпох (до времени правления династии Юань в 1271–1368 гг. включительно) образ собаки занимал значительное место. Отличительной чертой погребальной скульптуры является ее реалистичность, поэтому фигурки собак (разумеется, в сочетании с остеологическими материалами) могут служить источником для реконструкции внешнего облика этих животных, породного состава и т.д. Помимо возникновения и распространения мелкой погребальной пластики в период правления династии Хань в Китае появляется традиция установки над могилой крупных каменных скульптур. Среди монументальной погребальной скульптуры собака была не столь распространенным персонажем (за исключением территории п-ова Лэйчжоу на юге Китая, где не позднее эпохи Тан (618–907 гг.) сложилась уникальная традиция создания каменных скульптур собак), однако, по всей видимости, именно образ собаки оказал значительное влияние на формирование иконографии льва, а также

фантастического зверя *бисе*, чьи скульптурные изображения получают широкое распространение. В эпоху Хань возникает и традиция украшения стен гробниц фресками, которые также могут послужить источником для изучения положения собаки в культуре древнего и средневекового Китая.

Кроме того, для интерпретации археологических и изобразительных источников могут привлекаться материалы этнографии и фольклора, где традиционные представления о собаке сохраняются до настоящего времени, а также данные письменных источников различных эпох.

2. Расширение географических границ. Представляется оправданным включение в территориальные рамки исследования сопредельных районов – Центральной Азии, Сибири, российского Дальнего Востока, Восточной и Юго-Восточной Азии – территории Кореи, Японии, государств Индокитая, поскольку на протяжении тысячелетий между этими территориями осуществлялись интенсивные экономические и культурные контакты. Расширение географии исследований позволит полнее представить генезис и развитие образа собаки в культурах населения Азии.

3. Привлечение новых источников. Прежде всего, крайне важным для уточнения материалов археологии о духовной культуре древности (в особенности, «доисторических», дописьменных обществ) видится изучение лингвистических источников, привлечение данных палеолингвистических реконструкций. Полезным, на наш взгляд, также будет расширение репертуара исследуемых фольклорных текстов и включение в него произведений малых фольклорных жанров (пословиц, поговорок, недоговорок-иносказаний *сехоуэй* и т. д.). Разумеется, приращение объема археологических материалов в ходе полевых изысканий также позволит расширить источниковую базу.

4. Расширение методического инструментария. Применение новых методов и методик исследования позволит извлечь больше информации из уже знакомых источников. В этом направлении наиболее перспективным видится сотрудничество

с представителями естественнонаучных дисциплин (генетиками, палеозоологами), применение методик зооархеологического анализа находок и т. д.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР

АР – автономный район

БКРС – Большой китайско-русский словарь

ВФ СПбГУ – Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета

ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук

КСИА – Краткие сообщения института археологии

НГПУ – Новосибирский государственный университет

ОмГУ – Омский государственный университет

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет

СВКНИИ ДВО РАН – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

На русском языке

Алимов И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. – СПб.: Наука, 2008. – 284 с.

Алимов И. А. Древнекитайские памятники о собаке // Кунсткамера. Этнографические тетради. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. Вып. 5–6. – С. 257–261.

Алкин С. В. Древние культуры Северо-Восточного Китая: Неолит Южной Маньчжурии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 168 с.

Археология зарубежной Азии / Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деопик, А. П. Деревянко и др. – М.: Высш. шк., 1986. – 359 с.

Афанасьева В. К. Лахама // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия. – Т. 2. 1982. – С. 40.

Афанасьева В. К., Дьяконов И. М. Иштар // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия. – Т. 1. 1980. – С. 595.

Березкин Ю. Е. Мифы Старого и Нового Света. Из Старого в Новый Свет. Мифы народов мира. – М.: АСТ; Астрель, 2009. – 448 с.

Березкин Ю. Е. Сибирско-южноазиатские фольклорные параллели и мифология евразийской степи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4. – С. 144–155.

Березкин Ю. Е. Черный пес у слезной реки. Некоторые представления о пути в мир мертвых у индейцев Америки и их евразийские корни // Антропологический форум. – 2005. – № 2. – С. 174–211.

Большой китайско-русский словарь. В 4 т. / Под ред. И. М. Ошанина. – М.: Наука, 1983–1984. – Т. 1. 1983. – 533 с.; Т. 2. 1983. – 1101 с.; Т. 3. 1984. – 1104 с.; Т. 4. 1984. – 1062 с.

Бурнаков В. А. Традиционные представления хакасов о собаке (конец XIX – середина XX в.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 2. – С. 114–123.

Варенов А. В., Гирченко Е. А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуя и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 4: Востоковедение. – С. 10–19.

Варенов А. В., Комиссаров С. А. Паньлунчэн – археологический памятник и культура эпохи развитой бронзы на Средней Янцзы // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 109–118.

Васильев Л. С. История религий Востока. – М.: КДУ, 2004. – 704 с.

Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Вост. лит., 2001. – 488 с.

Волшебная флейта: Сказки и легенды народов Китая / Сост. В. В. Евсюков. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – 204 с.

Волшебное сокровище: Сказки и легенды Тибета / Сост., предисл. и коммент. С. А. Комиссарова. – Новосибирск: Наука, 1997. – 270 с.

Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Пер. с древнекит., предисл., прим., и словарь-указатель Л. Н. Меньшикова. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. – 576 с.

Гимм М. Маньчжурская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия. – Т. 2. 1982. – С. 107–109.

Гране М. Китайская цивилизация / Пер. с фр. В. Б. Иорданского; под ред. И. И. Семененко. – М.: Алгоритм, 2008. – 416 с.

Гроот Я. Я. М. де. Война с демонами и обряды экзорцизма в древнем Китае / Пер. с англ. Р. В. Котенко. – СПб.: Евразия, 2001. – 448 с.

Гроот Я. Я. М. де. Демонология древнего Китая / Пер. с англ. Р. В. Котенко. – СПб.: Евразия, 2000. – 352 с.

Грэй Дж. Г. История Древнего Китая / Пер. с англ. А. Б. Вальдман. – М.: Центрполиграф, 2006. – 606 с.

Гулик Р. ван. Сексуальная жизнь в древнем Китае / Пер. с англ. А. М. Кабанова. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 544 с.

Дао дэ цзин: Пер., вступ. ст., коммент. В. В. Малявина. – М.: Астрель; АСТ, 2003. – 559 с.

Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). – М.: Наука, 1966. – 159 с.

Деоник Д. В., Ульянов М. Ю. Исторические процессы в древней Восточной Азии в III – первой половине II тыс. до н. э.: складывание «двуединого» Региона // Общество и государство в Китае. – М.: ИВ РАН. – 2012. – Т. XLII, ч. 3. – С. 7–32.

Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1977. – 391 с.

Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Дмитриев С. В. Доместикация в Китае: попытка обобщения данных // КСИА. – 2015а – Вып. 238. – С. 82–97.

Дмитриев С. В. Доместикация в Китае: попытка обобщения данных // Общество и государство в Китае. – М.: ИВ РАН. – 2015б. – Т. XLV, ч. 1. – С. 34–49.

Дочь Царя драконов: Сказки народов Китая / Сост. С. А. Комиссаров. – Новосибирск: Модус; Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 304 с.

Евсюков В. В. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры яншао. – Новосибирск: Наука, 1988. – 128 с.

Жельвис В. И. Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях) // Сов. этнография. – 1984. – № 3. – С. 135–143.

Иванов В. В. Астральные мифы // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия. – Т. 1. 1980. – С. 116–118.

Иванов В. В. Лунарные мифы // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия. – Т. 2. 1982. – С. 78–80.

Ионова Ю. В. Корейская деревня в конце XIX и начале XX в. (историко-этнографический очерк) // Восточноазиатский этнографический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 119–158.

Ионова Ю. В. Пережитки тотемизма в религиозных обрядах корейцев // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии: Сб. ст. / Ред. И. А. Кривелев, Г. Г. Стратанович. – М.: Наука, 1970. – С. 147–174.

Ионова Ю. В. Собака в традиционных воззрениях и обрядах корейцев // Кунсткамера. Этнографические тетради. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение». – 1994. – Вып. 5–6. – С. 185–194.

История Китая с древнейших времен до XXI века. В 10 т. – Т. 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н. э. / отв. ред. А. П. Деревянко. – М.: Наука; Вост. лит., 2016. – 974 с.

Итс Р. Ф. Мяо (историко-этнографический очерк) // Восточноазиатский этнографический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 3–119.

Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Пер. с кит., предисл. и коммент. Э. М. Яншиной. – М.: Наука, 1977. – 235 с.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un Niγusa tobčiyān*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 620 с.

Комиссаров С. А. Нефритовый Пес как один из древнейших персонажей азиатской мифологии // Диковские чтения: Мат-лы науч.-практич. конф., посвящен. 75-летию со дня рождения Н. Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – С. 131–133.

Комиссаров С. А. Мифы, воплощенные в бронзе (об интерпретации археологических памятников культуры Саньсиндуй) // Китай и окрестности: Мифология, фольклор, литература: К 75-летию академика Б. Л. Рифтина. – М.: РГГУ, 2010. – С. 121–136.

Комиссаров С. А. Юй – краса камней // Восточная коллекция. – 2003. № 4. – С. 56–64.

Комиссаров С. А., Кудинова М. А. Образ Небесного Пса в китайской мифологии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 4: Востоковедение. – С. 70–79.

Комиссаров С. А., Кудинова М. А., Соловьев А. И. О значении «аллеи духов» в ритуальной практике Китая и сопредельных территорий в эпоху Древности и Средневековья // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 10: Востоковедение. – С. 29–40.

Концевич Л. Р. Корейская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия. – Т. 1. 1980. – С. 667–671.

Концевич Л. Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. – М.: Вост. лит., 2010. – 806 с.

Кравцова М. Е. Иньсюй // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит. – Т. 2. Мифология. Религия. 2007а. – С. 469–470.

Кравцова М. Е. История культуры Китая. – СПб.: Лань, 2003. – 416 с.

Кравцова М. Е. Мировая художественная культура: История искусства Китая: Учеб. пособие. – СПб.: Лань; ТРИАДА, 2004. – 960 с.

Кравцова М. Е. Поэзия Древнего Китая: Опыт культурологического анализа. Антология художественных переводов. – СПб: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. – 544 с.

Кравцова М. Е. Шэ (4) // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит. – Т. 2. Мифология. Религия. 2007б. – С. 752–753.

Крюков В. М. Текст и ритуал: Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 464 с.

Крюков М. В. Язык иньских надписей. – М.: Наука; ГРВЛ, 1973. – 136 с.

Кудинова М. А. Данные мифологии и фольклора о культе собаки в древнем Китае // Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций: XXV международная конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2009 г. – СПб.: ВФ СПбГУ, 2009а. – С. 402–403.

Кудинова М. А. Доместикация собаки и ранний период развития собаководства на территории Китая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2015а. – Т. 14, Вып. 10: Востоковедение. – С. 16–21.

Кудинова М. А. Захоронения собак в могилах неолитической эпохи на территории Китая // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Междунар. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г.: Тез. докл. / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. – СПб.: ВФ СПбГУ, 2015б. – С. 167–168.

Кудинова М. А. Использование собак в неолите и бронзовом веке Китая // Мат-лы XLV Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Востоковедение. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007а. – С. 3–4.

Кудинова М. А. Использование собак в ритуалах древнего Китая // Мат-лы XLVIII Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». Востоковедение. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010а. – С. 18–20.

Кудинова М. А. Об употреблении в пищу собачьего мяса в современном Китае // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVII Региональной (III всерос. с междунар. участием) археолого-этнографической конф. студентов молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007б. – С. 271–272.

Кудинова М. А. Образ собаки в китайском фольклоре // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: Мат-лы XLVIII Региональной (IV всерос. с междунар. участием) археолого-этнографической студ. конф. – Барнаул: Азбука, 2008а. – С. 29.

Кудинова М. А. Образ собаки в мифах и ритуалах традиционного Китая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных

территорий: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2009 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009б. – Т. XV. – С. 446–449.

Кудинова М. А. Образ собаки в неолитическом искусстве Китая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, вып. 4: Востоковедение. – С. 33–41.

Кудинова М. А. Ритуально-мифологическая семантика каменных изваяний собак в традиционной культуре юга Китая (на материалах полуострова Лэйчжоу) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 4: Востоковедение. – С. 60–69.

Кудинова М. А. Роль собаки в китайских традиционных верованиях и магических ритуалах // Неверовские чтения: мат-лы III Всерос. конф. (с междунар. участием), посвященной 80-летию со дня рождения профессора В. И. Неверова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2010б.– Вып. 3. – Т. II: Теоретические и прикладные исследования в религиоведении / под ред. Ю. Ф. Кирюшина, П. К. Дашковского. –С. 79–88.

Кудинова М. А. Связь образов Небесной Собаки и Стрелка И в китайской мифологии // Мат-лы XLVII Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Востоковедение. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2009в. – С. 61–62.

Кудинова М. А. Собака в мифологии народов Китая // Мат-лы XLVI Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Востоковедение. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2008б. – С. 23.

Кудинова М. А. Собака в традиционных представлениях народов Китая // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): Мат-лы XLIX Региональной археолого-этнографической студ. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009г. – С. 168–170.

Кудинова М. А. Собака как первопредок и культурный герой в мифах и обрядах народов Китая // Сибирь на перекрестье мировых религий: Мат-лы IV

Межрегиональной научно-практической конф. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т. 2009д. – С. 400–404.

Кудинова М. А. Собаки-демоны в китайской мифологии // Евразийское культурное пространство. Археология, этнологи, антропология: Мат-лы докладов V (L) Российской (с междунар. участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. Иркутск, 4–9 апреля 2010 г. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010в. – С. 537–538.

Кузнецов Н. А. Погребения собак на Среднем Енисее как археологический источник: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1998. – 22 с.

Кузнецова-Фетисова М. Е. «Великий город Шан» (XIV-XI вв. до н. э.) и его значение в древней истории Китая. – М.: Наука; Вост. лит., 2015. – 190 с.

Кузьмин Я. В. Древнейшая в Азии собака // Наука в Сибири. – 2011. 4 авг. – №№ 30–31. – С. 13.

Куликов Д. Е. Культы и ритуалы в древнем Китае иньского периода (ок. 1200–1045 гг. до н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М.: ИВ РАН, 2004а. – 24 с.

Куликов Д. Е. О солярных элементах в иньских религиозно-мифологических представлениях // Общество и государство в Китае: XXXIV науч. конф. – М.: Вост. лит., 2004б. – С. 25–44.

Куликов Д. Е. Орнитологические мотивы в культуре Шан-Инь и их связь с древнекитайской мифологией // Общество и государство в Китае: XXXII науч. конф. – М.: Вост. лит., 2002. – С. 6–42.

Купер Дж. Энциклопедия символов / Пер. с англ. И. В. Комарова – М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой век», 1995. – 402 с.

Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая: Древнекаменный век. – М.: Вост. лит., 1996. – 432 с.

Кучера С. Китайская археология 1965–1974: палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы. – М.: Наука, 1977. – 267 с.

Ларичев В. Е. Небожители: космическая охота со сворами собак (опыт интерпретации канонических сюжетов наскального искусства эпохи бронзы) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками: Сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – С. 105–109.

Ли Юй. Полуночник Вэйян / Пер., предисл., коммент. Д. Воскресенского; пер. стихов Г. Ярославцева. – М.: Худ. лит., 1995. – 560 с.

Ло Гуаньчжун. Троецарствие / Пер. с кит. и коммент. В. А. Панасюка, под ред. В. С. Колоколова. – М.: Худ. лит. – Т. 1. 1954. – 785 с.

Лукина Н. В. Формы почитания собак у народов Северной Азии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос): Сб. науч. трудов / Отв. ред. Н. И. Толстой. – Л.: Наука, 1983. – С. 226–240.

Мифологический словарь / Ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 291 с.

Народы Восточной Азии / Ред. Н. Н. Чебоксаров, С. И. Брук, Р. Ф. Итс, Г. Г. Стратанович. – М.; Л.: Наука, 1965. – 1027 с.

Новиков А. В. Древнейшие собаки в культуре населения Северной Евразии // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996а. – С. 88–94.

Новиков А. В. Канисовые в изобразительном искусстве древнего населения таежной зоны Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат-лы междунар. Симпозиума. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 461–469.

Новиков А. В. Погребения собак в материалах новосибирского варианта кулайской культуры (к вопросу интерпретации) // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. – С. 63–71.

Новиков А. В. Собаки в мировоззрении и ритуальной практике древнего населения лесостепной и южнотаежной зон Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 72–84.

Новиков А. В. Собаки в погребальных комплексах лесостепного и южнотаежного Обь-Иртышья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Мат-лы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996б. – С. 206–209.

Новиков А. В. Собаки в системе питания населения Азии // Интеграция археологических и этнографических исследований: Мат-лы V всерос. науч. семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева. – Омск; Уфа: Изд-во ОмГУ; Изд-во Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, 1997. – С. 112–115.

Новиков А. В. Собаки как объект археолого-этнографического изучения (краткий обзор проблематики и русскоязычной литературы) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тез. докл. V междунар. конф. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – Ч. III. – С. 20–23.

Новиков А. В., Гаркуша Ю. Н. Вопросы интерпретации погребений домашних собак на городище Усть-Войкарское // Вопросы угроведения. – 2016. – № 2. – С. 120–134.

Новиков А. В., Кудинова М. А. Собачье мясо в традиционной китайской медицине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2009 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 475–478.

Орел В. Е. Культура, символы и животный мир. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – 584 с.

Попов П. С. Ши-гань-дан // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит. – Т. 2. Мифология. Религия. 2007. – С. 741.

Пронн В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2002. – 336 с.

Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах / Пер. с кит., с предисл. и коммент, В. М. Алексеева; сост., подгот. текста и вступ. ст. Л. З. Эйдлина. – М.: Худ. лит., 1973. – 573 с.

Разоблачение божества. Средневековые китайские повести / Пер. с кит., послесл. и комм. В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. – М.: ГРВЛ, 1977. – 519 с.

Рахманин О. Б. Из китайских блокнотов. О культуре, традициях, обычаях Китая / Предисл. В. Ф. Сорокина. – М.: ГРВЛ, 1982. – 112 с.

Рифтин Б. Л. Вэнь-чан // *Духовная культура Китая: энциклопедия.* В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко – М.: Вост. лит. – Т. 2. Мифология. Религия. 2007а. – С. 412.

Рифтин Б. Л. Гуй // *Мифы народов мира: энциклопедия.* В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия. – Т. 1. 1980а. – С. 340.

Рифтин Б. Л. Диной // *Мифы народов мира: энциклопедия.* В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия. – Т. 1. 1980б. – С. 386–389.

Рифтин Б. Л. Изучение древнекитайской мифологии // *Духовная культура Китая: энциклопедия.* В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит. – Т. 2: Мифология. Религия. 2007б. – С. 35–57.

Рифтин Б. Л. Китайская мифология // *Мифы народов мира: энциклопедия.* В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия. – Т. 1. 1980в. – С. 652–662.

Рифтин Б. Л. Китайская мифология // *Духовная культура Китая: энциклопедия.* В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит. – Т. 2: Мифология. Религия. 2007в. – С. 16–34.

Рифтин Б. Л. Предисловие // *Сказки Китая.* – Екатеринбург: У-Фактория, 2007г. – С. 5–24.

Рифтин Б. Л. Тайшань // *Духовная культура Китая: энциклопедия.* В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит. – Т. 2. Мифология. Религия. 2007д. – С. 606–607.

Рифтин Б. Л. Чжан-сянь // *Мифы народов мира: энциклопедия.* В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия. – Т. 2. 1982а. – С. 626.

Рифтин Б. Л. Эр-лан // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия. – Т. 2. 1982б. – С. 667.

Рифтин Б. Л., Алимов И. А., Кравцова М. Е. Чжан-сянь // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит. – Т. 2: Мифология. Религия. 2007. – С. 714–716.

Рифтин Б. Л., Кобзев А. И. Нюйва // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит. – Т. 2: Мифология. Религия. 2007а. – С. 538–539.

Рифтин Б. Л., Кобзев А. И. Паньгу // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит. – Т. 2: Мифология. Религия. 2007б. – С. 541–543.

Рифтин Б. Л., Кобзев А. И. Тянь-гоу // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит. – Т. 2: Мифология. Религия. 2007в. – С. 613.

Рифтин Б. Л., Кобзев А. И. Фуси // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит. – Т. 2: Мифология. Религия. 2007г. – С. 647–648.

Рифтин Б. Л., Кобзев А. И. Хуньдунь // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит. – Т. 2: Мифология. Религия. 2007д. – С. 671–672.

Рифтин Б. Л., Кобзев А. И. Цзян тай-гун // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит. – Т. 2: Мифология. Религия. 2007е. – С. 700.

Серкина А. А. Опыт дешифровки древнейшего китайского письма (надписи на гадательных костях). – М.: Наука, 1973. – 132 с.

Сказки Китая / Пер. с кит., сост., предисл. Б. Л. Рифтина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 400 с.

Соловьев А. И., Кудинова М. А. Хождение в Даньян // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16, вып. 4: Востоковедение. – С. 123–129.

Спафарий, Николай Милеску. Сибирь и Китай. – Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1960. – 516 с.

Стариков В. С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. – М.: Наука, 1967. – 255 с.

Стратанович Г. Г. Народные верования населения Индокитая. – М.: Наука, 1978. – 256 с.

Стратанович Г. Г. Этногенетические мифы об исходе из яйца или из тыквы у народов Юго-Восточной Азии // Этническая история и фольклор: Сб. ст. / Ред. Р. С. Липец. – М.: Наука, 1977. – С. 62–73.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). – М.: Вост. лит. – Т. 2 / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина, В. С. Таскина; Под общ. ред. Р. В. Вяткина. 2-е изд., испр. и доп. под ред. А. Р. Вяткина. 2003. – 567 с.; Т. 4 / Пер. с кит., вступ. ст., комм. и прил. Р. В. Вяткина. 1986. – 456 с.; Т. 6 / Пер. с кит., предисл. и комм. Р. В. Вяткина. 1992. – 483 с.; Т. 8 / Пер. с кит. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца, вступ. ст. Р. В. Вяткина, комм. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина и А. М. Карапетьянца. 2002. – 510 с.

Тайлор Э. Б. Первобытная культура / Пер. с англ. Д. А. Коропчевского. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

Терентьев-Катанский А. П. Иллюстрации к китайскому бестиарию. Мифологические животные древнего Китая. – СПб.: ФормаТ, 2004. – 224 с.

Токарев С. А. Обряды и мифы // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия. – Т. 2. 1982. – С. 235–237.

Топоров В. Н. Животные // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия. – Т. 1. 1980. – С. 440–449.

Троицкая Т. Н., Шишкин А. С. О некоторых погребениях животных в новосибирском Приобье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2004. – № 4. – С. 114–118.

Ульянов М. Ю. Сообщения о культах, магии, магических и мантических практиках в провинции Гуанси в эпоху Южная Сун в труде Чжоу Цюйфэя «Лин вай дай да» («За хребтами. Вместо ответов») // Религиозный мир Китая. Альманах. – М.: Муравей, 2003. – С. 137–164.

Фань Чэнда. Гуйхай в описаниях попечителя гор и вод (Гуйхай юйхэн чжи) // Чжоу Цюйфэй. За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. М. Ю. Ульянова. – М.: Вост. лит., 2001. – С. 360–435.

Фрейд З. Тотем и табу // З. Фрейд Я и Оно: Сочинения. – М.; Харьков: ЭКСМО; Фолио, 2007. – 864 с.

Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.

Ху Циван. Предание о собаке Паньху и богине Милото / Пер. с кит. И. А. Алимова // Кунсткамера. Этнографические тетради. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение». – 1994. – Вып. 5–6. – С. 244–257.

Цзи Юнь. Заметки из хижины «Великое в малом» (Юэвэй цаотан бицзи) / Пер. с кит., предисл., комм. и прил. О. Л. Фишман. – М.: Вост. лит., 1974. – 592 с.

Цюй Юань. Лисао / Сост. и общ. ред. Р. В Грищенко. – СПб.: Кристалл, 2000. – 336 с.

Чеснов В. Я. Историческая этнография стран Индокитая. – М.: Наука, 1976. – 298 с.

Чеснов В. Я. Мяо-яо мифология // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия. – Т. 2. 1982а. – С. 192–193.

Чеснов В. Я. Тибето-бирманская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия. – Т. 2. 1982б. – С. 505–506.

Чжоу Цюйфэй. За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да). / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. М. Ю. Ульянова. – М.: Вост. лит., 2001. – 528 с.

Швырев В. С. Восхождение от абстрактного к конкретному // Новая философская энциклопедия. В 4 т. – М.: Мысль, 2000. – Т. 1. – С. 447–448.

Этнография питания народов стран зарубежной Азии: опыт сравнительной типологии / Отв. ред. С. А. Арутюнов. – М.: Наука, 1981. – 256 с.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая / Пер. с кит. Е. И. Лубо-Лесниченко, Е. В. Пузицкого, В. Ф. Сорокина / Отв. ред. и автор послесл. Б. Л. Рифтин. – М.: Наука, 1987. – 527 с.

Юань Мэй. Новые [записи] Ци Се (Синь Ци Се), или О чем не говорил Конфуций (Цзы бу юй) / Пер. с кит., предисл., коммент. и прил. О. Л. Фишман. – М.: Вост. лит., 1977. – 504 с.

Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. – М.: Наука, 1984. – 248 с.

Яотяне справляют традиционный праздник «Паньван» (28.12.2006) // Официальный сайт газеты «Жэньминь Жибао». URL: <http://russian.people.com.cn/31521/5226157.html> (дата обращения 30.01.2016).

На английском языке

Boileau G. Wu and shaman // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – 2002. – № 65. – P. 350–378.

Campbell R. Animal, Human, God: Pathways of Shang Animality and Divinity // Animals and Inequality in Ancient World / Edited by Benjamin S. Arbuckle and Sue Ann McCarty. – Boulder: University Press of Colorado, 2015. – P. 251–274.

Chang Kwang-chih. The Archeology of Ancient China. – New Haven; London: Yale university press, 1964. – 346 p.

Cheng Te-kun. Archaeology in China. – Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd. – Vol. 2. Shang China. 1960. – 368 p.

Crockford S. J. A Practical Guide to In Situ Dog Remains for the Field Archaeologists. – Victoria: Pacific Identifications Inc., 2009. – 146 p.

Dogs Through Time: An Archaeological. Proc. of the 1st ICAZ Symposium on the History of the Domestic Dog. Eight Congress of the International Council for Archaeozoology (ICAZ98), August 23–29, 1998. Victoria B.C., Canada / Ed. by S. J. Crockford. – Oxford: Archaeopress, 2000. – 344 p.

Drake A. D., Coquerelle M., Colombeau G. 3D morphometric analysis of fossil canid skulls contradicts the suggested domestication of dogs during the late Paleolithic // *Scientific Reports*. – 2015. – № 5. URL: <http://www.nature.com/srep/2015/150205/srep08299/full/srep08299.html#/> (дата обращения 31.07.2015).

Eberhard W. The Local Cultures of South and East China: Translated from German by Alide Eberhard. – Leiden: E. J. Brill, 1968. – 522 p.

Frantz L. A. F., Mullin V. E., Pionnier-Capitan M., Lebrasseur O., Ollivie M., Perri A., Linderholm A., Mattiangeli V., Teasdale M. D., Dimopoulos E. A., Tresset A., Duffraisse M., McCormick F., Bartosiewicz L., Gál E., Nyerges E. A., Sablin M. V., Bréhard S., Mashkour M., Balasescu A., Gillet B., Hughes S., Chassaing O., Hitte C., Vigne J.-D., Dobney K., Hänni C., Bradley D. G., Larson G. Genomic and archaeological evidence suggests a dual origin of domestic dog // *Science*. – 2016. – Vol. 352, № 6290. – P. 1228–1231.

Komissarov S. A., Kudinova M. A. The Image of Divine Dog in the Ritual and Myths of Ancient China. 21st Conference of the European Association for Chinese Studies. St. Petersburg, August 23–28, 2016: Book of Abstracts. – St. Petersburg: NP-PRINT, 2016. – P. 81.

Kudinova M. Burials of Dogs in the territory of Siberia and China in the Paleometallic period // Proc. of 11th International Conference of Archaeozoology. Paris, 23–28 August 2010. – Paris: Museum National d'Histoire Naturelle. – P. 165.

Li Chi. The Beginnings of Chinese Civilizations: Three Lectures Illustrated with Finds at Anyang. – Seattle: University of Washington Press, 1957. – 123 p.

Lugli F. Mongolian Nomads and Their Dogs // The Intangible Elements of Culture in Ethnoarchaeological Research. – Cham: Springer, 2016. – P. 125–139.

Mair V. H. Canine Conundrums: Eurasian Dog Ancestor Myths in Historical and Ethnic Perspective // Sino-Platonic Papers. – 1998. – № 87. – 74 p.

Morgan C. Dogs and Horses in Ancient China (A lecture given on 27th May, 1974) // Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society. – 1974. – Vol. 14. – P. 58–67. URL: <http://sunzi.lib.hku.hk/hkjo/view/44/4401276.pdf>

Ovodov N. D., Crockford S. J., Kuzmin J. V., Higham Th. F. G., Hodgins G. W. L., Plicht J., van der. A 33,000-year-old incipient dog from the Altai Mountains of Siberia: Evidence of the earliest domestication disrupted by the last glacial maximum // PLoS ONE (Эл. периодическ. издание) – 2011. URL: <http://www.plosone.org/article/info:doi/10.1371/journal.pone.0022821> (дата обращения 02.02.2012).

Pang Jun-Feng, Kluetsch C., Zou Xiao-Ju, Zhang Ai-bing, Luo Li-Yang, Angleby H., Ardalan A., Ekström C., Sköllermo A., Lundeberg J., Matsumura Shuichi, Leither Th., Zhang Ya-Ping, Savolainen P. mtDNA Data Indicate a single origin for dogs South of Yangtze River, less than 16,300 years ago, from numerous wolves // Molecular Biology and Evolution. – 2009. – Vol. 26, № 12. – P. 2849–2864.

Savolainen P., Zhang Ya-ping, Luo Jing, Lundeberg J., Leither T. Genetic evidence for an East Asian origin of domestic dogs // Science. – 2002. Vol. 298, № 5598. – P. 1610–1613.

Smith K. Guides, Guards and Gifts to the Gods: Domesticated Dogs in the Art and Archaeology of Iron Age and Roman Britain. – Oxford: Archaeopress, 2006. – 84 p.

The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of Civilization to 221 B. C. / Ed. by M. Loewe and E. L. Shaughnessy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 1148 p.

Yang Lihui, An Deming, Anderson Turner J. Handbook of Chinese Mythology. – New York: Oxford University Press, 2005. – 293 p.

На китайском языке

Ань Чжэминь. Чжэнчжоу ши Жэньминь гуньюань фуцзиньдэ Иньдай ицунь. [安志敏。郑州市人民公园附近的殷代遗存 // 文物参考资料; Объекты иньской эпохи, [обнаруженные] вблизи Народного парка (Жэньминь гуньюань) в г. Чжэнчжоу] // Вэньу цанькао цзыляо. – 1954. – № 6. – С. 32–37.

Аньян Иньсюй нули цзисыкэндэ фацзюэ. [安阳殷墟奴隶祭祀坑的发掘 // 考古; Раскопки жертвенных ям [с захоронениями] рабов в Иньсюй в районе Аньяна] // Каогу. – 1977. – № 1. – С. 20–36.

Ван Жэньсян, У Яоли, У Цзяань. Шэньси Линьтун Байцзяцунь синьшици шидай ичжи фацзюэ цзяньбао. [王仁湘、吴耀利、吴加安。陕西临潼白家村新石器时代遗址发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках неолитического памятника Байцзяцунь в районе Линьтун, пров. Шэньси] // Каогу. – 1984. – № 11. – С. 961–970.

Ван Кэжун, Цю Чжунлунь, Чэнь Юаньчжан. Гуанси Цзоцзян яньхуа. [王克荣、邱钟仑、陈远璋。广西左江岩画; Петроглифы [долины реки] Цзоцзян, Гуанси]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1988. – 250 с.

Ван Лихуа. Цзаоци Чжунго шэхуэй дэ цюань вэньхуа. [王利华。早期中国社会的犬文化 // 农业考古; Собака в культуре китайского общества раннего периода] // Нунье каогу. – 1992. – № 3. – С. 265–270, 274.

Ван Сюнь, Чан Хуайин, Чжу Боя, Го Тин, Цзян Чжидань. Хэбэй Линьчэн сянь Буяоцунь ичжи бэй цюй фацзюэ цзяньбао. [王迅、常怀颖、朱博雅、郭婷、邢志丹。河北临城县补要村遗址北区发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках северного района памятника Буяоцунь в уезде Линьчэн, пров. Хэбэй.] // Каогу. – 2011. – № 3. – С. 3–15.

Ван Сюэжун. Хэнань Яньши Шанчэн Шандай цзаоци ванши цзисы ичжи. [王学荣。河南偃师商城商代早期王室祭祀遗址 // 考古; Следы жертвоприношений

правлящего дома периода ранней Шан на Шансом городище в Яньши, пров. Хэнань] // Каогу. – 2002. – № 7. – С. 6–8.

Ван Сюэжун, Хэ Юйлин. Аньян Иньсуй Сяоминьтунь ичжидэ каогу синь фацзюэ цзи сянгунань жэньши. [王学荣、何毓灵。安阳殷墟孝民屯遗址的考古新发现及相关认识 // 考古; Новые археологические открытия на памятнике Сяоминьтунь [на территории] Иньсуй в Аньяне и связанные с ними данные] // Каогу. – 2007. – № 1. – С. 54–63.

Ван Цзинь. Цяньши шицзяхэ вэньхуа таосу ишу. [王劲。浅议石家河文化陶塑艺术 // 华夏考古; Краткие соображения по поводу искусства глиняной скульптуры в культуре шицзяхэ] // Хуася каогу. – 2011. – № 4. – С. 51–64, 78.

Ван Юйсинь, Чэнь Шаоди. Гуаньюй Цзянсу Туншань Цювань Шан дай цзисы ичжи. [王宇信、陈绍棣。关于江苏铜山丘湾商代祭祀遗址 // 文物; О жертвеннике шанской эпохи в Цюване, район Туншань, пров. Цзянсу] // Вэньбу. – 1973. – № 12. – С. 55–58.

Вэй Сы. Цун цзягுவэнь цайляо кань Шандайдэ янгоуе. [卫斯。从甲骨文材料看商代的养狗业 // 卫斯考古论文集; Собаководство в эпоху Шан по материалам гадальных надписей // Сборник трудов Вэй Сы по археологии]. – Тайюань: Шаньси гуцзи чубаньшэ, 1998. – С. 97–102.

Вэй Цыдэ. Чжунго гудай фэн шэнь чунбай. [魏慈德。中國古代風神崇拜; Культ духа ветра в Древнем Китае]. – Тайбэй: Унань тушу чубань, 2002. – 218 с.

Гао Гуанжэнь. Давэнькоу вэньхуадэ цзансу. [高广仁。大汶口文化的葬俗 // 高广仁。海岱区先秦考古论集]. Погребальный обряд культуры давэнькоу // Хайдай цюй сянь Цинь каогу лунь цзи; Собрание трудов по археологии района Хайдай доциньского периода]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000а. – С. 125–143.

Гао Гуанжэнь. Хайдай цюй шицянь цзисы ицзидэ каоуча. [高广仁。海岱区史前祭祀遗迹的考察 // 高广仁。海岱区先秦考古论集; Исследование следов доисторических жертвоприношений в районе Хайдай // Хайдай цюй сянь Цинь

каогу лунь цзи; Собрание трудов по археологии района Хайдай доциньского периода]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000б. – С. 304–313.

Гао Гуанжэнь, Шао Ванпин. Чжунго шицянъ шидай дэ гуй лин юй цюань шэн. [高广仁、邵望平。中国史前时代的龟灵与犬牲 // 邵望平。邵望平史学、考古学文选; Дух черепахи и жертвоприношения собак в Китае доисторической эпохи // Шао Ванпин. Шисюэ, каогусюэ вэньсюань; Избранные труды по истории и археологии]. – Цзинань: Шаньдун дасюэ чубаньшэ, 2013. – С. 375–391.

Го Иньцян, Нин Цзинтун. Хэнань Ичуань Махуэйин ичжи шицзюэ цзяньбао. [郭引强、宁景通。河南伊川马迥营遗址试掘简报 // 考古; Краткий отчет о пробных раскопках на памятнике Махуэйин в уезде Ичуань, пров. Хэнань] // Каогу. – 1983. – № 11. – С. 1039–1041.

Го Чживэй. Шилунь шицянъ шици муцзан сюнъ цюань сису [郭志委。试论史前时期墓葬殉犬习俗 // 文物; О традиции захоронения собак в могилах в доисторический период] // Вэньбу. – 2012. – № 8. – С. 54–62.

Го Чживэй. Шицянъ шици яокэн цзансу шиси [郭志委。史前时期要坑葬俗试析 // 考古; Предварительный анализ традиции погребений с яокэном доисторического периода] // Каогу. – 2014. – № 6. – С. 56–63.

Дин Цзиньлун, Чжан Чжаогэнь, Чэн Чжэньлюй. Цзянсу Куньшань ши Шаоциншань ичжидэ фацзюэ. [丁金龙、张照根、程振旅。江苏昆山市少卿山遗址的发掘 // 考古; Раскопки памятника Шаоциншань в г. Куньшань, пров. Цзянсу] // Каогу. – 2000. – № 4. – С. 32–49.

Дэнцзявань: Тяньмэнь шицзяхэ каогу баогао чжи эр [邓家湾: 天门石家河考古报告之二; Дэнцзявань: Второй отчет об археологических раскопках [памятника культуры] Шицзяхэ [в уезде] Тяньмэнь]. – Пекин: Вэньбу чубаньшэ, 2003. – 310 с.

Жоу гоу сыян и юэ тун [肉狗饲养一月通 / 王若军等编著; Разведение мясных собак за один месяц / Ред. Ван Жоцзюнь и др.]. – Пекин: Чжунго нунье дасюэ чубаньшэ, 2000. – 150 с.

Жоу гоу янчжи цзишу [肉狗养殖技术 / 张玉等主编; Техника разведения мясных собак / Ред. Чжан Юй и др.]. – Пекин: Чжунго нунье дасюэ чубаньшэ, 2003. – 350 с.

Жоу гоу янчжи 200 вэнь [肉狗养殖技术 200 问 / 朱维正主编; Двести вопросов по разведению мясных собак / Ред. Чжу Вэйчжэн]. – Пекин: Чжунго нунье дасюэ чубаньшэ, 2000. – 180 с.

Жоуюн цюань кэсюэ янчжи вэнь да [肉用犬科学养殖问答 / 张守发、何希君主编; Научное разведение мясных собак в вопросах и ответах / Ред. Чжан Шоуфа, Хэ Сицзюнь]. – Пекин: Чжунго нунье чубаньшэ, 2001. – 330 с.

И Мин. Ни ни гоу – тутэн шидайдэ «хохуаши» [佚名。泥泥狗 – 图腾时代的“活化石” // 中国淮阳网; «Глиняные собачки» – «живые окаменелости» эпохи тотемизма] // Официальный сайт комитета Коммунистической партии и Народного правительства уезда Хуайян. 19 сент. 2010 г. URL: <http://www.huaiyang.gov.cn/thread-3518-1.html> (дата обращения 29.02.2016).

Инго соцзан цзягу цзи. [英國所藏甲骨集 / 李學勤主編; Гадательные надписи на костях и панцирях, хранящиеся в Англии / Гл. ред. Ли Сюэцин]. В 5 т. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1985–1991.

Инь Хуаньчжан, Чжан Чжэнсян. Цзянсу Писянь Люлинь синьшици шидай ичжи дии цы фацзюэ. [尹焕章、张正祥。江苏邳县刘琳新石器时代遗址第一次发掘 // 考古学报; Первый сезон раскопок на неолитическом памятнике Люлинь в уезде Писянь, пров. Цзянсу] // Каогу сюэбао. – 1962. – № 1. – С. 81–102.

Инь Хуаньчжан, Чжан Чжэнсян, Цзи Чжунцин. Цзянсу Писянь Сыху Дадуньцзы ичжи тань цзюэ баогао. [尹焕章、张正祥、纪仲庆。江苏邳县四户大墩子遗址探掘报告 // 考古学报; Отчет о разведке и раскопках памятника Дадуньцзы в поселке Сыху уезда Писянь, пров. Цзянсу] // Каогу сюэбао. – 1964. – № 2. – С. 9–56.

Инь Хуаньчжан, Юань Ин, Цзи Чжунцин. Цзянсу Писянь Люлинь синьшици шидай ичжи диэр цы фацзюэ [尹焕章、袁颖、纪仲庆。江苏邳县刘琳新石器时代遗址第二次发掘 // 考古学报; Второй сезон раскопок на неполитическом памятнике Люлинь в уезде Писянь, пров. Цзянсу] // Каогу сюэбао. – 1965. – № 2. – С. 9–47.

Инь Цюнь, Хэ Юйлин, Ван Сюэжун, Юэ Чжаньвэй, Тан Цзиньцун, Гу Фэй. Хэнань Аньян ши Сяоминьтунь нань Шандай муцзан 2003-2004 нянь фацзюэбао. [印群、何毓灵、王学荣、岳占伟、唐锦琼、谷飞。河南安阳市孝民屯商代墓葬 2003–2004 年发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках шанских погребений в Сяоминьтунь, г. Аньян, пров. Хэнань, в 2003–2004 годах] // Каогу. – 2007. – № 1. – С. 26–36.

Ицзюлюсань нянь Хубэй Хуанпи Паньлунчэн Шандай ичжидэ фацзюэ. [一九六三年湖北黄陂盘龙城商代遗址的发掘 // 文物; Раскопки памятника эпохи Шан Паньлунчэн [в уезде] Хуанпи, пров. Хубэй в 1963 году] // Вэньу. – 1976. – № 1. – С. 49–59.

Лаонюпо / Лю Шиэ чжу. [老牛坡 / 刘士毅著; Лоанюпо / Ред. Лю Шиэ]. – Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 2001. – 450 с.

Ли Бо, Лан Шучэнь, Лю Цзичэн, У Чжихэн, Ли Гуаньюн. Сань дай ши гоу цин. [李波, 郎树臣, 刘冀城, 吴智恒, 李广用。三代石狗情 // 湛江新闻网; Любовь трех поколений к каменным собакам] // Информ. портал городского округа Чжаныцзян «Чжаныцзян синьвэнь ван». 10.11.2013. URL: http://news.gdzdaily.com.cn/zjxw/content/2013-11/10/content_1788210.htm (дата обращения 20.12.2013).

Ли Вэймин, Цзо Чао, Ню Юймэй. Хэнань Гуши Пинчжай гучэн ичжи фацзюэ баогао. [李维明、左超、牛玉梅。河南固始平寨古城遗址发掘报告 // 考古学报; Отчет о раскопках городища Пинчжай в [уезде] Гуши, пров. Хэнань] // Каогу сюэбао. – 2000. – № 3. – С. 331–358.

Ли Гунду. Ляонин Аохань ци сяохэянь сань чжун юаньши вэньхуадэ фасянь [李恭笃。辽宁敖汉旗小河沿三种原始文化的发现 // 文物; Открытие трех типов первобытной культуры в Сяохэянь в хошуне Аохань, пров. Ляонин] // Вэньу. – 1977. – № 12. – С. 1–12, 81.

Ли Сутин, Ли Ипи, Дин Синьгун, Ню Хуэйчжэнь, Хоу Яньфэн. Хэнань Синьян ши Гуаньдимяо ичжи Шандай ваньци ицунь фацзюэ цзяньбао. [李素婷、李一丕、丁新功、牛慧珍、侯彦峰。河南荥阳市关帝庙遗址商代晚期遗存发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках позднешанских объектов на памятнике Гуаньдимяо на территории городского уезда Синьян, пров. Хэнань] // Каогу. – 2008. – № 7. – С. 32–46.

Ли Сутин, Ма Цзюньцай, Ян Шуган, Дин Синьгун. Хэнань Аньян Сяоминьтунь Шандай хуаньчжуан гоу. [李素婷、马俊才、杨树刚、丁新功。河南安阳孝民屯商代环状沟 // 考古; Круговой ров шанского времени [на памятнике] Сяоминьтунь в Аньяне, пров. Хэнань.] // Каогу. – 2007. – № 1. – С. 37–53.

Ли Сяньшэн. Цзянь тань сяньминь юй цзячу гоудэ гуаньси. [李想生。浅谈先民与家畜狗的关系 // 农业考古; Предварительное рассуждение о взаимоотношениях древних людей и домашней собаки] // Нунье каогу. – 2006. – № 1. – С. 243–245.

Ли Фаньлин, Сунь Хуайшэн, У Минсинь. Шаньдун Янгу сянь Цзиньянган луншань вэньхуа чэнчжи дяоча юй шицзюэ. [李繁玲、孙淮生、吴铭新。山东阳谷县景阳冈龙山文化城址调查与试掘 // 考古; Исследование и пробные раскопки гордища культуры луншань Цзиньянаган в уезде Янгу, пров. Шаньдун] // Каогу. – 1997. – № 5. – С. 11–24.

Ли Фуцин (Рифтин Б. Л.). Чжунго гэ миьцзу шэньхуа яньцзю вайвэнь луньчжу мулу (1839-1990) [中國各民族神話研究外文論著目錄 (1839–1990)]; Библиография произведений на иностранных языках по изучению мифов народов Китая (1839–1990)]. – Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 2007. – 223 с.

Ли Чжипэн. Шан вэньхуа муцзан чжун суйцзандэ гоу шэн чубу яньцзю // Чжунго шэхуй кэсюэюань гудай вэньмин яньцзю чжунсинь тунсюнь. [李志鹏. 商文化墓葬中随葬的狗牲初步研究 // 中国社会科学院古代文明研究中心通讯; Предварительное исследование сопроводительных захоронений собак могилах культуры Шан] // Сообщения Центра исследований древних цивилизаций Академии общественных наук Китая. – 2010. – № 20. – С. 67–71.

Ли Чжипэн. Шан вэньхуа муцзан чжун суйцзандэ гоу шэн яньцзю эрти. [李志鹏. 商文化墓葬中随葬的狗牲研究二题 // 南方文物; Два вопроса, связанные исследованиями жертвенных захоронений собак в могилах культуры Шан] // Наньфан вэньбу. – 2011. – № 2. – С. 100–104.

Ли Чжипэн, Ван Сюэжун, Гу Фэй, Цао Хуэйци. Хэнань Яньши Шанчэн IV цюй 1999 нянь фацзюэ цзяньбао. [李志鹏、王学荣、谷飞、曹慧奇. 河南偃师商城 IV 区 1999 年发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках IV сектора Шанского городища в Яньши, пров. Хэнань, в 1999 году] // Каогу. – 2006. – № 6. – С. 32–42.

Лин Чуньшэн. Гудай Чжунго цзи Тайпиньян цюй дэ цюань цзи. [凌纯声. 古代中国及太平洋区的犬祭 // 民族学研究所集刊; Жертвоприношения собак в Древнем Китае и тихоокеанском регионе] // Миньцзусюэ яньцзюсо цзикань. – 1957. – С. 1–40.

Лин Чуньшэн. Шэминь тутэн вэньхуадэ яньцзю. [凌纯声. 畚民图腾文化的研究 // 中央研究院历史语言研究所集刊; Исследование тотемистический культуры шэ // Чжуньян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо цзикань; Вестник Института истории и филологии Академии Синика]. – 1947. – Вып. 16. – С. 127–172.

Линь Сян. Шу цзю таньюань – Ба, Шудэ «самань ши вэньхуа» яньцзю чжи. [林向. 蜀酒探源 – 巴、蜀的“萨满式文化”研究之一 // 南方民族考古; О происхождении шуского вина – одно из исследований «культуры шаманского типа»] // Наньфан миньцзу каогу. – 1987. – Т. 1. – С. 73–86.

Ло Юньбин. Чжунго гудай чжулэй сюньхуа, сыян юй ишисин шиюн. [罗运兵。中国古代猪类驯化、饲养与仪式性使用；Доместикация, разведение и ритуальное использование свиньи в Древнем Китае]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2012. – 478 с.

Лунцючжуан: Цзян-Хуай дун бу синьшици шидай ичжи фацзюэ баогао [龙虬庄：江淮东部新石器时代遗址发掘报告 / 张敏主编；Лунцючжуан: отчет о раскопках неолитического памятника в восточной части бассейнов рек Янцзы и Хуанхэ / Гл. ред. Чжан Минь]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1999. – 564 с.

Лэйчжоу ши гоу. [雷州石狗 / 陈永生主编；Лэйчжоуские каменные собаки / Гл. ред. Чэнь Юншэн]. – Гуанчжоу: Линнань мэйшу чубаньшэ, 2012. – 293 с.

Лэйчжоу ши гоу. [雷州石狗；Лэйчжоуские каменные собаки] // Интернет-энциклопедия «Байду» URL: <http://baike.baidu.com/view/863448.htm> (дата обращения 20.12.2013).

Лю Имань, Цао Динъюнь. 1973 нянь Сяотунь наньди фацзюэ баогао. [刘一曼、曹定云。1973年小屯南地发掘报告 // 考古学集刊；Отчет от раскопках к югу от Сяотунь в 1973 году] // Каогусюэ цзикань. – 1995. – Вып. 9. – С. 45–137.

Лю Итин. Шан Чжоу цзисы дуньбу ицунь яньцзю цзуншу. [刘一婷。商周祭祀动物遗存研究综述 // 南方文物；Обзор исследований остатков жертвоприношений животных в [эпохи] Шан и Чжоу] // Наньфан вэньбу. – 2014. – № 1. – С. 58–64.

Лю Чжицюань, Чжан Гуан. Хэнань Яньши Эрлитоу эр хао гундянь ичжи. [刘芝荃、郑光。河南偃师二里头二号宫殿遗址 // 考古；Руины дворца № 2 на памятнике Эрлитоу в Яньши, пров. Хэнань] // Каогу. – 1983. – № 3. – С. 206–216.

Лю Шиэ. Сиань Лаонюпо Шан дай муди чулунь. [刘士莪。西安老牛坡商代墓地初论 // 文物；К вопросу о могильнике эпохи Шан в Лаонюпо, Сиань] // Вэньбу. – 1988. – № 6. – С. 23–27.

Лю Шиэ, Сун Синьчао. Сиань Лаонюпо Шан дай мудидэ фацзюэ. [刘士莪、宋新潮。西安老牛坡商代墓地的发掘 // 文物; Раскопки могильника эпохи Шан в Лаонюпо, Сиань] // Вэньбу. – 1988. – № 6. – С. 1–22.

Люй Чжижун, Цао Минтань. Шэньси Фэнсян сянь Дасиньцунь ичжи фацзюэ цзяньбао. [吕智荣、曹明檀。陕西凤翔县大辛村遗址发掘简报 // 考古与文物; Краткий отчет о раскопках памятника Дасиньцунь в уезде Фэнсян, пров. Шэньси] // Каогу юй вэньбу. – 1985. – № 1. – С. 1–11.

Лян Чжипэн. Сюйянь. [梁志鹏。序言//雷州半岛石狗图录。雷州市分册; Предисловие // Каталог каменных собак п-ова Лэйчжоу. Том: Лэйчжоу]. – Гуанчжоу: Гуандун люйю чубаньшэ, 2008. – С. 3.

Лянь Шаомин. Буцы соцзянь Шандайдэ цзыжань чунбай хэ ушу. [连劭名。卜辞所见商代的自然崇拜和巫术 // 故宫博物院院刊; Свидетельства о поклонении силам природы и магии эпохи Шан, содержащиеся в гадальных надписях] // Гугун боюань юанькань. – 2000. – № 3. – С. 64–69.

Миьцзу цзешао [民族介绍; Краткое описание народа] // Официальный сайт Шэньчжэньской компании «Прекрасный Китай», осуществляющей управление Деревней национальной культуры народов Китая. URL: <http://www.cn5000.com.cn/mzfq/yao-zu.html> (дата обращения 19.03.2016).

Нин Иньтан, Цюй Шигуан. Шаньдун Чжанцю ши Цзяоцзя ичжи дяоча [宁荫棠、曲世广。山东章丘市焦家遗址调查 // 考古; Исследование памятника Цзяоцзя в г. Чжанцю, пров. Шаньдун] // Каогу. – 1998. – № 6. – С. 20–38.

Нин Цзинтун. Хэнань Ичуань сянь фасянь Шан му. [宁景通。河南伊川县发现商墓 // 文物; Обнаружение могилы эпохи Шан в уезде Ичуань пров. Хэнань] // Вэньбу. – 1993. – № 6. – С. 61–64.

Няньлуньдэ цзии: Цзе ду шэнсяо вэньхуа. Сюй гоу. [年轮的记忆: 解读生肖文化。戌狗 / 舒大丰主编; Память годовых колец: разъяснение культуры

зодиакального цикла. Собака / Ред. Шу Дафэн]. – Наньчан: Байхуачжоу вэньи чубаньшэ, 2006. – 152 с.

Окамура Хидэцунэ. Шан дайдэ дунъю сишэн [冈村秀典。商代的动物牺牲 // 考古学集刊; Жертвоприношения животных в эпоху Шан] // Каогусюэ цзикань. – 2004. – Вып. 15. – С. 216–235.

Оу Таньшэн. Лошань Тяньху Шан-Чжоу муди. [欧潭生。罗山天湖商周墓地 // 考古学报; Тяньху – могильник эпох Шан и Чжоу [в уезде] Лошань] // Каогу сюэбао. – 1986. – № 2. – С. 153–197.

Пэн Вэй. Цинь Хань иньши шэнхо чжун дэ жоулэй шипинь. [彭卫。秦汉饮食生活中的肉类食品 // 趣味考据 (三) / 王子今编; Мясные продукты в рационе [эпохи] Цинь-Хань // Занимательные исследования ([вып.] 3) / Ред. Ван Цзыцзинь]. – Куньмин: Юньнань жэньминь чубаньшэ, 2007. – С. 328–340.

Пэн Хуэйсянь. Шан мо цзинянь, цзисылэй цзягу яньцзю. [彭慧贤。商末纪年、祭祀类甲骨研究 // 元培学报; Исследование гадательных надписей, [содержащих информацию о летоисчислении и жертвоприношениях конца Шан] // Юаньпэй сюэбао. – 2009. – № 16. – С. 53–82.

Сичуань Сяванган. [浙川下王岗; [Памятник] Сяванган в [уезде] Сичуань]. – Пекин: Вэньи чубаньшэ, 1989. – 444 с.

Сун Годин, Ли Сутин. Шан вэньхуа чжунчжэнь цзеду – Чэнчжоу Сяошуанцяо ичжи. [宋国定、李素婷。商文化重镇解读 – 郑州小双桥遗址; Реконструкция значения важного поселения культуры Шан – памятника Сяошуанцяо в Чжэнчжоу] // Сто важнейших новых археологических открытий в Китае 1990-1999. Т. 1]. – Пекин: Вэньи чубаньшэ, 2002. – С. 366–371.

Сун Цзянь, Чжоу Лицзюань, Чэнь Цзе. Шанхай Сунцзян цюй Гуанфулинь ичжи 1999–2000 нянь фацзюэ цзяньбао. [宋建、周丽娟、陈杰。上海松江区广富林遗址 1999 – 2000 年发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках памятника

Гуанфулинь в районе Сунцзян, г. Шанхай, в 1999–2000 гг.] // Каогу. – 2002. – № 10. – С. 31–48.

Сунь Вэйчан, Цзян Цюаньшэн. Шанхай ши Сунцзян сянь Гуанфулинь синьшици шидай ичжи шитань. [孙维昌、姜泉生。上海市松江县广富林新石器时代遗址试探 // 考古; Разведочные раскопки неолитического памятника Гуанфулинь в уезде Сунцзян, г. Шанхай] // Каогу. – 1962. – № 9. – С. 465–469.

Сюй Синьминь, Чэн Цзе. Чжэцзян Пинху ши Чжуанцяофэнь лянчжу вэньхуа ичжи цзи муди. [徐新民、程杰。浙江平湖市庄桥坟良渚文化遗址及墓地 // 考古; Памятник и могильник культуры лянчжу Чжуанцяофэнь в г. Пинху, пров. Чжэцзян] // Каогу. – 2005. – № 7. – С. 10–14.

Сюй Цзяньчунь. «Хэмудужэнь» цзи ци хоуидэ цзин цюань сису [徐建春。 “河姆渡人” 及其后裔的敬犬习俗 // 河姆渡文化新论：海峡两岸河姆渡文化学术研讨会论文集 / 王慕民主编; Традиция почитания собаки у «хэмудусцев» и их потомков // Хэмуду вэньхуа синьлунь: Хайся лян ань хэмуду вэньхуа сюэшу яньтаохуэй луньвэнь цзи; Мат-лы науч. конф. «Культура хэмуду на берегах Тайваньского пролива»]. – Пекин: Хайян чубаньшэ, 2002. – С. 171–174.

Сяо сян лу. [潇湘录] // Интернет-библиотека «Викитека». URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E7%80%9F%E6%B9%98%E9%8C%84> (дата обращения 1.02.2017).

Сяотунь наньди цзягу. [小屯南地甲骨; Гадательный надписи на костях, [найденные] к югу от Сяотунь]. В 8 т. – Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1980–1983.

Тан Цзигэнь, Го Пэн. Хэнань Аньян ши Иньсюй Сяоминьтунь дун-наньди Шан дай муцзан 1989-1990 няньдэ фацзюэ. [唐际根、郭鹏。河南安阳市殷墟孝民屯东南地商代墓葬 1989–1990 年的发掘 // 考古; Раскопки шанских погребений к юго-востоку от Сяоминьтунь, Иньсюй, в г. Аньян, пров. Хэнань, в 1989-1990 годах] // Каогу. – 2009. – № 9. – С. 15–40.

Тан Цзигэнь, Цзин Чжичунь, Лю Чжунфу, Юэ Чжаньвэй. Хэнань Аньян ши Хуаньбэй Шанчэндэ каньча юй шицзюэ. [唐际根、荆志淳、刘忠伏、岳占伟。河南安阳市洹北商城的勘察与试掘 // 考古; Обследование и пробные раскопки Шанского городища к северу от [реки] Хуаньхэ [в районе] г. Аньян, пров. Хэнань] // Каогу. – 2003а. – № 5. – С. 3–16.

Тан Цзигэнь, Юэ Хунбинь, Хэ Юйлин, Юэ Чжаньвэй. Хэнань Аньян ши Хуаньбэй Шанчэн гундянь цюй 1 хао цзичжи фацзюэ цзяньбао. [唐际根、岳洪彬、何毓灵、岳占伟。河南安阳市洹北商城宫殿区 1 号基址发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках фундамента № 1 в районе дворцов Шанского городища городища к северу от [реки] Хуаньхэ [в районе] г. Аньян, пров. Хэнань] // Каогу. – 2003б. – № 5. – С. 17–23.

Таньшишань вэньхуа ичжи. [昙石山文化遗址 ; Памятники культуры таньшишань] // Интернет-энциклопедия «Байду». URL: <http://baike.baidu.com/view/474378.htm> (дата обращения 05.08.2015).

Тао Лифань. Цюань юй цюань вэньхуа. [陶立王番。犬与犬文化//中国畜牧业信息网; Собака [как животное] и собака в культуре] // Сайт газеты «Жэньминь жибао». URL: <http://www.people.com.cn/GB/paper2515/10664/969542.html> (дата обращения 20.09. 2015).

Тэнчжоу Цяньчжанда муди. [滕州前掌大墓地; Могильник Цяньчжанда [в уезде] Тэнчжоу]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005. – 832 с.

Тянь-гоу (Чжунго). [天狗 (中國) ; Небесная Собака (Китай)] // Интернет-энциклопедия «Википедия». URL: [https://zh.wikipedia.org/wiki/%E5%A4%A9%E7%8B%97_\(%E4%B8%AD%E5%9C%8B\)](https://zh.wikipedia.org/wiki/%E5%A4%A9%E7%8B%97_(%E4%B8%AD%E5%9C%8B)) (дата обращения 30.09.2016).

У Вэйси, Чжу Яжун, Цзян Цун. Саньсиндуй: гу Шу вангодэ шэньми мяньцзюй. [吴维羲、朱亚容、江聪。三星堆：古蜀王国的神秘面具; Саньсиндуй:

священные тайные маски государства Древнее Шу]. – Пекин: Учжоу чуаньбо чубаньшэ, 2005. – 126 с.

У Жуцзо. Шаньдун Цзяосянь Саньлихэ ичжи фацзюэ цзяньбао. [吴汝祚。山东胶县三里河遗址发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках памятника Саньлихэ в уезде Цзяосянь, пров. Шаньдун] // Каогу. – 1977. – № 4. – С. 262–267.

У Жуцзо. Шаньдун шэн Чандао сянь Тоцзидао Дакоу ичжи. [吴汝祚。山东省长岛县砣矶岛大口遗址 // 考古; Памятник Дакоу на о. Тоцзидао в уезде Чандао, пров. Шаньдун] // Каогу. – 1985. – № 12. – С. 1068–1083, 1145.

У Чжицзян, Линь Ян, Чжан Яньлин. Чжэнчоу ши Чжаньматунь ичжи яншао вэньхуа ицунь 2009–2010 нянь дэ фацзюэ. [武志江、林杨、张艳玲。郑州市站马屯遗址仰韶文化遗存 2009 - 2010 年的发掘 // 考古; Раскопки объектов, принадлежащих культуре яншао, на памятнике Чжаньматунь, г. Чжэнчжоу, в 2009–2010 гг.] // Каогу. – 2011. – № 12. – С. 58–73.

У Чжуан. Сянь Цинь шици цзяцюань яньцзюдэ сяньчжуан юй чжаньван. [武庄。先秦时期家犬研究的现状与展望 // 南方文物; Исследования домашних собак доциньского периода: современное состояние и перспективы] // Наньфан вэньху. – 2014. – № 1. – С. 65–73.

У Шичи, У Вэньци. Чипин Шанчжуан синьшици шидай ичжи. [吴诗池、吴文祺。荏平尚庄新石器时代遗址 // 考古学报; Неолитический памятник Шанчжуан в уезде Чипин] // Каогу сюэбао. – 1985. – № 4. – С. 465–505.

Уян Цзяху (шан цзюань, ся цзюань). [舞阳贾湖 (上卷、下卷); [Памятник] Цзяху [в уезде] Уян (в 2-х томах)]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. – Т. 1. 1999. – 1042 с.

Ху Цзянь, Цзя Чжицян. Шаньси Утай сянь Янбай ичжи фацзюэ цзяньбао. [胡建、贾志强。山西五台县阳白遗址发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках памятника Янбай в уезде Утай, пров. Шаньси] // Каогу. – 1997. – № 4. – С. 46–57.

Хуайян ни ни гоу цзешао. [淮阳泥泥狗介绍 // 中国网; Знакомство с «глиняными собачками» из Хуайяна] // Официальный сайт Пресс-канцелярии

Государственного совета КНР. 20 апр. 2006 г. URL: <http://www.china.com.cn/chinese/zhuanti/06henanx/1189580.htm> (дата обращения 29.02.2016).

Хуан Шилинь, Ли Сицзин, Ван Кэлинь. Шаньси Сясянь Дунсяфэн луншань вэньхуа ичжи. [黄石林、李锡经、王克林。山西夏县东下冯龙山文化遗址 // 考古学报; Памятник культуры луншань Дунсяфэн в уезде Сясянь, пров. Шаньси] // Каогу сюэбао. – 1983. – № 1. – С. 55–92.

Хуатин: синьшици шидай муди фацзюэ баогао. [花厅：新石器时代墓地发掘报告; Хуатин: отчет о раскопках неолитического могильника]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2003. – 206 с.

Хэ Цзецзюнь, Чжоу Шижун. Хунань Аньсян сянь Танцзяган синьшици шидай ичжи. [何介钧、周世荣。湖南安乡县汤家岗新石器时代遗址 // 考古; Неолитический памятник Танцзяган в уезде Аньсян, пров. Хунань] // Каогу. – 1982. – № 4. – С. 341–354.

Хэ Юйлин. Хэнань Аньян ши Иньсюй Фаньцзячжуан дун-бэйдидэ лян цзо Шан му. [何毓灵。河南安阳市殷墟范家庄东北地的两座商墓 // 考古; Две шанские могилы, [найденные] к северо-востоку от дер. Фаньцзячжуан на территории Иньсюй, г. Аньян, пров. Хэнань] // Каогу. – 2009. – № 9. – С. 41–53.

Хэнань Сяванган ичжидэ фацзюэ. [河南下王岗遗址的试掘 // 文物; Пробные раскопки памятника Сяванган, пров. Хэнань] // Вэньу. – 1972. – № 10. – С. 6–19, 28.

Цзан Чжэньхуа. Цун каогу кань Тайвань. [臧振华。從考古學看臺灣 // 臺灣月刊雙月電子報; Тайвань в свете археологии] // Тайвань юэкань (эл. журнал). – 2007, окт. URL: <http://subtpg.tpg.gov.tw/web-life/taiwan/9610/9610-16.htm> (дата обращения 06.01.2016).

Цзоусянь Едянь. [邹县 / 责任编辑楼宇栋; [Памятник] Едянь в уезде Цзоусянь / Отв. ред. Лоу Юйдун]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1985. – 190 с.

Цзягувэнь хэци шивэнь. [甲骨文合集释文 / 胡厚宣主编; Собрание расшифровок гадальных надписей на костях и черепаших панцирях / Гл. ред. Ху Хоусюань]. В 13 т. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1999.

Цзян Нань, Дин Ланьпо, Чжан Сунлинь. Чжэнчжоу ши Мингунлу дун Шандай ичжи. [姜楠、丁兰坡、张松林。郑州市铭功路东商代遗址 // 考古; Памятник эпохи Шан к востоку от Мингунлу, г. Чжэнчжоу] // Каогу. – 2002. – № 9. – С. 45–61.

Цзянсу Туншань Цювань гу ичжидэ фацзюэ. [江苏铜山丘湾古遗址的发掘 // 考古; Раскопки древнего памятника Цювань [в районе] Туншань, пров. Цзянсу] // Каогу. – 1973. – № 2. – С. 71–79.

Цзянчжай: синьшици шидай ичжи фацзюэ баогао. [姜寨: 新石器时代遗址发掘报告; Цзянчжай: отчет о раскопках неолитического памятника]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1988. – Т. 1. – 584 с.

Цзяньмин жоу цюань янчжи шоуцэ. [简明肉犬养殖手册 / 王顺宝主编; Краткий справочник по разведению мясных собак / Ред. Ван Шуньбао]. – Пекин: Чжунго нунье дасюэ чубаньше, 2002. – 306 с.

Циньань Дадивань: синьшици шидай ичжи фацзюэ баогао. [秦安大地湾: 新石器时代遗址发掘报告; Дадивань, [уезд Циньань]: отчет о раскопках неолитического памятника]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2006. – Т. 2. 946 с.

Цянь Куньюй, Лань Синь. Шан дай дучэн. Иньсюй. [乾坤鱼、蓝昕。商代都城。殷墟; Столичные города Шанской эпохи. Иньсюй]. – Чанчунь: Цзилинь чубань цзитуань, 2011. – 146 с.

Чжан Минхуа, Ли Фэн. Шанхай Цзиньшань цюй Тинлинь чижэ 1988, 1990 нянь лянчжу вэньхуа муцзандэ фацзюэ. [张明华、李峰。上海金山区亭林遗址 1988、1990 年良渚文化墓葬的发掘 // 考古; Раскопки погребений культуры лянчжу на памятнике Тинлинь в районе Цзиньшань, Шанхай] // Каогу. – 2002. – № 10. – С. 49–63.

Чжан Сяома. Саньсиндуй фангодэ у – цинтун ли жэньсян юй дуньцзо жэньсян яньцзю. [张肖马。三星堆方国的巫 – 青铜立人像与蹲坐人像研究 // 四川文物; Шаманы царства Саньсиндуй – изучение бронзовых фигур стоящих и сидящих на корточках людей] // Сычуань вэньбу. – 2003. – № 5. – С. 27–32.

Чжан Чжэнь. Маньтань Чжунго гудайдэ гоу. [张震。漫谈中国古代的狗 // 中国文物报; Заметки о собаках в древнем Китае] // Чжунго вэньбу бао. – 2006. 10 фев. – С. 7.

Чжан Юньпэн. Хубэй Цзиншань, Тяньмэнь каогу фацзюэ цзяньбао. [张云鹏。湖北京山、天门考古发掘简报 // 考古通讯; Краткий отчет об археологических раскопках в уездах Цзиншань и Тяньмэнь, пров. Хубэй] // Каогу тунсюнь. – 1956. – № 3. – С. 11–21.

Чжан Юньпэн, Ван Цзинь. Хубэй Шицзяхэ Лоцзябайлин синьшици шидай ичжи. [张云鹏、王劲。湖北石家河罗家柏岭新石器时代遗址 // 考古学报; Неолитический памятник Лоцзябайлин в Шицзяхэ, пров. Хубэй] // Каогу сюэбао. – 1994. – № 2. – С. 191–229.

Чжао Лань. Шаньдун Пиньинь сянь Чжуцзяцяо Иньдай ичжи. [赵岚。山东平阴县朱家桥殷代遗址 // 考古; Памятник иньской эпохи Чжуцзяцяо в уезде Пиньинь, пров. Шаньдун] // Каогу. – 1961. – № 2. – С. 86–93.

Чжао Цзяньлун. Ганьсу Циньань сянь Дадивань ичжи яншао вэньхуа цзаоци цзюйло фацзюэ цзяньбао. [赵建龙。甘肃秦安县大地湾遗址仰韶文化早期聚落发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках поселения раннего этапа культуры яншао на памятнике Дадивань в уезде Циньань, пров. Ганьсу] // Каогу. – 2003. – № 6. – С. 19–31.

Чжао Чао. Тети чичэн: каогу вэньбу чжундэ ма. [赵超。铁蹄驰骋: 考古文物中的马; Стук железных подков: [образ] лошади [по материалам] археологии и памятников материальной культуры]. – Шанхай: Шанхай шухуа чубаньшэ, 2013. – 162 с.

Чжао Чжицюань, Лю Чжунфу. Хэнань Яньши Шисянгоу Шанчэн диу хао гундянь цзичжи фацзюэ цзяньбао. [赵芝荃、刘忠伏。河南偃师尸乡沟商城第五号宫殿基址发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках фундамента дворца № 5 на Шанском городище в Шисянгоу, Яньши, пров. Хэнань] // Каогу. – 1988. – № 2. – С. 128–140.

Чжоу Яншэн. Ляонин Шэньян Синьлэ ичжи цянцзю цинли фацзюэ цзяньбао. [周阳生。辽宁沈阳新乐遗址抢救清理发掘简报 // 考古; Краткий отчет об аварийных раскопках памятника Синьлэ в Шэньяне, пров. Ляонин] // Каогу. – 1990. – № 11. – С. 969–980.

Чжу Юнган, Ли Ипин, Жэнь Яшань, Цзя Цзиньбяо. Хэбэй Синтай ши Гэцзячжуан ичжи 1999 нянь фацзюэ цзяньбао. [朱永刚、李伊萍、任亚珊、贾金标。河北邢台市葛家庄遗址 1999 年发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках памятника Гэцзячжуан [на территории] г. Синтай, пров. Хэбэй, в 1999 году] // Каогу. – 2005. – № 2. – С. 3–27.

Чжунго дуньукаогусюэ. [中国动物考古学 / 袁靖著; Зооархеология Китая / Ред. Юань Цзин]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2015. – 332 с.

Чжунго каогусюэ: Синьшици шидай цзюань. [中国考古学。新石器时代卷 / 任式楠、吴耀利主编; Археология Китая: Неолит / Гл. ред. Жэнь Шинань, У Яоли]. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2010. – 805 с.

Чжунго каогусюэ: Ся Шан цзюань. [中国考古学: 夏商卷 / 杨锡璋, 高炜主编; Китайская археология: Династии Ся и Шан / Ред. Ян Сичжан, Гао Вэй]. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2003. – 668 с.

Чжунго шэцзу. [中国畬族 / 钟伯清编著; Шэ Китая / Ред. Чжун Бочин]. – Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2012. – 330 с.

Чжунго яоцзу. [中国瑶族 / 潘琼阁编著; Яо Китая / Ред. Пань Цюнгэ]. – Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2011. – 259 с.

Чжэн Найу, Лян Чжунхэ, Тянь Фуцян. Хэнань Жучжоу Чжуншаньчжай ичжи. [郑乃武、梁中合、田富强。河南汝州中山寨遗址 // 考古学报; Памятник Чжуншаньчжай в [городском уезде] Жучжоу, пров. Хэнань] // Каогу сюэбао. – 1991. – № 1. – С. 57–89.

Чжэн Чжэньсян. Аньян Сяотуньцунь бэйдэ лян цзо Иньдай му. [郑振香。安阳小屯村北的两座殷代墓 // 考古学报; Две иньские могилы к северу от дер. Сяотунь] // Каогу сюэбао. – 1981. – № 4. – С. 491–517.

Чжэнчжоу Шандай чэнчжи шицзюэ цзяньбао. [郑州商代城址试掘简报 // 文物; Краткий отчет о раскопках Шанского городища в Чжэнчжоу] // Вэньу. – 1977. – № 1. – С. 21–31.

Чжэнчжоу Шанчэн: 1953–1985 нянь каогу фацзюэ баогао. [郑州商城: 1953 – 1985 年考古发掘报告; Шанское городище в Чжэнчжоу: отчет о раскопках 1953–1985 гг.]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2001. – 1397 с.

Чэнь Вэньхуа. Чжунго нунье каогу цзыляо соинь (10) гоу. [陈文华。中国农业考古资料索引 (十) 狗 // 农业考古; Указатель материалов по сельскохозяйственной археологии Китая (10) Собака] // Нунье каогу. – 1992. – № 3. – С. 342–346, 341.

Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань. Шиси Саньсиндуй ичжи Шандай и хао кэндэ синчжи цзи югуань вэньти. [陈显丹、陈德安。试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题 // 四川文物; Предварительное изучения характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов] // Сычуань вэньу. – 1987. – № 4. – С. 27–29.

Чэнь Хуэй, Тан Юньмин, Сунь Дэхай. Хэбэй Таншань ши Дачэншань ичжи фацзюэ баогао [陈惠、唐云明、孙德海。河北唐山市大城山遗址发掘报告 // 考古学报; Отчет о раскопках памятника Дачэншань в г. Таншань, пров. Хэбэй] // Каогу сюэбао. – 1959. – № 3. С. 17–35.

Чэнь Цзин. Цзянсу Чанчжоу Вэйдуньцунь синьшици шидай ичжидэ дяоча хэ шицзюэ. [陈晶。江苏常州圩墩村新石器时代遗址的调查和试掘 // 考古; Исследование и пробные раскопки неолитического памятника в Вэйдуньцунь, Чанчжоу, пров. Цзянсу] // Каогу. – 1974. – № 2. – С. 109–115.

Чэнь Чжицзянь. Гайшу Лэйчжоу ши гоу вэньхуадэ юаньюань юй дуаньдай ицзюй. [陈志坚。概述雷州石狗文化的渊源与断代依据 // 雷州半岛石狗图录。雷州市分册; Краткий очерк происхождения и оснований для периодизации культуры лэйчжоуских каменных собак // Каталог каменных собак п-ова Лэйчжоу. Том: г. Лэйчжоу]. – Гуанчжоу: Гуандун люйю чубаньшэ, 2008а. – С. 5–11.

Чэнь Чжицзянь. Лэйчжоу миньсу ши гоу вэньхуадэ таньсо. [陈志坚。雷州民俗石狗文化的探索; Исследование культуры каменных собак в народных обычаях Лэйчжоу] // Сайт газеты «Жэньминь жибао». 29.01.2006. URL: <http://culture.people.com.cn/GB/40483/40484/4070096.html> (дата обращения 20.12.2013).

Чэнь Чжицзянь. Чжаньцзян шицзюй юань шэнтай ши гоу гайшу. [陈志坚。湛江市区原生态石狗概述 // 雷州半岛石狗图录。湛江市分册; Краткий очерк естественного состояния каменных собак в городских районах Чжаньцзяна // Каталог каменных собак п-ова Лэйчжоу. Том: г. Чжаньцзян]. – Гуанчжоу: Гуандун люйю чубаньшэ, 2007. – С. 5–10.

Чэнь Чжицзянь. Ши шу Лэйчжоу ши гоу цзаосин вэньшидэ шэхуэй миньсу сяньсян. [陈志坚。试述雷州石狗造型纹饰的社会民俗现象 // 雷州半岛石狗图录。徐闻县、遂溪县、廉江市分册; Предварительная интерпретация социо-этнографических признаков форм и орнаментации лэйчжоуских каменных собак // Каталог каменных собак п-ова Лэйчжоу. Том: Уезд Суйвэнь, уезд Суйси, г. Ляньцзян]. – Гуанчжоу: Гуандун люйю чубаньшэ, 2008б. – С. 5–9.

Шанхай Фуцюаньшань ичжи Уцзячан муди фацзюэ. [上海福泉山遗址吴家场墓地发掘 // 中国文物报; Раскопки могильника Уцзячан на памятнике Фуцюаньшань, г. Шанхай] // Чжунго вэньбу бао. – 2011. 21 окт. – С. 4.

Шань хай цзин [山海经 / 方韬译注; Каталог гор и морей / Комментар. Фан Тао]. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2012. – 354 с.

Шаньдун Ваньинь: синьшици шидай ичжи фацзюэ баогао. [山东王因: 新石器时代遗址发掘报告; Ваньинь, пров. Шаньдун: отчет о раскопках неолитического памятника]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000. – 456 с.

Шаньдун Иду Суфутунь дии хао нули сюньцзан му. [山东益都苏埠屯第一号奴隶殉葬墓 // 文物; Могила № 1 в Суфутунь с сопроводительными захоронениями рабов] // Вэньбу. – 1972. – № 8. – С. 17–30.

Шовэнь цзецзы. [说文解字]. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012. – 1198 с.

Ю Чжэньяо. Цзянсу Писянь Дадуньцзы ичжи диэр цы фацзюэ. [尤振尧。江苏邳县大墩子遗址第二次发掘 // 考古学集刊; Второй сезон раскопок на памятнике Дадауньцзы в уезде Писянь, пров. Цзянсу] // Каогусюэ цзикань. – 1981. – Вып. 1. – С. 27–81.

Юань Цзин. Лунь Чжунго синьшици шидай цзюйминь хоцуй жоуши цзыюаньдэ фанши. [袁靖。论中国新石器时代居民获取肉食资源的方式 // 袁靖。科技考古文集; Способы получения мясной пищи населением Китая эпохи неолита // Юань Цзин. Кэцзи каогу вэньцзи; Собрание трудов по научно-технической археологии]. – Пекин: Вэньбу чубаньшэ, 2009. – С. 90–113.

Юаньцзюй Шанчэн. 1985–1987 няньду каньча баогао. [垣曲商城。1985–1986年度勘察报告; Шанское городище в Юаньцзюй. Отчет об исследованиях 1985–1986 гг.]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1996. – Т. 1. – 338 с.

Юй Вэйчао. Туншань Цювань Шандай шэ сы ицзидэ туйдин. [俞伟超。铜山丘湾商代社祀遗迹的推定 // 考古; О следах жертвоприношений шэ в эпоху Шан [на памятнике] Цювань [в районе] Туншань.] // Каогу. – 1973. – № 5. – С. 295–298.

Юэ Хунбинь, Юэ Чжаньвэй. Хэнань Аньян ши Иньсуй Сяотунь сиди Шандай да му фацзюэ цзяньбао. [岳洪彬、岳占伟。河南安阳市殷墟小屯西地商代大墓发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках крупного погребения шанской эпохи к западу от Сяотунь в Иньсуй, г. Аньян, пров. Хэнань] // Каогу. – 2009. – № 9. – С. 54–69.

Ян Баочэн. Аньян Угуаньцунь бэйди Шандай цзисыкэндэ фацзюэ. [杨宝成。安阳武官村北地商代祭祀坑的发掘 // 考古; Раскопки жертвенных ям эпохи Шан к северу от дер. Угуаньцунь [в районе] Аньяна] // Каогу. – 1987. – № 12. – С. 1062–1070, 1145.

Ян Баочэн, Сюй Гуандэ. Аньян Хоуцзячжуан бэйди и хао му фацзюэ цзяньбао. [杨宝成、徐广德。安阳侯家庄北地一号墓发掘简报 // 考古学集刊第二集; Краткий отчет о раскопках погребения № 1 к северу от дер. Хоуцзячжуан [в районе] Аньяна] // Каогусяэ цзикань. – 1982. – Вып. 2. – С. 35–40.

Ян Баочэн, Ян Сичжан. Иньсуй 259, 260 хао му фацзюэ цзяньбао. [杨宝成、杨锡璋。殷墟 259、260 号墓发掘报告 // 考古学报; Отчет о раскопках погребений 259 и 260 в Иньсуй] // Каогу сюэбао. – 1987. – № 1. – С. 99–117.

Ян Гочжун, Лю Чжунфу. 1980 нянь цю Хэнань Яньши Эрлитоу ичжи фацзюэ цзяньбао. [杨国忠、刘忠伏。1980 年秋河南偃师二里头遗址发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках памятника Эрлитоу в Яньши, пров. Хэнань, осенью 1980 года] // Каогу. – 1983. – № 3. – С. 199–205, 219.

Ян Сичжан. Аньян Иньсуй Саньцзячжуан дундэ фацзюэ. [杨锡璋。安阳殷墟三家庄东的发掘 // 考古; Раскопки к востоку от Саньцзячжуан [на территории] Иньсуй [в районе] Аньяна] // Каогу. – 1983. – № 2. – С. 126–132.

Ян Сичжан. 1980 нянь Хэнань Аньян Дасыкунцунь М539 фацзюэ цзяьбао. [杨锡璋。1980 年河南安阳大司空村 M539 发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках могилы М539 в дер. Дасыкун, Аньян, пров. Хэнань, в 1980 году] // Каогу. – 1992. – № 6. – С. 509–517.

Ян Сичжан, Ян Баочэн. Аньян Иньсюй си цюй ициисань хао мудэ фацзюэ. [杨锡璋、杨宝成。安阳殷墟西区一七一三号墓的发掘 // 考古; Раскопки иньской могилы № 1713 в западном секторе Иньсюй в Аньяне] // Каогу. – 1986. – № 8. – С. 703–712, 725.

Ян Сяонэн. Чжунго юаньши шэхуэй дяосу ишу гайшу. [杨晓能。中国原始社会雕塑艺术概述 // 文物; Краткий обзор искусства скульптуры в первобытном обществе Китая] // Вэньбу. – 1989. – № 3. – С. 63–70, 93.

Ян Цзичан. Хэнань Шаньсянь Цилипу Шандай ичжидэ фацзюэ. [阳吉昌。河南陕县七里铺商代遗址的发掘 // 考古学报; Раскопки памятника эпохи Шан Цилипу в уезде Шаньсянь, пров. Хэнань] // Каогу сюэбао. – 1960. – № 1. – С. 25–49.

Ян Цзэмэн. Нэй Мэнгу Уланьчабу мэн Шихушань ичжи фацзюэ цзияо. [杨泽蒙。内蒙古乌兰察布盟石虎山遗址发掘纪要 // 考古; Краткий отчет о раскопках памятника Шихушань в аймаке Уланчаб, Внутренняя Монголия] // Каогу. – 1998. – № 12. – С. 1–12.

Янь Чжибинь, Хэ Ну. Шаньси Сянфэнь Таосы чэнчжи 2002 нянь фацзюэ баогао. [严志斌、何弩。山西襄汾陶寺城址 2002 年发掘报告 // 考古学报; Отчет о раскопках на городище Таосы в [уезде] Сянфэнь, пров. Шаньси] // Каогу сюэбао. – 2005. – № 3. – С. 307–346.

Яньши Эрлитоу. [偃师二里头; [Памятник] Эрлитоу в Яньши]. – Пекин: Чжунго дабайкэцюаньшу чубаньшэ, 1999. – 410 с.

Яоцзу цзайсянь. [瑶族在线; Яо он-лайн]. URL: <http://www.yaozu.net/baiji/index.asp?Page=2>

1998 нянь – 1999 нянь Аньян Хуаньбэй Шанчэн Хуаюаньчжуан дунди фацзюэ баогао. [1998年 – 1999年安阳洹北商城花园庄东地发掘报告 // 考古学集刊]; Отчет о раскопках в восточной части [памятника] Хуаюаньчжуан [на территории] Шанского городища к северу от р. Хуаньхэ [в районе] Аньяна] // Каогусюэ цзикань. – 2004. – Вып. 15. – С. 296-358.

На японском языке

Морохаси Тэцудзи. Дай кан-ва дзитэн. [諸橋轍次。大漢和辞典; Большой китайско-японский словарь]. В 13 т. – Токио: Токио Тайсю:кан сэтэн, 1966–1968. – Т. 7. 1967. – 1228 с.

Утияма Сатико. Ину но ко:кугаку. [内山幸子。イヌの考古学; Археология собак]. – Токио: До:сэйся, 2014. – 268 с.

ФАНО РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Кудинова Мария Андреевна

**СОБАКА В КУЛЬТУРАХ ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА
НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ**

Том 2

Специальность 07.00.06 – археология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научные руководители:

доктор исторических наук, профессор,
академик Молодин Вячеслав Иванович;
кандидат исторических наук, доцент,
Комиссаров Сергей Александрович

Новосибирск – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приложение 1. Погребения эпохи Шан с захоронениями собак.....	3
1.1. Ранняя и средняя Шан.....	3
1.2. Поздняя Шан.....	9
Приложение 2. Иллюстрации.....	45
Список литературы к приложениям.....	108

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ШАН С ЗАХОРОНЕНИЯМИ СОБАК

1.1. Ранняя и Средняя Шан

Шанское городище в Чжэнчжоу

Могила Бэйэрцилу М1 (BQM1) – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина с севера на юг составляет 2,70 м, ширина с запада на восток – 1,40–1,50 м, глубина – 0,15 м (могильная яма сохранилась не полностью), дно покрыто слоем киновари толщиной около 1 см. Сохранились остатки деревянного гроба длиной примерно 1,95 м, шириной около 0,50 м. В могиле был похоронен один человек. От скелета остались лишь отдельные кости, однако можно установить, что он лежал головой на север, ногами на юг, на спине с вытянутыми ногами, лицо было обращено на запад. Под телом покойного имелся *яокэн* прямоугольной формы, его длина с севера на юг – 0,70 м, ширина с запада на восток – 0,55 м, глубина – 0,25 м. В северной части - ниша-подбой неправильной формы длиной около 0,50 м, высотой 0,05–0,15 м. В *яокэне* захоронена одна собака. Сопроводительный инвентарь включал изделия из керамики, бронзы, камня, нефрита, кости. Внутри гроба находились бронзовый нож, бронзовая пластина, два костяных кинжала, украшение из клыка кабана, нефритовый диск *би* и другие мелкие предметы из камня и нефрита. В северной части могилы помещались бронзовый треножник *дин* и три чаши *цзя*. В восточной части – бронзовые сосуды *гу* и *цзюэ*, нефритовые и каменные заступы и клевцы. В южной части – бронзовый сосуд *гу*, нефритовые заступы, костяная шпилька и керамические диски. В нише *яокэна* находились костяной наконечник стрелы, костяная шпилька и каменная чаша *бо* [Ян Юйбинь, Го Пэйюй, 1983, с. 67–74].

Могила Бэйэрцилу М2 (BQM2) – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина с севера на юг составляет 2,70 м, ширина с запада на восток – 1,10 м, глубина – 0,10 м (могильная яма сохранилась не полностью). На дне могилы сохранились остатки деревянного гроба длиной примерно 1,85 м, шириной 0,60–0,65 м. В могиле похоронен один человек.

От скелета остались только кости ног, предположительно, покойный лежал головой на север, на спине с вытянутыми ногами. Под телом располагался *яокэн* в форме почти правильного квадрата, размеры $0,60 \times 0,66$ м, глубина – 0,25 м. Внутри захоронена одна собака. Рядом телом человека находились бронзовый нож, два каменных клевца, каменный заступ, изделия из нефрита, керамические диски. В северной части могилы помещались бронзовые сосуды *цзя* и *цзюэ*, в юго-западной – бронзовые сосуды *цзя*, *гу* и керамический сосуд *цзунь*. В *яокэне* найден каменный клевец (прил. 2, рис. 45) [Ян Юйбинь, Го Пэйюй, 1983, с. 74–76].

Могилы Бэйэрцилу М4 (BQM4) – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками, направление – 8° . Длина – 2,08 м, ширина – 0,69 м, глубина – 0,15 м (могильная яма не полностью сохранилась). Покойный лежал на животе с прямыми ногами, головой на север, лицом на запад. Под телом имелся квадратный *яокэн*, размеры которого $0,52 \times 0,52$ м, глубина – 0,22 м. В *яокэне* захоронен щенок. Сопроводительный инвентарь включал семь предметов из керамики (два сосуда *цзюэ*, два сосуда *цзя*, один сосуд *доу*, один сосуд *ли*, пряслице) и нефритовую шпильку. Погребение относится к верхнему слою эрлиган [Чжао Цин, Го Шуин, 1986, с. 334–335].

Могилы С7М25 на памятнике Жэньминь гунъюнь – грунтовое погребение с вертикальными стенками, размеры – $2,07 \times 0,76$ м, глубина – 0,86 м. Умерший лежал головой на север (5°), на спине с прямыми ногами. На дне могилы имелся прямоугольный *яокэн*, размеры – $0,90 \times 0,60$ м, глубина – 0,30 м, внутри захоронена собака. Сопроводительный инвентарь включал керамические сосуды *цзунь*, *цзя*, *пэнь*, бронзовый сосуд *цзюэ*, бронзовый нож, два бронзовых наконечника стрел, нефритовые украшения, фрагмент гадательной кости и фрагмент кости со следами обработки. Погребение относится к 1-му периоду верхнего слоя эрлиган [Дун Хун, Чжан Цзяньчжун, 1954, с. 83–85].

Мингунлу С11М126 – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками длиной 1,92 м, шириной 0,90 м, глубиной 0,80 м. Гроб отсутствовал. Покойный лежал на спине с вытянутыми ногами, головой строго на юг (180°). На дне есть *яокэн* с собакой. Сопроводительный инвентарь включает

бронзовый сосуд *цзя*, керамический сосуд *ли* и нефритовое изделие в виде рукоятки [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 439].

Погребение Мингунлу С11М146 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками, длина – 2,26 м, ширина – 0,70 м, глубина – 0,65 м. Гроб сохранился плохо. В нем лежал один человек, на спине с согнутыми ногами, головой на север (5°). Дно могилы покрыто киноварью. Под гробом находился *яокэн* овальной формы с захороненной собакой. Размеры *яокэна*: длина – 0,63 м, ширина – 0,27 м, глубина – 0,13 м. Собака тоже лежала головой на север. Сопроводительный инвентарь: бронзовый сосуд *дин*, керамические сосуды *ли*, *цзя*, *цзюэ*, *гу*, керамический диск и нефритовый предмет в форме рукоятки [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 282; Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 437, 439]¹.

Могила Мингунлу С11М148 – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками длиной 2,32 м, шириной 0,70 м, глубиной 0,65 м. В могиле сохранились остатки деревянного гроба. Погребенный лежал на спине с вытянутыми ногами, головой на юг (185). Дно было покрыто киноварью. В центре был вырыт *яокэн* неправильной формы, внутри захоронена собака. Сопроводительный инвентарь включает нефритовый сосуд *цзюэ*, керамические сосуды *ли*, *цзя*, *гу*, керамическую миску, изделия из кости, раковины, нефрита (прил. 2, рис. 46, 1, 2) [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 437, 439].

Мингунлу С11М150 – грунтовое погребение с вертикальными стенками, длина – 2 м, ширина – 0,63 м, глубина – 1,58 м. Имелся гроб, примерные размеры: длина – 1,60 м, ширина – 0,40 м. Покойник лежал на спине с вытянутыми ногами, головой на юг (182°). Грунт под телом покрыт киноварью, киноварное покрытие с севера на юг в длину достигает 1,48 м, с запада на восток шириной 0,40 м. *Яокэн* овальной формы, длиной 0,94 м, шириной 0,48 м, глубиной 0,24 м. В нем захоронена собака. Сопроводительный инвентарь включает бронзовую чашу *цзя*,

¹ Данные различных публикаций погребений из района Мингунлу нередко противоречат друг другу. Мы в основном опираемся на таблицы и иллюстрации, приведенные в полном отчете о раскопках Шанского городища в Чжэнчжоу 1953–1985 гг. [Чжэнчжоу Шан чэн, 2001, с. 439–440].

керамическую чашу *цзя*, керамический сосуд *ли*, керамический диск, керамическое пряслице и изделие из нефрита в форме рукоятки [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 245; Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 439].

Могила с западного края Мингунлу С11М151. Размеры: длина – 2,06 м, ширина – 0,44 м, глубина – 0,68 м. На дне могилы, к югу от середины помещен керамический сосуд с обожженными костями человека внутри. Под сосудом располагался *яокэн* неправильной формы (длина – 0,72 м, ширина – 0,34 м, глубина – 0,16 м) с захороненной в нем собакой (прил. 2, рис. 46, 3) [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 240; Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 437, 440].

Среднешанское захоронение М3 в Байцзячжуан – прямоугольная могила с вертикальными стенками. Длина – 2,90 м, ширина – 1,17 м, глубина – 2,13 м. Дно покрыто киноварью. В могиле имелся уступ высотой 0,40 м, шириной от 0,10 до 0,60 м. *Яокэн* прямоугольный, длиной 1,10 м, шириной 0,39 м, глубиной 0,20–0,30 м, его дно также покрыто киноварью, толщина слоя – примерно 3 см. В *яокэне* захоронена собака. В могиле сохранились остатки внешнего и внутреннего гробов, возможно, они были покрыты лаком. В гробу был похоронен один человек. Скелет покойного разложился, только в северной части гроба остались зубы и фрагменты черепа, то есть голова была обращена на север. На уступе погребен еще один человек, также лежавший на животе, головой на север, лицо было обращено на запад. Сопроводительный инвентарь включал 19 предметов, большая часть которых была размещена в юго-западном углу уступа: несколько бронзовых сосудов (три сосуда *дин* (из них два по форме напоминают треножники *ли*), кубок *цзюэ*, кувшин *лэй*, две чаши *цзя*, два кубка для вина *гу*), два нефритовых амулета *хуан*, бронзовая шпилька, гребень из слоновой кости, агатовое кольцо с прорезью *цзюэ*, фрагмент расписной керамики, кусок раковины, покрытый краской, и три обломка изделий из камня. В заполнении могилы также были найдены битая керамика, кости животных и фрагменты гадательных костей [Чжан Цзяньчжун, 1955, с. 26–29].

Тайси

М22. Размеры погребальной камеры $2,68 \times 1,21$ м, глубина – 0,72 м. В могиле имелись уступ и ниша в изголовье; гроб не сохранился. Труп мужчины в возрасте около 25 лет лежал на животе с вытянутыми ногами, головой на юго-запад (210°). На уступе с восточной стороны был захоронен еще один человек (тоже мужчина примерно 25 лет) в согнутом положении с прямыми ногами. На дне могилы имелся *яокэн* ($0,68 \times 0,40$ м, глубина – 0,27 м), в котором захоронена собака. Сопроводительный инвентарь включал изделия из бронзы, керамики, камня, кости. Погребение относится ко 2-му периоду Тайси.

М35. Размеры погребальной камеры $2,44 \times 1,00$ м, глубина – 1,30 м. Гроб не сохранился. «Хозяин могилы» – пожилой мужчина старше 50 лет, лежал на спине с прямыми ногами, головой на юго-восток (122°). Внутри гроба была сопогребена женщина, возраст около 25 лет, лежавшая на спине с вытянутыми ногами. На дне могилы имелся *яокэн* ($0,73 \times 0,30$ м, глубина – 0,37 м), в нем захоронена собака. Сопроводительный инвентарь представлен предметами из бронзы и керамики. Погребение относится ко 2-му периоду Тайси.

М38. Размеры погребения: $1,95 \times 0,73$ м, глубина – 0,65 м. В могиле имелся уступ; гроб не сохранился. Могила принадлежала женщине около 30 лет. Она лежала на боку со слегка согнутыми ногами головой на юго-восток (114°). На уступе с северной стороны в отдельном небольшом деревянном гробу был сопогребен мужчина, 17-18 лет, лежавший на животе с прямыми ногами. На дне могил имелся прямоугольный (почти квадратный) *яокэн* (длина – 0,33 м, ширина – 0,30 м), в котором захоронена собака, направление ее головы противоположно направлению головы женщины. Еще две собаки захоронены в заполнении могилы. Сопроводительный инвентарь представлен бронзовыми, керамическими, костяными изделиями. Погребение датируется 2-м периодом Тайси.

М56. Размеры: $2,70 \times 1,00$ м, глубина – 0,55 м. Есть уступ; гроб не сохранился. В гробу был захоронен мужчина, на животе с вытянутыми ногами, головой на юго-запад (204°). На дне могилы – *яокэн* (размеры: $0,74 \times 0,28$ м, глубина – 0,19 м) с собакой, направление головы собаки, захороненной в *яокэне*,

совпадает с направлением головы «хозяина могилы». Еще две собаки были захоронены на уступе. Сопроводительный инвентарь включал изделия из бронзы, керамики, нефрита, камня, гадательные кости, лаковые изделия. Погребение датируется 2-м периодом Тайси.

M85. Размеры: 3,00 × 1,50 м, глубина – 2,30 м. Имелся уступ, гроб не сохранился. В гробу захоронен «хозяин могилы» – мужчина, возраст около 25 лет, лежал на животе с прямыми ногами, головой на юг (200°). В могиле были захоронены еще два человека: внутри гроба один мужчина, около 20 лет, положение – на боку, с согнутыми ногами; на уступе с западной стороны - еще один мужчина, около 35 лет, захоронен в небольшом деревянном гробу, на соломенной циновке, положение – на животе. Также на уступе находились два черепа свиней. На дне могилы имелся *яокэн* в форме неправильного прямоугольника, размеры 0,75 × 0,26 м, глубина – 0,40 м, в нем захоронена собака, лежит головой на север. Направление головы собаки противоположно направлению головы «хозяина могилы». В заполнении могилы захоронено еще пять собак. Сопроводительный инвентарь включал изделия из бронзы, керамики, нефрита, камня, лака (лаковая шкатулка). Погребение датируется 2-м периодом Тайси.

M102. Размеры могилы: 2,62 × 1,14 м, глубина – 2,60 м. Имелся уступ, гроб не сохранился. «Хозяин могилы» – мужчина 30-35 лет, лежал на спине с прямыми ногами, головой на восток (109°). Внутри гроба был сопогребен один человек, мужчина, около 30 лет, положение – на животе с согнутыми ногами. На уступе находились кости животных – рога буйвола, бараньи лопатки, кости конечностей свиньи. На дне могилы имелся овальный *яокэн*, длина – 0,85 м, ширина – 0,32 м, в нем захоронена одна собака. Сопроводительный инвентарь включал изделия из бронзы, керамики, нефрита, кости. Погребение относится ко 2-му периоду Тайси [Го Чживэй, 2010, с. 148–149, 157–158].

Саньцзячжуан

M1. Размеры могилы: 2,15 × 0,92 м, глубина – 2,30 м. Направление – 15°. Покойный лежал на спине с прямыми ногами. Размеры *яокэна* 0,54 × 0,32 м, глубина – 0,20 м, внутри захоронена собака. Еще одна собака была захоронена в

заполнении могилы. Сопроводительный инвентарь включал бронзовые кубки *гу* и *цзюэ*, секиру, клевец, бронзовый (1 шт.) и костяные (4 шт.) наконечники стрел, нефритовое копье, нефритовые регалии, раковины и другие предметы.

М2. Размеры могилы: 2,20 × 0,93 м, глубина – 0,90 м. Направление – 276°. Покойный лежал на спине с прямыми ногами. В *яокэне* (размеры 0,80 × 0,30 м, глубина – 0,14 м) захоронена собака. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

М3. Размеры могилы: 2,90 × 1,50 м, глубина – 0,70 м. Направление – 198°. Покойный лежал на спине с прямыми ногами. Размеры *яокэна*: 0,80 × 0,42 м, глубина – 0,23 м, внутри зарыта собака. Еще одна собака захоронена в заполнении могилы. Сопроводительный инвентарь включал бронзовые сосуды *дин*, *гу*, *цзюэ*, *цзя*, керамическую миску *пэнь*, керамическое пряслице и круглый фрагмент керамики.

М4. Размеры могилы: 2,10 × 1,00 м, глубина – 1,35 м. Направление – 13°. Покойный лежал на спине с прямыми ногами. Размеры *яокэна*: 0,64 × 0,28 м, глубина – 0,17 м. Внутри захоронена собака. Еще одна собака захоронена на уступе с восточной стороны. Сопроводительный инвентарь включал бронзовое копье, бронзовый клевец, прямоугольную бронзовую пластинку, керамические сосуды *ли*, *гу* и *цзюэ*, нефритовый наконечник стрелы, фрагмент нефрита и восемь нефритовых украшений.

М6. Размеры могилы: 3,35 × 2,10 м, глубина – 2,60 м. Размеры *яокэна*: 0,80 × 0,32 м, глубина – 0,16 м, внутри захоронена собака. Сопроводительный инвентарь включал один бронзовый и два костяных наконечника стрел, нефритовый предмет в виде колотушки, две пластинки из бирюзы. Могила была ограблена [Ян Сичжан, 1983, с. 131].

2.2. Поздняя Шан

Шанское городище в Чжэнчжоу

В позднешанских слоях памятника известно 21 погребение с собаками, большинство из которых принадлежит к 1-му и 2-му периодам памятника

Жэньминь гунъюань. Это грунтовые могилы прямоугольной формы с вертикальными стенками, в некоторых вдоль стенок есть уступ. На дне в центральной части вырыт прямоугольный *яокэн* с захороненной собакой. Дно некоторых могил покрыто слоем киновари [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 887, 933].

Далее мы рассмотрим некоторые погребения 1-го периода более подробно.

С7М3 – прямоугольная могила с вертикальными стенками. Длина – 2,40 м, ширина – 0,70 м, глубина – 1,20 м. Направление 100°. В могиле имелся деревянный гроб, но он не сохранился. Покойный лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток. В области черепа найден бронзовый клевец, под скелетом – нефритовый амулет *хуан* и раковина. В середине дна могилы вырыт *яокэн* длиной 0,36 м, шириной 0,30 м, глубиной 0,20 м. Внутри захоронена собака. Дно *яокэна* покрыто киноварью. Помимо собачьего скелета в яме найден каменный топор *фу*.

С7М7 – грунтовое погребение трапециевидной формы. Длина – 3,10 м, максимальная ширина – 1,90 м, минимальная – 1,40 м, глубина – 1,90 м. Ориентация – строго на восток (90°). Вдоль стенок проходит земляной уступ высотой 0,70 м, шириной 0,18 м. В могиле имелись внешний (длина – 2,30 м, ширина – 1 м) и внутренний (длина – 2,09 м, ширина – 0,92 м) гробы. В центре могилы расположен *яокэн* длиной 1,43 м, шириной 0,46 м, глубиной 0,48 м. Кости собаки, захороненной внутри, не сохранились. Но на досках внутреннего гроба сохранились собачий череп и кости конечности. Сопроводительный инвентарь включает керамический сосуд *гуй*, два бронзовых клевца, две костяные шпильки, два костяных наконечника стрел, бронзовый наконечник копья, бронзовая секира *юэ*, каменный топор *фу* и нефритовый предмет в форме рукоятки [Там же, с. 887–888].

С7М10 – могила длиной 2,40 м, шириной 0,87 м, глубиной 2,33 м. Направление 100°. Вдоль стенок могилы проходит земляной уступ шириной 0,10–0,20 м. Внутри сохранились следы деревянного гроба длиной 2,06 м, шириной 0,52 м. Скелет человека лежит в вытянутом положении, на спине, головой на восток. В центре могилы находится *яокэн* длиной 0,91 м, шириной 0,31 м, глубиной 0,12 м. Внутри зарыта собака, лежавшая на боку, головой на запад.

Сопроводительный инвентарь включает керамическую чашу *доу*, фрагмент нефритового украшения, две фигурки рыбок из нефрита и одну из раковины. В рот покойного была вложена морская ракушка.

С7М15 – погребение трапециевидной формы. Длина с запада на восток составляет 3,05 м, максимальная ширина – 1,40 м, минимальная ширина – 1,35 м, глубина – 1,05 м. Вдоль стенок проходит земляной уступ. В могиле имелись два гроба – внутренний и внешний. Внешний гроб в форме трапеции, длина его достигает 2,30 м, максимальная ширина – 1,12 м, минимальная ширина – 0,96 м. Под гробом располагался *яокэн*, внутри которого найдены отдельные собачьи кости и фрагмент каменного заступа. «Хозяин могилы» лежал на спине с подогнутыми ногами, головой на восток. Дно могилы под телом было покрыто киноварью. В северо-восточной части внешнего гроба была подзахоронена молодая женщина, уложенная на бок, с согнутыми ногами. Лицо ее обращено на юг, т. е. к «хозяину могилы». Сопроводительный инвентарь включал клевцы из бронзы и нефрита, бронзовые секиры *юэ*, нефритовый амулет *хуан*, изделие из бронзы в форме рукоятки.

С7М16 – грунтовая могила трапециевидной формы. Длина составляет 1,94 м, максимальная ширина – 0,78 м, минимальная – 0,74 м, глубина – 0,50 м. Вдоль стенок проходил уступ шириной 0,16–0,20 м. Внутри имелся деревянный гроб длиной 1,62 м, шириной 0,40 м. Покойный погребен в вытянутом положении, на спине, головой на восток. На дне могилы был вырыт прямоугольный *яокэн* длиной 0,85 м, шириной 0,30 м, глубиной 0,25 м. Внутри захоронена собака. На уступе у южной стенки могилы найден собачий череп. Сопроводительный инвентарь включал керамические сосуды *доу*, *ли* и *гуй*, в рот покойного была вложена морская ракушка [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 889–891].

С7М17 – прямоугольная могила с вертикальными стенками. Длина составляет 2,40 м, ширина – 0,80 м, глубина – 0,84 м. Покойный был уложен на спину, в вытянутом положении, головой на восток. В центре могилы выкопан *яокэн* со скошенными внутрь стенками. Длина *яокэна* – 1 м, ширина – 0,40 м, глубина – 0,25 м. Собачьи кости в нем не обнаружены. Собака была захоронена сбоку от

человека, у северной стенки могилы. Погребальный инвентарь скуден: во рту у покойного найдена раковина, а в *яокэне* – фрагмент нефритового изделия.

С7М38 – грунтовое погребение трапециевидной формы. Длина с запада на восток составляет 2,30 м, ширина с севера на юг – 0,94 м, глубина могилы – 0,50 м. Вдоль северной и южной стенок могилы проходит земляной уступ шириной 0,10–0,50 м. Сохранились следы деревянного гроба длиной 1,94 м, шириной 0,44 м. Покойный лежал на спине в вытянутом положении, головой на восток. В середине могилы находился *яокэн* длиной 0,53 м, шириной 0,22 м, глубиной 0,19 м. Внутри захоронена собака, скелет ее сохранился плохо. Сопроводительный инвентарь включал керамические сосуды *ли* и *доу*, бронзовый клевец и нефритовый предмет в виде рукоятки [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 891–893].

Приведем также описание некоторых погребений 2-го периода.

Могилы С7М4 расположена в центральной части памятника Жэньминь гуньюань. Это грунтовое погребение длиной 2,40 м, шириной 0,70 м, глубиной 1,80 м. Покойный лежал на животе, в вытянутом положении, лицо было обращено на восток. На дне, в середине могилы выкопан *яокэн* длиной 0,36 м, шириной 0,24 м, глубиной 0,16 м с захоронением собаки. К настоящему времени от скелета животного сохранились лишь отдельные кости. Сопроводительный инвентарь включал керамическую чашу *доу*, бронзовый клевец, каменный топор *фу*, нефритовое изделие и раковину.

С7М6 – грунтовая могила трапециевидной формы, ориентированная по линии восток-запад. Ее длина составляет 2,42 м, максимальная ширина – 1,08 м, минимальная ширина – 1 м, глубина – 1,12 м. Вдоль стенок проходит земляной уступ шириной 0,10–0,30 м. Скелет человека, захороненного в могиле, не сохранился. В центральной части погребения имеется *яокэн* длиной 1 м, шириной 0,26 м, глубиной 0,30 м. Внутри была захоронена собака, но ее скелет также не сохранился. Погребальный инвентарь сравнительно богат: керамический сосуд *гуй*, бронзовый и каменный клевцы, несколько нефритовых изделий.

С7М103 – грунтовая могила длиной 2,21 м, шириной 0,80 м, глубиной 0,65 м. Внутри сохранились следы деревянного гроба, длина которого составляла 2,10 м,

ширина – 0,50–0,70 м. Скелет покойного не сохранился, остались лишь кости конечностей, их положение свидетельствует о том, что тело было уложено головой на восток. В центральной части могилы выкопан овальный *яокэн* длиной 0,70 м, шириной 0,32 м, глубиной 0,25 м. Внутри была захоронена собака, лежавшая на боку головой на запад. Сопроводительный инвентарь представлен керамической миской и чашей *доу* (прил. 2, рис. 47) [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 934].

Хуаюаньчжуан – одни из важнейших памятников в центральной части Иньсюй на территории Аньяна, пров. Хэнань, где были открыты жертвенные и хозяйственные ямы и могильник. Известно не менее 15 погребений с собаками. Животные захоронены с в *яокэнах*, на уступе и в заполнении могильных ям. Собаки были погребены *яокэнах* в девяти могилах в восточной части могильника, во всех из них направление головы собаки и человека противоположны. В одном из погребений (М54) захоронены 15 собак [Аньян Иньсюй Хуаюаньчжуан, 2007, с. 31].

Приведем описания нескольких могил с захоронениями собак.

М14 – небольшая грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина – 2,60 м, ширина – 1–1,10 м, глубина – 1,10 м. Направление – 102°. В могиле находились внешний и внутренний гробы, изготовленные из деревянных досок. Длина внешнего гроба – 2,60 м, ширина – 1–1,10 м, высоту невозможно установить. Внутренний гроб был покрыт красным лаком. Его длина – 2 м, ширина – 0,55 м, точную высоту определить невозможно. В центре могилы имелся *яокэн* длиной 0,65 м, шириной 0,40 м, глубиной 0,20 м. В *яокэне* захоронена собака, уложенная головой на запад. Человек, похороненный в могиле, лежал на спине с вытянутыми ногами, головой на восток. Сопроводительный инвентарь не сохранился, так как могила была разграблена. Сохранилось лишь несколько раковин – одна в *яокэне* и две в области стоп покойного.

М5 – небольшая грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками, была разрушена. Длина – 2 м, ширина – 0,64 м, глубина неизвестна. Направление – 92°. На дне могилы есть *яокэн* длиной 0,70 м, шириной 0,35 м, глубиной 0,15 м. В нем захоронена собака, лежавшая головой на запад. В могиле

похоронен мужчина, он лежал на спине с вытянутыми ногами, головой на восток. Из погребального инвентаря сохранился бронзовый клевец *гэ* и восемь раковин [Лю Имань, Сюй Гуандэ, 1992, с. 105].

М42 – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина составляет 3,20 м, ширина – 1,20–1,30 м, глубина – 3,70 м. Направление 3°. В могиле сохранились остатки деревянного гроба, покрытого красным лаком, длиной 2,60 м, шириной 0,90 м, высотой 0,35 м. Скелет человека, захороненного в гробу, не сохранился. К югу от центра могилы был вырыт *яокэн* длиной 1,10 м, шириной 0,40 м, глубиной 0,28 м. Внутри захоронена собака, скелет животного сохранился плохо, позу определить невозможно. Сопроводительный инвентарь включал бронзовые и керамические сосуды, бронзовое оружие и орудия.

М48 – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина – 2,95 м, ширина – 1,20–1,30 м, глубина – 1,90 м. Направление 10°. В погребении имелись два гроба. Размеры внешнего гроба: длина – 2,60 м, ширина – 0,85–0,95 м, высота – 0,40 м. Внутренний гроб длиной 1,95 м, шириной 0,55 м, высота неизвестна. На досках внутреннего гроба сохранились следы красного лака. На дне был вырыт *яокэн* длиной 0,80 м, шириной 0,40 м, глубиной 0,20 м. Внутри захоронена собака, ухоженная головой на юг. Сопроводительный инвентарь включал изделия из бронзы, керамики, нефрита, камня.

М52 – могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина – 2,70 м, ширина – 1–1,12 м, глубина – 1,40 м. Направление 95°. В погребении найдены остатки гроба с покрытием из красного лака, длина составляет 1,92 м, ширина – 0,58–0,60 м, высота 0,20 м. Покойный лежал на спине с вытянутыми ногами. В центре могилы расположен *яокэн* длиной 0,80 м, шириной 0,40 м, глубиной 0,20 м. Внутри была зарыта собака, лежавшая головой на запад. Сопроводительный инвентарь включал изделия из бронзы и керамики [Аньян Иньсюй Хуаюаньчжуан, 2007, с. 33].

М54 – погребение, обнаруженное примерно в 100 м к востоку от дер. Хуаюаньчжуан в районе Аньяна. Представляет собой грунтовую могилу прямоугольной формы. Размеры в верхней части меньше, чем размеры дна. Длина

могилы в верхней части – 5,04 м, ширина – 3,23–3,30 м. Длина дна – 6,03 м, ширина – 4,15–4,40 м. Глубина – 6,06–6,28 м. Погребение ориентировано строго на север (0°). Вдоль стенок могилы проходит уступ шириной 0,80 м, высота в южной части – 1,87 м, в северной – 1,65 м. В центре могилы есть *яокэн* длиной 1,08 м, шириной 0,62 м, глубиной 0,70–0,85 м. *Яокэн* с восточной стороны соединяется с неглубокой прямоугольной ямой. В могиле имелись внешний и внутренний гробы из дерева. Длина внешнего гроба составляет 3,82 м, ширина – 2,20 м, высота – 1,65–1,87 м. Он был покрыт черным, желтым и красным лаком. Внутренний гроб располагался в центре внешнего. Длина – 2,45 м, ширина в южной части – 0,70 м, в северной части – 0,85 м, высоту невозможно определить. Внутренний гроб был покрыт красным и черным лаком и украшен разнообразными узорами. Крышка гроба была декорирована золотой фольгой. Дно покрыто киноварью. В гробу похоронен мужчина примерно 35 лет, лежавший на спине с вытянутыми ногами, головой на север. По-видимому, он скончался от ран, полученных в сражениях. Кроме того, в могиле были найдены останки 15 человек и 15 собак, принесенных в жертву. На уступе найдены четыре скелета и три черепа людей. Еще два черепа найдены в заполнении могилы. В пространстве между внутренними и внешними гробами захоронены шесть человек [Аньян Иньсюй Хуаюаньчжуан, 2007, с. 71–77; Сюй Гуандэ, Хэ Юйлин, 2004, с. 7–8].

Что касается собак, то они располагались следующим образом: одна – в северной части *яокэна*, пять – внутри уступа и девять – в заполнении могильной ямы. Собака (XG15), захороненная в *яокэне*, ориентирована головой на восток. Положение и ориентация собак, захороненных внутри уступа и в заполнении могильной ямы разнообразны. Одно животное (XG10) захоронено внутри уступа, проходящего вдоль западной стенки могилы, на глубине 4,98 м, на боку, головой на юг. Еще одна собака (XG11) – внутри уступа в северо-западном углу могилы, на глубине 5,43 м, головой на север. Одна собака (XG12) – в середине уступа, проходящего вдоль северной стенки, у стенки внешнего гроба, головой на запад, с бронзовым колокольчиком на шее. Две собаки были захоронены внутри южного уступа. Одна из них (XG13) – в юго-западном углу могилы, головой на восток. Еще

одна (XG14) – у южной стенки внешнего гроба, головой на запад, с бронзовым колокольчиком на шее. Собаки XG12, XG13, XG14 найдены на глубине 5,75 м. Собаки, погребенные в заполнении могилы, так же были помещены на разной глубине и в разных частях могильной камеры: XG1 – на глубине 1 м, в центре могилы, от скелета сохранились лишь отдельные кости конечностей, рядом найден человеческий череп; XG2 – на глубине 3,20 м, в центре могилы, сохранились лишь мелкие фрагменты костей; XG3 – на глубине 3,80 м, в юго-западном углу могилы, головой на юг, с бронзовым колокольчиком на шее; XG4 – на глубине 4 м, строго в центре могилы, скелет сохранился плохо, вероятно, голова животного была обращена на север, рядом с костями лап найден костяной наконечник стрелы; XG5 – на глубине 4,40 м, в центре могилы, головой на юг; XG6 и XG7 были захоронены на одной глубине – 4,92 м, внутри внешнего гроба, XG6 – в южной части внешнего гроба, головой на юго-запад, XG7 – в северной части внешнего гроба, череп не сохранился, однако ясно, что изначально животное лежало головой на запад, на шее имелся бронзовый колокольчик; XG8 – на глубине 5,52 м, в северной части внешнего гроба, головой на северо-восток, с бронзовым колокольчиком на шее; XG9 – на глубине 5,67 м, в северной части внешнего гроба, головой на север, с бронзовым колокольчиком на шее [Аньян Иньсюй Хуаюаньчжуан, 2007, с. 81–82].

Сопроводительный инвентарь чрезвычайно богат, содержит более 570 предметов из бронзы, нефрита, керамики, камня, кости, раковин, бамбука, слоновой кости, золотой фольги. Погребение датируется концом 2-го периода Иньсюй. Судя по набору ритуальных сосудов и оружия, инскрипциям на бронзовых изделиях, количеству сопогребенных людей и животных, оно принадлежало аристократу и военачальнику из знатного рода Чан [Сюй Гуандэ, Хэ Юйлин, 2004, с. 18–19].

Хоуган – поселение и могильник, расположенные к югу от Иньсюй. На памятнике известно как минимум 16 могил с захоронениями собак. Приведем несколько примеров.

71HGM32 – погребение с двумя могильными коридорами. Размеры погребальной камеры: длина – 5,30 м, ширина – 3,10 м, глубина – 6,10 м. Стенки

чуть скошены книзу. С севера и с юга в нее ведут два ступенчатых могильных коридора. Длина северного – 6,30 м, ширина – 1,60 м. Размеры южного коридора: длина – 6,55 м, ширина – 1,80 м. В могильной камере имелся деревянный саркофаг длиной 3,50 м, шириной 2,44 м, высотой 0,90 м. На дне могилы, в центре был вырыт *яокэн* прямоугольной формы длиной 1,94 м, шириной 0,81 м, глубиной 0,63 м. В нем найдены скелеты человека и собаки, а также керамическая миска *пэнь*. Могила была разграблена, поэтому сопроводительный инвентарь до нас не дошел [1971 нянь, 1972, с. 19].

91НGM9 – крупное погребение с двумя могильными коридорами, было неоднократно ограблено, поэтому инвентарь и конструкции сохранились не полностью. Погребальная камера прямоугольной формы со стенками, скошенными внутрь. Размеры в верхней части: длина – 8,80 м, ширина – 8 м. Размеры дна: длина – 5,10 м, ширина – 4,40 м. Глубина камеры – 10,70 м. Сохранились остатки внешнего гроба. Вдоль стенок могилы проходит земляной уступ высотой 2 м, шириной 0,60–1,35 м. На уступе найдены 13 человеческих черепов, принадлежавших мужчинам в возрасте от 20 до 45 лет. На дне в центральной части погребальной камеры имелся *яокэн* почти квадратной формы, длиной 0,80 м, шириной 0,75 м, глубиной 1,10 м. В *яокэне* захоронен мужчина, лежавший на спине с согнутыми ногами, головой на север. На поясе у него имелся каменный клевец. В ногах у человека лежала собака. Дно *яокэна* было выстелено циновкой. Длина южного коридора 19,40 м, ширина в южной части – 2,90 м, в северной – 3,60 м. Длина северного коридора не ясна, ширина – около 3 м.

Из сопроводительного инвентаря до нас дошло 96 предметов из керамики, бронзы, камня, кости и раковин. Погребение датируется концом 4-го периода Иньсюй [Сюй Гуандэ, 1993, с. 880–882].

91НGM12 – погребение с могильными коридорами, оно несколько меньше, чем 91НGM9, также подверглось разграблению. Погребальная камера прямоугольной формы, стенки скошены внутрь. Размеры камеры в верхней части: длина – 5,70 м, ширина – 3,20–3,30 м. Размеры дна: длина – 5 м, ширина – 2,60–2,70 м. Глубина погребальной камеры – 9,30 м. Направление – 10. Вдоль стенок камеры

проходит уступ высотой 1,50 м, шириной 0,50–0,70 м. Поскольку могила была ограблена, следов внутреннего и внешнего гробов не сохранилось. В центре погребальной камеры имелся прямоугольный *яокэн* длиной 1,55 м, шириной 1,05 м, глубиной 1,20 м. В *яокэне* были погребены человек (лежал на боку с согнутыми ногами, головой на юг) и собака (лежала на животе головой на север). У плеча человека найден каменный топор *ци*, в области пояса – бронзовый трипод *дин*. В погребальную камеру ведут два коридора. Длина южного – 16 м, ширина – 2,30 м. Длина северного – 8,05 м, ширина – 1,40–1,60 м.

Сохранившийся погребальный инвентарь насчитывает 141 изделие из керамики, бронзы, нефрита, камня, кости, слоновой кости и раковин. Могила относится ко 2-му периоду Иньсюй [Сюй Гуандэ, 1993, с. 887–888].

71НГМ12 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина – 2,76 м, ширина – 1,30 м, глубина – 4 м. В могиле имелся деревянный гроб длиной 2,10 м, шириной 0,46–0,54 м, высотой не менее 0,30 м. Под гробом располагался *яокэн* длиной 0,54 м, шириной 0,22 м, глубиной 0,20 м. В нем захоронена собака. Еще одна собака найдена на уступе у восточной стенки могилы. Покойный лежал головой на север, на спине с прямыми ногами. Сопроводительный инвентарь включал керамический сосуд *ли*, бронзовые сосуды *гу* и *цзюэ*, бронзовый клевец и каменное украшение (прил. 2, рис. 48) [1971 нянь, 1972, с. 19].

91НГМ2 – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина могилы – 2,10 м, ширина – 1 м, глубина – 2,40 м. Направление 10. Вдоль стенок проходит земляной уступ. Сохранились остатки деревянного гроба, длина – 1,80 м, ширина – 0,60 м). В могиле похоронена женщина, лежавшая на спине, ноги вытянуты. В левой руке ее были зажаты две раковины каури. В центральной части могилы имелся *яокэн* (длина – 0,60 м, ширина – 0,30 м, глубина – 0,20 м), в котором была зарыта собака. Животное уложено головой на юг [Сюй Гуандэ, 1993, с. 892].

91НГМ33 – прямоугольная грунтовая могила. Направление 10. Длина могильной ямы – 2,50 м, ширина – 0,90 м, глубина – 2,05 м. Могила сохранилась

хорошо. По периметру погребальной камеры имелся земляной уступ. Сохранился деревянный гроб длиной 1,90 м, шириной 0,60 м. В центральной части вырыт *яокэн* длиной 0,60 м, шириной 0,25 м, глубиной 0,20 м. В *яокэне* захоронен собака (лежит головой на юг). Скелет человека, захороненного в могиле сохранился плохо, пол и возраст определить невозможно, ясно лишь, что тело было уложено на спину, ноги вытянуты, голова направлена на север. Сопроводительный инвентарь был помещен внутрь гроба и включал предметы из керамики, бронзы (в том числе один сосуд с надписью), кости, камня. Погребение относится к 3-му периоду Иньсюй [Сюй Гуандэ, 1993, с. 891].

Гоцзячжуан – археологический памятник, расположенный к северо-западу от Аньяна. Нам известно как минимум 80 могил с собаками с этого памятника. Собаки были захоронены в разных частях могилы: в *яокэнах* (65 погребений), в заполнении могилы (17 погребений) и на уступе (4 погребения). Собаки, погребенные в *яокэнах*, большинстве случаев уложены головой в противоположную направлению головы человека сторону. Ориентация скелетов собак, захороненных на уступе, может совпадать с ориентацией людей (M174, на восток; M284, на юг) или быть противоположным ему (M180, собака головой на запад, человек головой на восток; M231, собака головой на север, человек голове на юг) [Аньян Иньсюй Гоцзячжуан, 1998, с. 8]. Приведем в качестве примеров описания нескольких могил.

Могилы M1 – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками, длина – 2,90 м, ширина – 1,60 м, глубина – 4,20 м. В могиле сохранились остатки гроба, покрытого красным лаком, его длина составляла 2,40 м, ширина – 1,20 м, высота – 1 м. Скелет покойного не сохранился. На дне могилы был вырыт прямоугольный *яокэн* длиной 1 м, шириной 0,50 м, глубиной 0,35 м. Внутри захоронена собака, уложенная головой на юг. Погребальный инвентарь располагался на уступе вдоль северной стенки могилы (керамические сосуды и коровья нога) и внутри гроба (бронзовое оружие и сосуды, бронзовый колокольчик), еще один бронзовый колокольчик был найден в заполнении могилы [Там же, с. 9–10].

Могила 83М1 расположена в южной части кладбища и представляет собой грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина – 3,30 м, ширина – 1,50 м, глубина – 1,80 м. Направление – 274°. По периметру могильной ямы имелся уступ высотой 0,70 м, шириной 0,30 м. Тело похоронено в деревянном гробу с лаковым покрытием. Скелет не сохранился, ясно лишь что он был ориентирован головой на запад. Под гробом имелся овальный *яокэн* (длина – 0,85 м, ширина – 0,44 м, глубина – 0,33 м). В *яокэне* захоронена собака, тело животного лежало головой на восток. Сопроводительный инвентарь включал 21 предмет (шесть изделий из бронзы, 12 предметов из керамики, два нефритовых изделия и баранья кость). Погребение относится к 4-му периоду Иньсью [Мэн Сяньу, 1986, с. 713, 768].

Могила М1 в юго-восточной части Гоцзячжуан – прямоугольное погребение с вертикальными стенками и уступом. Длина – 2,70 м, ширина – 1,20 м, глубина – 3 м. Направление – 0°. Могила была разграблена, грабительский лаз расположен в центре могилы. На дне могильной ямы есть и *яокэн*. Длина *яокэна* – 0,70 м, ширина – 0,40 м, глубина – 0,30 м. Скелет человека не сохранился, в северо-западном углу могильной ямы остался истлевший череп, поза покойного не ясна. В *яокэне* обнаружен скелет собаки, лежавшей головой на север. В могиле также осталось некоторое количество сопроводительного инвентаря. В центральной части находились нефритовые фигурки птиц, нефритовые ножи в форме рыб и нефритовая цикада, в юго-восточном углу – нефритовый предмет, изделия из песчаника и т. д., около черепа лежали три мелких камешка. В юго-западном углу – бронзовые треножки *дин*, сосуд для вина *чжи*, чаша *доу*, керамический горшок *гуань* и т. д., с юго-восточной стороны на уступе – керамический треножник *ли* и раковина тубинеллы. Погребение датируется 4-м периодом Иньсью [Ян Сичжан, 1988, с. 875].

Могила М7 в юго-восточной части – прямоугольное погребение с вертикальными стенками. Длина могильной ямы – 3,10 м, ширина – 1,40 м, глубина – 3,40 м. Направление – 5°. По периметру имелся уступ, на дне в центре могилы – *яокэн* (0,70 × 0,35 м, глубина – 0,30 м). В *яокэне* захоронена собака головой на юг.

Сохранился гроб ($2,50 \times 0,90$ м, глубина – 0,40 м). Могила была ограблена, поэтому кости скелета лежат беспорядочно. Из сопроводительного инвентаря сохранились лишь керамические сосуды *доу* и *гуй*, стоявшие на уступе, а также бронзовое копье, найденное в заполнении могилы.

Могила М8 – прямоугольное грунтовое погребение с вертикальными стенками. Длина могильной ямы – 2,30 м, ширина – 0,90 м, глубина – 2,80 м. Направление – 10° . По периметру имелся уступ, на дне в центре могилы – *яокэн* ($0,70 \times 0,35$ м, глубина – 0,20 м). В *яокэне* захоронена собака головой на север. Сохранился гроб ($1,90 \times 0,50$ м, глубина – 0,55 м). Покойный лежал на спине с вытянутыми ногами, под шеей найден бронзовый клевец.

Погребения М7 и М8 датируются 3-м периодом Иньсюй [Ян Сичжан, 1988, с. 878–881].

Погребение М50 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина – 3,20 м, ширина – 1,70 м, глубина – 3,30 м. Направление – 105° . В могиле обнаружен деревянный гроб, покрытый красным лаком, длиной 2,60 м, шириной 1,10 м, высотой 0,95 м. Возможно, имелся и внешний гроб, но его следы не сохранились. В гробу был похоронен человек, лежавший на спине в вытянутом положении. На дне могилы имелся *яокэн* прямоугольной формы, длина его составляла 1 м, ширина – 0,50 м, глубина – 0,25 м. Внутри закопана собака (головой на запад). Еще одна собака захоронена в заполнении могилы на глубине 1,74 м, она также была уложена головой на запад. Рядом с ней найдены керамический сосуд *гуй* и одна кость. Сопроводительный инвентарь в основном располагался на крышке гроба и включал бронзовые сосуды, орудия и оружие, бронзовые колокольчики, керамические сосуды, нефритовые украшения, изделия из камня, раковины [Аньян Иньсюй Гоцзячжуан, 1998, с. 10–11].

Погребение М160 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Направление – 105° . Длина – около 4,50 м, ширина – приблизительно 2,85 м, глубина – 5,70 м. Вдоль стенок могилы проходит ступенчатый земляной уступ. В центре имеется прямоугольный *яокэн* со скошенными внутрь стенками, внутри зарыты человек и собака. Собака лежала под

телом человека, головой на запад. Человек – в скорченном положении, вероятно, он был связан и похоронен заживо. В могиле имелись два гроба – внешний и внутренний. Размеры внешнего гроба: длина – 3,26 м, ширина – 1,52 м, высота – 0,88 м. Размеры внутреннего гроба: длина – 2,50 м, ширина – 0,88 м, высота не ясна. Оба гроба были изготовлены из дерева и имели лаковое покрытие черного, белого, красного цветов. «Хозяин могилы» захоронен во внутреннем гробу, лежал с прямыми ногами, головой на восток. Между внутренним и внешним гробами сопогребены два человека, еще один скелет человека найден на уступе у западной стенки могилы. На крышке внешнего гроба найден скелет собаки. Еще одна собака захоронена в заполнении могилы на глубине 2,45 м, лежала головой на восток. На уступе вдоль восточной стенки могилы найдены коровьи и овечьи кости. Сопроводительный инвентарь включал 353 предмета, в том числе 291 бронзовое изделие (41 ритуальный сосуд, музыкальные инструменты, оружие), 34 изделия из нефрита, 16 керамических сосудов, а также изделия из кости, слоновой кости, бамбука, камня, лака. На расстоянии примерно 30 м от могилы исследованы два *чэмакэна* (ямы с лошадьми и колесницами). Их ориентация совпадает с направлением данного погребения. Инвентарь *чэмакэнов* и могилы также обнаруживает явное сходство. Вероятно, *чэмакэны* были связаны погребением М160. Погребение датируется 3-м периодом Иньсуй и принадлежало, по-видимому, одному из высокопоставленных военачальников [Лю Имань, 1998, с. 64; Ян Сичжан, Лю Имань, 1991, с. 390–391; Аньян Иньсуй Гоцзячжуан, 1998, с. 10–11].

Могила М26 – одно из наиболее крупных и богатых погребений могильника Гоцзячжуан. Расположено на расстоянии примерно 110 м к западу от описанной выше могилы М1. Могильная яма ориентирована на восток (105°). Длина могилы составляет – 3,55 м, ширина – 2,20–2,25 м, глубина – 2,50 м. По периметру расположен ступенчатый уступ, в центральной части дна могилы – *яокэн* длиной 0,85 м, шириной 0,30 м, глубиной 0,20 м. В *яокэне* захоронена собака, уложенная головой на запад. Еще одна собака захоронена в южной части могилы в заполнении ямы головой на восток. Покойный лежал на спине с вытянутыми ногами головой

на восток. Кости скелета истлели, пол и возраст определить невозможно. В пространстве между внутренним и внешним гробами был захоронен еще один человек, также головой на восток. Сопроводительный инвентарь насчитывает 93 предмета из керамика, бронзы, камня, а также раковины каури. Погребение датируется концом 2-го периода Иньсуй [Сюй Гуандэ, 1998, с. 36, 47].

2006WYLDM5 (M5) – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Направление – 94°. Длина – 2,90 м, ширина – 1,90 м, глубина – 2,15 м. В могиле имелись внешний и внутренний гробы, внешний покрыт камышовой циновкой. «Хозяин могилы» лежал головой на восток. Внутри внешнего гроба сопогребены еще два человека, один из них – ребенок, пол и возраст второго не установлены. Под внутренним гробом располагался *яокэн* овальной формы со скошенными стенками. Длина *яокэна* – 0,96 м, ширина – 0,38 м, глубина – 0,35 м. Внутри была захоронена собака, лежавшая на боку головой на запад. Вдоль стенок могилы имелся уступ из трамбованной земли высотой 0,75 м, шириной 0,15–0,40 м. На уступе найдены скелет собаки, лежавшей на боку головой на запад, череп лошади, кости конечности коровы, керамические сосуды *гуй* и *цзюэ*. Сопроводительный инвентарь включал 63 предмета из бронзы, керамики, нефрита, кости, раковин. Погребение датируется концом 2-го периода Иньсуй, т.е. временем правления У-дина или Цзу-гэна [Кун Дэмин, Ван Синчжоу, 2008, с. 23–24, 32]

Дасыкун – крупнейший памятник, расположенный к востоку от Иньсуй, Комплекс включает могильник, жертвенники, мастерские, хозяйственные ямы.

Приведем описания нескольких типичных погребений с захоронениями собак.

Могила M539 (80ASM539) представляет собой прямоугольную яму со скошенными стенками. Длина могильной ямы в верхней части – 3,30 м, ширина – 1,45 м, длина дна могилы – 3,66 м, ширина дна со стороны головы – 1,63 м, со стороны ног – 1,52 м. Глубина ямы – 2,25 м. Направление – 97°. На дне могильной камеры с восточной, северной и южной сторон имеется уступ, с северной и южной стороны он достаточно узкий – приблизительно 0,22 м, ширина с восточной стороны – около 0,53 м. Имеется внешний гроб, длина которого – 3,10 м, ширина –

1,15 м, высота – 0,50 м. Внутренний гроб не сохранился, его размеры определить невозможно. В средней части дна могилы расположен *яокэн*, длина – 1,20 м, ширина – 0,48 м, глубина – 0,20 м. В нем захоронена собака в скрученном положении, головой на запад.

В пространстве между внутренним и внешним гробом, с западной стороны захоронен принесенный в жертву человек (вероятно, подросток), в согнутом положении, голова обращена на юг. Скелет «хозяина могилы» расположен прямо в центре внешнего гроба, туловище согнуто, конечности прямые.

Сопроводительный инвентарь включал предметы из бронзы, керамики, нефрита, камня, кости и раковин. Наиболее богат набор бронзовых изделий, включавший 14 ритуальных сосудов, 68 предметов вооружения и четыре орудия труда. Захоронение датируется 2-м периодом Иньсью [Ян Сичжан, 1992, с. 509].

Могила 86ASNМ29 – грунтовое погребение подпрямоугольной формы. Длина составляет 2,40 м, ширина в северной части – 1,20 м, в южной – 1,10 м, глубина – 2,95 м. В могиле имелись уступ и *яокэн*, а также гроб, покрытый красным лаком. Покойный лежал головой на юг (195°), скелет практически не сохранился, пол и возраст определить невозможно. *Яокэн* расположен в центре могилы, его длина – 0,75 м, ширина – 0,30 м, глубина – 0,25 м. Внутри захоронена собака, головой на север. В составе сопроводительного инвентаря предметы из бронзы, нефрита, керамики. Захоронение датируется серединой 2-го периода Иньсью [Гу Фэй, 1989, с. 594–597].

Могила М66 (83ASM663) находится в юго-восточной части могильника. Направление – 95° . Длина – 3,30 м, ширина – 2 м, размеры дна меньше, глубина – 4 м. Вдоль четырех стен есть уступ высотой 0,8 м. В центре погребальной камеры находился внешний гроб (саркофаг), его длина – 2,50 м, ширина – 1,56 м, высота – 0,80 м. Внутри саркофага имелся внутренний гроб длиной 2,04 м, шириной 0,86 м. В центре могилы расположен *яокэн*, его длина – 0,80 м, ширина – 0,34 м, глубина – 0,30 м. «Хозяин могилы» лежал на спине с прямыми ногами, головой на восток. В могиле в подзахоронены четыре человека, принесенные в жертву, все они лежат на спине с прямыми ногами. На уступе с западной и с южной стороны захоронено по

одному человеку, их головы направлены на север и восток соответственно. Внутри саркофага, с северной и южной стороны также захоронено по одному человеку, направление голов – на восток, лицом к «хозяину могилы». Скелеты людей, захороненных на уступе достаточно миниатюрны, вероятно, это были подростки. В *яокэне* захоронена собака, голова направлена на запад.

Погребальный инвентарь включал 64 предмета: 10 керамических сосудов, 44 изделия из бронзы, среди которых девять ритуальных сосудов и 44 предмета вооружения, и 10 каменных предметов. В целом, для керамических и бронзовых изделий, найденных в могиле М663 характерны особенности, присущие позднему этапу 2-го периода Иньсуй, поэтому могилу можно датировать этим временем [Сюй Гуандэ, 1988, с. 865].

М35 – грунтовое погребение прямоугольной формы, длина – 2,80 м, ширина – 0,95 м, глубина – 5 м. В могиле имелся деревянный гроб. Под гробом, в центре погребальной камеры есть прямоугольный *яокэн* (длина – 0,60 м, ширина – 0,38 м, глубина – 0,20 м), в котором захоронена собака. Еще одна собака захоронена на крышке гроба. Покойный лежал на спине с прямыми ногами, руки сложены на животе, головой на север (11°), лицо обращено на восток. Сопроводительный инвентарь представлен керамическими сосудами. Погребение датируется концом иньской эпохи [Чжао Цинъюнь и др., 1958, с. 53].

Гаолоучжуан – памятник районе Аньяна, пров. Хэнань. Здесь обнаружено одно иньское захоронение с *яокэном*, в котором захоронена собака. Погребение 91М1 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Ориентация – 10°. Длина могильной ямы – 3,45 м, ширина – 1,75 м, глубина – 5,70 м. Вдоль стенок проходит уступ высотой 0,80 м, шириной 0,38–0,45 м. В центральной части могилы вырыт *яокэн* (длина – 0,95 м, ширина – 0,45 м, глубина – 0,35 м). В нем захоронена собака, уложенная головой на север. Еще одна собака захоронена в заполнении могилы, рядом с ее скелетом найден бронзовый колокольчик. В могиле имелись два гроба. Внутренний гроб не сохранился, остались лишь следы красного лакового покрытия. Размеры внешнего гроба: длина – 2,65 м, ширина – 1,15 м, высота – 0,80 м. Внутри был похоронен один человек, но

костяк не сохранился. В могиле захоронены еще четыре человека (предположительно, все они были детьми), принесенные в жертву, из них двое лежали головой на север, один на юг, еще один скелет не сохранился. Кроме того, на уступе у восточной стенки могилы был найден человеческий череп. Сопроводительный инвентарь насчитывал 45 предметов из бронзы, нефрита, керамики и раковин. По-видимому, могила принадлежала мелкому шанскому аристократу и датируется началом 4-го периода Иньсюй, возможно, временем правления Ди-и [Го Пэн, 1994, с. 391–392, 396].

Цицзячжуан. Памятник расположен на территории Аньяна, к востоку от дер. Цицзячжуан. Здесь исследовано шесть могил и несколько ям иньской эпохи, из которых погребение M269 – самое крупное, отличается хорошей сохранностью и наиболее богатым сопроводительным инвентарем. Могила прямоугольной формы, ориентирована на юго-запад (196°). Длина ямы в верхней части – 3,03 м, ширина – 1,53 м. Длина дна – 3,40 м, ширина – 1,90 м. Глубина могилы – 5,55 м. Вдоль стенок проходит уступ высотой 0,70 м, ширина – 0,30–0,43 м. На дне могилы, к северо-западу от центра расположен *яокэн* прямоугольной формы со скошенными стенками. Размеры *яокэна* в верхней части: длина – 0,60 м, ширина – 0,32 м, размеры дна: длина – 0,55 м, ширина – 0,27 м. Глубина – 0,21 м. Внутри захоронена собака, головой на север. В могиле имелись внешний и внутренний гробы, оба изготовлены из дерева и покрыты лаком (внешний – красным, черным, желтым и белым, внутренний – красным). Длина внешнего гроба – 2,68 м, ширина – 1,16–1,21 м, высота – не менее 0,70 м. Длина внутреннего гроба – 1,77 м, ширина – 0,64 м. Скелет покойного не сохранился, можно предположить, что он лежал головой на юг.

В заполнении могилы, в юго-западной части могильной ямы на глубине приблизительно 4 м, захоронена еще одна собака, лежавшая головой на юго-восток, на шее имелся бронзовый колокольчик. Кроме того, на уступе и на крышке внешнего гроба найдены черепа и кости конечностей коровы и баранов.

Погребальный инвентарь включал 73 изделия из бронзы (в том числе 28 предметов с надписями), керамики, нефрита, кости, камня. Могила датируется 3-м

периодом Иньсьюй, временем правления У-и, и принадлежала одному из представителей иньской военной аристократии [Мэн Сяньбу, 1991, с. 327–328, 330, 347–350].

Люцзячжуан (северное)

К северу от дер. Люцзячжуан расположено крупное шанское кладбище, где с 1986 г. было раскопано более 1000 погребений.

В том числе M121 – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Направление – 195°. Длина могилы – 2,60 м, ширина – 1,20 м, глубина – 2,95 м. Сохранились внешний и внутренний гробы. Размеры внешнего гроба: длина – 2,30 м, ширина – 1 м. Внутренний гроб длиной 1,90 м, шириной 0,57 м. На дне могилы есть *яокэн*, в котором захоронена собака. Погребальный инвентарь включал керамические сосуды, музыкальные инструменты *сюнь* (*сюань*) из керамики (4 экз.), бронзовый клевец, раковины. Погребение относится к 3-му периоду Иньсьюй [Ян Сичжан, Тан Цзигэнь, 2005, с. 8, 21].

Погребение M1046 – крупная грунтовая могила прямоугольной формы. Ориентация – 100°. Стенки гладкие, скошены внутрь. Длина могильной ямы в верхней части – 4,25 м, ширина – 2,16 м. Длина дна могилы – 4,05 м, ширина – около 2 м. Глубина могилы – 8,60 м. Вдоль стенок могилы имеется земляной уступ высотой 0,90–1 м, ширина в восточной части – 0,55 м, в западной части – 0,45 м, в южной и северной – 0,40 м. В центре дна могилы вырыт прямоугольный *яокэн* длиной 1,35 м, шириной 0,75 м, глубиной 0,40 м. Его стенки, как и стенки могилы, чуть скошены внутрь. В *яокэне* захоронены человек (в скорченном положении, предположительно, был похоронен заживо) и собака, лежавшая головой на запад. В могиле имелись внешний и внутренний гробы. Размеры внешнего гроба: длина – 3,45 м, ширина – 1,22 м, высота – 1 м. Внутренний гроб полностью истлел, его размеры установить невозможно.

Скелет человека в гробу не сохранился. Положение скелета, пол и возраст покойного не поддаются реконструкции. Между внутренним и внешним гробом было захоронено два человека. Кроме того, еще три человека найдены на уступе с

южной, северной и западной сторон от саркофага. В восточной части могилы на уступе найдены черепа и кости животных (коровы, свиньи, барана), куриные кости найдены в триподе *дин*.

Сопроводительный инвентарь включал 302 изделия: керамика (14 экз.), бронза (123 экз., в том числе ритуальные сосуды с инскрипциями), нефрит (6 экз.), камень (60 экз.), кость (6 экз.), а также 93 раковины. На основе анализа инвентаря погребение может быть датировано концом 4-го периода Иньсюй, т.е. временем правления Ди-синя [Аньян Иньсюй Люцзячжуан, 2004, с. 360–361, 363, 386].

M508 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Ориентирована строго на восток (90°). Длина – 2,35 м, ширина – 0,90–1,04 м, глубина – 2,05 м. Вдоль стенок могилы имелся земляной уступ. В могиле находился один гроб, покрытый красным лаком. В центре могилы был выкопан прямоугольный *яокэн* с захоронением собаки. В составе сопроводительного инвентаря сосуды и другие изделия из бронзы, украшение из раковины, нефритовая фигурка тигра, раковина каури [Юэ Хунбинь, Юэ Чжаньвэй, 2009, с. 36].

Мяопу (северный участок) – комплекс, включающий поселение, могильник и ремесленные мастерские иньской эпохи в районе Аньяна. Нам известно как минимум 24 могилы, в которых вместе с людьми были захоронены собаки. Кроме того, на территории памятника в культурном слое найдены разрозненные кости животных, из них примерно 10 % образцов идентифицированы как кости домашней собаки [Чжэн Жокуй, 1991, с. 116]. Ниже приведем несколько примеров погребений с собаками.

M19 (80APNM19) – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина могилы – 3,27 м, ширина – 1,68 м, глубина – 5,50 м. Вдоль стенок могилы походит уступ. Имелся деревянный гроб с красным лаковым покрытием. На дне могильной ямы есть прямоугольный *яокэн*, в котором захоронена собака. В заполнении могилы найден скелет еще одной собаки кости конечности коровы. В могиле погребен один человек, чье тело уложено головой на восток (105°), на спину, ноги вытянуты. Сопроводительный инвентарь включал 15

предметов (керамические сосуды, изделия из бронзы и нефрита). Погребение датируется 2-м периодом Иньсюй.

М80 (82APNM80) – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина могилы – 2,70 м, ширина – 1,20 м, глубина – 2,70 м. Вдоль стенок могилы походит уступ *эрцэнтай*. Имелся деревянный гроб с красным лаковым покрытием. На дне могильной ямы есть прямоугольный *яокэн*, в котором захоронена собака, головой на запад. В могиле погребен один человек, чье тело было уложено головой на восток (100°), на спину, ноги вытянуты. Сопроводительный инвентарь включал 11 предметов (в основном, керамические и бронзовые сосуды). Погребение датируется началом 3-го периода Иньсюй [Чжэн Жокуй, Сюй Гуандэ, 1986, с. 114–117].

М54 (82APNM54) – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина могилы – 2,45 м, ширина – 1,05 м. Вдоль стенок могилы проходит уступ. На нем захоронена собака. Имелся деревянный гроб с красным лаковым покрытием. На дне могильной ямы есть *яокэн* прямоугольной формы. В могиле погребен один человек, чье тело уложено головой на восток (100°), на живот, ноги вытянуты и накрыты расписной тканью. Сопроводительный инвентарь включал 16 предметов (керамический и бронзовые сосуды, бронзовое оружие и др.). Могила относится к 3-му периоду Иньсюй [Там же, с. 118, 121].

М15 (80APNM15) – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина могилы – 3,02 м, ширина – 1,34 м, глубина – 3,70 м. Вдоль стенок могилы проходит уступ. Имелся деревянный гроб. На дне могильной ямы есть *яокэн*, в котором захоронена собака, головой на юг. В могиле погребен один человек, чье тело было уложено головой на юг (193°), на спину, ноги вытянуты. Сопроводительный инвентарь включал десять предметов (в основном, керамические сосуды). Погребение датируется 4-м периодом Иньсюй [Там же, с. 121, 124].

М98 – прямоугольная грунтовая могила с вертикальными стенками. Длина – 2,40 м, ширина – 1 м, глубина – 2,05 м. Направление – 355° . Тело покойного лежало на спине, ноги вытянуты, похоронено в деревянном гробу с красно-желтым

лаковым покрытием. На дне могилы вырыт *яокэн*, в нем погребена собака. Погребальный инвентарь включал керамические сосуды *гу*, *цзюэ* и *ли* (по 1 экз.) и две раковины каури.

M123 – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Могила была граблена. Длина – 3 м, ширина – 1,40 м, глубина – 4,60 м. Направление – 7°. Имелся внутренний гроб с красным лаковым покрытием. На крышке гроба найден скелет собаки, уложенный головой на север. На дне могилы имелся *яокэн*. Из сопроводительного инвентаря до нас дошли керамические сосуды *гу*, *цзюэ*, *ли*, бронзовый треножник *дин*, бронзовый колокольчик и каменная бусина.

M129 – грунтовое погребение прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина – 2,54 м, ширина – 1,06 м, глубина – 2 м. Направление – 95°. Имелся внутренний гроб с красно-желтым лаковым покрытием. Тело покойного было уложено на живот, ноги прямые. В заполнении могилы захоронена собака. Сопроводительный инвентарь включал изделия из керамики, нефрита, камня, а также раковины различных видов (всего 46 предметов) [Чжэн Жокуй, 1989, с. 123–124].

Гочжуан – многослойный археологический памятник на территории Аньяна, пров. Хэнань. Нам известно одно погребение с захоронением собак. 86AQM6 – грунтовая могила прямоугольной формы с почти вертикальными стенками. Длина в верхней части ямы – 3,20 м, ширина – 1,35 м. Длина дна могилы – 3,35 м, ширина – 1,50–1,65 м. Глубина – 7 м. Направление – 9°. Вдоль стенок могилы проходит земляной уступ шириной 0,15–0,30 м, высотой 0,65 м. В могиле имелись внешний и внутренний гробы. Размеры внешнего гроба: длина – 2,95 м, ширина – 1,10 м. Размеры внутреннего гроба: длина – 2,26 м, ширина – 0,86 м. Внутренний гроб был покрыт слоем красного и черного лака и накрыт бамбуковой циновкой. Покойный лежал головой на север, с вытянутыми ногами. Под гробом имелся *яокэн* прямоугольной формы. Длина – 0,78 м, ширина – 0,40 м, глубина – 0,35 м. Внутри зарыта собака, лежавшая на боку, головой на юг, мордой на запад. Еще один скелет собаки найден в заполнении могилы на глубине 4,85 м в центральной части могильной ямы. Животное лежало на боку, головой на юг, мордой на восток.

Сопроводительный инвентарь насчитывает 185 предметов: 133 изделия из бронзы, 10 – из керамики, по пять – из нефрита и раковин, а также кости конечностей коровы и барана. Погребение датируется концом 4-го периода Иньсую, временем правления Ди-синя [Мэн Сяньу, Ли Гуйчан, 1991, с. 902, 908].

Мэйюаньчжуан – могильник к югу от Иньсую в районе Аньяна, пров. Хэнань. На памятнике нам известно 24 иньские могилы с захоронениями собак. Все они относятся к 3-му и 4-му периодам Иньсую. В 20 могилах захоронено по одной собаке, в 4 погребениях – две собаки (по одной в *яокэне* и в заполнении могилы²). В 22 могилах собаки захоронены в *яокэне*, шести могилах – в заполнении могильных ям. Примерно в 75 % погребений собаки ориентированы головой на юг [Дай Сяхань, 1991, с. 127].

В качестве примера приведем описание погребения 90M1 – грунтовая могила трапециевидной формы с вертикальными стенками. Направление – 10°. Длина могилы – 3 м, ширина в северной части – 1,25 м, в южной – 1,40 м, глубина – 5 м. Вдоль стенок проходит земляной уступ высотой 0,45 м, шириной – 0,10–0,30 м. В центральной части могилы расположен *яокэн* длиной 0,90 м, шириной 0,30 м, глубиной 0,20 м. В яме захоронена собака, головой на юг. В заполнении могилы на глубине 4 м в северо-западном углу найден еще один скелет собаки, головой на север. В могиле имелось два гроба. Размеры внешнего гроба: длина – 2,70 м, ширина – 0,98 м, высота – 0,45 м. Размеры внутреннего гроба: длина – 2,15 м, ширина – 0,65 м, высота – 0,20 м. Во внутреннем гробу был похоронен человек, чье тело было уложено на спину, ноги вытянуты, голова обращена на север. Сопроводительный инвентарь включал 16 предметов (сосуды из бронзы и керамики, бронзовый наконечник стрелы, нефритовые и хрустальные украшения, костяные шпильки, фрагмент гадальной кости), а также коровьи кости. Погребение датируется началом 4-го периода Иньсую [Го Пэн, 1992, с. 187–189].

² В отчете о раскопках в тексте и в таблице имеются расхождения в описании погребения 87M73: в тексте говорится, что одна из собак захоронена на уступе эрцэнтай, в таблице же указано, что она захоронена в заполнении могилы (см.: [Дай Сяхань, 1991, с. 127, 138]).

Ваньюйкоу – поселение и могильник иньцев к югу от станции Ваньюйкоу на территории Аньяна, пров. Хэнань. На памятнике было раскопано 21 грунтовое погребение, в семи из них были захоронены собаки. В шести случаях собаки были захоронены в *яокэне*. В погребении М45 собака захоронена на земляном уступе. Лишь в одном случае (М03) направление головы собаки совпадало с ориентацией скелета человека, захороненного в той же могиле (на запад), в остальных погребениях человек и собака ориентированы в противоположные стороны. Погребения датируются 3-4-м периодами Иньсуй [Хуан Вэйдун, 2004, с. 8, 12, 16].

Сюэцзячжуан – могильник к юго-востоку от Иньсуй в районе Аньяна, пров. Хэнань. На памятнике известно семь погребений с захоронениями собак. В качестве примера приведем описание одного из них.

М3 – грунтовая могила прямоугольной формы, стенки скошены внутрь. Направление – 8°. Длина – 2,80 м, ширина – 1,60 м, глубина – 2,80 м. На глубине 1,40 м были закопаны две собаки. По периметру могилы вдоль стенок имелся уступ *эрцэнтай* высотой 0,75 м. На уступе у восточной стенки был найден скелет девочки (головой на север). Вдоль южной стенки на уступе захоронены две собаки (головой на восток), еще одна собака – у западной стенки (головой на юг). На дне могилы имелся *яокэн* длиной 0,75 м, шириной 0,35 м, глубиной 0,20 м. В *яокэне* захоронена собака (головой на юг). В могиле имелись два гроба. Размеры внешнего гроба: длина – 1,94 м, ширина – 0,90 м, высота – 0,75 м. Размеры внутреннего гроба: длина – 1,88 м, ширина – 0,60 м. В гробу захоронен один человек, лежавший на спине с прямыми ногами головой на север. Сопроводительный инвентарь включал 62 предмета из керамики, бронзы, камня, нефрита, раковин. Погребение датируется началом 2-го периода Иньсуй [Сюй Гуандэ, 1986, с. 1067–1068, 1072].

Жуншувань – памятник на территории Аньяна к востоку от Иньсуй, где было раскопано два погребения эпохи Шан, в одном из них вместе с людьми была захоронена собака.

2007RSWM1 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Направление – 95°. Длина – 3,40 м, ширина – 1,66–1,74 м, глубина – не менее 1,89 м. Вдоль стенок имелся земляной уступ высотой 0,75 м, шириной 0,14–

0,25 м. В центре могилы есть *яокэн* прямоугольной формы со скошенными внутрь стенками. Длина *яокэна* в верхней части – 0,95 м, ширина – 0,43–0,50 м, длина дна – 0,79 м, ширина – 0,30 м, глубина – 0,40 м. Внутри захоронена собака, лежавшая на боку, головой на запад, спиной на север. В могиле имелись внешний и внутренний гробы. Внутренний гроб был накрыт камышовой циновкой. И внешний, и внутренний гроб плохо сохранились. Длина внешнего гроба составляла примерно 2,70 м, высота – около 0,75 м. Высота внутреннего гроба – примерно 0,45 м. Внутренний гроб покрыт цветным лаком (красным, желтым, белым и черным). Скелет человека, похороненного внутри гроба, также не сохранился. Внутри внешнего гроба, в его северной части, в отдельном гробу был захоронен ребенок. В восточной части могилы найден полный скелет барана. Кроме того, среди сопроводительного инвентаря обнаружены куриные кости. Погребальный инвентарь включал 53 предмета из бронзы керамики и нефрита (прил. 2, рис. 49). Могила датирована концом 4-го периода Иньсуй, временем правления Ди-синя, по-видимому, она принадлежала крупному иньскому военачальнику [Кун Дэмин, Шэнь Минцин, Ли Гуйчан, 2009, с. 26–27, 29, 35].

Фаньцзячжуан – памятник, расположенный к северо-востоку от дер. Фаньцзячжуан к северо-востоку от Иньсуй в районе Аньяна, где было раскопано два шанских погребения, в одном из них с человеком были захоронены собаки [Хэ Юйлин, 2009, с. 41].

М4 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Ориентирована на юг (182°). Длина ямы – 3,60 м, ширина – 1,95 м, глубина – 5,80 м. Вдоль стенок проходит земляной уступ высотой 1,10 м. В центре могилы вырыт *яокэн* длиной 1,06 м, шириной 0,40 м, глубиной 0,28 м. В могиле имелись внешний и внутренний гробы. Длина внешнего гроба – 2,90 м, ширина – 1,20 м. На досках сохранились следы белого лакового покрытия. Длина внутреннего гроба – 2,25 м, ширина – 0,85 м. Внутренний гроб украшен резным орнаментом *таоме*³ и покрыт

³ Стилизованное изображение морды мифического хищника. Подробнее см. [Кравцова, 2004, с. 129–131].

красным лаком. Покойный лежал головой на юг, ногами на север. Пол и возраст определить невозможно. В могиле было захоронено три собаки. Одна – на уступе с южной стороны, головой на юг, спиной на запад. Еще одна – на уступе с северной стороны у самой могильной стенки. Третья собака, по всей видимости, лежала на крышке внешнего гроба, головой север, спиной на запад. У всех трех животных на шее были привязаны бронзовые колокольчики. Кроме того, на уступе у южной стенки могилы были найдены кости коровьей и бараньей ног. Сопроводительный инвентарь насчитывал 57 предметов из керамики, бронзы, нефрита, кости и раковин. Погребение датируется 3-м периодом Иньсуй [Хэ Юйлин, 2009, с. 43–44].

Кроме того, в погребении найдено пять бронзовых ритуальных сосудов (трипод *дин*, сосуд *гуй*, кувшин *ю*, два кубка *цзюэ*) с инскрипциями, содержащими иероглиф 狗 *гоу* «собака». Надписи были расшифрованы как *нин гоу* «寧狗» или *гоу нин* «狗寧». На треножнике и кувшине иероглифы находятся рядом, образуя единую надпись, на остальных сосудах – отдельно. Это первый случай обнаружения иероглифа 狗 *гоу* в надписях на шанских бронзовых сосудах. Иероглиф 寧 *нин* «усмирять, успокаивать» в надписях на бронзовых изделиях эпохи Шан встречается достаточно часто. Он мог быть выгравирован самостоятельно, вместе с датой или же вместе с названием клана или чиновничьей должности [Там же, с. 52–53].

Гуаньдимяо – памятник позднешанской эпохи на территории городского уезда Синъян городского округа Чжэнчжоу, пров. Хэнань, где обнаружены остатки жилищ, печей для обжига керамики, колодцев, ямы различного назначения, погребения, датируемые в основном 2-м периодом культуры Иньсуй. Исследовано 228 могил, в некоторых из них (точное число в опубликованном отчете о раскопках не указано) вместе с людьми были захоронены собаки (как правило, 1-3 особи), их скелеты находят в заполнении могилы, на уступе и / или в *яокэнах* [Ли Сутин и др., 2008, с. 32–33].

МЗ – грунтовое погребение трапециевидной формы. Направление – 4°. Стенки могилы в верхней части скошены наружу, ближе ко дну могилы образуют

ступени. По периметру дна могилы имелся также земляной уступ шириной 0,50 м, высотой 0,70 м. На уступе у западной стенки могилы захоронены две собаки. Размеры в верхней части ямы: длина – 2,90 м, ширина – 1,25–1,45 м. Длина дна могилы составляет 3,40 м, ширина – 1,60–1,90 м. Глубина могилы – 3,10 м. В могиле изначально имелись два деревянных гроба (внутренний и внешний), но они не сохранились. На дне могилы найден скелет человека, лежавшего на животе с прямыми ногами. Под скелетом человека находится прямоугольный *яокэн* длиной 0,60 м, шириной 0,38 м, глубиной 0,28 м. В *яокэне* захоронена собака. Сопроводительный инвентарь представлен бронзовым колокольчиком и наконечником стрелы, которые были найдены на уступе, а также обработанным фрагментом раковины, обнаруженным около черепа человека.

М162 – грунтовое погребение прямоугольной формы со скошенными углами. Направление – 185°. Стенки могилы скошены наружу, у дна могилы образуют ступеньку. Размеры могилы в верхней части ямы: длина – 2,40 м, ширина – 1 м. Размеры дна могилы: длина – 2,66 м, ширина – 1,26 м. Глубина – 1,60 м. В могиле не было гроба. Скелет человека лежал непосредственно на дне могилы на спине, с вытянутыми ногами, головой на юг. У его правого плеча найдена керамическая миска, иной погребальный инвентарь отсутствует. Под скелетом имелся *яокэн* овальной формы длиной 0,56 м, шириной 0,30 м. В *яокэне* захоронена собака [Ли Сутин и др., 2008, с. 37].

Тяньху – могильник позднешанского и чжоуского времени, расположенный на территории уезда Лошань городского округа Синьян, пров. Хэнань. На памятнике исследовано 25 могил, относящиеся к периоду поздней Шан и раннего Чжоу, в пяти присутствовали захоронения собак (из них четыре датируются эпохой Шан) [Оу Таньшэн, 1986, с. 153; Чжунго каогусяэ, 2003, с. 318].

М1 – грунтовое погребение прямоугольной формы. Стенки могилы скошены внутрь. Длина в верхней части ямы составляет 6,50 м, ширина – 3,80 м. Длина дна – 4,70 м, ширина – 3,40 м. Глубина могилы – 3,65 м. Ориентирована строго на север. С северной стороны в могилу вел дромос, однако он сохранился плохо, точные размеры невозможно установить. Внутри погребальной камеры вдоль

стенок проходил уступ из трамбованной земли высотой примерно 1 м. Внешний и внутренний гробы практически не сохранились, остались лишь следы досок и красного и черного лака. Дно внешнего гроба было покрыто слоем киновари. Скелет покойного также не сохранился. На дне в центральной части могилы имелся *яокэн*, длина – 0,81 м, ширина – 0,55–0,57 м, глубина – 0,62 м. В *яокэне* зарыты горшок из серой керамики и собачьи кости. Сопроводительный инвентарь включал предметы из бронзы, керамики, камня, нефрита и дерева [Оу Таньшэн, 1981, с. 111].

М11 – грунтовое погребение прямоугольной формы. Ориентация – 350°. Стенки могильной ямы скошены внутрь. Размеры ямы в верхней части: длина – 4,60 м, ширина – 2,60 м. Размеры дна: длина – 3,60 м, ширина – 1,60 м. Глубина погребения – 3,80 м. Вдоль стенок могилы имелся земляной уступ высотой 0,30 м, шириной 0,50 м. В могиле имелось два гроба – внешний и внутренний. Размеры внешнего гроба: длина – 2,96 м, ширина – 1,35 м. Размеры внутреннего гроба: длина – 1,25 м, ширина – 0,66 м. На дне могилы имелся *яокэн* длиной 0,75 м, шириной 0,20 м, глубиной 0,40 м. В *яокэне* была захоронена собака с бронзовым колокольчиком.

М12 – грунтовое погребение прямоугольной формы. Ориентация – 10°. Стенки могильной ямы скошены внутрь. Размеры ямы в верхней части: длина – 4,30 м, ширина – 2,30 м. Размеры дна: длина – 3,65 м, ширина – 1,75 м. Глубина погребения – 5 м. В могиле имелось два гроба – внешний и внутренний. Размеры внешнего гроба: длина – 3,33 м, ширина 1,10–1,28 м. Внешний гроб был покрыт черным лаком. Размеры внутреннего гроба: длина – 1,90 м, ширина – 0,70 м. Внешняя поверхность внутреннего гроба имела покрытие из красного лака, внешняя – покрыта черным лаком. На дне – слой киновари толщиной примерно 3 см. Между внешним и внутренним гробами был захоронен человек, принесенный в жертву. На дне могилы имелся *яокэн* длиной 1,04 м, шириной 0,30 м, глубиной 0,34 м, в нем захоронена собака с бронзовым колокольчиком [Оу Таньшэн, 1986, с. 156–157].

М28 – грунтовое погребение прямоугольной формы. Ориентация – 20°. Стенки могильной ямы скошены внутрь. Размеры ямы в верхней части: длина –

3,60 м, ширина – 2,20 м. Размеры дна могилы: длина – 2,60 м, ширина – 1,87 м. Глубина могилы – 4,20 м. Вдоль стенок могилы имелся земляной уступ высотой примерно 0,50 м. В могиле имелось два гроба – внешний и внутренний. Размеры внешнего гроба: длина – 2,20 м, ширина – 1,30 м, высота – не менее 0,80 м. Размеры внутреннего гроба: длина – 1,80 м, ширина – 0,60 м. На крышке внешнего гроба были захоронены три человека, принесенных в жертву. На дне могилы имелся *яокэн* длиной 1 м, шириной 0,35 м, глубиной 0,25 м. Там была захоронена собака [Оу Таньшэн, 1986, с. 155–156]. Среди прочего сопроводительного инвентаря в могиле найдена фигурка собаки из белого нефрита длиной 4,5 см [Там же, с. 180].

Погребения M11, M12, M28 датируются 2-м периодом культуры Иньсюй, M1 – началом 4-го периода Иньсюй [Там же, с. 190–193].

Чжаояо – многослойный археологический памятник на территории городского округа Уань городского округа Ханьдань, пров. Хэбэй, где было открыто 19 позднешанских могил. В десяти из них имелись захоронения собак (в *яокэнах* и на уступе), в одной из могил (M14) на уступе был захоронен череп собаки [Чэнь Хуэй, Цзян Дахуан, 1992, с. 353]. В качестве примера приведем описания двух из них.

M20 – грунтовая могила с вертикальными стенками прямоугольной формы со скругленными углами. Ориентация – 95°. Длина – 3,20 м, ширина – 1,92 м, глубина – 2,18 м. Имелся уступ. В могиле имелись два гроба – внешний (длина – 2,48 м, ширина – 1,20 м) и внутренний (длина – 1,80 м, ширина – 0,56–0,66 м). На поверхности внутреннего гроба сохранились следы красно-белой ткани. Скелет покойного сохранился плохо. Он ориентирован головой на восток. Тело лежало на спине с вытянутыми ногами. В центральной части могилы расположен *яокэн* неправильной формы длиной 0,96 м, шириной 0,20–0,36 м, глубиной 0,20 м. В *яокэне* захоронена собака, лежавшая головой на восток, а также нефритовый клевец. Еще одна собака найдена на уступе с северной стороны, она также уложена головой на восток. Кроме того, в заполнении могилы у восточной стенки найден бараний череп. Сопроводительный инвентарь включал 14 предметов: семь изделий

из бронзы, четыре – из нефрита, а также керамический сосуд, каменный топор и лаковую шкатулку [Чэнь Хуэй, Цзян Дахуан, 1992, с. 351–352].

М17 – грунтовая могила с вертикальными стенками прямоугольной формы со скругленными углами. Ориентация – 22°. Длина – 3,30 м, ширина – 2 м, глубина – 1,90 м. Имелся уступ шириной 0,40 м, высотой 0,70 м. В могиле был деревянный гроб длиной примерно 2,49 м, шириной 1,10 м. Скелет покойного не сохранился. В центре могилы – прямоугольный *яокэн*. Длина – 0,78 м, ширина – 0,32 м, глубина – 0,30 м. Внутри зарыты собака, нефритовый заступ и раковина. Еще одна собака захоронена на уступе с западной стороны головой на север. Сопроводительный инвентарь включал 17 предметов из бронзы, керамики и нефрита [Там же, с. 352].

Цзинцзе – памятник шанской эпохи на территории уезда Линши, пров. Шаньси, где было раскопано три погребения, в двух из них имелись захоронения собак.

М1 – грунтовое погребение прямоугольной формы. Размеры могильной ямы в верхней части (длина – 3,84 м, ширина – 2,22 м) чуть меньше, чем размеры дна могилы (длина – 4,05 м, ширина – 2,50 м). Глубина – около 4 м. Направление 190°. В центре могилы расположен *яокэн* с собакой, лежавшей на боку, головой на юг, мордой на запад. Длина *яокэна* – 1,10 м, ширина – 0,45 м, глубина – 0,20 м. В могиле имелся внешний гроб и три внутренних гроба. Внешний гроб прямоугольный в сечении, длина – 2,88 м, ширина – 1,86 м, высота – не менее 0,45 м. Три внутренних гроба одинаковы по размеру: длина – 2,14 м, ширина – 0,52 м. Все четыре гроба – деревянные. Внешний гроб был накрыт цветной тканью. В гробу, стоявшем посередине похоронен «хозяин могилы» – мужчина, возраст установить невозможно. Скелет лежит на спине с вытянутыми ногами. В двух других гробах захоронены женщины, уложенные на бок, лица были обращены к мужчине, похороненному в центральном гробу.

В заполнении могилы у восточной и западной стенок могилы на высоте 1 м и 0,70 м от дна соответственно захоронено по одной собаке. Обе они ориентированы на юг, у каждой на шее имелся бронзовый колокольчик. В центральной части могилы на высоте 1,40 м от дна могилы захоронен коровий

череп. В северо-восточном углу могилы найден барабан, обтянутый кожей китайского аллигатора. Кроме того, в заполнении могилы найдены шесть бронзовых наконечников копий. Сопроводительный инвентарь в основном располагался между тремя гробами и на них (прил. 2, рис. 50) [Хай Цзиньлэ, Хань Бинхуа, 2006, с. 13–14].

M2 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Направление – 110°. Длина могильной ямы 3,40 м, ширина – 2,20 м, глубина – 6 м. В центре могилы был вырыт *яокэн* длиной 0,80 м, шириной 0,30 м, глубиной 0,26 м. В *яокэне* захоронена собака, лежавшая на боку головой на восток. В могиле имелись внешний и два внутренних гроба из дерева. Размеры внешнего гроба: длина – 2,56 м, ширина – 1,44 м, высота – не менее 0,30 м. Размеры внутренних гробов вследствие плохой сохранности невозможно установить. Внешний гроб был накрыт цветной тканью. В левом гробу захоронен мужчина, лежавший на спине с прямыми ногами. В правом – женщина, лежавшая на боку, лицом к мужчине. В северо-западном углу погребальной камеры на высоте 0,90 м от дна могилы найден скелет мужчины, уложенный на спину с прямыми ногами. Череп человека был проломлен. На груди найдена раковина каури. В восточной части могилы найдены кости конечности коровы и керамический сосуд ли. Сопроводительный инвентарь в основном располагался внутри внешнего гроба и включал 87 предметов из бронзы, нефрита, кости, керамики (прил. 2, рис. 51) [Там же, с. 93–94].

Дасиньчжуан – многослойный (от Шан до Хань) археологический памятник, расположенный к востоку от дер. Дасиньчжуан в районе г. Цзинань, пров. Шаньдун. В шанском слое найдено 62 могилы, примерно в половине из них были захоронены собаки. Приведем в качестве примеров описания нескольких погребений [Сюй Цзи, 1995, с. 19; Фан Хуэй и др., 2004, с. 25].

IV11M5 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Направление – 20°. Длина – 3 м, ширина – 1,30 м, глубина – 1,50 м. В центре могилы имелся *яокэн* (длина – 0,82 м, ширина – 0,28 м, глубина – 0,22 м), в котором захоронена одна собака. Еще по одной собаке были найдены на уступе у восточной и северной стенок могилы, на уступе, проходящем вдоль западной

стенки могилы, захоронены две собаки. В могиле имелось два гроба. Размеры внешнего гроба: длина – 2,40 м, ширина – 0,86 м. Размеры внутреннего гроба: длина – 2,20 м, ширина – 0,72 м. Дно внутреннего гроба покрыто киноварью. Костяк сохранился плохо. Сопроводительный инвентарь включал изделия из бронзы, керамики и нефрита. Погребение датируется 1-м или 2-м периодом Иньсюй [Сюй Цзи, 1995, с. 19–20, 25].

М72 – грунтовая могила. Длина – 3 м, ширина – 1,20 м. Направление – 195°. В могиле имелись внутренний и внешний гроб, дно внутреннего гроба покрыто киноварью. Имелся *яокэн*, в котором захоронена собака. Еще 10 скелетов собак найдены на уступе по периметру могилы. Сопроводительный инвентарь включал предметы из бронзы (сосуды *дин*, *гу*, *цзюэ*, два клевца) и керамические сосуды (*ли*, *доу*, *гуй*). Погребение датируется концом 3-го периода Иньсюй.

М74 – грунтовое погребение. Длина могильной ямы – 4,16 м, ширина – 2,04 м, глубина – 3,50 м. В погребении имелись внешний и внутренний гробы. Дно внутреннего гроба покрыто слоем киновари. Покойный лежал на спине с вытянутыми ногами. Имелся *яокэн* с захоронением собаки. Кроме того, на уступе по периметру погребальной камеры было захоронено еще 20 собак и один человек. Погребение нарушено колодцем шанской эпохи, сопроводительный инвентарь сохранился лишь частично. До нас дошло пять изделий из бронзы (треножник *дин*, сосуды *гу* и *цзюэ* и два колокольчика), а также предмет из нефрита в виде рукоятки. Погребение датируется концом 3-го периода Иньсюй [Фан Хуэй и др., 2004, с. 27].

Дингун – многослойный памятник (культуры давэнькоу, луншань, юэши, Шан, Чжоу) на территории уезда Цзоупин городского округа Биньчжоу, пров. Шаньдун. Известна одна могила с захоронением собак (всего было раскопано шесть погребений шанской эпохи). М23 – грунтовая могила прямоугольной формы со слегка скошенными стенками. Размеры могилы в верхней части: длина – 2,22 м, ширина – 0,84 м. Размеры дна: длина – 2,30 м, ширина – 0,94 м. Глубина могилы – 1,02 м. Направление – 105°. Гроб не сохранился. Покойный – взрослый человек – лежал на спине с прямыми ногами. Под телом человека имелся *яокэн*, в котором захоронена собака. Еще одна собака найдена в заполнении могилы у северной

стенки (уложена головой на запад). Сопроводительный инвентарь включал лишь два керамических сосуда – треножник *ли* и миску *пэнь* (прил. 2, рис. 52). Погребение датируется концом эпохи Шан или началом Чжоу [Луань Фэнши и др., 1992, с. 502, 504].

Лиу – многослойный памятник (от неолитической культуры юэши до эпохи Юань) в уезде Янсинь, пров. Шаньдун. Здесь исследовано поселение соледобытчиков позднешанской эпохи, также в шанском слое раскопаны семь погребений. Как минимум в четырех из них вместе с людьми были захоронены собаки. Приведем в качестве примера описание одного из них.

M47 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками, ориентирована по линии восток – запад. Погребение было нарушено ямой H20 шанского времени, поэтому точные размеры могильной ямы неизвестны. Гроб отсутствует. Скелет покойного лежит не в анатомическом порядке, по всей видимости, это вторичное захоронение. Под ногами покойного имелась прямоугольная яма (длина – 0,80 м, ширина – 0,30 м, глубина – 0,35 м) с захоронением собаки. Лапы собаки были связаны. Животное лежит головой на восток, в противоположную сторону по отношению к «хозяину могилы». Сопроводительный инвентарь не сохранился (прил. 2, рис. 53) [Янь Шэндун, Чжан Чжэньго, Тун Пэйхуа, 2010, с. 3, 6, 16].

Гэтэншань – шанский могильник на юго-востоке уезда Гуши, пров. Хэнань. В 1990 г. здесь раскопано одно погребение. Длина могильной ямы – 4 м, ширина – 2,60 м. В могиле имелись два гроба – внешний и внутренний. На крышке внешнего гроба и в заполнении могилы были захоронены собаки. Сопроводительный инвентарь представлен изделиями из бронзы (12 экз.) и нефрита [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 323–324].

Дуаньцзин – памятник, расположенный на территории уезда Биньсянь городского округа Сяньян, пров. Шэньси. Исследованы четыре погребения шанской эпохи, в двух из них вместе с людьми захоронены собаки. Приведем описание одного из них.

М4 – крупная грунтовая могила прямоугольной формы. Направление – 317°. Размеры в верхней части могильной ямы: длина – 4,92 м, ширина – 3,80 м. Длина дна могилы – 5,36 м. Восточная сторона могилы ступенчатой формы. Глубина могилы – 1,76 м. Вдоль стенок проходит земляной уступ. В могиле имелись внешний и внутренний гробы. Размеры внешнего гроба: длина – 3 м, ширина в северной части – 1,84 м, в южной части – 1,70 м, высота – 1,10 м. Размеры внутреннего гроба: длина – 2,36 м, ширина – 1,10 м. «Хозяин могилы» лежал в гробу на спине с прямыми ногами. Под гробом находились две ямы: *яокэн* и яма, расположенная с области стоп («цзяокэн»). *Яокэн* овальной формы. Длина – 0,88 м, ширина – 0,28–0,36 м. В нем были захоронены собака и курица. Вторая яма – прямоугольная со скругленными углами. Стенки ямы чуть скошены внутрь. Длина – 0,90 м, ширина – 0,46–0,52 м, глубина – 0,44 м. В яме захоронен человек в позе на корточках. На земляном уступе были захоронены еще три человека, принесенные в жертву. Погребение было граблено, сопроводительный инвентарь сохранился не полностью. До нас дошло несколько предметов из бронзы, камня, керамики, кости, два золотых украшения, а также раковины. Погребения, исследованные на данном памятнике, относят к культуре додинастического Чжоу, причем отмечается влияние на погребальный обряд и инвентарь культуры *жунов* и *ди*. Могилы датируются позднешанским периодом [Лян Синпэн, 1999, с. 78–80, 93–95].

Чжанцзяпо

К юго-востоку от дер. Чжанцзяпо на территории на территории района Чанъань г. Сиань, пров. Шэньси, при строительстве шерстопрядильной фабрики было раскопано четыре чжоуские могилы, одна из них относится к додинастическому периоду и датируется концом шанской эпохи (83М1), еще три (83М2–М4) – началом Западного Чжоу. В двух из них (83М1 и 83М3) вместе с людьми были захоронены собаки.

83М1 – грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина – 3,30 м, ширина – 1,56 м, глубина – 3,20 м. Направление – 261°. Вдоль стенок имелся земляной уступ высотой 0,55 м, шириной 0,40 м. Есть *яокэн*

прямоугольной формы длиной 0,58 м, шириной 0,28 м, глубиной 0,15 м. Внутри найдены кости, вероятно, собачьи. В могиле имелись два гроба – внешний и внутренний. Размеры внешнего гроба: длина – 2,50 м, ширина – 0,90 м, высота – 0,55 м. Длина внутреннего гроба – 1,85 м, ширина – 0,53 м, высота не определена. Скелет человека не сохранился, ясно, лишь, что ноги покойного были вытянуты. Сопроводительный инвентарь включал несколько бронзовых и керамических сосудов [Лу Ляньчэн, Чэнь Чан, 1984, с. 779, 781–783].

Кэшэнчжуан

К юго-западу от дер. Кэшэнчжуан на территории района Чанъань г. Сиань, пров. Шэньси, открыта одна раннечжоуская могила 83SCKM1 додинастического периода (датируется концом эпохи Шан). Это грунтовая могила прямоугольной формы с вертикальными стенками. Длина – 3,80 м, ширина – 2,10 м, глубина – 1,10 м. Направление – 80°. Вдоль стенок проходит земляной уступ. В могиле имелись два гроба. Размеры внешнего гроба: длина – 2,72 м, ширина – 1,14 м, высота – 0,85 м. Длина внутреннего гроба – 2 м, ширина – 0,69 м. Крышка внутреннего гроба имела лаковое покрытие красного, черного и коричневого цветов. Скелет покойного, похороненного в гробу, сохранился плохо, однако очевидно, что он лежал на спине с вытянутыми ногами. На дне могилы имелся *яокэн* длиной 0,80 м, шириной 0,30 м, глубиной 0,20 м. Внутри захоронена собака. На уступе вдоль южной и северной стенок имелись прямоугольные ямы длиной 2 м, шириной 0,40–0,50 м, глубиной 0,50 м. В каждой из них в деревянном гробу захоронено по одному человеку. Сопроводительный инвентарь насчитывал более 10 предметов из бронзы, керамики, камня, нефрита [Там же, с. 779–781].

Могильник **Бэйчжунцзы** расположен на территории городского уезда Динчжоу городского округа Баодин пров. Хэбэй. В 1991 году здесь было раскопано 42 погребения периода поздней Шан. Все они представляют собой средние и малые грунтовые могилы с расширяющимися книзу стенками, вдоль стенок проходит земляной уступ. В большинстве могил имелось два деревянных гроба (внутренний внешний), в некоторых – лишь один гроб. Длина могил в среднем составляет 1,90–3,70 м, ширина – 0,70–2,20 м, глубина – 4,50–8 м. Почти во всех погребениях

присутствуют сопроводительные захоронения собак в *яокэне*, на уступе вдоль стенок могилы и / или в заполнении могильной ямы. В *яокэне* всегда зарыта только одна собака, всего в одном погребении могло быть захоронено от одной до десяти особей (прил. 2, рис. 54). Состав сопроводительного инвентаря разных погребений неодинаков, в основном он представлен изделиями из бронзы (сосуды различных форм, оружие, орудия труда, украшения и др.; на некоторых предметах есть надписи). В наиболее богатом погребении их насчитывается более 270. Вероятно, могильник представлял собой родовое кладбище одного из зависимых от Шан княжеств [Се Фэй, Ван Хуэйминь, 2002, с. 323–329].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ИЛЛЮСТРАЦИИ

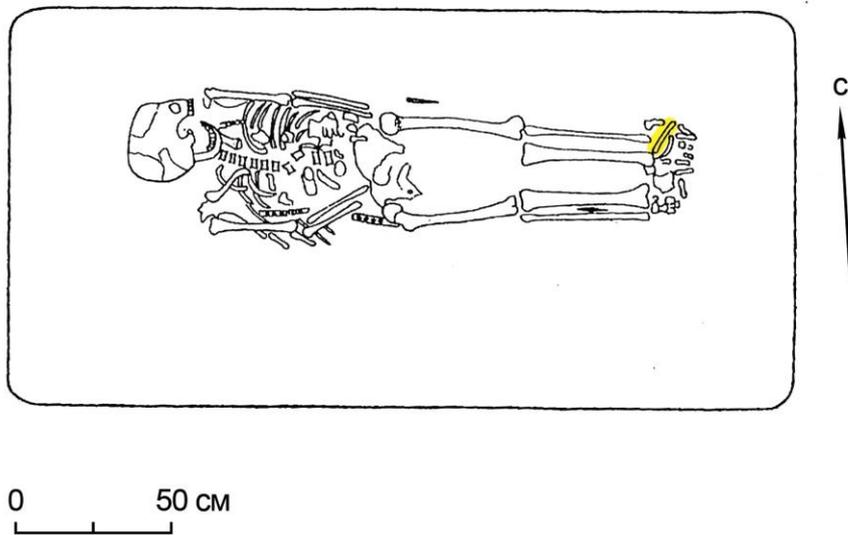

Рис. 1. Погребение М341, памятник Цзяху, культура пэйлиган. По: [Уян Цзяху, 1999, с. 169].

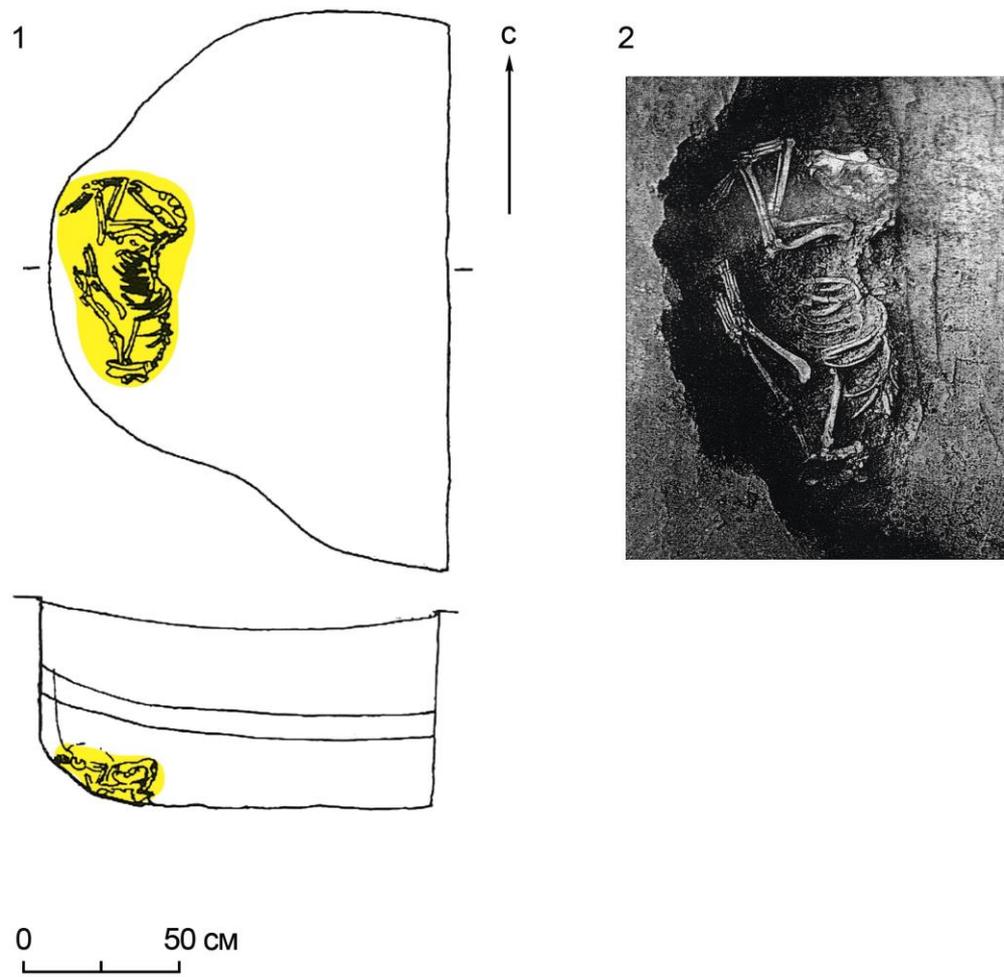

Рис. 2. Зольник Н139, памятник Цзяху, культура пэйлиган: 1 – план и разрез; 2 – фото. По: [Уян Цзяху, 1999, с. 105, илл. 10].

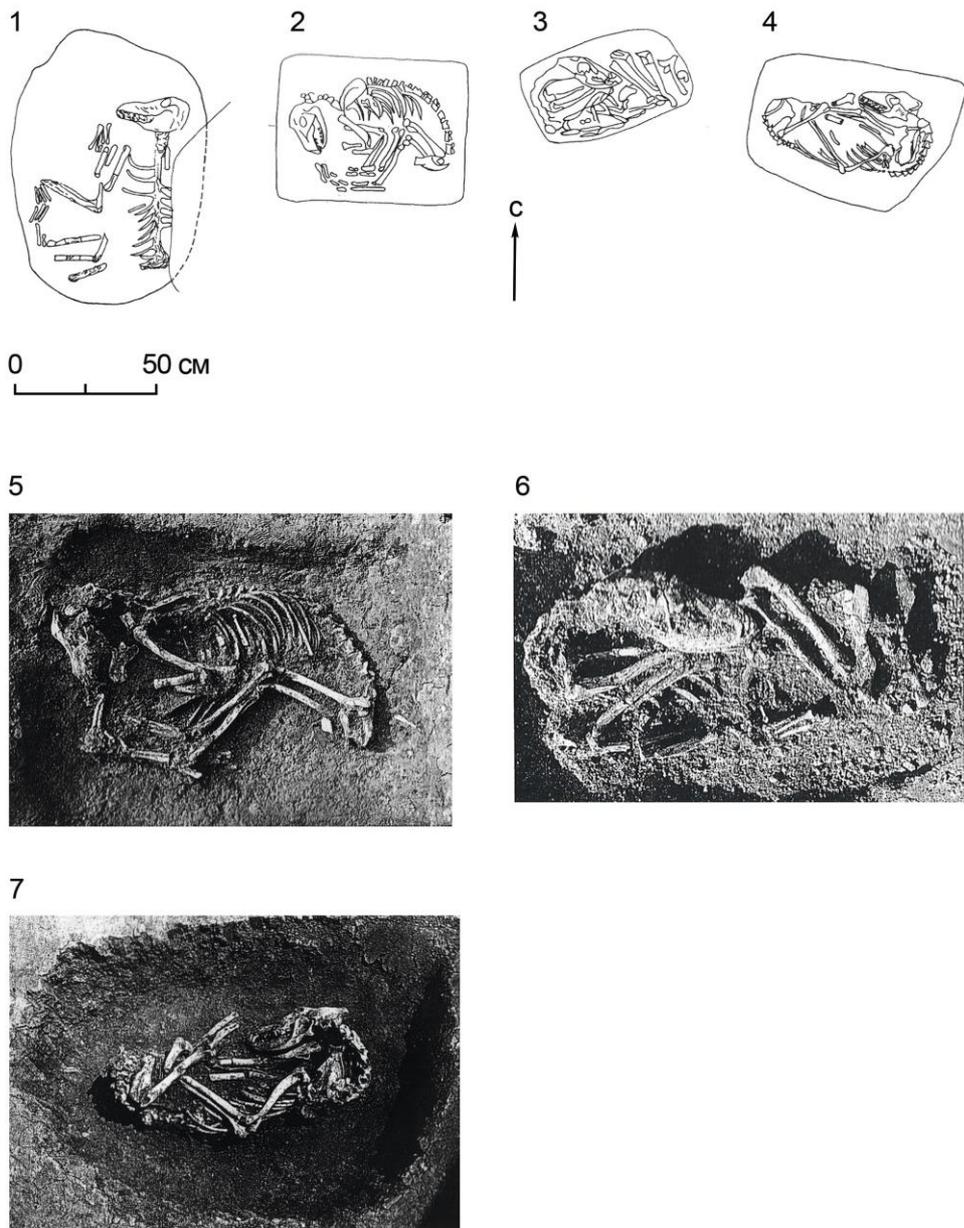

Рис. 3. Жертвенные ямы с захоронениями собак, памятник Цзяху, культура пэйлиган: 1 – SK2; 2 – SK8; 3 – SK3; 4 – SK9; 5 – SK8 (фото); 6 – SK3 (фото); 7 – SK9 (фото). По: [Уян Цзяху, 1999, с. 131, илл. 11].

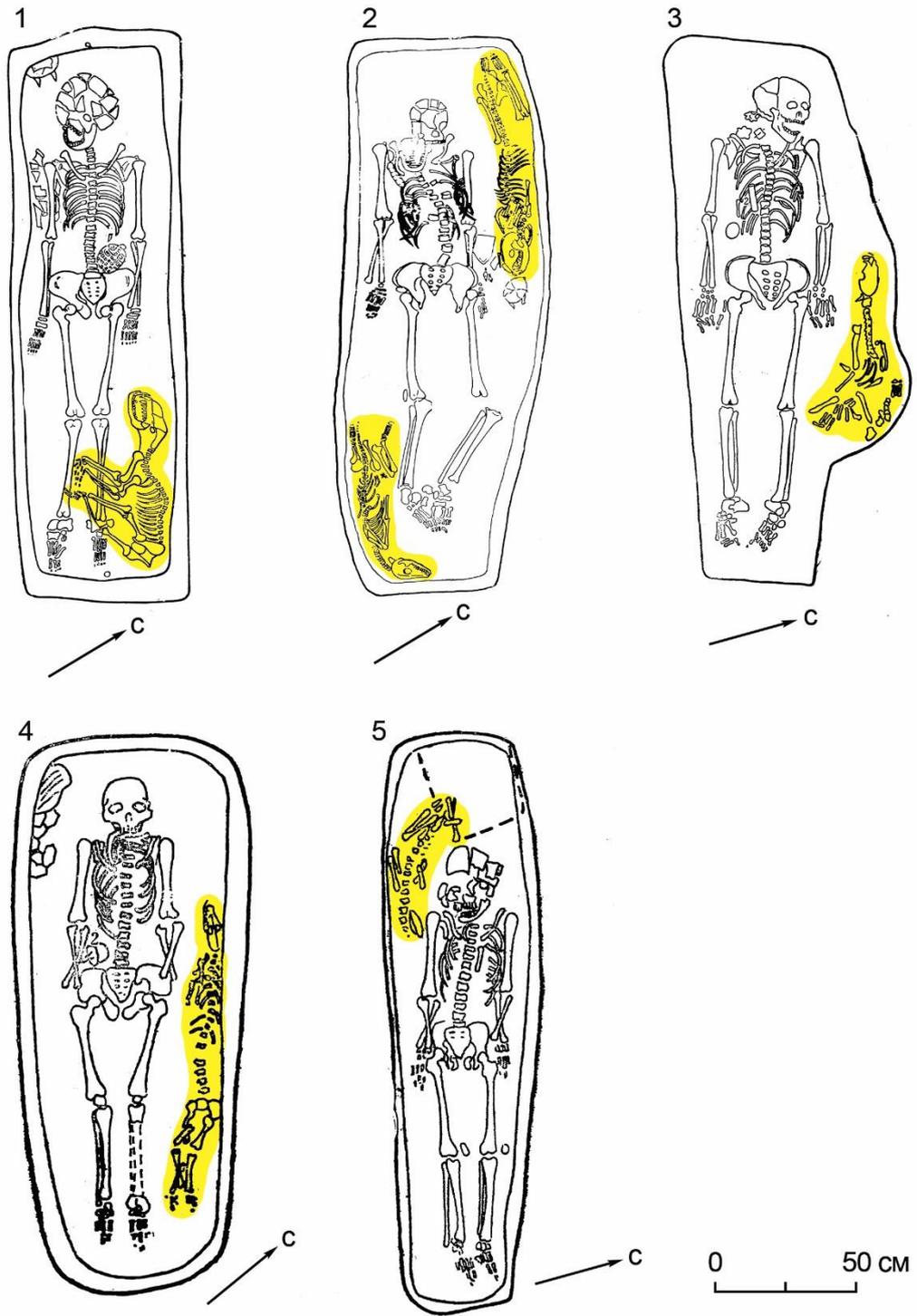

Рис. 4. Захоронения собак в могилах людей на памятнике Сяванган, культура сяванган, яншаоская культурная общность: 1 – М112; 2 – М285; 3 – М645; 4 – М224; 5 – М257. По: [Сичуань Сяванган, 1989, с. 25–27, 29, 30].

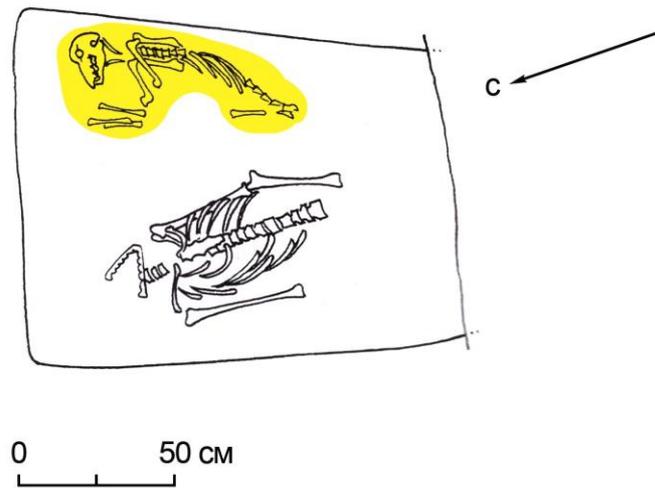

Рис. 5. Погребение M224, памятник Дадивань, культура 2-го периода Дадивань, яншаоская культурная общность. По: [Циньань Дадивань, 2006, с. 272].

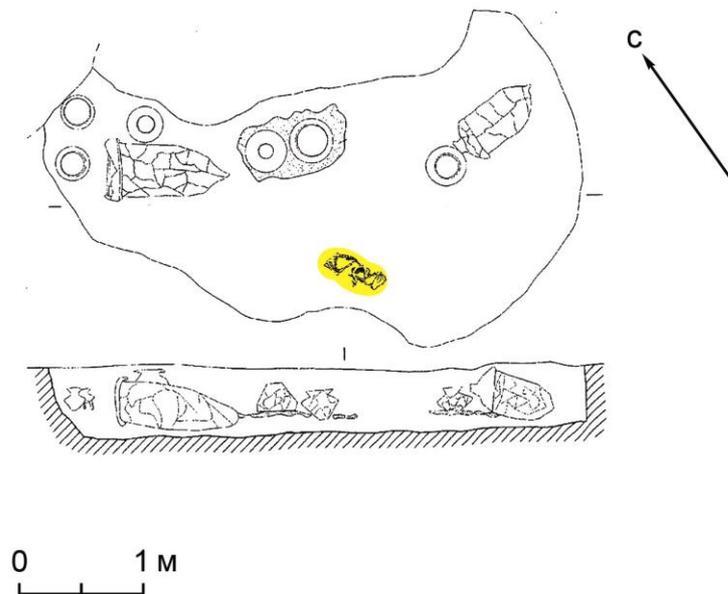

Рис. 6. Жертвенник с захоронением собаки, памятник Чжаньматунь, культура циньванчжай, яншаоская культурная общность. По: [У Чжицзян, Линь Ян, Чжан Яньлин, 2011, с. 62].

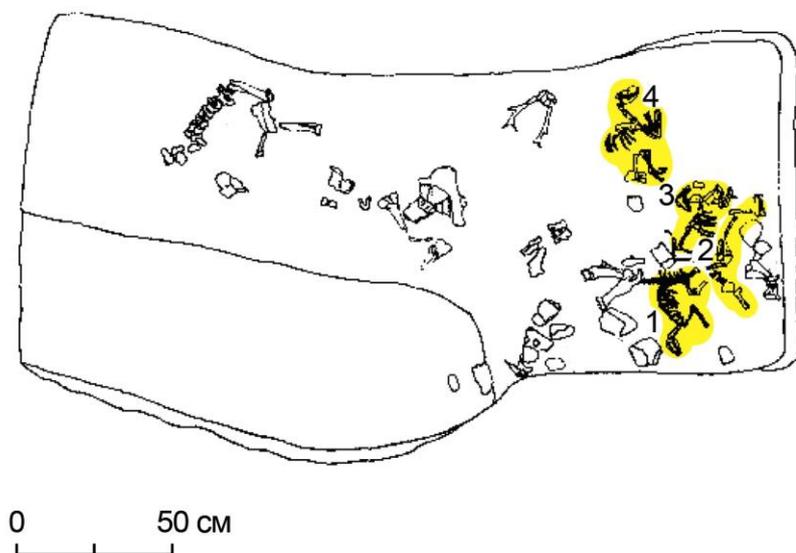

Рис. 7. Жертвенная яма с захоронением собак, памятник Шихушань, культура 1-го периода Хоуган, яншаоская культурная общность. По: [Ян Цзэмэн, 1998, с. 4].

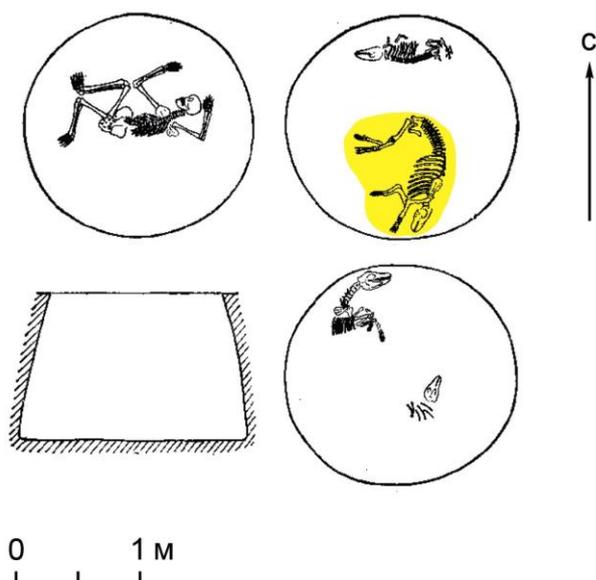

Рис. 8. Зольник N56, памятник Чжуншаньчжай, культура циньванчжай, яншаоская культурная общность. По: [Чжэн Найу, Лян Чжунхэ, Тянь Фуцян, 1991, с. 80].

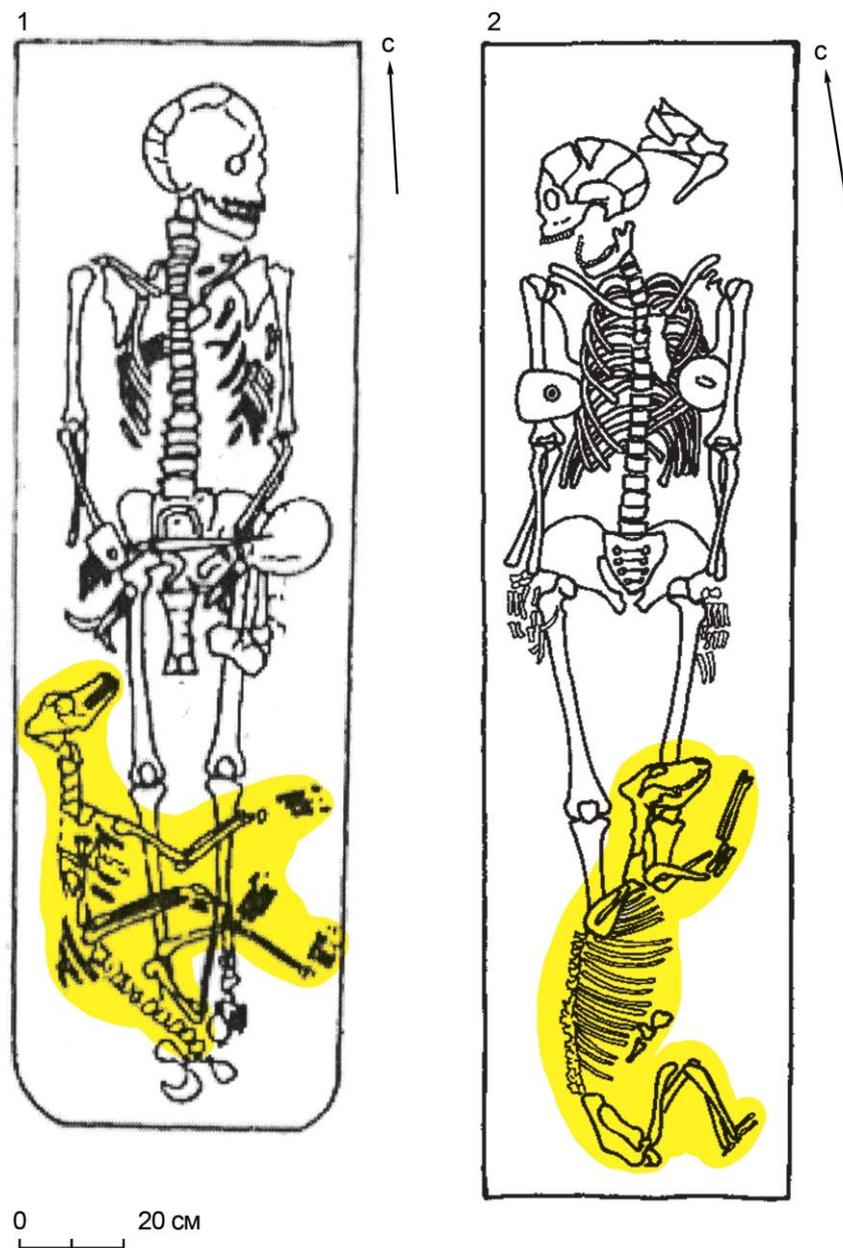

Рис. 9. Захоронения собак в могилах людей, памятник Люлинь, культура давэнькоу: 1 – М25; 2 – М179. По: [Инь Хуаньчжан, Чжан Чжэнсян, 1962, с. 87; Инь Хуаньчжан, Юань Ин, Цзи Чжунцин, 1965, с. 17].

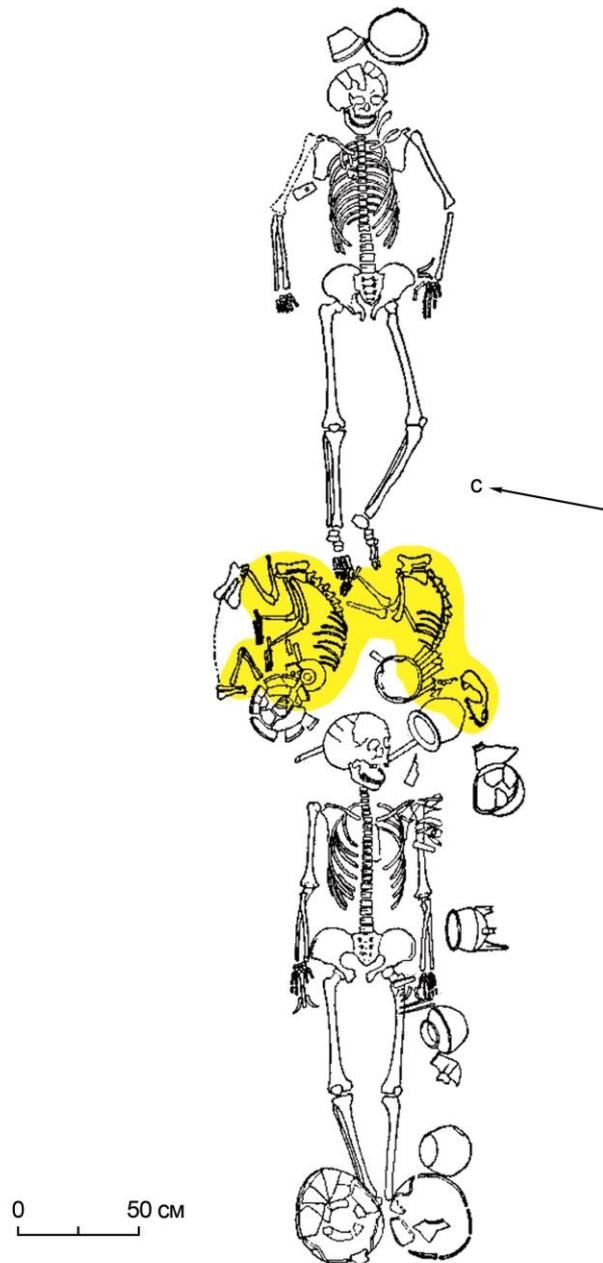

Рис. 10. Захоронения собак в могилах людей (М40, М38), памятник Дадуньцзы, культура давэнькоу. По: [Инь Хуаньчжан, Чжан Чжэнсян, Цзи Чжунцин, 1964, с. 24].

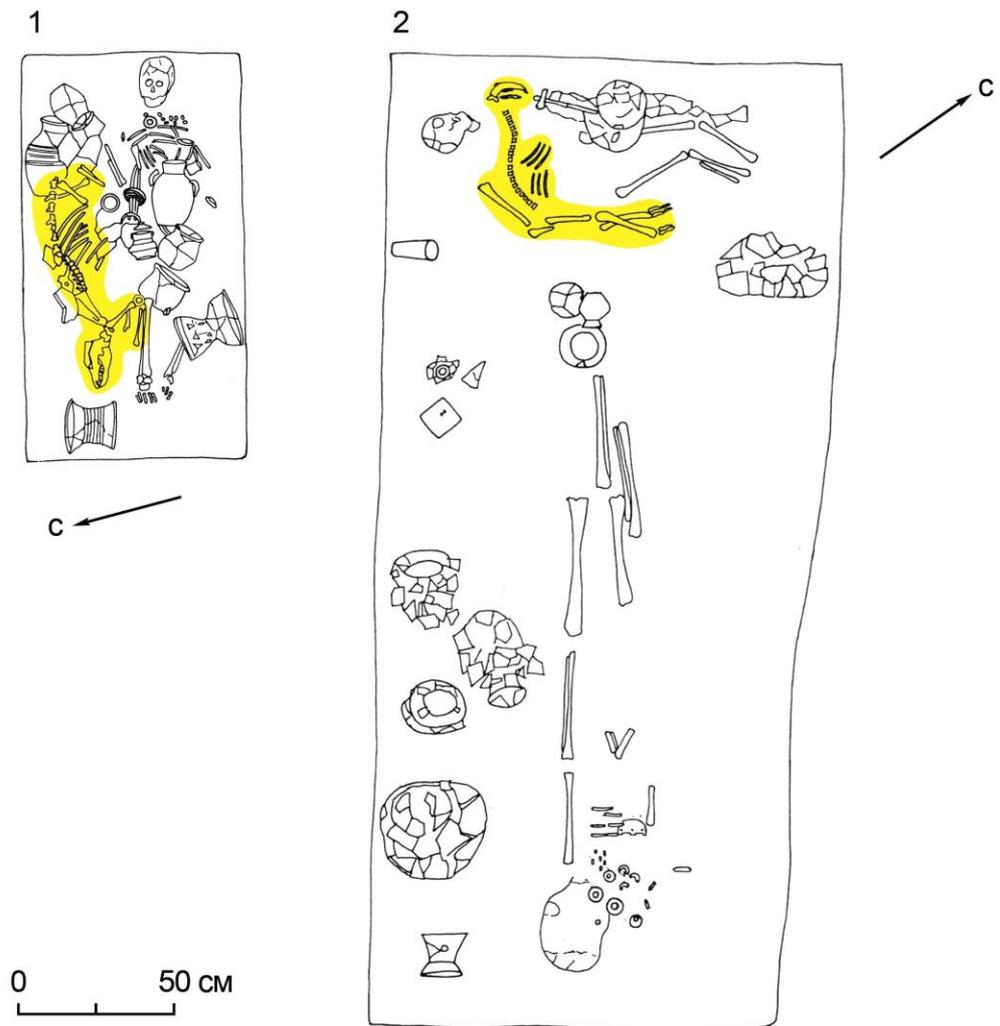

Рис. 11. Захоронения собак в могилах людей, памятник Хуатин, культура давэнькоу: 1 – М19; 2 – М32. По: [Хуатин, 2003, с. 74, 81].

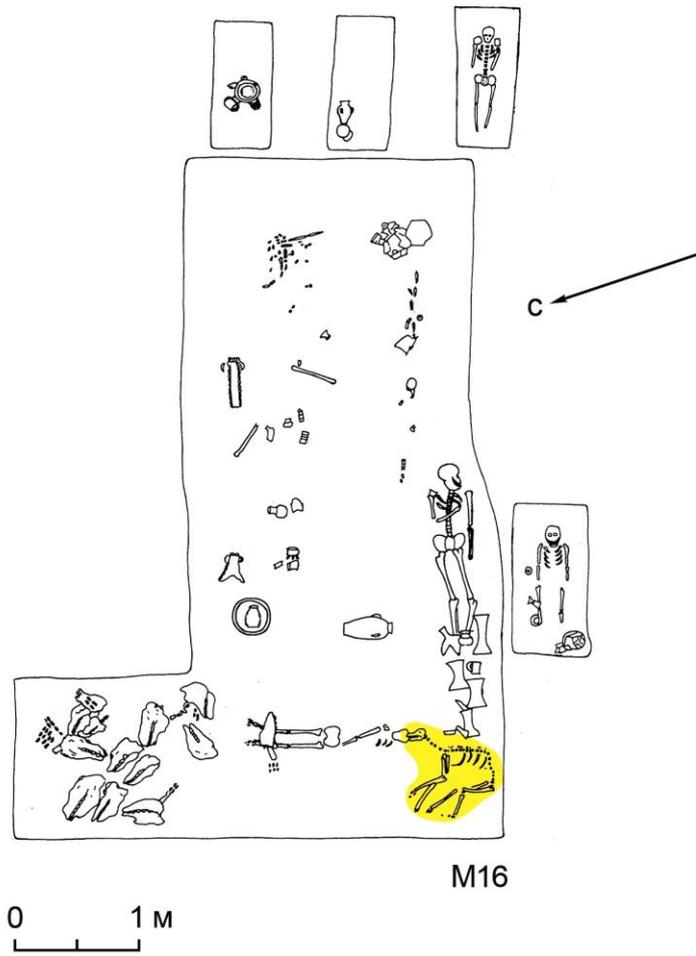

Рис. 12. Погребение М16, памятник Хуатин, культура давэнькоу. По: [Хуатин, 2003, с. 55].

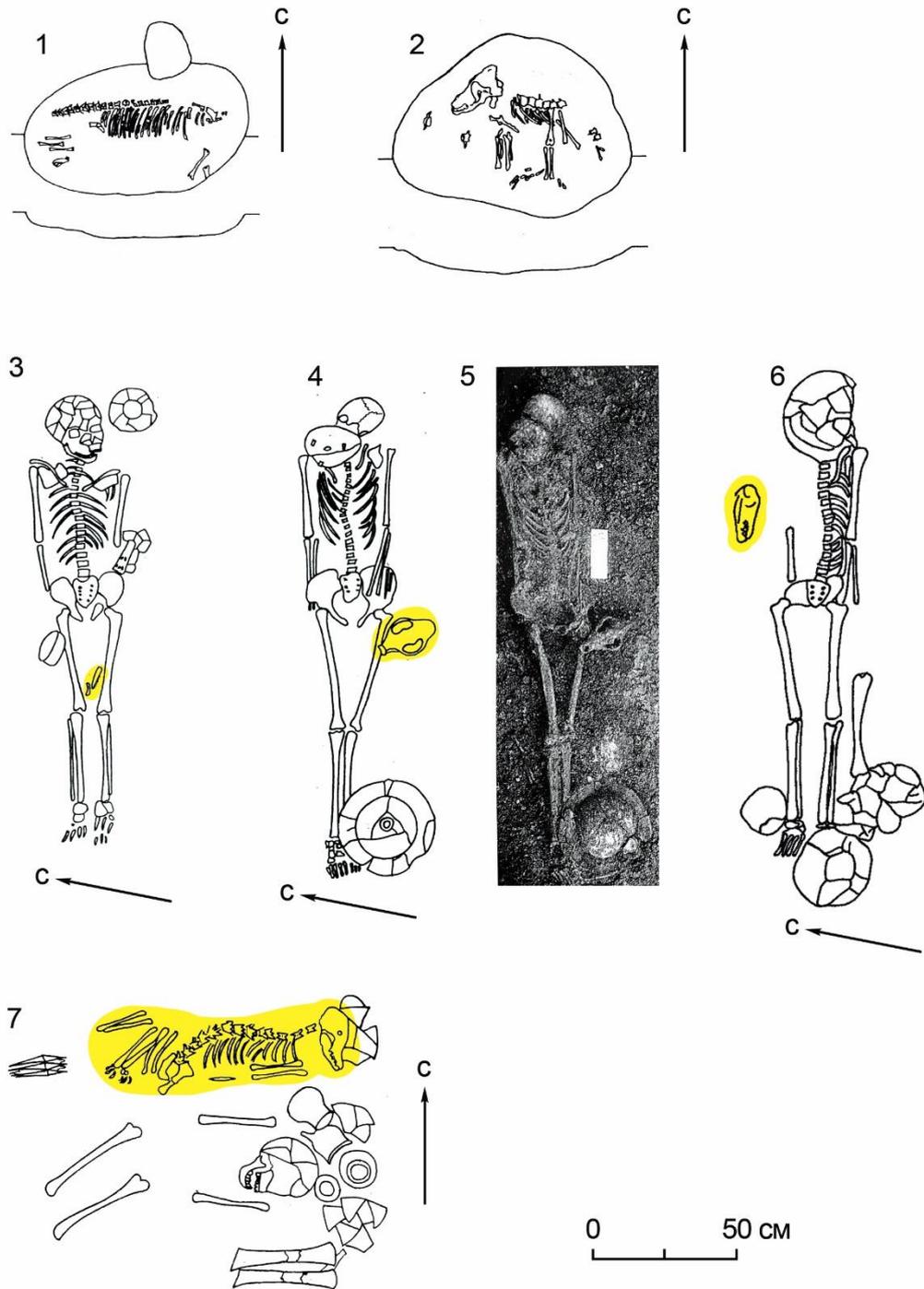

Рис. 13. Находки собак на памятнике Лунцючжуан, культура лунцючжуан: 1 – захоронение в яме на территории жилища F1 (план и разрез); 2 – захоронение собаки в яме на территории жилища F2 (план и разрез); 3 – погребение M143; 4 – погребение M400; 5 – погребение M400 (фото); 6 – погребение M198; 7 – погребение M57. По: [Лунцючжуан, 1999, с. 21–22, 54, 110, илл. 3; Го Чживэй, 2012, с. 57].

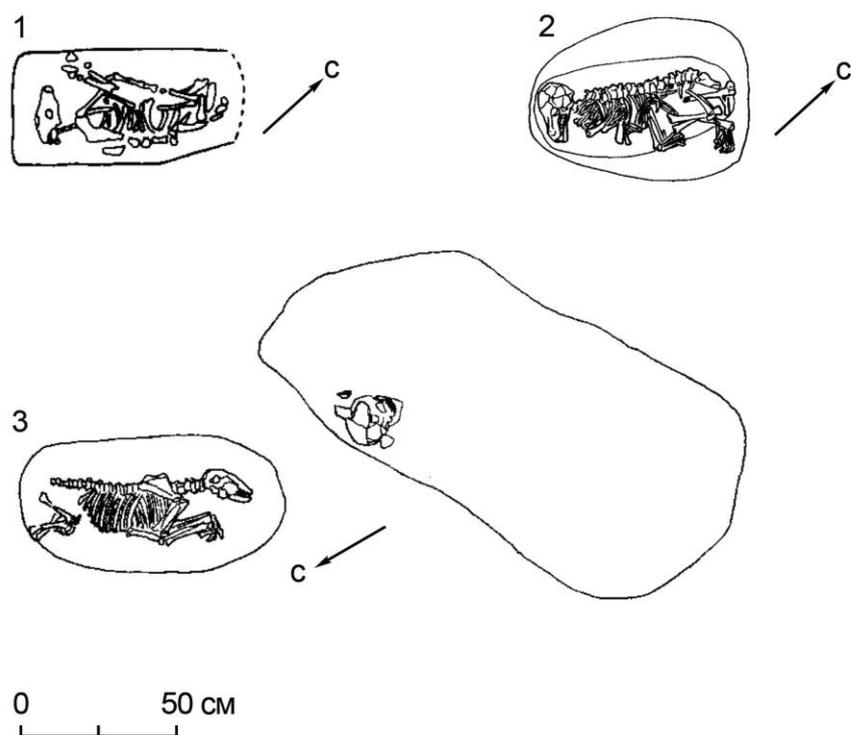

Рис. 14. Захоронения собак в жертвенных ямах на памятниках культуры лянчжу: 1 – зольник Н21, памятник Гуанфулинь; 2 – жертвенная яма Н1, памятник Шаоциншань; 3 – жертвенные ямы Н2 и Н5, памятник Шаоциншань. По: [Сун Цзянь, Чжоу Лицзюань, Чэнь Цзе, 2002, с. 34; Дин Цзиньлун, Чжан Чжаогэнь, Чэн Чжэньлюй, 2000, с. 38].

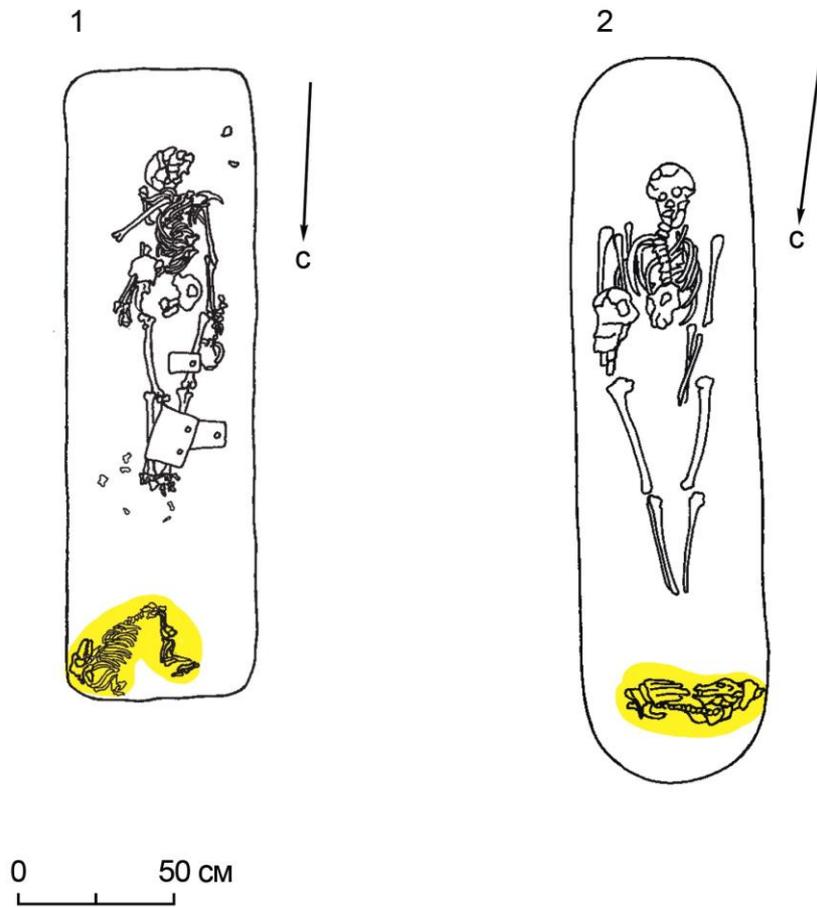

Рис. 15. Захоронения собак в могилах людей на памятнике Тинлинь, культура лянчжу: 1 – М22; 2 – М1. По: [Го Чживэй, 2012, с. 58, 59].

Рис. 16. Жертвенная яма с захоронением собаки, памятник Таньшишиань, культура Таньшишань. По: [Таньшишань, б. г.].

Рис. 17. Жертвенная яма с захоронением собаки, памятник Наньгуаньли, культура дапэнькэн. По: [Цзан Чжэньхуа, 2007].

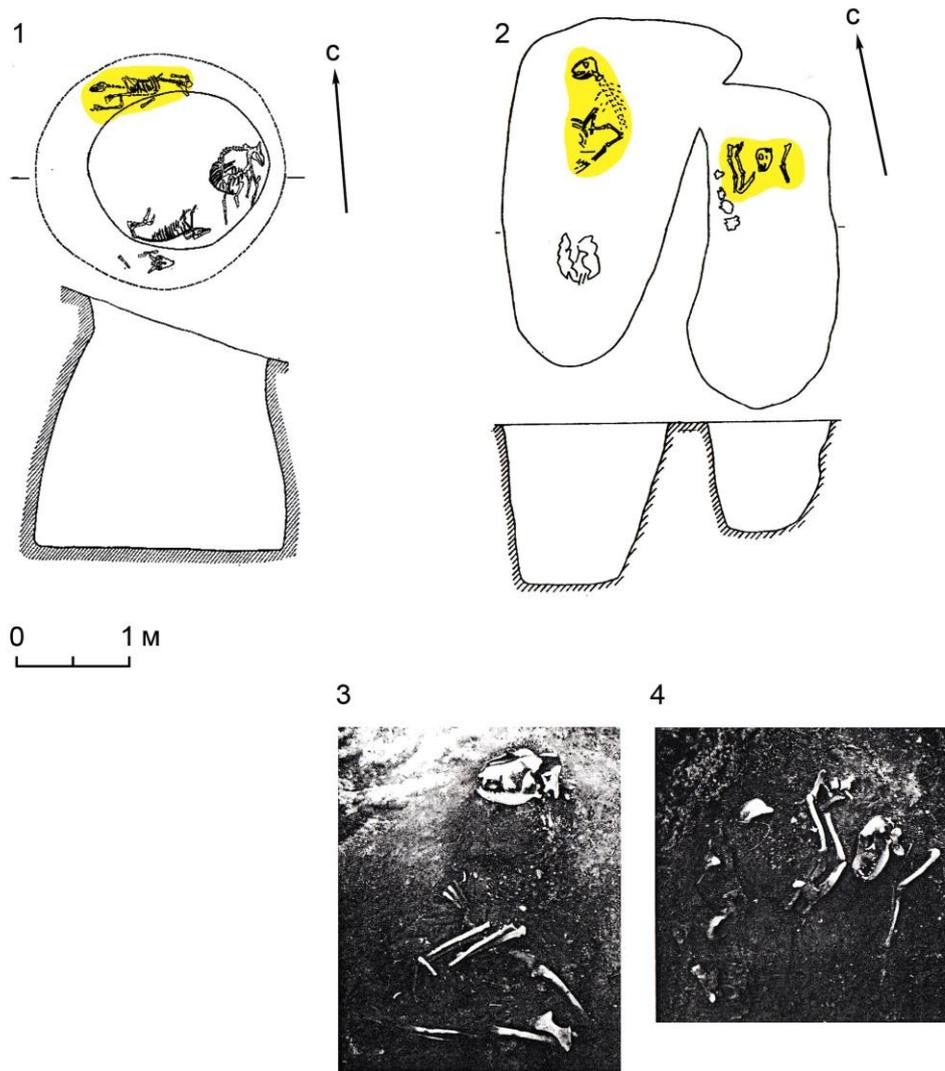

Рис. 18. Захоронения собак на памятниках луншаньской культурной общности: 1 – зольник Н231, памятник Дунсяфэн (план и разрез); 2 – жертвенные ямы Н8 и Н13, памятник Цзиньянган (план и разрез); 3 – Н8 (фото); 4 – Н13 (фото). По: [Хуан Шилинь, Ли Сицзин, Ван Кэлинь, 1983, с. 64; Ли Фаньлин, Сунь Хуайшэн, У Минсинь, 1997, с. 17, илл. 1].

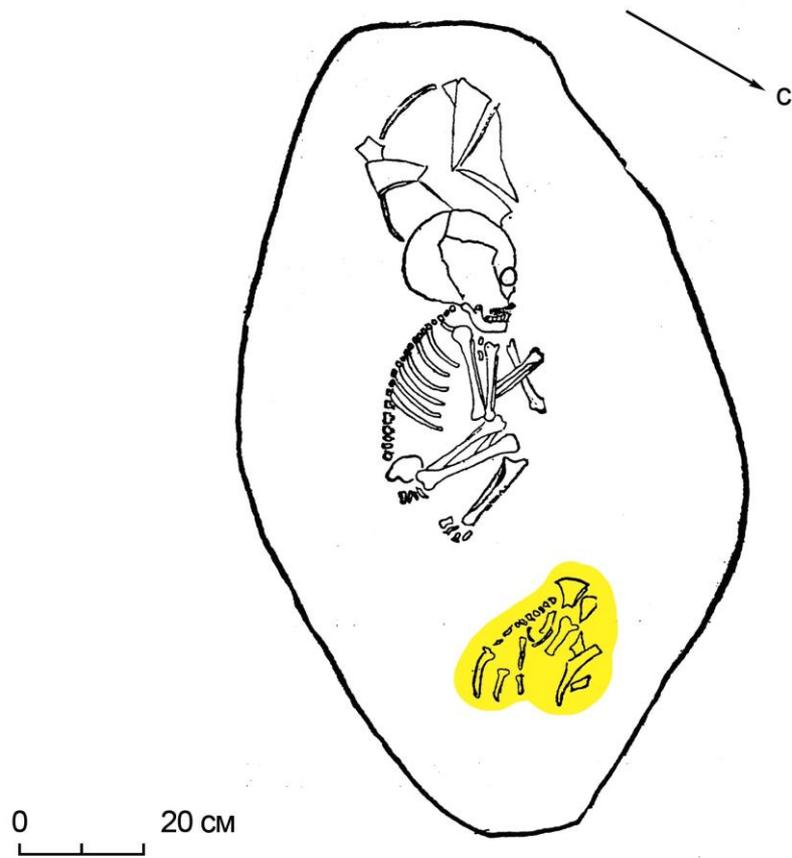

Рис. 19. Погребение М26, памятник Сяванган, луншаньская культурная общность.
По: [Сичуань Сяванган, 1989, с. 239].

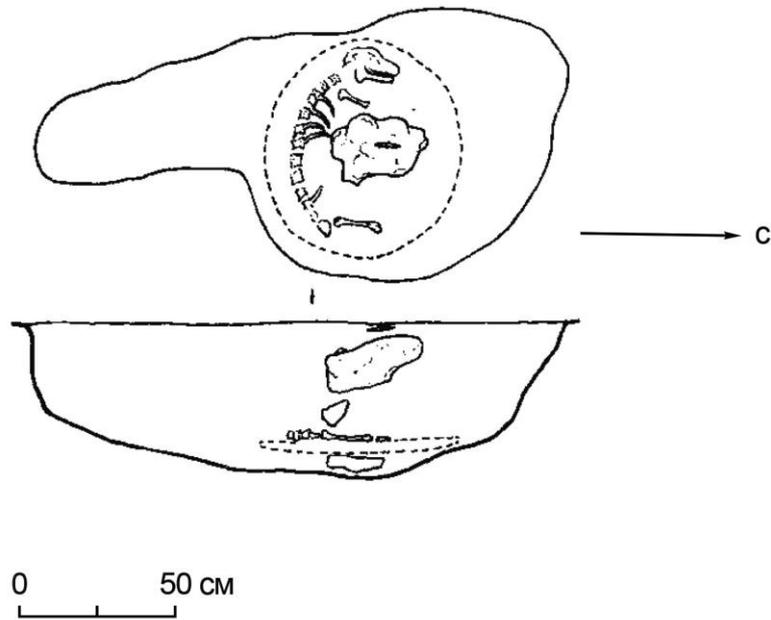

Рис. 20. Зольник N23, памятник Пинчжай, луншаньская культурная общность. По: [Ли Вэймин, Цзо Чао, Нью Юймэй, 2000, с. 334].

Рис. 21. Керамический сосуд *гуй* в форме собаки (M267:1), памятник Саньлихэ, культура давэнькоу. По: [Чжунго каогусюэ, 2010, илл. 10–3].

Рис. 22. Керамический горшок *гуань* с изображением собак и рыбы, памятник Дадивань, позднее яншао. Музей провинции Ганьсу: 1 – фото; 2 – развертка (фото А. В. Варенова).

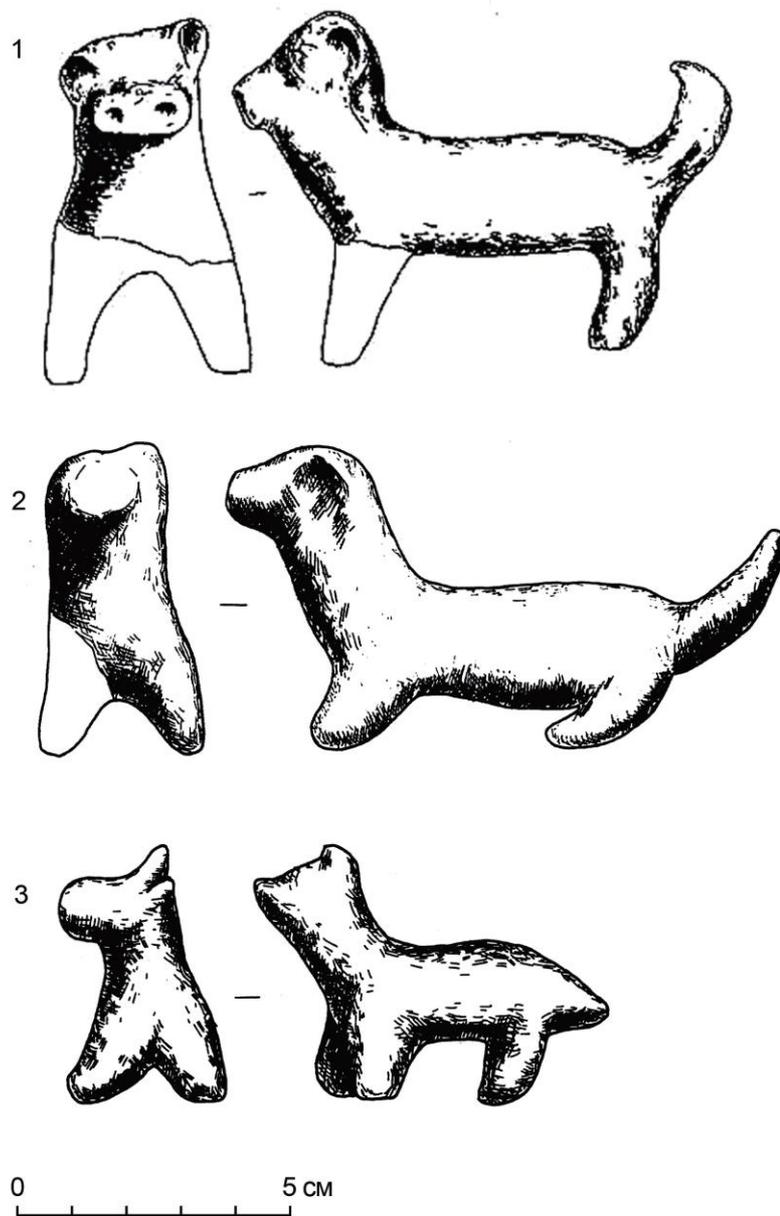

Рис. 23. Глиняные фигурки собак, памятник Дэнцзявань, культура шицзяхэ. По: [Дэнцзявань, 2003, с. 188–194].

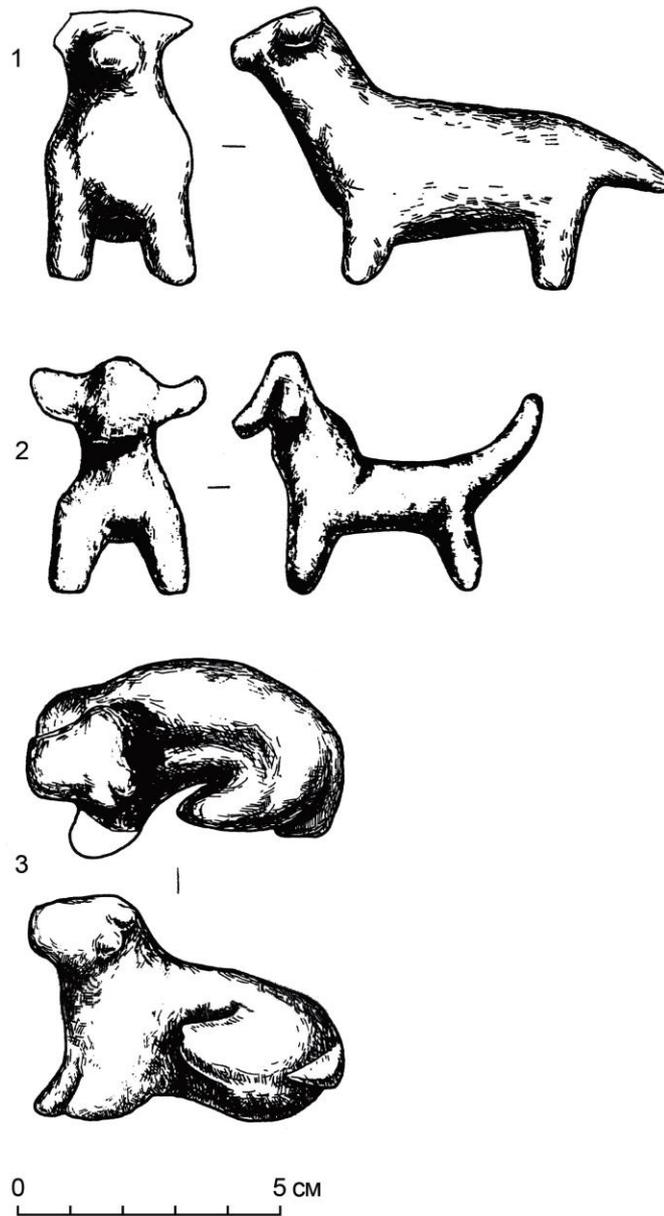

Рис. 24. Глиняные фигурки собак, памятник Дэнцзявань, культура шицзяхэ. По: [Дэнцзявань, 2003, с. 188–194].

Рис. 25. Глиняные фигурки собак, памятник Дэнцзявань, культура шицзяхэ. По: [Дэнцзявань, 2003, с. 188–194].

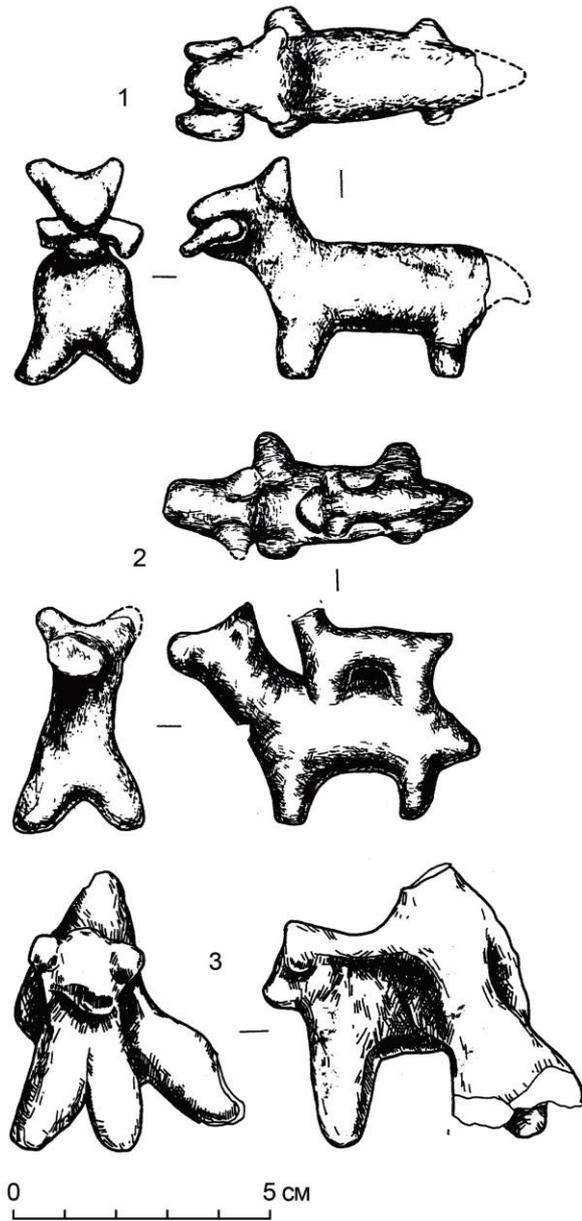

Рис. 26. Глиняные фигурки собак, памятник Дэнцзявань, культура шицзяхэ. По: [Дэнцзявань, 2003, с. 188–194].

Рис. 27. Глиняные «собачки» из уезда Хуайян, пров. Хэнань [Хэнань Хуайян «ни ни гоу», 2007].

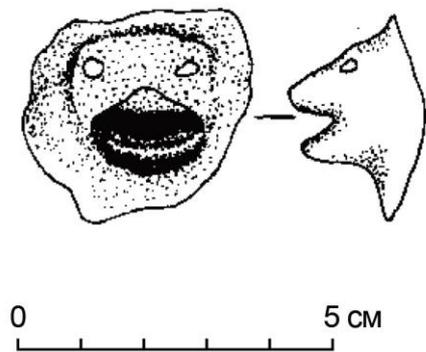

Рис. 28. Фрагмент глиняной фигурки собаки (Т13022А:22), памятник Янбай, луншаньская культурная общность. По: [Ху Цзянь, Цзя Чжицянь, 1997, с. 55].

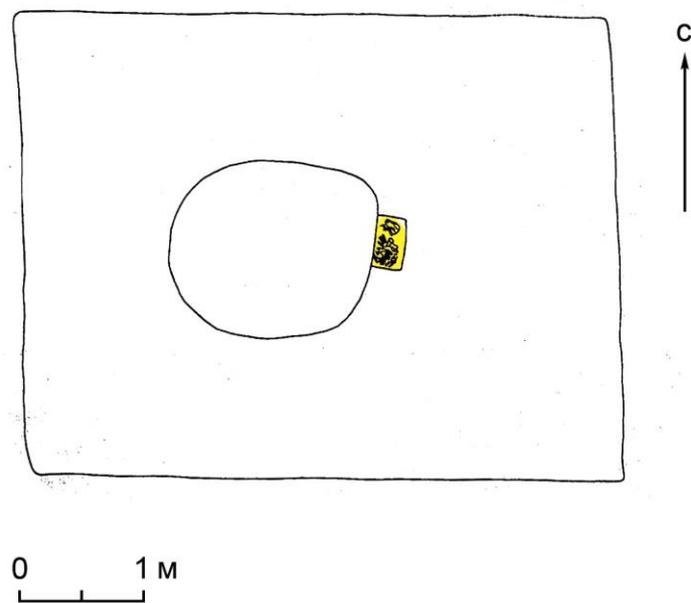

Рис. 29. Захоронение собаки в могиле М1, памятник Эрлитоу, культура эрлитоу. По: [Яньши Эрлитоу, 1999, с. 157].

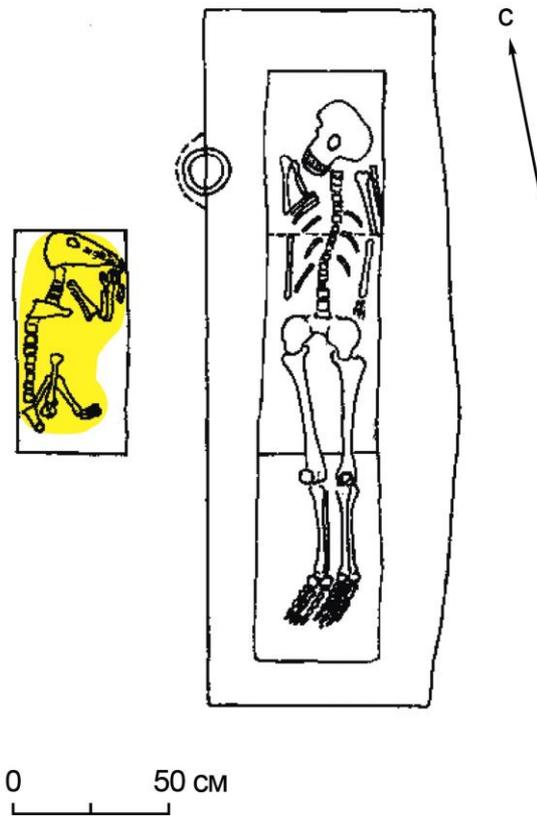

Рис. 30. Погребение М9, могильник Хуаюаньчжуан к северу от р. Хуаньхэ, ранняя Шан. По: [1998 нянь, 2009, с. 342].

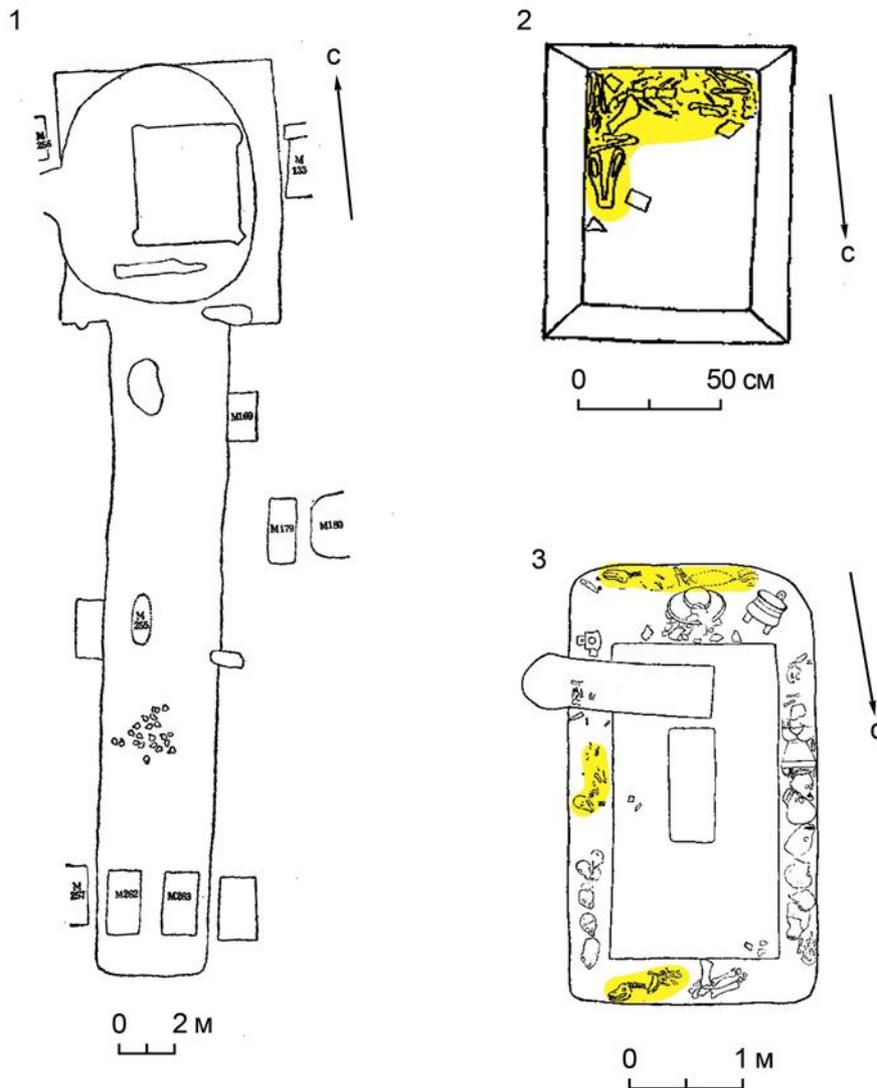

Рис. 31. Погребения с захоронениями собак, Сибэйган, поздняя Шан: 1 – М260; 2 – яокэн М260; 3 – М259. По: [Ян Баочэн, Ян Сичжан, 1987, с. 103, 111].

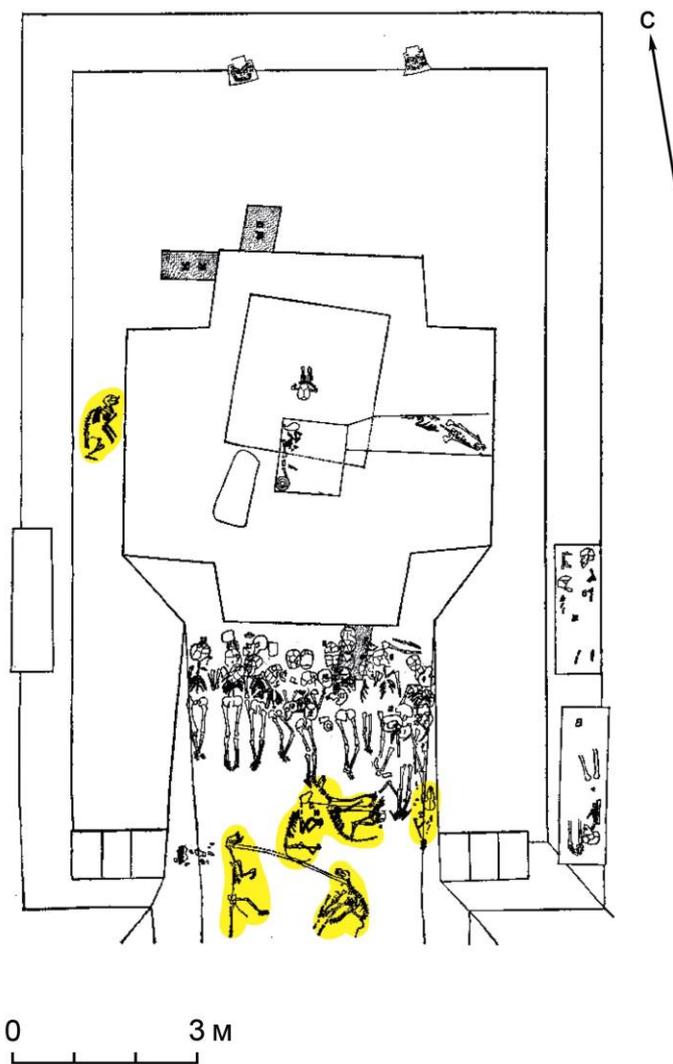

Рис. 32. Погребение М1, памятник Суфутунь, поздняя Шан. По: [Шаньдун Иду Суфутунь, 1972, с. 25].

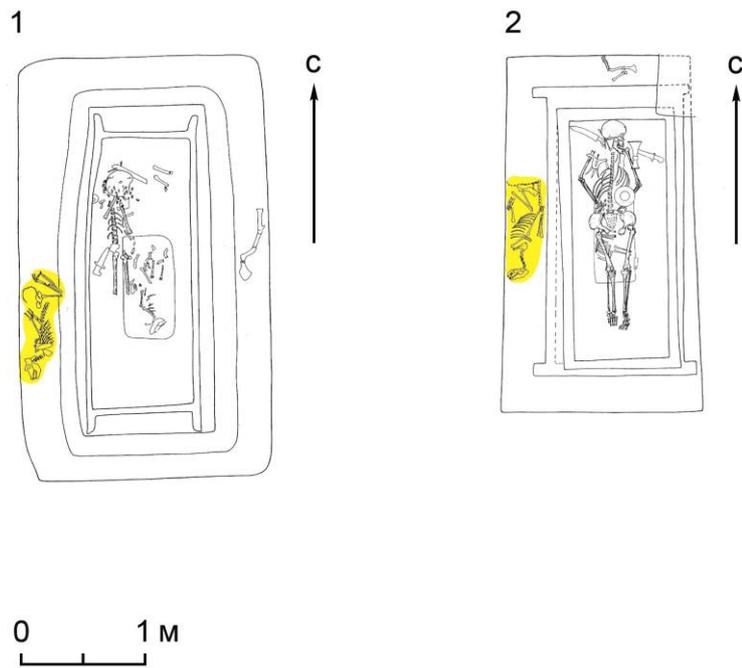

Рис. 33. Захоронения собак в могилах людей на могильнике Цяньчжанда, поздняя Шан: 1 – М44; 2 – М17. По: [Тэнчжоу Цяньчжанда, 2005, с. 95, 102].

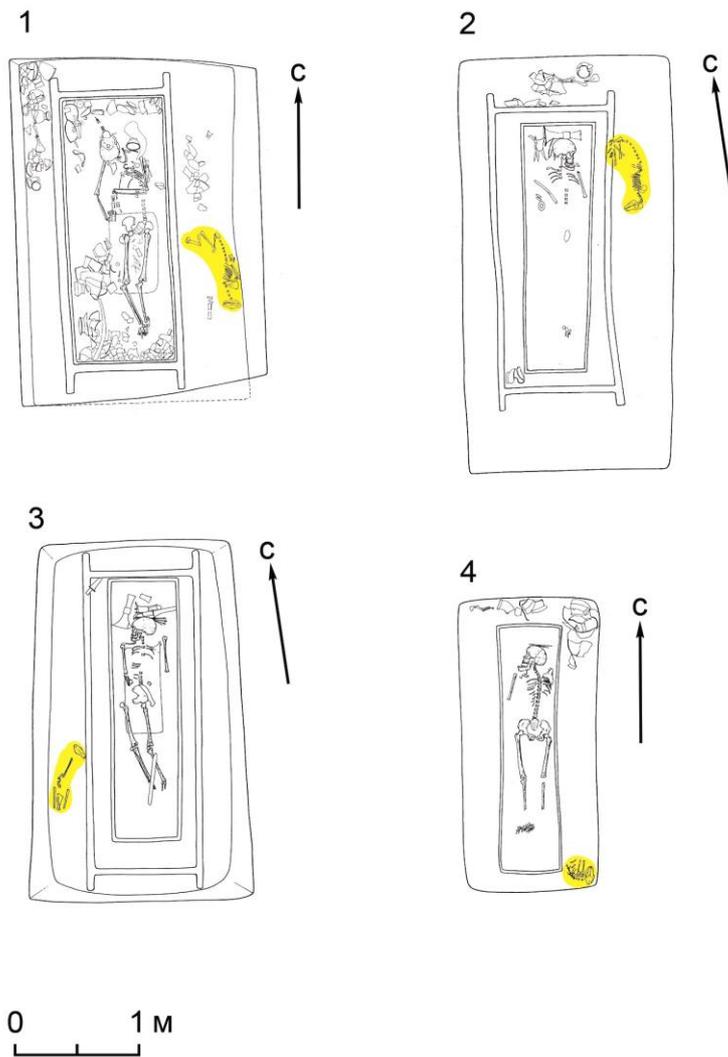

Рис. 34. Захоронения собак в могилах людей на могильнике Цяньчжанда, поздняя Шан: 1 – М124; 2 – М127; 3 – М108; 4 – М104. По: [Тэнчжоу Цяньчжанда, 2005, с. 109, 117, 119].

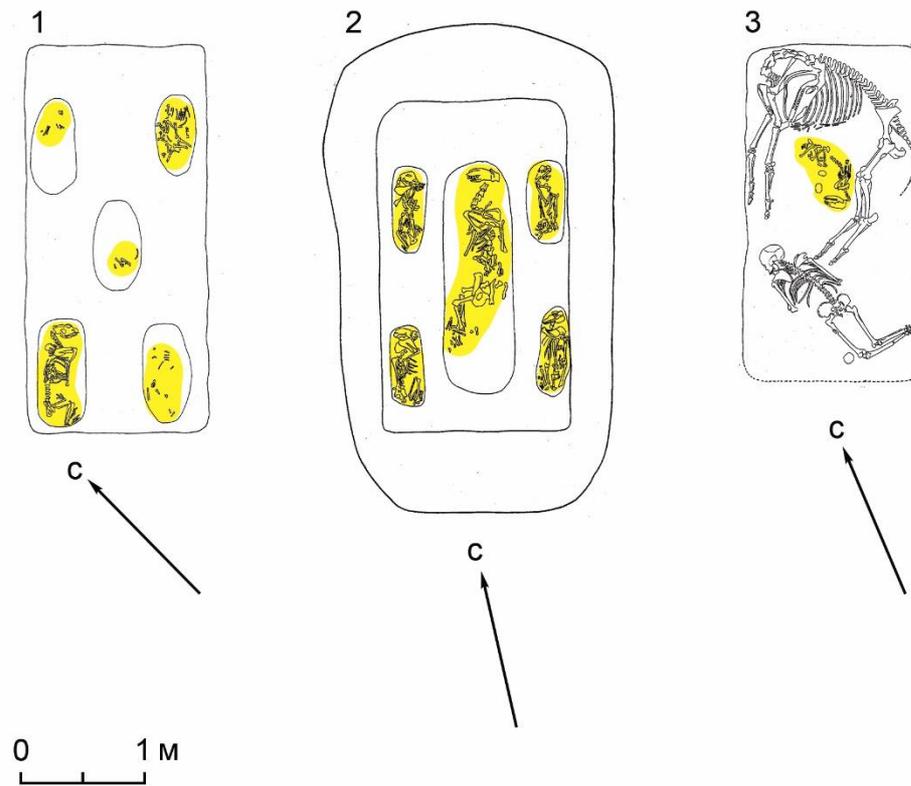

Рис. 35. Захоронения собак на памятнике Лаонюпо, поздняя Шан: 1 – М20; 2 – М6; 3 – М30. По: [Лаонюпо, 2001, с. 257, 261, 270].

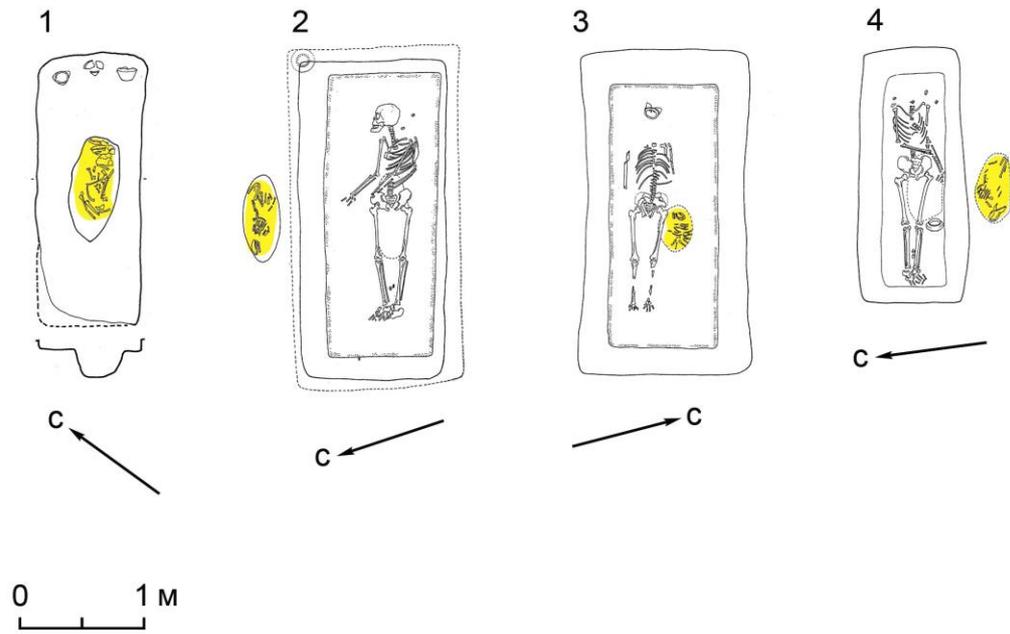

Рис. 36. Захоронения собак в могилах людей на памятнике Лаонюпо, поздняя Шан:
 1 – М9; 2 – М42; 3 – М45; 4 – М43. По: [Лаонюпо, 2001, с. 239, 248, 249].

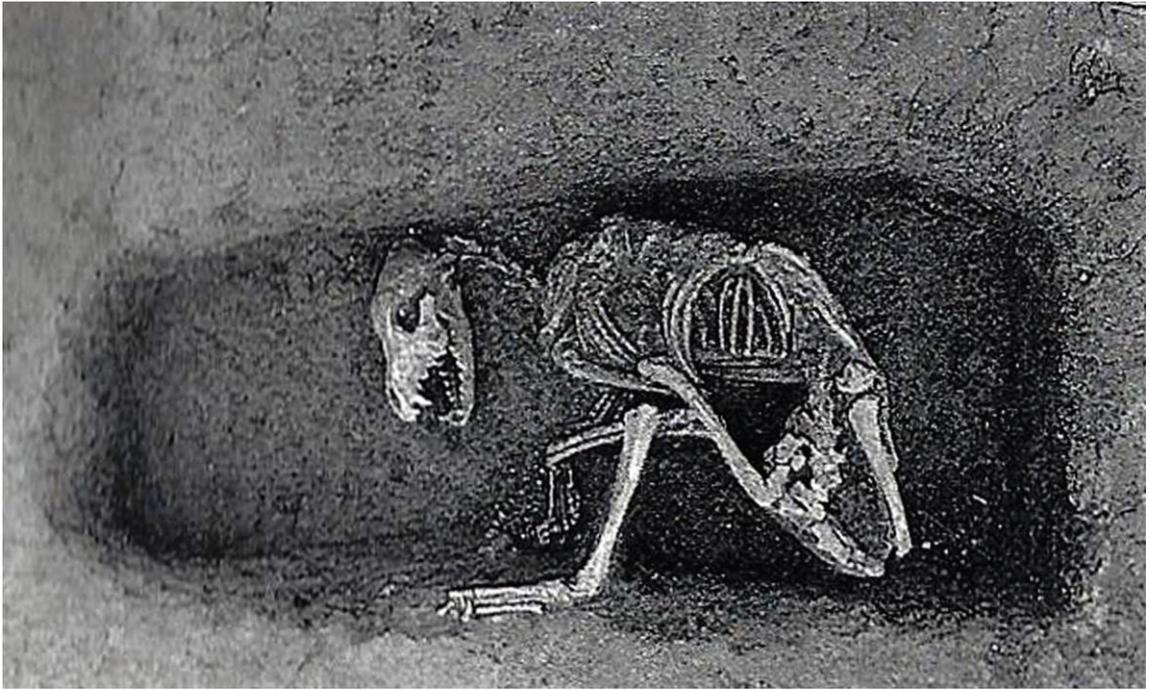

Рис. 37. Жертвенная яма с захоронением собаки на руинах дворца № 5, Шанское городище в Яньши, ранняя Шан [Чжао Чжицюань, Лю Чжунфу, 1988, илл. 1].

Рис. 38. Захоронение собаки в жертвенной яме С9.1Н111, Шанское городище в Чжэнчжоу, ранняя Шан. По: [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 488].

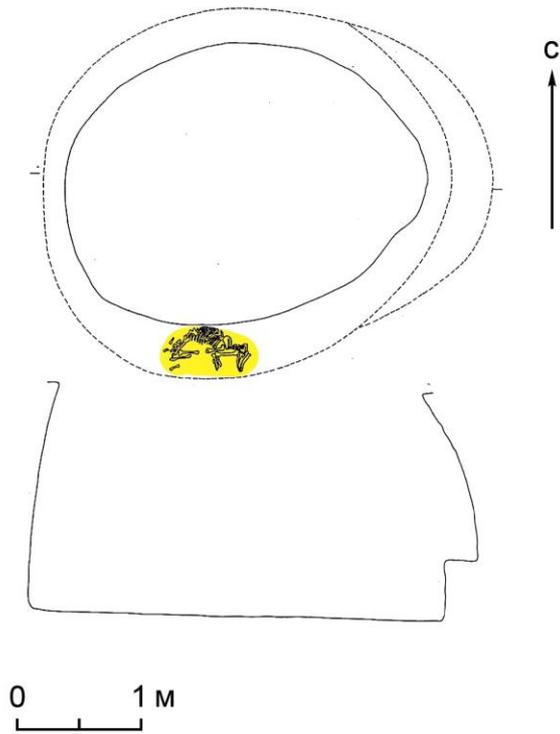

Рис. 39. Захоронение собаки в яме Н105, Шанское городище в Юаньцзюй, культура эрлиган, ранняя Шан. По: [Юаньцзюй Шанчэн, 1996, с. 209].

Рис. 40. Жертвенная яма с захоронением собаки, памятник Сяошуанцяо, средняя Шан [Сун Годин, Ли Сутин, 2002, с. 369].

Рис. 41. Жертвенная яма М2 на кладбище шанских ванов в Аньяне, поздняя Шан.
По: [Ян Баочэн, 1987, с. 1065].

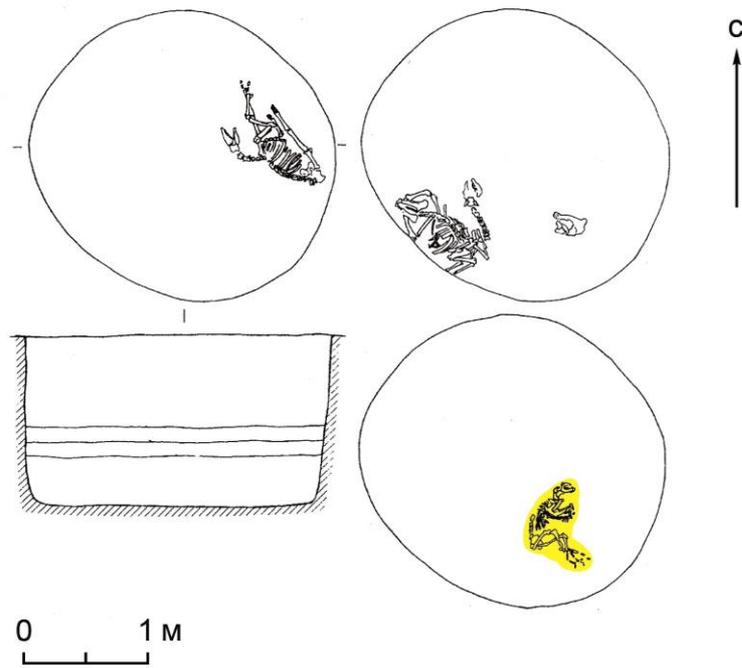

Рис. 42. Яма Н72, памятник Гэцзячжуан, поздняя Шан. По: [Чжу Юнган и др., 2005, с. 22]

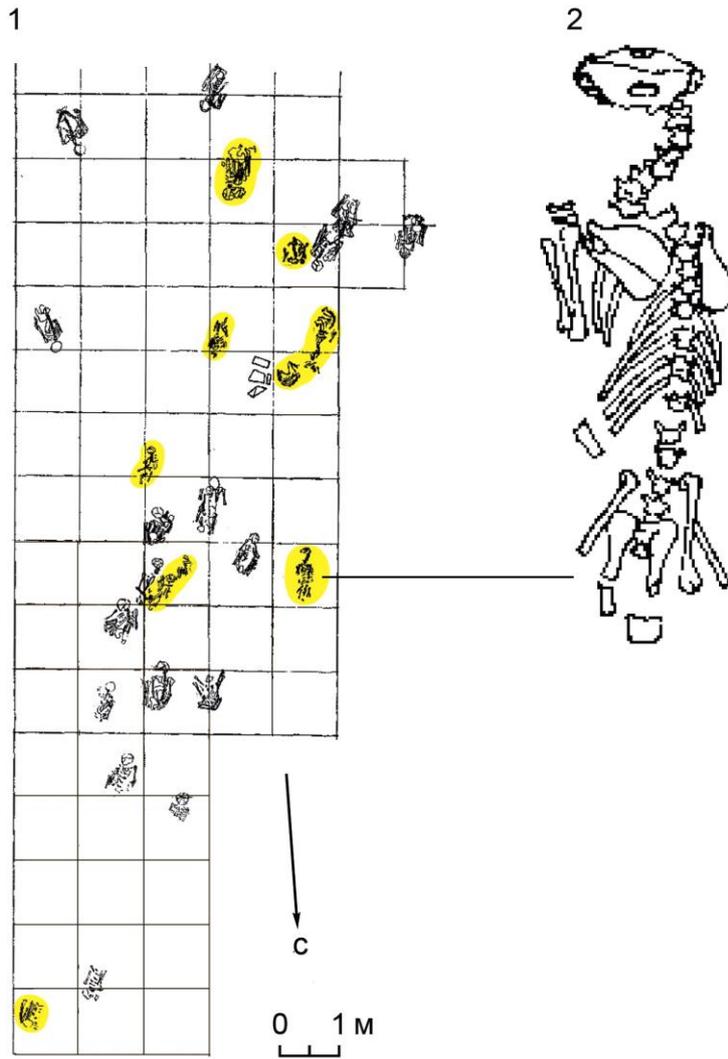

Рис. 43. Захоронения собак на жертвеннике, памятник Цювань, поздняя Шан: 1 – план жертвенника; 2 – захоронение собаки № 20. По: [Цзянсу Туншань Цювань, 1977, с. 77–78].

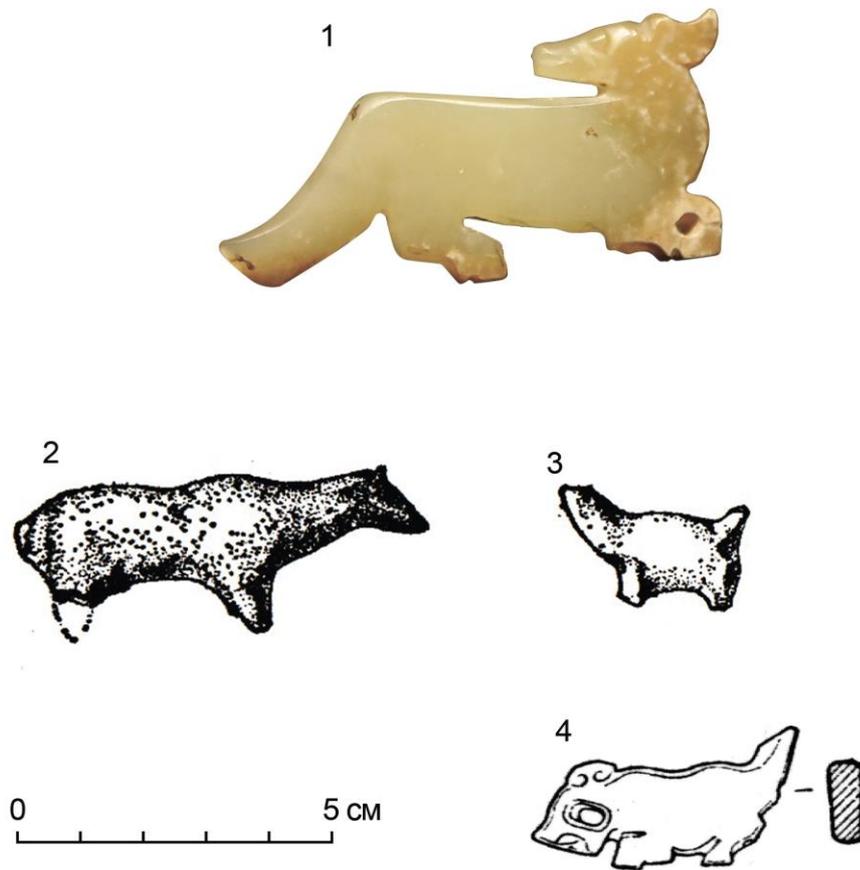

Рис. 44. Изображения собак, Шан-Инь: 1 – фигурка собаки из нефрита, поздняя Шан, Шанхайский музей (фото А. И. Соловьева); 2 – глиняная фигурка собаки; 3 – глиняная фигурка собаки; 4 – нефритовая фигурка собаки, могильник Манчжан, поздняя Шан. По: [Оу Таньшэн, 1986, с. 180].

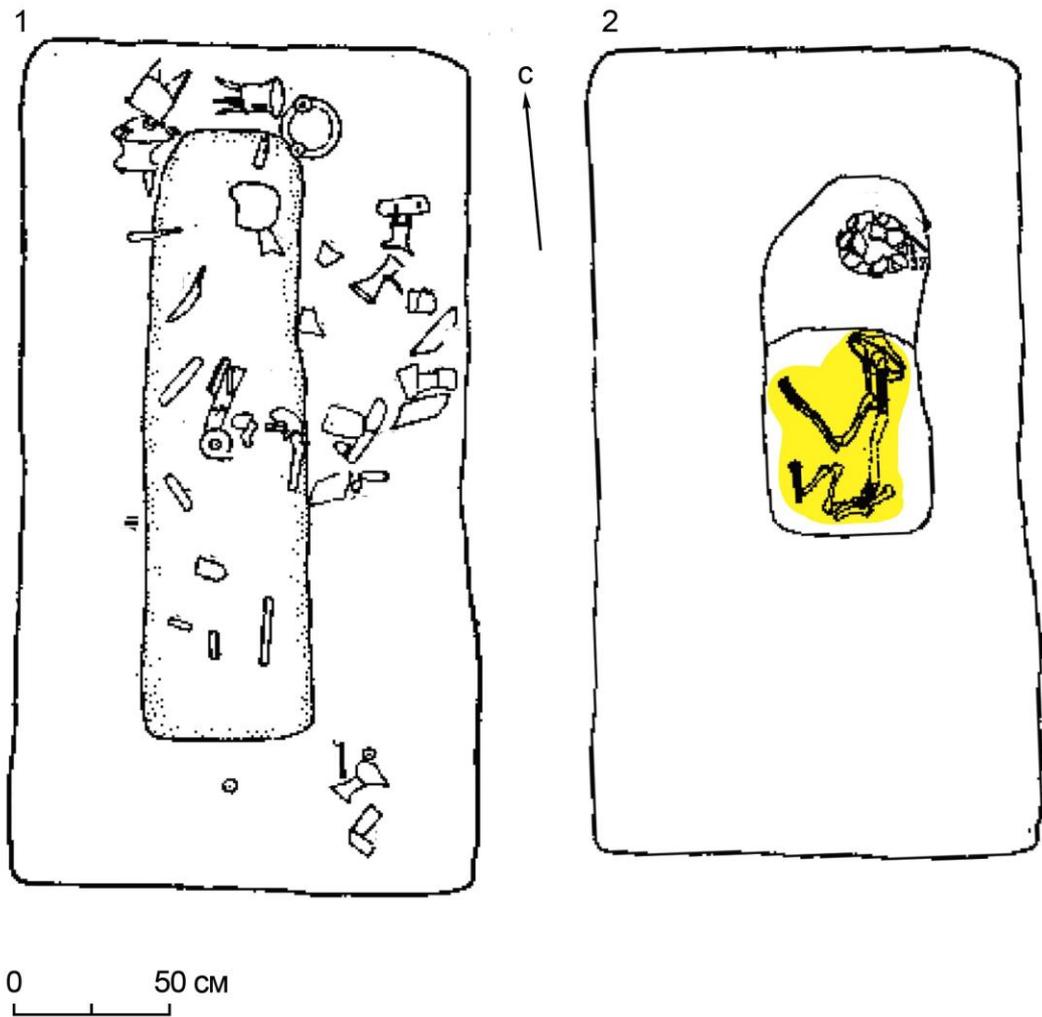

Рис. 45. Погребение М2, Чжэнчжоу, Бэйэрцилу, ранняя Шан: 1 – план погребения; 2 – яокэн с захоронением собаки. По: [Ян Юйбинь, Го Пэйюй, 1983, с. 67, 69].

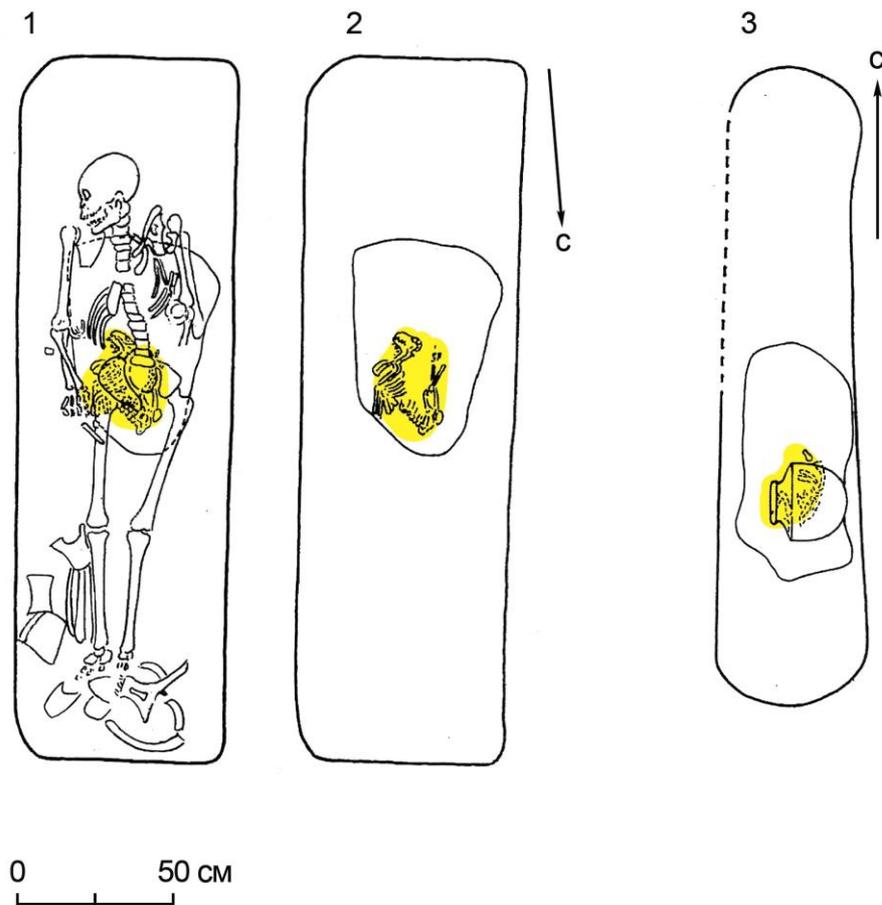

Рис. 46. Захоронения собак в могилах людей, Шанское городище в Чжэнчжоу, ранняя Шан: 1 – погребение С11М148, план; 2 – погребение С11М148, яокэн с захоронением собаки; 3 – погребение М151. По: [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 438].

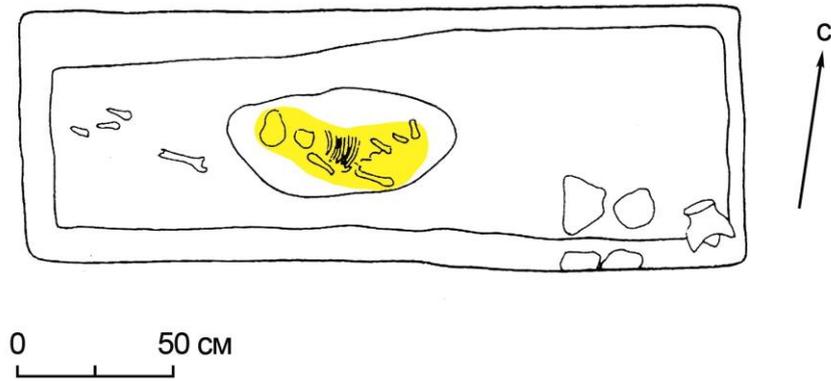

Рис. 47. Погребение С7М103, Шанское городище в Чжэнчжоу, поздняя Шан. По: [Чжэнчжоу Шанчэн, 2001, с. 935].

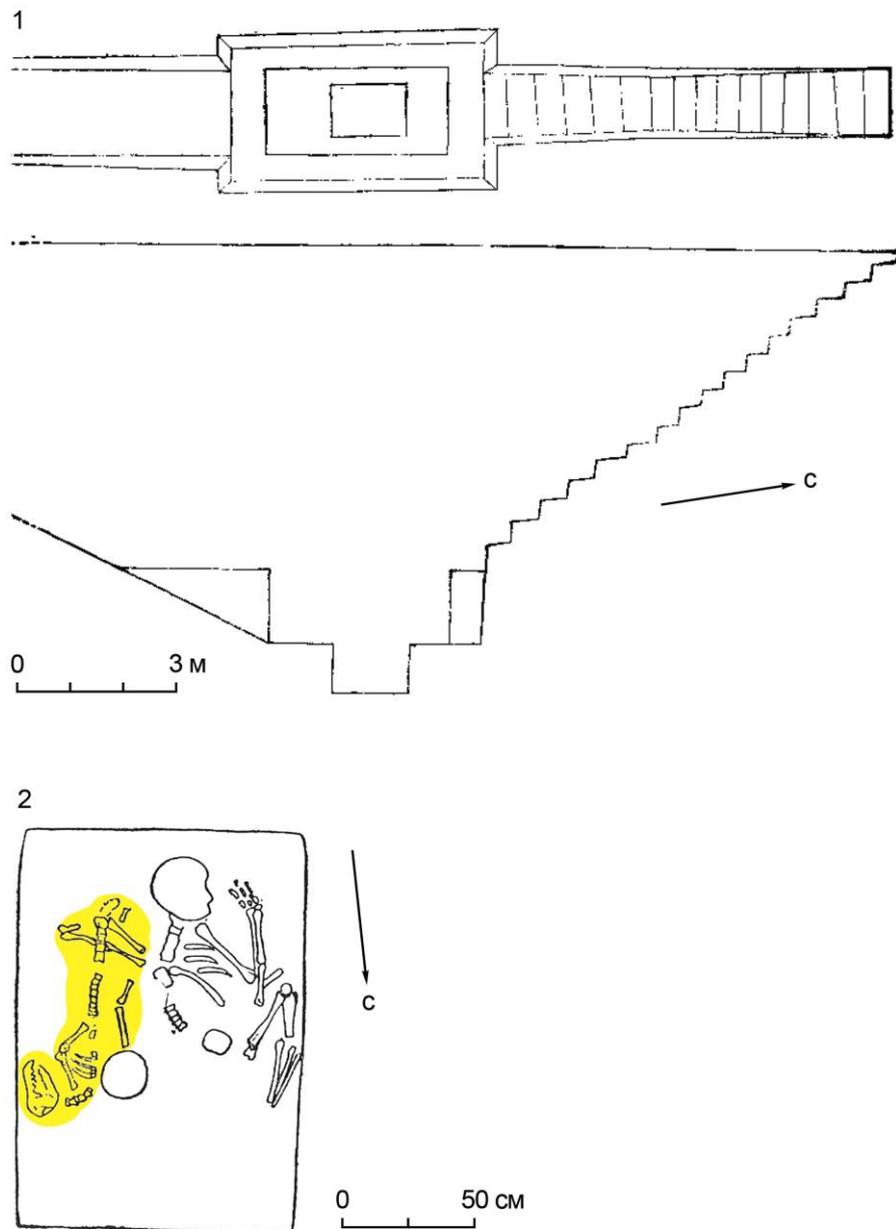

Рис. 48. Погребение М12, Хоуган, поздняя Шан: 1 – план и разрез; 2 – яокэн с захоронением человека и собаки. По: [Сюй Гуандэ, 1993, с. 888–889].

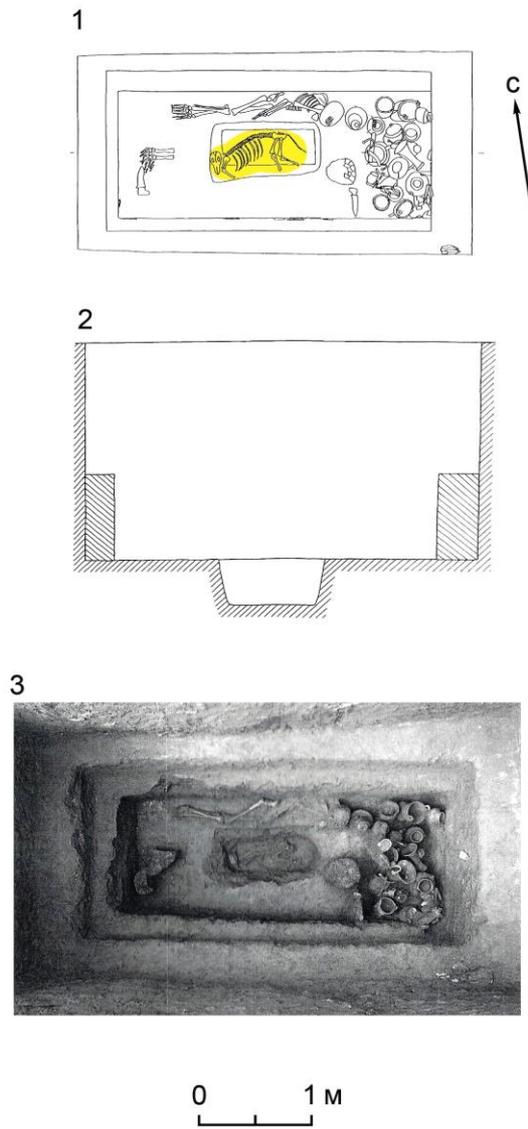

Рис. 49. Погребение 2007RSWM1, памятник Жуншувань, поздняя Шан: 1 – план; 2 – разрез; 3 – фото. По: [Кун Дэмин, Шэнь Минцин, Ли Гуйчан, 2009, с. 28, илл. 3].

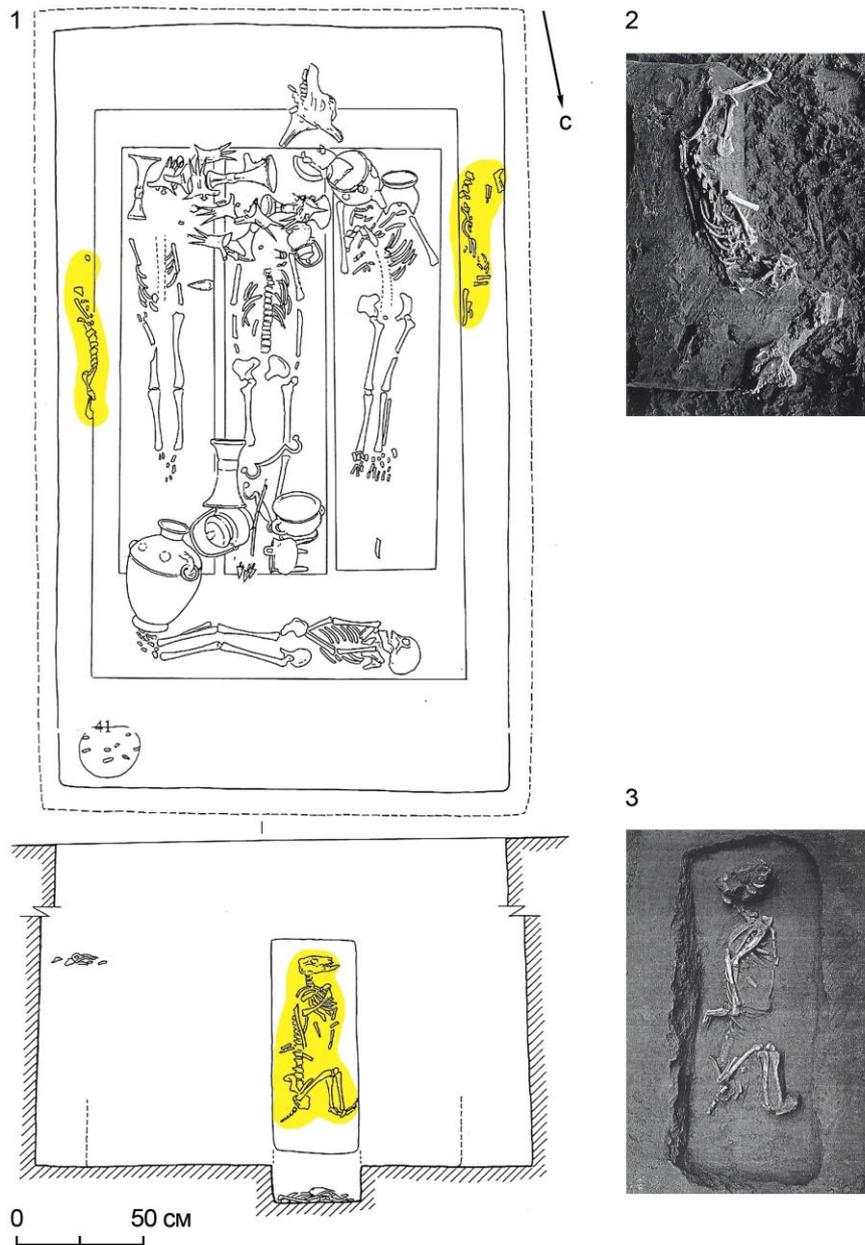

Рис. 50. Погребение М1, памятник Цзинцзе, поздняя Шан: 1 – план, разрез и *яокэн* с захоронением собаки; 2 – захоронением собаки на уступе (фото); 3 – захоронение собаки в *яокэне* (фото). По: [Хай Цзиньлэ, Хань Бинхуа, 2006, с. 15, 20].

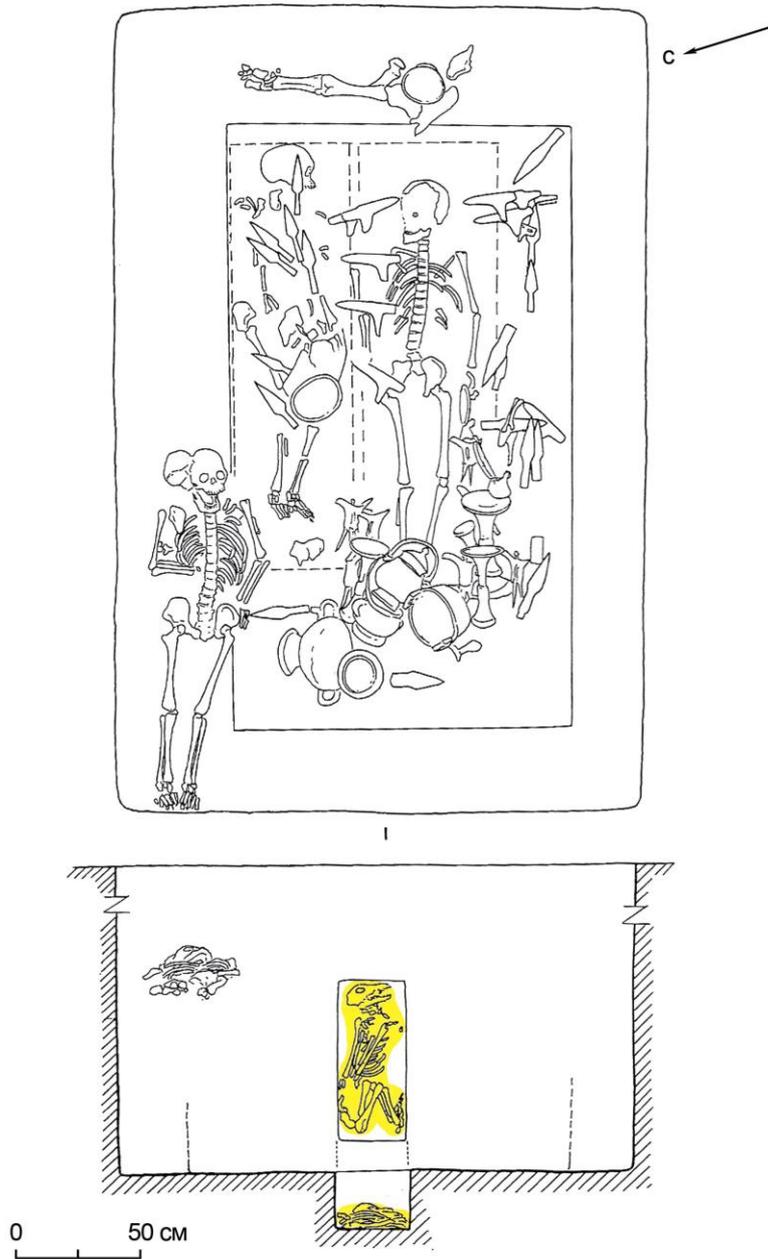

Рис. 51. Погребение М2, памятник Цзинцзе, поздняя Шан. По: [Хай Цзиньлэ, Хань Бинхуа, 2006, с. 96].

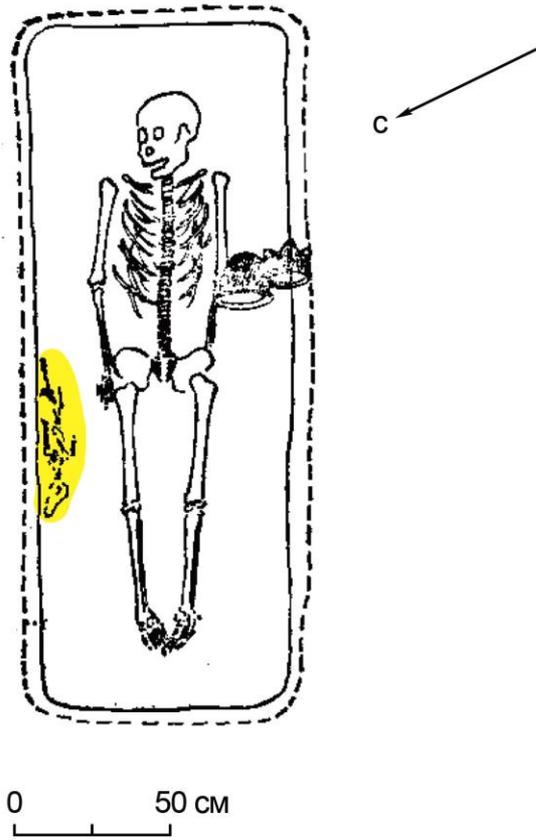

Рис. 52. Погребение М23, памятник Дингун, поздняя Шан. По: [Луань Фэнши и др., 1992, с. 502].

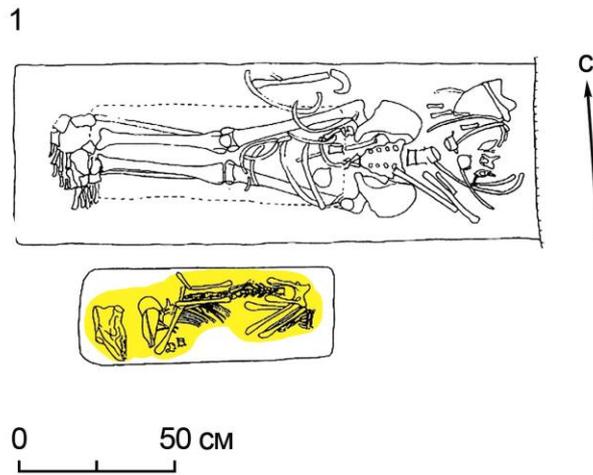

Рис. 53. Погребение М47, памятник Лиу, поздняя Шан: 1 – план могилы и яокэн с захоронением собаки; 2 – захоронение собаки с *яокэне* (фото). По: [Янь Шэндун, Чжан Чжэньго, Тун Пэйхуа, 2010, с. 6, илл. 1].

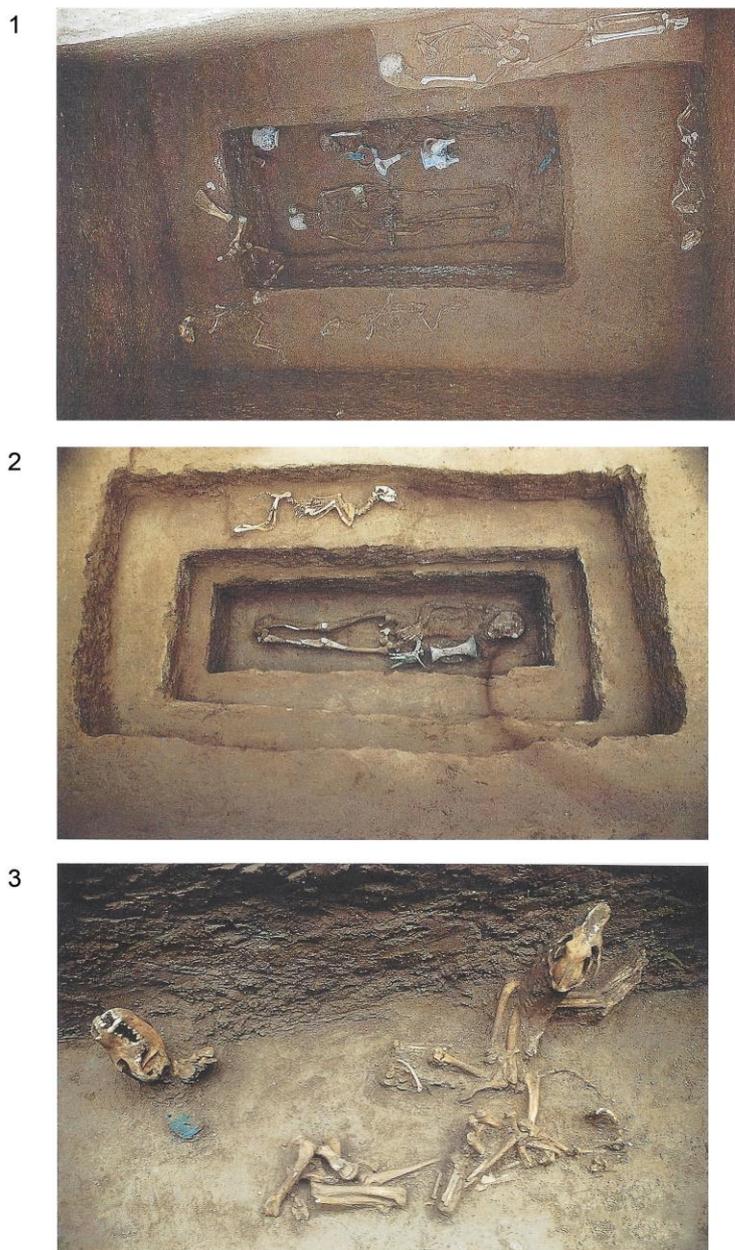

Рис. 54. Захоронения собак на могильнике Бэйчжуанцзы, поздняя Шан: 1 – погребение М89; 2 – погребение М81; 3 – захоронение собаки в погребнии М80. По: [Се Фэй, Ван Хуэйминь, 2002, с. 325–327].

Рис. 55. Интернет-кумирня Пань-вана, главная страница [Яоцзу цзайсянь, б. г.].

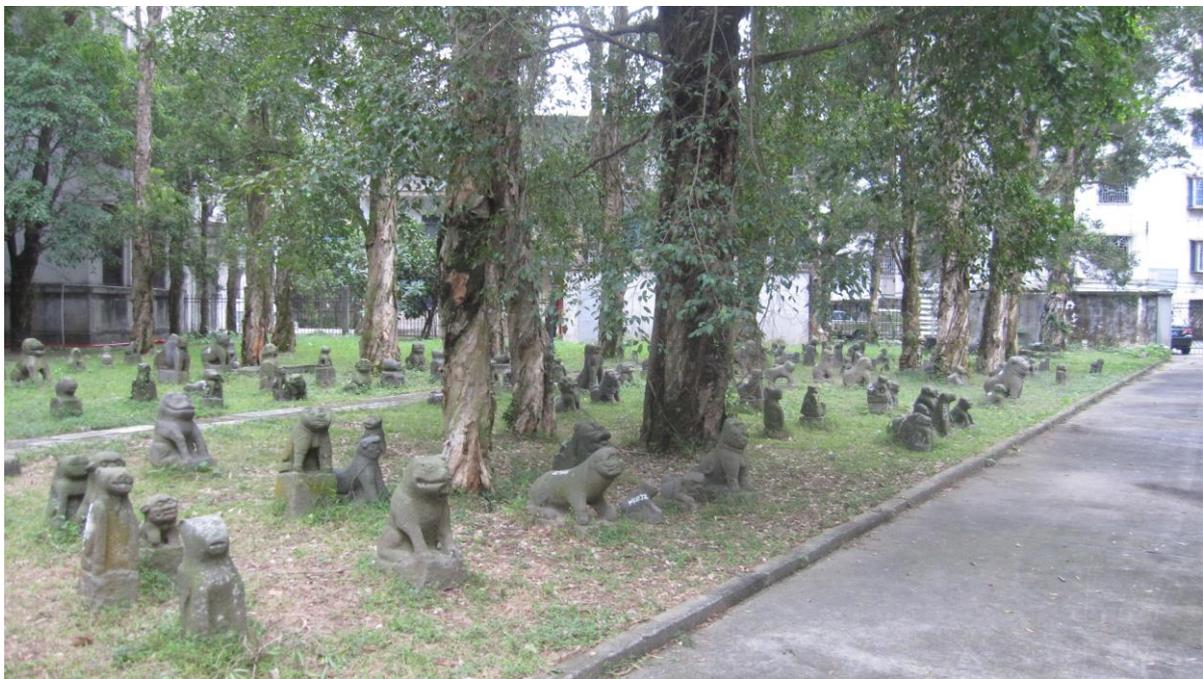

Рис. 56. Каменные скульптуры собак в Музее Чжаныцзяна (здесь и далее – фото автора).

Рис. 57. Каменные скульптуры собак в Музее Лэйчжоу.

Рис. 58. Каменные скульптуры собак в Выставочном зале Музея Лэйчжоу.

Рис. 59. Изображение собаки со щенком. Музей Чжаныцзяна (M0166).

Рис. 60. Скульптура собаки с бубенчиком на шее, зеркалом и помпоном *сюцю*.
Музей Лэйчжоу (S89).

Рис. 61. Изображение собаки с бубенчиков на шее. Музей Чжаньцзяна (M0301).

Рис. 62. Скульптура собаки с изображением репродуктивных органов. Музей Лэйчжоу (S199).

Рис. 63. Скульптура собаки, выполненная в реалистической манере. Музей Лэйчжоу (S299).

Рис. 64. Скульптура собаки с антропоморфными чертами. Музей Лэйчжоу (S134).

Рис. 65. Скульптура собаки с иероглифом *хуан* 皇 («император») на груди. Музей Лэйчжоу (S58).

Рис. 66. Скульптура собаки с узором в виде волют. Музей Чжаньцзяна (M0225).

Рис. 67. Скульптура собаки с рельефно показанным позвоночником. Музей Чжаньцзяна (M0167).

Рис. 68. Скульптура собаки с изображением прически *бянь-фа* (маньчжурская коса). Музей Лэйчжоу (S107).

Рис. 69. Скульптура собаки со следами красной краски. Музей Чжаньцзяна (M0341).

Рис. 70. Скульптура собаки, покрытая желтой краской. Выставочный зал Музея Лэйчжоу (S607).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ К ПРИЛОЖЕНИЯМ

Аньян Иньсюй Гоцзячжуан Шан дай муцзан. [安阳殷墟郭家庄商代墓葬 / 杨光辉责任编辑; Могилы эпохи Шан в Гоцзячжуан [на территории] Иньсюй в Аньяне / Отв. ред. Ян Гуанхуэй]. – Пекин: Чжунго да байкэцюаньшу, 1998. – 194 с.

Аньян Иньсюй Люцзячжуан бэй 1046 хао му. [安阳殷墟刘家庄北 1046 号墓 // 考古学集刊; Погребение № 1046 в северной части Люцзячжуан [на территории] Иньсюй в Аньяне] // Каогусюэ цзикань. – 2004. – Вып. 15. – С. 359–390.

Аньян Иньсюй Хуаюаньчжуан дунди Шандай муцзан. [安阳殷墟花园庄东地商代墓葬; Шанские погребения в восточной части Хуаюаньчжуан [на территории] Иньсюй в Аньяне]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2007. – 398 с.

Го Пэн. Хэнань Аньян Гаолоучжуан нань фасянь и цзо Инь му. [郭鹏。河南安阳高楼庄南发现一座殷墓 // 考古; Иньская могила, обнаруженная к югу от Гаолоучжуан, Аньян, пров. Хэнань] // Каогу. – 1994. – № 5. – С. 391–396.

Го Пэн. Хэнань Аньян Мэйюаньчжуан сидэ и цзо Инь му. [郭鹏。河南安阳梅园庄西的一座殷墓 // 考古; Иньская могила к западу от Мэйюаньчжуан, Аньян, пров. Хэнань] // Каогу. – 1992. – № 2. – С. 187–189.

Го Чживэй. Сяньцинъ яокэн цзансу яньцзю. Боши сюэвэй луньвэнь. [郭志委。先秦腰坑葬俗研究。博士学位论文; Исследование традиции погребений с яокэнами доцинъского периода. Докторская диссертация]. – Пекин: Аспирантура Академии общественных наук КНР, 2010. – 325 с.

Го Чживэй. Шилунь шицянь шици муцзан сюнь цюань сису [郭志委。试论史前时期墓葬殉犬习俗 // 文物; О традиции захоронения собак в могилах в доисторический период] // Вэньбу. – 2012. – № 8. – С. 54–62.

Гу Фэй. 1986 нянь Аньян Дасыкунцунь наньдидэ лян цзо Инь му. [谷飞。1986 年安阳大司空村南地的两座殷墓 // 考古; Две иньские могилы, раскопанные

в южной части дер. Дасыкун [в районе] Аньяна в 1986 году] // Каогу. – 1989. – № 7. – С. 591–597.

Дай Сяхань. 1987 нянь цю Аньян Мэйюаньчжуан наньди Инь мудэ фацзюэ. [戴夏汉。1987 年秋安阳梅园庄南地殷墓的发掘 // 考古; Раскопки иньских могил к югу от Мэйюаньчжуан [в районе] Аньяна осенью 1987 года] // Каогу. – 1991. – № 2. – С. 125–142.

Дин Цзиньлун, Чжан Чжаогэнь, Чэн Чжэньлюй. Цзянсу Куньшань ши Шаоциншань ичжидэ фацзюэ. [丁金龙、张照根、程振旅。江苏昆山市少卿山遗址的发掘 // 考古; Раскопки памятника Шаоциншань в г. Куньшань, пров. Цзянсу] // Каогу. – 2000. – № 4. – С. 32–49.

Дун Хун, Чжан Цзяньчжун. Чжэнчжоу ши Жэньминь гуньюань диэршиу хао Шандай муцзан цинли цзяньбао. [东红、张建中。郑州市人民公园第二十五号商代墓葬清理简报 // 文物参考资料; Краткий отчет о раскопках могилы эпохи Шан № 25 [на памятнике] Жэньминь гуньюань в г. Чжэнчжоу] // Вэньу цанькао цзыляо. – 1954. – № 12. – С. 83–85.

Дэнцзявань: Тяньмэнь шицзяхэ каогу баогао чжи эр [邓家湾: 天门石家河考古报告之二; Дэнцзявань: Второй отчет об археологических раскопках [памятника культуры] Шицзяхэ [в уезде] Тяньмэнь]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2003. – 310 с.

Инь Хуаньчжан, Чжан Чжэнсян. Цзянсу Писянь Люлинь синьшици шидай ичжи дии цы фацзюэ. [尹焕章、张正祥。江苏邳县刘琳新石器时代遗址第一次发掘 // 考古学报; Первый сезон раскопок на неолитическом памятнике Люлинь в уезде Писянь, пров. Цзянсу] // Каогу сюэбао. – 1962. – № 1. – С. 81–102.

Инь Хуаньчжан, Чжан Чжэнсян, Цзи Чжунцин. Цзянсу Писянь Сыху Дадуньцзы ичжи тань цзюэ баогао. [尹焕章、张正祥、纪仲庆。江苏邳县四户大墩子遗址探掘报告 // 考古学报; Отчет о разведке и раскопках памятника Дадуньцзы в поселке Сыху уезда Писянь, пров. Цзянсу] // Каогу сюэбао. – 1964. – № 2. – С. 9–56.

Инь Хуаньчжан, Юань Ин, Цзи Чжунцин. Цзянсу Писянь Люлинь синьшици шидай ичжи диэр цы фацзюэ [尹焕章、袁颖、纪仲庆。江苏邳县刘琳新石器时代遗址第二次发掘 // 考古学报; Второй сезон раскопок на неолитическом памятнике Люлинь в уезде Писянь, пров. Цзянсу] // Каогу сюэбао. – 1965. – № 2. – С. 9–47.

Кун Дэмин, Ван Синчжоу. Хэнань Аньян ши Иньсюй Гоцзячжуан дун-нано у хао Шанхай муцзан. [孔德铭、王兴周。河南安阳市殷墟郭家庄东南五号商代墓葬 // 考古; Погребение эпохи Шан № 5, [расположенное] к юго-востоку от Гоцзячжуан в Иньсюй, г. Аньян, пров. Хэнань] // Каогу. – 2008. – № 8. – С. 22–33.

Кун Дэмин, Шэнь Минцин, Ли Гуйчан. Хэнань Аньян ши Жуншувань и хао Шан му. [孔德铭、申明清、李贵昌。河南安阳市榕树湾一号商墓 // 考古; Шанская могила № 1 в Жуншувань, г. Аньян, пров. Хэнань] // Каогу. – 2009. – № 5. – С. 26–35.

Лаонюпо / Лю Шиэ чжу. [老牛坡 / 刘士羲著; Лоанюпо / Ред. Лю Шиэ]. – Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 2001. – 450 с.

Ли Вэймин, Цзо Чао, Ню Юймэй. Хэнань Гуши Пинчжай гучэн ичжи фацзюэ баогао. [李维明、左超、牛玉梅。河南固始平寨古城遗址发掘报告 // 考古学报; Отчет о раскопках городища Пинчжай в [уезде] Гуши, пров. Хэнань] // Каогу сюэбао. – 2000. – № 3. – С. 331–358.

Ли Сутин, Ли Ипи, Дин Синьгун, Ню Хуэйчжэнь, Хоу Яньфэн. Хэнань Синьян ши Гуаньдимяо ичжи Шандай ваньци ицунь фацзюэ цзяньбао. [李素婷、李一丕、丁新功、牛慧珍、侯彦峰。河南荥阳市关帝庙遗址商代晚期遗存发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках позднешанских объектов на памятнике Гуаньдимяо на территории городского уезда Синьян, пров. Хэнань] // Каогу. – 2008. – № 7. – С. 32–46.

Ли Фаньлин, Сунь Хуайшэн, У Минсинь. Шаньдун Янгу сянь Цзиньянган луншань вэньхуа чэнчжи дяоча юй шицзюэ. [李繁玲、孙淮生、吴铭新。山东阳谷县景阳冈龙山文化城址调查与试掘 // 考古; Исследование и пробные раскопки

гордища культуры луншань Цзиньянаган в уезде Янгу, пров. Шаньдун] // Каогу. – 1997. – № 5. – С. 11–24.

Лу Ляньчэн, Чэнь Чан. Чанъань Фэнси цзао Чжоу муцзан фацзюэ цзилюэ. [卢连成、陈昶。长安沣西早周墓葬发掘纪略 // 考古; Краткий отчет о раскопках раннечжоуских могил в Фэнси, [уезд] Чанъань] // Каогу. – 1984. – № 9. – С. 779–783.

Луань Фэнши, Сюй Хун, Фан Хуэй, Ян Айго. Шаньдун Цзоупин Дингун ичжи диэр, сань цы фацзюэ цзяньбао. [栾丰实、许宏、方辉、杨爱国。山东邹平丁公遗址第二、三次发掘简报 // 考古; Краткий отчет о 2-м и 3-м сезоне раскопок на памятнике Дингун [в уезде] Цзоупин, пров. Шаньдун] // Каогу. – 1992. – № 6. – С. 496–504.

Лунцючжуан: Цзян-Хуай дун бу синьшици шидай ичжи фацзюэ баогао [龙虬庄：江淮东部新石器时代遗址发掘报告 / 张敏主编; Лунцючжуан: отчет о раскопках неолитического памятника в восточной части бассейнов рек Янцзы и Хуанхэ / Гл. ред. Чжан Минь]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1999. – 564 с.

Лю Имань. Иньсюй Гоцзячуан 160 хао мудэ фасянь цзи чжюяо шоухо. [刘一曼。殷墟郭家庄 160 号墓的发现及主要收获 // 考古; Открытие и основные результаты раскопок могилы М160 в Гоцзячжуан, Иньсюй] // Каогу. – 1998. – № 9. – С. 64–74.

Лю Имань, Сюй Гуандэ. 1986–1987 нянь Аньян Хуаюаньчжуан наньди фацзюэ баогао. [刘一曼、徐广德。1986 - 1987 年安阳花园庄南地发掘报告 // 考古学报; Отчет о раскопках к югу от Хуаюаньчжуан [в районе] Аньяна в 1986–1987 гг.] // Каогу сюэбао. – 1992. – № 1. – С. 97–128.

Лян Синпэн. Шэньси Биньсянь Дуаньцзин ичжи фацзюэ баогао. [梁星彭。陕西彬县断泾遗址发掘报告 // 考古学报; Отчет о раскопках памятника Дуаньцзин в уезде Биньсянь, пров. Шэньси] // Каогу сюэбао. – 1999. – № 1. – С. 73–96.

Мэн Сяньу. Аньян Гоцзячжуандэ и цзо Инь му. [孟宪武。安阳郭家庄的一座殷墓 // 考古; Иньская могила в Гоцзячжуан, Аньян] // Каогу. – 1986. – № 8. – С. 713–716, 768.

Мэн Сяньу. Иньсуй Цицзячжуан дун 269 хао му. [孟宪武。殷墟戚家庄东 269 号墓 // 考古学报; Могила М269 к востоку от Цицзячжуан, Иньсуй] // Каогу сюэбао. – 1991. – № 3. – С. 325–352.

Мэн Сяньу, Ли Гуйчан. Хэнань Аньян Гочжуанцунь бэй фасянь и цзо Инь му. [孟宪武、李贵昌。河南安阳郭庄村北发现一座殷墓 // 考古; Иньская могила, обнаруженная к северу от дер. Гочжуанцунь [в районе] Аньяна, пров. Хэнань] // Каогу. – 1991. – № 10. – С. 902–909.

Оу Таньшэн. Лошань Тяньху Шан-Чжоу муду. [欧潭生。罗山天湖商周墓地 // 考古学报; Тяньху – могильник эпох Шан и Чжоу [в уезде] Лошань] // Каогу сюэбао. – 1986. – № 2. – С. 153–197.

Оу Таньшэн. Хэнань Лошань сянь Манчжан Шан дай му дии цы фацзюэ цзяньбао. [欧潭生。河南罗山县蟒张商代墓第一次发掘简报 // 考古; Краткий отчет о первых раскопках шанских погребений в Манчжане, уезд Лошань, пров. Хэнань] // Каогу. – 1981. – № 2. – С. 111–118.

Се Фэй, Ван Хуэйминь. Хочан сядэ гуйцзу ванлин – Динчжоу Шандай муцзан. [谢飞、王会民。货场下的贵族亡灵 – 定州商代墓葬。上册 // 中国十年百大考古新发现; Духи умерших аристократов под товарной станцией – погребения шанской эпохи в Динчжоу] // Сто важнейших новых археологических открытий в Китае 1990–1999. Т. 1]. – Пекин: Вэнь чубаньшэ, 2002. – С. 323–329.

Сичуань Сяванган. [浙川下王岗; [Памятник] Сяванган в [уезде] Сичуань]. – Пекин: Вэнь чубаньшэ, 1989. – 444 с.

Сун Годин, Ли Сутин. Шан вэньхуа чжунчжэнь цзеду – Чэнчжоу Сяошуанцяо ичжи. [宋国定、李素婷。商文化重镇解读 – 郑州小双桥遗址; Реконструкция значения важного поселения культуры Шан – памятника Сяошуанцяо в Чжэнчжоу]

// Сто важнейших новых археологических открытий в Китае 1990-1999. Т. 1]. – Пекин: Вэнь чубаньшэ, 2002. – С. 366–371.

Сун Цзянь, Чжоу Лицзюань, Чэнь Цзе. Шанхай Сунцзян цюй Гуанфулинь ичжи 1999–2000 нянь фацзюэ цзяньбао. [宋建、周丽娟、陈杰。上海松江区广富林遗址 1999 - 2000 年发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках памятника Гуанфулинь в районе Сунцзян, г. Шанхай, в 1999–2000 гг.] // Каогу. – 2002. – № 10. – С. 31–48.

Сюй Гуандэ. Аньян Дасыкунцунь дун-наньдэ Инь му. [徐广德。安阳大司空村东南的殷墓 // 考古; Иньская могила, расположенная в юго-восточной части деревни Дасыкун в Аньяне] // Каогу. – 1988. – № 10. – С. 865–874.

Сюй Гуандэ. Аньян Сюэцзячжуан дун-нань Инь му фацзюэ цзяньбао. [徐广德。安阳薛家庄东南殷墓发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках иньской могилы к юго-востоку от Сюэцзячжуан [в районе] Аньяна] // Каогу. – 1986. – № 12. – С. 1067–1072.

Сюй Гуандэ. Хэнань Аньян ши Гоцзячжуан дун-нань 26 хао му. [徐广德。河南安阳市郭家庄东南 26 号墓 // 考古; Могила M26, расположенная в юго-восточной части деревни Гоцзячжуан в Аньяне, пров. Хэнань] // Каогу. – 1998. – № 10. – С. 36–47.

Сюй Гуандэ. 1991 нянь Аньян Хоуган Инь мудэ фацзюэ. [徐广德。1991 年安阳后冈殷墓的发掘 // 考古; Раскопки иньских могил в Хоугане, Аньян, в 1991 году] // Каогу. – 1993. – № 10. – С. 880–903.

Сюй Гуандэ, Хэ Юйлин. Хэнань Аньян ши Хуаюаньчжуан 54 хао Шандай муцзан. [徐广德、何毓灵。河南安阳市花园庄 54 号商代墓葬 // 考古; Шанское погребение № 54 в Хуаюаньчжуан, г. Аньян, пров. Хэнань] // Каогу. – 2004. – № 1. – С. 7–19.

Сюй Цзи. 1984 нянь цю Цзинань Дасиньчжуан ичжи шицзюэ шуяо. [徐基。1984 年秋济南大辛庄遗址试掘述要 // 文物; Отчет о пробных раскопках

памятника Дасиньчжуан в Цзинани осенью 1984 года] // Вэньу. – 1995. – № 6. – С. 12–27.

Таньшишань вэньхуа ичжи. [晏石山文化遗址; Памятники культуры таньшишань] // Интернет-энциклопедия Байду. URL: <http://baike.baidu.com/view/474378.htm> (дата обращения 05.08.2015).

Тэнчжоу Цяньчжанда муди. [滕州前掌大墓地; Могильник Цяньчжанда [в уезде] Тэнчжоу]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005. – 832 с.

У Чжицзян, Линь Ян, Чжан Яньлин. Чжэнчоу ши Чжаньматунь ичжи яншао вэньхуа ицунь 2009–2010 нянь дэ фацзюэ. [武志江、林杨、张艳玲。郑州市站马屯遗址仰韶文化遗存 2009 - 2010 年的发掘 // 考古; Раскопки объектов, принадлежащих культуре яншао, на памятнике Чжаньматунь, г. Чжэнчжоу, в 2009–2010 гг.] // Каогу. – 2011. – № 12. – С. 58–73.

Уян Цзяху (шан цзюань, ся цзюань). [舞阳贾湖 (上卷、下卷); [Памятник] Цзяху [в уезде] Уян (в 2-х томах)]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. – Т. 1. 1999. – 1042 с.

Фан Хуэй, Чэнь Сюэсян, Дан Хао, Фан Даого. Цзинань ши Дасиньчжуан Шандай цзюйчжи юй муцзан. [方辉、陈雪香、党浩、房道国。济南市大辛庄商代居址与墓葬 // 考古; Дасиньчжуан – поселение и могильник эпохи Шан, г. Цзинань] // Каогу. – 2004. – № 7. – С. 25–33.

Хай Цзиньлэ, Хань Бинхуа. Линши Цзинцзе Шан му. [海金乐、韩炳华。灵石旌介商墓; Шанские могилы [на памятнике] Цзинцзе [в уезде] Линши]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2006. – 232 с.

Ху Цзянь, Цзя Чжицян. Шаньси Утай сянь Янбай ичжи фацзюэ цзяньбао. [胡建、贾志强。山西五台县阳白遗址发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках памятника Янбай в уезде Утай, пров. Шаньси] // Каогу. – 1997. – № 4. – С. 46–57.

Хуан Вэйдун. Хэнань Аньян ши Ваньюйкоу наньди Иньдай ичжидэ фацзюэ. [黄卫东。河南安阳市王裕口南地殷代遗址的发掘 // 考古; Раскопки памятника эпохи Инь к югу от Ваньюйкоу, г. Аньян, пров. Хэнань] // Каогу. – 2004. – № 5. – С. 8–16.

Хуан Шилинь, Ли Сицзин, Ван Кэлинь. Шаньси Сясянь Дунсяфэн луншань вэньхуа ичжи. [黄石林、李锡经、王克林。山西夏县东下冯龙山文化遗址 // 考古学报; Памятник культуры луншань Дунсяфэн в уезде Сясянь, пров. Шаньси] // Каогу сюэбао. – 1983. – № 1. – С. 55–92.

Хуатин: синьшици шидай муди фацзюэ баогао. [花厅：新石器时代墓地发掘报告; Хуатин: отчет о раскопках неолитического могильника]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2003. – 206 с.

Хэ Юйлин. Хэнань Аньян ши Иньсуй Фаньцзячжуан дун-бэйдидэ лян цзо Шан му. [何毓灵。河南安阳市殷墟范家庄东北地的两座商墓 // 考古; Две шанские могилы, [найденные] к северо-востоку от дер. Фаньцзячжуан на территории Иньсуй, г. Аньян, пров. Хэнань] // Каогу. – 2009. – № 9. – С. 41–53.

Хэнань Хуайян «ни ни гоу» – шифан юаньши тутэн ишудэ мэйли. [河南淮阳“泥泥狗” – 释放原始图腾艺术的魅力 // 福客民俗网; «Глиняные собачки» из Хуайяна в пров. Хэнань – очарование первобытного тотемистического искусства] // Сайт «Фолк. Народные обычаи». 15 июня 2007 г. URL: <http://news.folkw.com/www/dongtaizixun/080506798.html> (дата обращения 29.02.2016).

Цзан Чжэньхуа. Цун каогу кань Тайвань. [臧振華。從考古學看臺灣 // 臺灣月刊雙月電子報; Тайвань в свете археологии] // Тайвань юэкань (эл. журнал). – 2007, окт. URL: <http://subtpg.tpg.gov.tw/web-life/taiwan/9610/9610-16.htm> (дата обращения 06.01.2016).

Цзянсу Туншань Цювань гу ичжидэ фацзюэ. [江苏铜山丘湾古遗址的发掘 // 考古; Раскопки древнего памятника Цювань [в районе] Туншань, пров. Цзянсу] // Каогу. – 1973. – № 2. – С. 71–79.

Циньань Дадивань: синьшици шидай ичжи фацзюэ баогао. [秦安大地湾：新石器时代遗址发掘报告; Дадивань, [уезд Циньань]: отчет о раскопках неолитического памятника]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2006. – Т. 2. 946 с.

Чжан Цзяньчжун. Чжэнчжоу Байцзячжуан Шандай муцзан фацзюэ цзяньбао. [张建中。郑州市白家庄商代墓葬发掘简报 // 文物参考资料; Краткий отчет о раскопках погребений эпохи Шан [на памятнике] Байцзячжуна [в районе] г. Чжэнчжоу] // Вэньу цанькао цзыляо. – 1955. – № 10. – С. 24–42.

Чжао Цин, Го Шуин. Чжэнчжоу Шандай ичжи фацзюэ цзяньбао. [赵清、郭书莹。郑州商代遗址发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках памятников эпохи Шан в Чжэнчжоу] // Каогу. – 1986. – № 4. – С. 324–336.

Чжао Цинъюнь, Чжао Шиган, Лю Сяочунь, Чжан Цзинъань. 1958 нянь чунь Хэнань Аньян ши Дасыкун цунь Иньдай муцзан фацзюэ цзяньбао. [赵青云、赵世纲、刘笑春、张静安。1958 年春河南安阳市大司空村殷代墓葬发掘简报 // 考古通讯; Раскопки могил эпохи Инь в Дасыкунцунь [в районе] г. Аньян, пров. Хэнань, весной 1958 года] // Каогу тунсюнь. – 1958. – № 10. – С. 51–62.

Чжао Чжицюань, Лю Чжунфу. Хэнань Яньши Шисянгоу Шанчэн диу хао гундянь цзичжи фацзюэ цзяньбао. [赵芝荃、刘忠伏。河南偃师尸乡沟商城第五号宫殿基址发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках фундамента дворца № 5 на Шанском городище в Шисянгоу, Яньши, пров. Хэнань] // Каогу. – 1988. – № 2. – С. 128–140.

Чжу Юнган, Ли Ипин, Жэнь Яшань, Цзя Цзиньбяо. Хэбэй Синтай ши Гэцзячжуан ичжи 1999 нянь фацзюэ цзяньбао. [朱永刚、李伊萍、任亚珊、贾金标。河北邢台市葛家庄遗址 1999 年发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках памятника Гэцзячжуан [на территории] г. Синтай, пров. Хэбэй, в 1999 году] // Каогу. – 2005. – № 2. – С. 3–27.

Чжунго каогусюэ: Ся Шан цзюань. [中国考古学：夏商卷 / 杨锡璋，高炜主编; Китайская археология: Династии Ся и Шан / Ред. Ян Сичжан, Гао Вэй]. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2003. – 668 с.

Чжэн Жокуй. 1982-1984 нянь Аньян Мяопу бэйди Иньдай ичжидэ фацзюэ. [郑若葵。1982-1984 年安阳苗圃北地殷代遗址的发掘 // 考古学报; Раскопки

памятника иньской эпохи Мяопу бэйди [в районе] Аньяна в 1982-1984 годах] // Каогу сюэбао. – 1991. – № 1. – С. 91–123.

Чжэн Жокуй. 1984 нянь цю Аньян Мяопу бэйди Инь му фацзюэ цзяньбао. [郑若葵。1984 年秋安阳苗圃北地殷墓发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках иньских могил [на памятнике] Мяопу бэйди в Аньяне осенью 1984 года] // Каогу. – 1989. – № 2. – С. 123–138.

Чжэн Жокуй, Сюй Гуандэ. 1980–1982 нянь Аньян Мяопу бэйди ичжи фацзюэ цзяньбао. [郑若葵、徐广德。1980 - 1982 年安阳苗圃北地遗址发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках памятника Мяопу бэйди [в районе] Аньяна в 1980-1982 гг.] // Каогу. – 1986. – № 2. – С. 112–124, 137.

Чжэн Найу, Лян Чжунхэ, Тянь Фуцян. Хэнань Жучжоу Чжуншаньчжай ичжи. [郑乃武、梁中合、田富强。河南汝州中山寨遗址 // 考古学报; Памятник Чжуншаньчжай в [городском уезде] Жучжоу, пров. Хэнань] // Каогу сюэбао. – 1991. – № 1. – С. 57–89.

Чжэнчжоу Шанчэн: 1953–1985 нянь каогу фацзюэ баогао. [郑州商城: 1953 - 1985 年考古发掘报告; Шанское городище в Чжэнчжоу: отчет о раскопках 1953–1985 гг.]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2001. – 1397 с.

Чэнь Хуэй, Цзян Дахуан. Юань Чжаояо ичжи фацзюэ баогао. [陈惠、江达煌。武安赵窑遗址发掘报告 // 考古学报; Отчет о раскопках памятника Чжаояо [в уезде] Уань] // Каогу сюэбао. – 1992. – № 3. – С. 329–364.

Шаньдун Иду Суфутунь дии хао нули сюньцзан му. [山东益都苏埠屯第一号奴隶殉葬墓 // 文物; Могила № 1 в Суфутунь с сопроводительными захоронениями рабов] // Вэньу. – 1972. – № 8. – С. 17–30.

Юаньцзюй Шанчэн. 1985–1987 няньду каньча баогао. [垣曲商城。1985–1986 年度勘察报告; Шанское городище в Юаньцзюй. Отчет об исследованиях 1985–1986 гг.]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1996. – Т. 1. – 338 с.

Юэ Хунбинь, Юэ Чжаньвэй. Хэнань Аньян ши Иньсюй Люцзячжуан бэйди 2008 нянь фацзюэ цзяньбао. [岳洪彬、岳占伟。河南安阳市殷墟刘家庄北地 2008

年发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках 2008 года [в местности] к северу от Люцзячжуан в Иньсуй, г. Аньян, пров. Хэнань] // Каогу. – 2009. – № 7. – С. 24–38.

Ян Баочэн. Аньян Угуаньцунь бэйди Шандай цзисыкэндэ фацзюэ. [杨宝成。安阳武官村北地商代祭祀坑的发掘 // 考古; Раскопки жертвенных ям эпохи Шан к северу от дер. Угуаньцунь [в районе] Аньяна] // Каогу. – 1987. – № 12. – С. 1062–1070, 1145.

Ян Баочэн, Ян Сичжан. Иньсуй 259, 260 хао му фацзюэ цзяньбао. [杨宝成、杨锡璋。殷墟 259、260 号墓发掘报告 // 考古学报; Отчет о раскопках погребений 259 и 260 в Иньсуй] // Каогу сюэбао. – 1987. – № 1. – С. 99–117.

Ян Сичжан. Аньян Иньсуй Саньцзячжуан дундэ фацзюэ. [杨锡璋。安阳殷墟三家庄东的发掘 // 考古; Раскопки к востоку от Саньцзячжуан [на территории] Иньсуй [в районе] Аньяна] // Каогу. – 1983. – № 2. – С. 126–132.

Ян Сичжан. 1987 нянь ся Аньян Гоцзячжуан дун-нань Инь мудэ фацзюэ. [杨锡璋。1987 年夏安阳郭家庄东南殷墓的发掘 // 考古; Раскопки иньских могил в юго-восточной части Гоцзячжуан в Аньяне летом 1987 года] // Каогу. – 1988. – № 10. – С. 875–881.

Ян Сичжан, Лю Имань. Аньян Гоцзячжуан 160 хао му. [杨锡璋、刘一曼。安阳郭家庄 160 号墓 // 考古; Погребение № 160 в Гоцзячжуан, Аньян] // Каогу. – 1991. – № 5. – С. 390–391.

Ян Сичжан, Тан Цзигэнь. Хэнань Аньян Иньсуй Люцзячжуан бэйди Инь му юй Си Чжоу му. [杨锡璋、唐际根。河南安阳殷墟刘家庄北地殷墓与西周墓 // 考古; Иньские и западночжоуские погребения к северу от Люцзячжуан, Иньсуй, [в районе Аньяна], пров. Хэнань] // Каогу. – 2005. – № 1. – С. 7–23.

Ян Цзэмэн. Нэй Мэнгу Уланьчабу мэн Шихушань ичжи фацзюэ цзияо. [杨泽民。内蒙古乌兰察布盟石虎山遗址发掘纪要 // 考古; Краткий отчет о раскопках памятника Шихушань в аймаке Уланчаб, Внутренняя Монголия] // Каогу. – 1998. – № 12. – С. 1–12.

Ян Юйбинь, Го Пэйюй. Чжэнчжоу Бэйэрцилу синь фасянь сань цзо Шан му. [杨育彬、郭培育。郑州北二七路新发现三座商墓 // 文物; Три недавно обнаруженные могилы эпохи Шан [на памятнике] Бэйэрцилу в Чжэнчжоу] // Вэньу. – 1983. – № 3. – С. 60–77.

Янь Шэндун, Чжан Чжэньго, Тун Пэйхуа. Шаньдун Янсинь сянь Лиу ичжи Шанхай ицунь фацзюэ цзяньбао. [燕生东、张振国、佟佩华。山东阳信县李屋遗址商代遗存发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках комплекса эпохи Шан на памятнике Лиу в уезде Янсинь, пров. Шаньдун] // Каогу. – 2010. – № 3. – С. 3–17.

Яньши Эрлитоу. [偃师二里头; [Памятник] Эрлитоу в Яньши]. – Пекин: Чжунго дабайкэцюаньшу чубаньшэ, 1999. – 410 с.

1971 нянь Аньян Хоуган фацзюэ цзяньбао. [1971 年安阳后冈发掘简报 // 考古; Краткий отчет о раскопках [памятника] Хоуган в Аньяне в 1971 году] // Каогу. – 1972. – № 3. – С. 14–25.

1998 нянь – 1999 нянь Аньян Хуаньбэй Шанчэн Хуаюаньчжуан дунди фацзюэ баогао. [1998 年 – 1999 年安阳洹北商城花园庄东地发掘报告 // 考古学集刊; Отчет о раскопках в восточной части [памятника] Хуаюаньчжуан [на территории] Шанского городища к северу от р. Хуаньхэ [в районе] Аньяна] // Каогусяэ цзикань. – 2004. – Вып. 15. – С. 296–358.